

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Я. Н. Гузеватый

ПРОБЛЕМЫ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ СТРАН АЗИИ,
АФРИКИ
И ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1970

Ответственный редактор
В. Л. ТЯГУНЕНКО

Книга представляет собой первый в советской литературе труд, посвященный исследованию демографических аспектов основных проблем экономически менее развитых стран мира, в том числе современной демографической ситуации и перспектив ее развития, внутренней миграции и урбанизации, занятости и продовольственного положения, образования и подготовки кадров. Излагаются некоторые вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения и критикуются антинаучные буржуазные концепции, анализируются причины и содержание так называемого демографического взрыва, рассматриваются мероприятия правительств ряда стран по контролю над рождаемостью, а также показано влияние проблем народонаселения африканских и латиноамериканских стран на мировую экономику и политику.

Введение

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Азия, Африка и Латинская Америка — три обширных региона, на территории которых проживает две трети всего мирового населения, — стали в современную эпоху ареной грандиозных политических свершений. Всего за пятнадцать лет после окончания второй мировой войны под ударами национально-освободительных революций рухнула колониальная система империализма и на месте бывших колоний и полуколоний возникли десятки суверенных национальных государств.

Завоевание государственной независимости, однако, еще не означало и не означает для подавляющего большинства освободившихся от колониализма стран окончания борьбы за национальную независимость. Империалистические державы не отказываются от попыток силой оружия подавить национально-освободительные движения и восстановить свои утраченные позиции, развязывают войны, организуют реакционные перевороты, насаждают и поддерживают антинародные режимы. Достаточно упомянуть среди таких агрессивных действий англо-голландскую, а затем голландскую интервенцию в Индонезии в 1945—1949 гг., англо-французскую интервенцию в Египте в 1956 г., провокационные империалистические происки против Кубы, вооруженное вмешательство США во внутренние дела Доминиканской Республики и Панама, израильскую агрессию против арабских народов на Ближнем Востоке и, конечно, войну американских империалистов во Вьетнаме.

И все же для освободившихся стран значительно более сложной задачей, нежели отражение прямых империалистических агрессий, является борьба за достиже-

ние экономической независимости, за преодоление порожденной колониализмом крайней экономической отсталости, против господства мировых капиталистических монополий, стремящихся увековечить эту отсталость и сохранить старую колониальную эксплуатацию в новых формах с использованием новых методов под привлекательными вывесками «рационального международного разделения труда», экономической и технической помощи и т. п.

До тех пор пока освободившиеся страны остаются в системе мирового капиталистического хозяйства, государственный суверенитет сам по себе не может служить сколько-нибудь надежной преградой экономической экспансии империализма. В свое время В. И. Ленин указывал, что нельзя говорить о *национальном* освобождении, оставляя в тени *экономическое* освобождение, так как именно это последнее есть главное [20, стр. 187].

«Господство финансового капитала, как и капитала вообще, — писал он, — неустранимо *никакими* преобразованиями в области политической демократии; а самоопределение всецело и исключительно относится к этой области» [22, стр. 254]. Наглядное подтверждение справедливости ленинских слов — история большинства стран Латинской Америки, которые, хотя и обладают государственной самостоятельностью вот уже полтора столетия, до самого последнего времени оставались заповедным полем хозяйничанья монополистического капитала США.

Именно на основе длительного тяжелого колониального гнета в его явной и скрытой формах, обрекшего афро-азиатские и латиноамериканские народы на отсталое существование, возникло специфическое единство главных экономических и политических проблем так называемого «третьего мира» (т. е. экономически отсталых стран, не входящих ни в мировую социалистическую систему, ни в группу высокоразвитых капиталистических держав), несмотря на различия исторических судеб, характера общественных отношений, степени национального освобождения, хозяйственного положения и т. д. отдельных объединяемых этим условным понятием стран и регионов. Все эти различия, как бы велики иногда они ни были, отходят на второй план перед генеральной закономерностью, заключающейся в том, что прогрессивное общественное развитие освободившихся стран неизбежно имеет антиимпериалистическое содержание, что оно не

может происходить иначе, как в борьбе с политическим господством империализма за завоевание и упрочение политической независимости, государственной самостоятельности, а затем — на втором этапе — в борьбе с экономическим господством империализма за преодоление экономической отсталости, создание независимой национальной экономики, повышение жизненного уровня народа.

Благодаря своей антиимпериалистической направленности национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки стало одной из основных революционных сил современности наряду с мировой системой социализма и международным рабочим классом; причем роль национально-освободительного движения в мировом революционном процессе продолжает возрастать, особенно в связи с переходом некоторых стран на некапиталистический путь развития. Нет сомнения, что направление, характер дальнейшего общественного развития афро-азиатских и латиноамериканских стран в большой степени определяют перспективы великой борьбы человечества за полное освобождение от всех форм угнетения и эксплуатации, за утверждение на земле мира и социальной справедливости.

Вполне понятны поэтому то особое внимание, которое уделяет международная общественность проблемам национально-освободительного движения и социально-экономического развития в Азии, Африке и Латинской Америке, и та напряженная идеологическая борьба, которая происходит вокруг этих проблем между силами реакции и прогресса. Выражая интересы международного империалистического капитала, реакционные ученые и публицисты фабрикуют различные «теории», имеющие задачей замаскировать экономическую эксплуатацию молодых национальных государств, удержать их в сфере империалистического господства, направить их развитие в интересах укрепления капитализма. Усилиям империалистической идеологии противостоит прогрессивная мировая наука, указывающая «третьему миру» столбовую дорогу к подлинному национальному возрождению и экономическому процветанию.

В этом отношении трудно переоценить теоретическое и практическое значение научных исследований проблем афро-азиатских и латиноамериканских стран, осуществляемых советскими учеными. Квалифицированные спе-

циалисты и научные коллективы, особенно в рамках Академии наук СССР, изучают обширный круг экономических, социальных, политических, исторических и других вопросов, общих для всего «третьего мира» или имеющих конкретное проявление в отдельных регионах и странах. Только за последние два-три года был опубликован ряд весьма интересных и содержательных коллективных научных трудов и индивидуальных монографий, защищены многочисленные диссертации, посвященные исследованию самых различных аспектов прошлого, настоящего и перспективного общественного развития афро-азиатских и латиноамериканских стран*. Однако, отмечая присущую в целом этим исследованиям глубину разработки многих сложных проблем, оригинальность теоретических обобщений и актуальность практических выводов, нельзя вместе с тем не обратить внимания на одну их общую, весьма характерную особенность: они, как правило, обходят вопрос о демографических факторах в общественном развитии.

А между тем для стран Азии, Африки и Латинской Америки, где происходят не только большие политические и социально-экономические изменения, но и весьма существенные демографические сдвиги, этот вопрос отнюдь не второстепенный. Сложившаяся здесь к настоящему времени демографическая ситуация чревата серьезными осложнениями для многих афро-азиатских и латиноамериканских государств, и без учета этого обстоятельства нельзя правильно оценить ни их нынешнее внутреннее положение, ни перспективы дальнейшего развития. Более того, обостряющиеся в связи с действием демографических факторов проблемы народонаселения развивающихся стран приобретают также важное международное значение, начинают играть активную роль в мировой экономике и политике.

Отмеченная недооценка демографических факторов при исследовании социально-экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, конечно, не случайна. Она объясняется все еще недостаточной разработанностью общей теории народонаселения. В частности, спорными остаются вопросы о сущности и формах проявления циклов народонаселения, о характере де-

на эти научные труды упомянуты в приложении к журналу «Мировая экономика и статистика».

мографических закономерностей и предмете демографий, о содержании демографической политики и ее общественном значении и пр. Вот почему, прежде чем приступить к анализу конкретной действительности афро-азиатских и латиноамериканских стран с учетом демографических факторов, необходимо, хотя бы кратко, в пределах настоящего введения, изложить суть этих общетеоретических вопросов в свете все еще сохраняющихся разногласий*.

Долгое время проблемы народонаселения изучались лишь в связи с образованием относительно избыточного рабочего населения в процессе накопления капитала независимо от демографической ситуации, а столь же реальные явления, возникающие в экономике и политике именно под воздействием демографических факторов, либо просто игнорировались, либо неправомерно отождествлялись с ненаучными, буржуазно-апологетическими измышлениями мальтузианцев. Упрощенно предполагалось, что при любых условиях увеличение людских ресурсов есть положительный фактор, благоприятствующий социально-экономическому развитию, поскольку создание всех материальных и духовных благ в конечном счете зависит от человеческого труда, и, следовательно, трудящийся, производитель с этой точки зрения никогда не может быть «лишним».

Однако в реальной действительности развивающихся стран положение оказывается значительно более сложным, чем это можно было ожидать, исходя из абстрактных заключений. В условиях унаследованных от эпохи колониализма экономической и культурной отсталости, отсутствия необходимых для радикального переустройства экономики капиталов и квалифицированных кадров добавочные людские ресурсы начинают играть отрицательную роль. Прежде всего высокий прирост населения усугубляет неблагоприятные последствия действия капиталистического закона народонаселения; но даже с ликвидацией производственных отношений капитализма, как показал опыт КНР, Кубы и некоторых молодых национальных государств, вступивших на некапиталистический путь, проблемы народонаселения отнюдь не ре-

* Свою точку зрения по некоторым спорным положениям теории народонаселения автор ранее сформулировал в отдельных научных докладах и статьях, упомянутых в прилагаемом к книге списке использованной литературы.

шаются сами собой. Более того, они возникают — правда, на иной основе и в ином проявлении — также и в достаточно развитой социалистической экономике.

Происходящая среди советских ученых постепенная переоценка всех этих факторов, заметная активизация марксистской мысли в изучении проблем народонаселения явились естественным результатом последовательного укрепления в нашей стране научных основ коммунистического строительства. Осуществление хозяйственной реформы, направленной на дальнейшее повышение эффективности социалистического производства Советского Союза, не только помогает нашим общественным наукам, в том числе и научным демографическим исследованиям, освобождаться от элементов вульгаризаторства и догматизма, но и привлекает к проблемам народонаселения возрастающее внимание административно-хозяйственных органов. Недаром в работе состоявшихся за последнее время многочисленных всесоюзных научных совещаний по демографии в равной мере участвовали и ученые и практики самой различной специализации: демографы, экономисты, географы, этнографы, медики, градостроители, специалисты из плановых, статистических и административных учреждений*. Эти совещания подвергли всестороннему обсуждению существующую в стране демографическую ситуацию, определили основные задачи в изучении народонаселения, наметили пути достижения более рационального и эффективного использования трудовых ресурсов и, главное, способствовали более глубокому теоретическому осмысливанию демографических процессов, что в свою очередь позволило по-новому подойти к изучению проблем мирового населения,

* Одно перечисление тематики и географии проведения таких совещаний наглядно демонстрирует наступление нового этапа в развитии советской демографической науки и дает достаточно ясное представление о наиболее актуальных вопросах, требующих скорейшего практического решения. Только в 1965—1968 гг. состоялись весьма представительные и плодотворные всесоюзные конференции по проблемам: народонаселения Средней Азии (Ташкент, сентябрь 1965 г.), формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Крайнего Севера (Магадан, февраль 1966 г.), демографической науки на Украине (Киев, октябрь 1966 г.), марксистско-ленинской теории народонаселения (Москва, ноябрь 1966 г.), географии населения (Москва, январь — февраль 1967 г.), миграции населения (Ростов-на-Дону, май 1967 г.), демографических исследований и прогнозирования населения (Чебоксары, июль 1967 г.), народонаселения Закавказья (Ереван, ноябрь 1968 г.).

и в частности актуальных проблем народонаселения развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки*. Демографические совещания послужили большим стимулом для расширения фронта исследований в области народонаселения и увеличения числа оригинальных научных публикаций.

Одновременно с расширением фронта демографической науки и углублением научных демографических исследований усиливался интерес к актуальным проблемам народонаселения широких кругов советской общественности. Газеты и журналы самого различного направления стали все чаще публиковать статьи по демографической тематике. Иногда это была лишь непритязательная дань моде, но чаще такие статьи имели серьезное значение, способствуя выработке более правильных взглядов на некоторые спорные вопросы.

В этой связи заслуживает специального упоминания дискуссия по проблемам мирового населения, развернув-

* Советские учёные все более активно участвуют в международной демографической деятельности. Так, когда в сентябре 1965 г. в Белграде собралась вторая Всемирная конференция ООН по проблемам народонаселения, на нее прибыла советская делегация в составе 27 специалистов, принявших участие в обсуждении по существу всех 23 намеченных программой конференции тем по демографическим, экономическим, социальным, географическим, культурно-образовательным, медицинским и другим аспектам проблем народонаселения. Для сравнения можно напомнить, что в 1954 г. на проведенной в Риме первой Всемирной конференции ООН присутствовало только три советских представителя, которые ставили перед собой весьма ограниченные задачи.

Серия демографических совещаний с участием советских специалистов состоялась в социалистических странах Восточной Европы — Чехословакии, Польше, Венгрии, ГДР. Под девизом «Демография — активный фактор социалистического преобразования общества» прошел Международный демографический симпозиум социалистических стран в Лейпциге в сентябре 1966 г. Организованный Институтом математической статистики университета им. К. Маркса, этот симпозиум был посвящен главным образом анализу взаимодействия экономики и демографии в социалистическом строительстве и, в частности, вопросам применения математических методов в демографических исследованиях. Последним из числа этих важных демографических совещаний явился Международный симпозиум по вопросам воспроизводства населения в Варне (Болгария) в сентябре 1968 г., участники которого обсудили состояние, развитие и перспективы рождаемости и смертности в странах с различным уровнем экономического и культурного развития; а также возможности воздействовать при помощи демографической политики на процессы воспроизводства населения.

шаяся на страницах «Литературной газеты», органа правления Союза писателей СССР (№№ 33, 139, 142, 152 за 1965 г. и №№ 23, 27, 62 и 68 за 1966 г.), в ходе которой отмечался реальный характер проблем, создаваемых в современном мире беспрецедентным ростом населения, и высказывались предостережения против слишком упрощенного к ним подхода*.

Эта дискуссия не только оказалась в центре внимания советских читателей, но и получила широкий резонанс за рубежом. Буржуазная пресса [например, газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» от 16 декабря 1965 г. и «Майнити дейли ньюс» (Токио) от 5 апреля 1966 г.] сообщали о ней в сенсационном духе, как об «идеологическом прорыве», «переосмысливании проблем народонаселения», «новом образе мышления» и т. п. Значительно более обстоятельное изложение дискуссии было опубликовано в материалах конгресса США, посвященных анализу новых направлений в советской экономике [294], в документах ежегодного собрания Американской ассоциации по вопросам народонаселения [293] в октябрьском номере за 1967 г. издаваемого в Вашингтоне журнала «Попюлейшн булитин».

Обсуждение проблем мирового населения на страницах «Литературной газеты» послужило поводом для аналогичной дискуссии в журнале «Марксизм тудей», теоретическом органе Коммунистической партии Великобритании. Она проходила с июня 1966 г. по март 1967 г. и отразила взгляды ряда видных специалистов, включая проф. Джона Бернала. Во вводной статье, озаглавленной «Есть ли место для Homo sapiens?», ее автор, известный публицист и общественный деятель Айвор Монтегю, привел обширные выдержки из высказываний советских ученых, опубликованных «Литературной газетой», и солидаризировался с точкой зрения тех, кто признает серьезный характер обсуждаемой проблемы

* В марте 1965 г. газета опубликовала перевод статьи американской писательницы Марии Маннес «Угрожающее многолюдье», сопроводив ее ответом советского экономиста В. Чепракова. Эти статьи и послужили поводом для дискуссии, которая началась спустя восемь месяцев с выступления известного демографа проф. Б. Урланиса. В научном споре по поводу вопросов, затронутых в статье проф. Урланиса, приняли участие академик С. Струмилин, доктор экономических наук М. Колганов, член коллегии ЦСУ СССР кандидат экономических наук П. Подъячих, кандидат философских наук Э. Араб-Оглы, журналист Г. Герасимов и автор этих строк.

и необходимость без предубеждения изучать возможности демографической политики. Подводя итоги дискуссий, он писал: «Проблема народонаселения (общая численность мирового населения по отношению к ресурсам и нынешние темпы роста первого по отношению к нынешним перспективам эксплуатации последних) так изменилась по своему характеру с середины прошлого века (примерного времени полемики Маркса с Мальтусом), что необходим свежий взгляд со стороны марксистов» [322а, стр. 90].

Именно настоятельная потребность «свежего взгляда» на проблемы народонаселения, более тщательного учета современных демографических тенденций, конкретного анализа сегодняшней действительности определяет сущность упомянутых выше дискуссий в печати и на многочисленных конференциях. Речь идет, разумеется, не о какой-то сдаче марксистских позиций мальтузианству, как то пытается представить буржуазная пропаганда, а об освобождении этих позиций от ослабляющего их бремени вульгаризаторства и догматизма, об утверждении подлинно марксистского диалектического метода в демографических исследованиях, об отстаивании чистоты основных принципов марксистско-ленинского учения о народонаселении, которые можно попытаться кратко суммировать следующим образом.

Человек неотделим от природы. Его жизнь, ограниченная актами рождения и смерти, — явление биологическое, имманентное всем живым существам. И, как подчеркивал В. И. Ленин, теория Маркса отнюдь не прерывает единую нить, проходящую через всю органическую природу вплоть до человека [15, стр. 477].

Тем не менее имеется коренное, качественное отличие человека, человеческого общества от животного и растительного мира. Это отличие создает присущая только человеку способность к целесообразному труду. В известном смысле можно сказать, что труд создал самого человека. Человек не пассивно существует в природе, а активно воздействует на нее, приспособлявая ее при помощи орудий труда к своим потребностям. «Животное, в лучшем случае, доходит до *собирания*, — писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы», — человек же *производит*; он создает такие жизненные средства (в широчайшем смысле этого слова), которые природа без него не произвела бы» [8, стр. 622]. Вот почему невозможно безоговорочное пе-

перенесение законов жизни животных на человеческое общество.

Чтобы жить, люди добывают себе пищу, строят жилье, производят другие средства существования, причем совершают это не в одиночку, а сообща, объединяясь для совместной деятельности, что придает производству общественный характер и ведет к установлению между людьми определенных производственных отношений. Именно поэтому народонаселение следует рассматривать не просто как определенную численность людей, проживающих на определенной территории, а как конкретную совокупность во всем многообразии ее связей с учетом складывающегося в процессе общественного производства деления на классы и различные социальные, профессиональные и другие группы. «Население — это абстракция, — писал К. Маркс, — если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит» [2, стр. 726].

Поэтому вряд ли можно согласиться, например, с Г. М. Коростылевым, который в своей в целом интересной книге «Рост народонаселения и общественный прогресс» [136, стр. 8], выясняя различие между понятиями «народонаселение» и «общество», определяет первое как «совокупность людей, проживающих на определенной территории», а второе — как «сочетание народонаселения и социальных отношений между людьми». Различие здесь, видимо, все же иное. Народонаселение, составляющее основу общества, не может тем самым существовать вне общественных отношений иначе, чем в биологическом и социальном единстве. В свою очередь общество, будучи более широкой, чем народонаселение, категорией, включает также все производство в целом со всеми его материальными факторами, поскольку нельзя, не впадая в метафизичность, считать, будто только производственные отношения входят в понятие общества, а производительные силы остаются где-то за его пределами.

Общественное производство, выступающее в неразрывном единстве производительных сил и производственных отношений людей, составляет главную силу развития человеческого общества, и, следовательно, история общества есть прежде всего история производства, история способов производства. Изменение последних в результате роста производительных сил, совершенствования орудий труда вызывает преобразование всего общественного строя и, в частности, соответствующую смену

законов народонаселения, поскольку, как указывал К. Маркс в первом томе «Капитала», «всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек» [3, стр. 646]. В конечном итоге именно уровень развития производительных сил определяет через многочисленные опосредствующие факторы и связи исторические особенности воспроизводства населения.

Конечно, на характер общественного развития влияют и вторичные факторы, в частности особенности географической среды. Иногда это влияние может быть весьма значительным. Например, общественная жизнь крайне затруднительна в условиях вечных льдов полярной зоны. Состояние сельскохозяйственного производства в большой степени зависит от качества почвы и особенностей климата, а промышленного производства — от отсутствия или наличия тех или иных минеральных ресурсов и т. п. Так, К. Маркс, выясняя особенности восточного земледелия, указывал, что система искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений стала его основой благодаря климатическим условиям и своеобразию поверхности, особенно наличие «огромных пространств пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенных областей Азиатского плоскогорья» [1, стр. 132].

Касаясь роли вторичных факторов в общественном развитии, необходимо вместе с тем обратить внимание на получившую широкое распространение с конца 1930-х годов формулировку, согласно которой народонаселение наряду с географической средой причислялось к «необходимым и постоянным условиям материальной жизни общества», т. е. по сути дела рассматривалось как внешний для общества фактор. Такая формулировка, конечно, полностью противоречила известному указанию К. Маркса, что население «есть основа и субъект всего общественного процесса производства» [2, стр. 726] *.

* Против этой формулировки справедливо выступил в журнале «Вопросы философии» (1966 г., № 11, стр. 163) проф. В. В. Покиншевский. Обстоятельная ее критика содержится также в книге Г. М. Коростелева, который, в частности, пишет: «Народонаселение

Утверждение марксистско-ленинского учения о народонаселении происходило и происходит в постоянной острой идеологической борьбе с концепциями, пытающимися распространить закономерности размножения растений и животных на человеческое общество, свести все многообразие общественного развития к действию абстрактного закона борьбы за существование, объяснить происхождение конкретно-исторических общественных проблем естественными, внеисторическими причинами.

Среди подобных антинаучных концепций наиболее известной является, безусловно, мальтузианская теория народонаселения, возникшая в Англии еще в конце XVIII в. Ее создатель Томас Роберт Мальтус (1766—1834 гг.), приходский священник, а затем также профессор истории и политической экономии, впервые изложил свои идеи в 1798 г. в анонимном трактате «Очерк принципа народонаселения». Это был лишь предварительный набросок его теории. В полном же виде она была опубликована во втором, значительно расширенном и доработанном издании «Очерка», вышедшем в 1803 г. уже под настоящим именем автора. В дальнейшем Мальтус подготовил еще четыре издания своей работы (в 1806, 1807, 1817 и 1826 гг.), которые отличались лишь второстепенными, не принципиальными добавлениями.

Как известно, основное содержание теории народонаселения Мальтуса сводится к провозглашению и обоснованию в качестве некоего «закона природы» якобы присущей всему растительному и животному миру, включая человека, тенденции размножаться быстрее, нежели это допускается имеющимися средствами существования [203, стр. 2]. Только ограниченность продовольственных ресурсов и пространства стоит на пути к безграничному размножению живых существ и растений, обрекая на гибель ту их часть, которая выходит за допустимые пределы.

По утверждению Мальтуса, если размножение населения происходит беспрепятственно (при наличии доста-

рассматривается многими подобными формулировками всего лишь как условие жизни общества, и не как его составная органическая часть. Но ведь условие — это философская категория, выражающая отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может. Следовательно, объявление народонаселения (и тем более естественным условием) в жизни общества означает, что оно (народонаселение) понимается как нечто внешнее по отношению к обществу» [136, стр. 61].

точных резервов пространства и продовольствия), оно удваивается каждые 25 лет, возрастая в геометрической прогрессии; в то же время продукция земледелия при самых благоприятных для труда условиях не может вырастать быстрее, чем в арифметической прогрессии. В результате все более увеличивается диспропорция между численностью населения и доступными средствами существования, что вызывает ухудшение жизненных условий и ведет к усилению нищеты, физических и нравственных страданий, распространению всевозможных злоупотреблений и пороков, которые начинают задерживать дальнейший рост населения. Мальтус определял эти явления как «превентивные», косвенные препятствия размножению. К ним он относил также меры «нравственного воздержания», т. е. сознательное стремление людей откладывать вступление в брак до более благоприятного времени при строгом соблюдении доброго целомудрия. Чрезмерный рост населения, по Мальтусу, неизбежно вводит в действие более грозные «позитивные» силы, оказывающие прямое препятствие размножению — эпидемии, войны, голод, которые влекут за собой массовую гибель людей, восстанавливая тем самым нарушенный баланс между численностью населения и наличными средствами существования. Жизненные условия улучшаются, но это вновь создает стимул для ускоряющегося размножения населения, и все начинает повторяться.

Таким образом, Мальтус считал главным препятствием для роста населения недостаток продовольствия, но он также отмечал, особенно в последних изданиях своего «Очерка принципа народонаселения», что при наличии достаточного количества продовольствия на темпы роста населения в цивилизованных странах может оказывать влияние положение на рынке труда. С увеличением спроса на рабочих и, следовательно, с увеличением числа занятых возрастает оплаченный спрос на продовольствие, что вызывает повышение продовольственных цен и соответственное понижение реальной заработной платы. Рабочим становится труднее прокормить семью, что отражается на темпах размножения. Эта концепция, основанная на учении Адама Смита и отражающая взгляды Давида Рикардо, наиболее полно была изложена Мальтусом в другой его книге — «Принципы политической экономии», опубликованной в 1820 г.

Как тезис о зависимости роста населения от уровня

заработной платы, так и вся мальтусова теория народонаселения отнюдь не отличались оригинальностью. Свои основные идеи Мальтус заимствовал из работ Даниеля Дефо, Роберта Уоллеса, Бенджамина Франклина, Дэвида Юма, Джемса Стюарта, Адама Смита, Джозефа Таунсенда и др. Так, Уоллес еще за 40 лет до появления «Очерка принципа народонаселения» утверждал, что рост избыточного населения является якобы препятствием для улучшения человеческого общества. Обычно приписываемый Мальтусу «закон народонаселения» практически целиком был взят им у Таунсенда, который также задолго до «Очерка» указывал в своей книге «Путешествие по Испании», что «люди размножаются в размерах имеющейся в их распоряжении пищи» и что народонаселение удваивалось бы через каждые 25 лет, если бы этому не препятствовали такие причины, как недостаток продовольствия, болезни, войны, нехватка земли и жилищ, эмиграция взрослого населения, скверное правление и пр. Для устранения бедности и нищеты Таунсенд рекомендовал при ограниченности средств существования положить предел размножению населения. «Если бы можно было удовлетворить потребностям неимущих, — заявлял он, — то этим мы удвоили бы их число и содействовали бы их размножению до бесконечности, что противоречило бы имевшейся в виду цели» [140, приложения, стр. 416].

Мальтус и сам не отрицал преемственности высказанных им взглядов. Весьма изумленный той неожиданной шумихой, которая поднялась вокруг его сочинения, он отмечал в предисловии ко второму изданию «Очерка принципа народонаселения», что предмет его исследования уже достаточно полно был изложен в произведениях Платона, Аристотеля, а также ряда близких ему по времени французских и английских экономистов.

Разумеется, большой успех теории Мальтуса среди привилегированных классов объяснялся ее откровенно реакционной идеологической направленностью. Напуганные событиями Великой французской революции, английские буржуа и землевладельцы с восторгом приветствовали выступление Мальтуса против широко распространявшихся в то время идей социалистов-утопистов, которые, видя в несправедливом государственном устройстве и злоупотреблениях правительств главную

причину бедствий народных масс, резко критиковали существующее общество и призывали к установлению социального равенства, основанного на разуме и врожденной человеческой справедливости.

В своем первоначальном виде «Очерк принципа народонаселения» Мальтуса имел характер памфлета в ответ на одну из статей видного представителя критически-утопического социализма английского философа Вильяма Годвина, находившегося под сильным влиянием идей Руссо, Гольбаха и Гельвеция. Между прочим, взгляды Годвина разделял также отец Т. Р. Мальтуса — Даниель Мальтус. Годвин в получившем широкую известность трактате «О политической справедливости» пропагандировал систему общественного равенства в духе французского философа Кондорсе; он верил в беспредельную возможность совершенствования человеческой природы и в столь же беспредельную возможность человека овладевать силами природы и мечтал о будущем обществе, где истина и добродетель займут место эгоизма и личных интересов, а частные богатства перейдут в общественный фонд, предназначенный для удовлетворения потребностей всех членов общества.

Возражая Кондорсе, Годвину и Оуэну, Мальтус утверждал, что действие естественного закона народонаселения делает невозможным существование идеального общества. Голод, нищета, безработица и другие социальные бедствия не есть результат общественного строя и поэтому не могут быть устранены путем политических преобразований. Классовый смысл теории Мальтуса наглядно проявлялся в следующем положении: «Главная и наиболее постоянная причина бедности, — писал он, — мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения собственности; богатые не в состоянии доставить бедному работу и пропитание; поэтому бедные по самой сущности вещей не имеют права требовать от них работы и пропитания» [203, стр. 602]. Таким образом, Мальтус стремился возложить всю вину за порожденные несправедливыми социальными отношениями бедствия народных масс на самих же трудящихся, которые якобы «неразумно» размножаются, посеять в их рядах неверие в возможность улучшения жизненных условий путем революционной борьбы.

Защитники Мальтуса как в прошлом, так и в настоящем упорно твердят, что обвинения Мальтуса в реакцион-

ности несправедливы и являются результатом невнимательного знакомства с его сочинением*. Поэтому представляется уместным привести полностью пространную цитату из «Очерка принципа народонаселения», в которой автор с циничной откровенностью следующим образом излагал политические цели пропаганды своего учения: «Любой человек из низшего класса общества, ознакомившись с этими истинами, станет с большим терпением переносить свои страдания и будет чувствовать меньше недовольства и раздражения по отношению к правительству и высшим классам общества из-за своей бедности; он будет во всяком случае менее склонен к неповиновению и беспорядкам; и если ему окажут помощь, либо какое-нибудь общественное учреждение, либо частная благотворительность, он примет ее с большей благодарностью и более правильно оценит. Если эти истины постепенно приобретут общую известность, а есть основания считать, что с течением времени так и произойдет в результате естественного обмена мнениями, низшие классы народа в целом станут более миролюбивы и дисциплинированы, будут менее склонны к мятежным действиям во время голодовок и в любое время окажутся менее подвержены влиянию возбуждающих и бунтарских изданий, поскольку осознают, как мало зависит от революции заработная плата и средства для содержания семьи» [203, стр. 602].

Еще при жизни Мальтуса этим реакционным идеям был дан решительный отпор со стороны передовой научной общественности. С резкой критикой выступили его соотечественники Годвин, Вейланд, Грэхэм и другие, которым Мальтус пытался ответить в последних изданиях своего «Очерка». Одним из первых критиков мальтузианства в России стал писатель и дипломат В. Ф. Малиновский. Позднее, в 40-х годах XIX в., теория народонаселения Мальтуса была подвергнута глубокому критическому анализу в работах В. А. Милютина, Л. И. Мечникова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева [112, стр. 83—103]. Идеолог французского мелкобуржуазного социализма Прудон писал по поводу взглядов Мальтуса: «Осмелюсь заметить, что общественная совесть, по крайней мере во

* Так, профессор Чикагского университета Натан Кейфиц на Всемирной конференции ООН по народонаселению в Белграде утверждал, что «Мальтус испытал судьбу многих мыслителей, которых перетолковывали люди, не читавшие их» [317, стр. 15].

Франции, бесповоротно высказалась против его школы, и да простят мне за мое тщеславие, если я скажу, что я играл некоторую роль в его осуждении. Социализм может гордиться, что по вопросу о народонаселении был мстителем за оскорбление общества: такое значение он сохранит за собой навсегда» [140, приложения, стр. 424].

Однако подлинно научная оценка мальтузианства стала возможна только на основе марксистско-ленинского учения о народонаселении. Основоположники марксизма исчерпывающим образом показали полную научную несостоятельность и крайнюю политическую реакционность теории Мальтуса, которую К. Маркс охарактеризовал как проявление глубокой низости мысли, а Ф. Энгельс назвал гнусной и низкой, отвратительным издевательством над природой и человечеством.

В своих «Набросках к критике политической экономии» Энгельс отмечал, что буржуазные экономисты никогда не могли понять возникающей в производстве на основе капиталистической конкуренции смены расцвета и кризиса, перепроизводства и застоя; чтобы как-то объяснить себе это безумное состояние, они придумали «теорию народонаселения, которая столь же бессмысленна и даже более бессмысленна, чем это противоречие одновременного существования богатства и нищеты» [7, стр. 563]. Утверждение Мальтуса, что население всегда оказывает давление на средства существования, что населению присуща тенденция размножаться свыше имеющихся в его распоряжении средств существования, логически приводит к выводу, наглядно демонстрирующему абсурдность всей теории, а именно, что земля была перенаселена уже тогда, когда существовал только один человек. В действительности же, подчеркивает Энгельс, «производительная сила, находящаяся в распоряжении человечества, беспредельна. Урожайность земли может быть бесконечно повышена приложением капитала, труда и науки... Капитал увеличивается с каждым днем, рабочая сила растет вместе с ростом населения, а наука с каждым днем все больше и больше подчиняет людям силы природы. Эта беспредельная производительная способность, будучи использована сознательно и в интересах всех, вскоре сократила бы до минимума выпадающий на долю человечества труд» [7, стр. 563—564].

Большое внимание научной критике мальтузианства уделял В. И. Ленин. Он также убедительно показал, что

«закон убывающего плодородия почвы», на котором основываются теоретические построения Мальтуса, представляет бессодержательнейшую абстракцию, поскольку оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил, и указывал на невозможность «построить абстрактный закон народонаселения, по формуле о соответствии размножения со средствами существования, игнорируя исторически особые системы общественных отношений и стадии их развития» [15, стр. 483].

Как в прошлом, так и в настоящее время аргументация Мальтуса и его сторонников полностью опровергается данными науки и мировой статистики. Прежде всего это касается основы основ мальтузианской теории — утверждения о том, что свободное увеличение численности населения происходит в геометрической прогрессии, а средства существования возрастают при самых благоприятных условиях лишь в арифметической прогрессии, т. е. создается абсолютное перенаселение. Начать с того, что оказалась совершенно несостоятельной ссылка Мальтуса на пример современных ему Соединенных штатов Америки как на практическое доказательство действия «всеобщего закона народонаселения». Свободное от феодальных оков американское сельское хозяйство быстро набирало темпы, опережая рост населения. Если в 1820 г. один занятый в сельскохозяйственном производстве мог своим трудом обеспечить продовольствие примерно 4 человек, то в 1962 г. — уже не менее 28. Одновременно происходило сокращение естественного прироста североамериканского населения. В свое время Мальтус принял темпы этого прироста за образец 25-летнего цикла пресловутой геометрической прогрессии (что, кстати сказать, с самого начала было неправомерным с научной точки зрения, поскольку он не учел первостепенную роль иммиграции в демографическом развитии США).

Обобщение последних научных достижений послужило материалом для дальнейшей углубленной критики мальтузианства как «классического», так и его современных разновидностей в трудах советских и прогрессивных зарубежных ученых — Д. И. Валентя, А. Я. Попова, Б. Я. Смугевича, Джона Бернала, Жозуэ де Кастро, Джэйкоба Озера и др.

Жизнь, практика приносят все новые свидетельства правильности марксистско-ленинского учения, вынуж-

дая нынешних идейных наследников Мальтуса маневрировать, видоизменять аргументацию, изобретать различные модернизированные варианты своей теории во имя сохранения ее основной реакционной задачи — ссылками на «угрозу быстрорастущего населения» оправдывать пороки капиталистической системы, отвлекать трудящихся от революционной борьбы за мир, демократию, социализм, против агрессивного империализма.

Среди современной мальтузианской литературы можно, например, упомянуть книгу американского бизнесмена Джеймса Э. Гейлора «Всеобщая мудрость», которую автор в 1965 г. разослал ряду глав правительств и видных общественных деятелей. В соответствии с классическими мальтузианскими канонами в ней утверждается, что рост цен на предметы первой необходимости, повышение налогов, безработица, недоедание трудящихся происходят в результате усиливающегося давления мирового населения. «Если бы мир внял в свое время предостережениям Мальтуса, — пишет Гейлор, — мы бы не имели многих сегодняшних бед и, возможно, двух или трех мировых войн» [191, стр. 104]. Содержащиеся в книге пространственные рассуждения об «основанном на здравом смысле» плане международного контроля над рождаемостью служат прикрытием для грубой антикоммунистической пропаганды. Влиятельная буржуазная газета «Таймс» (17 октября 1966 г.) связывала рост безработицы в английской автомобильной промышленности с ростом населения, отсылая читателей к произнесенной в Оксфордском университете лекции лорда Роббинса, содержащей, в частности, утверждение, будто классическое учение Мальтуса «имеет намного больше практического значения в объяснении причин трудностей экономического развития, нежели большинство современных теоретических моделей». Прославлению Мальтуса в связи с 200-летием со дня его рождения был посвящен специальный выпуск издаваемого в Вашингтоне журнала «Популейшн бултин». «Закон населения Мальтуса... по-видимому, также применим в 1966 г. ... как и в 1798 г., когда впервые появился его «Очерк», — писал автор юбилейной статьи. — ... Мальтус остается одним из немногих избранных, кто внес уникальный и непреходящий вклад в понимание человеком самого себя и своего места на планете» [376, 1966, № 1, стр. 7, 8].

Подобные примеры мальтузианской пропаганды мо-

гут быть многократно умножены, и тем не менее очевиден тот факт, что мальтузианство неотвратимо теряет свои идеологические позиции, отталкивая широкую общественность своим антигуманизмом и откровенной апологетикой империализма. Это отчетливо показала, в частности, вторая Всемирная конференция ООН по народонаселению. Хотя на ней были представлены ученые самого различного толка, в том числе и крайне реакционные, никто уже не осмелился открыто оправдывать войны на основе мальтузианской теории и рассматривать их в качестве средства контроля над ростом народонаселения, никто не ставил под сомнение на этой же основе — как еще совсем недавно было обычным для мальтузианцев — целесообразность и правомерность медико-санитарных мероприятий, направленных на снижение смертности в освободившихся странах и т. п.

За последнее время понятие «современное мальтузианство» приобрело в известной мере условное, расширительное значение, так как речь обычно идет о различных буржуазных концепциях народонаселения, объединяемых не столько происхождением от «классической» теории Мальтуса, сколько общим признанием принципа первичности фактора народонаселения перед социально-экономическими факторами, общим утверждением, что особенности общественного развития определяются в первую очередь демографическими закономерностями и, следовательно, что решение социально-экономических проблем зависит прежде всего от осуществления демографических мероприятий, в особенности если говорить о проблемах развивающихся стран, от мероприятий по контролю над рождаемостью. На Всемирной конференции по народонаселению в Белграде эти идеи разделяли и отстаивали не только явные идеологи империализма, но и ряд ученых развивающихся стран, большинство из которых трудно заподозрить в сознательной приверженности к мальтузианству.

Почему же мальтузианские по своему существу концепции все еще продолжают пользоваться известным влиянием? Можно, конечно, отметить их ложную простоту, внешнюю доходчивость. На поверхности явлений неискушенный наблюдатель видит, с одной стороны, быстрый рост населения, с другой — увеличение безработицы, тяжелое жизненное положение трудящихся. Представляется весьма заманчивым установить непосредственную

причинную связь между этими двумя обстоятельствами, игнорируя конкретные общественные условия. Однако, по-видимому, несравненно более важной причиной явился тот упрощенный подход к проблемам народонаселения, граничивший с полным отрицанием какого-либо их самостоятельного значения, который сложился и сохранялся до самого недавнего времени у многих ученых-марксистов. В результате объяснение некоторых вполне реальных экономико-демографических явлений было отдано на откуп мальтузианцам, что, несомненно, усилило идеологические позиции последних и позволило им выступить с обвинением марксистско-ленинской теории в «технократизме».

Полемическая заостренность идеологической борьбы за утверждение основного марксистского тезиса об определяющей роли способа производства против антинаучных концепций, пытающихся объяснить общественное развитие действием естественных, внеисторических законов и, в частности, свести демографические процессы к проявлению только биологических закономерностей, в свое время способствовала возникновению среди популяризаторов марксизма склонности абсолютизировать экономические факторы.

Об опасности такой упрощенной трактовки теории общественного развития предупреждали еще основоположники марксизма. Так, Ф. Энгельс писал: «...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу... Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии... К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно.

И в этом я могу упрекнуть многих из новых «марксистов»; ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница» [14, стр. 394, 396].

Применительно к изучению проблем народонаселения эта «удивительная путаница» выразилась в игнорировании специфичности, определенной самостоятельности демографических явлений, в попытках ограничить рассмотрение особенностей воспроизводства действительной жизни рамками только экономических законов производства, в недостаточно внимательном учете двойственной природы народонаселения — его взаимосвязанных социальной и биологической сторон.

На практике это привело к отождествлению демографии со статистикой населения, ограничению ее задач лишь количественным учетом демографических явлений. Тогда как в действительности демография — самостоятельная наука, которая хотя и основывается на политэкономии, но отнюдь не исчерпывается последней. И если политическая экономия занимается вопросами общественного производства, то демография имеет свой предмет — изучение воспроизводства действительной жизни в человеческом обществе, в частности изучение закономерностей взаимосвязи биологических факторов с экономическими, психологическими, культурными и другими на различных этапах общественного развития. В отличие же от демографической статистики демография изучает качественные связи в народонаселении, выражаемые количественными мерами. На основе одних лишь количественных оценок и соответствующих им экстраполяций — без учета наряду с экономическими факторами также и господствующих обычаев и традиций, культурных условий, политической обстановки и других качественных показателей — невозможно правильно объяснить состояние и прогнозировать динамику любых демографических явлений, в том числе формы и размера типичной семьи, брачности и разводимости, причины миграций и т. п. *.

* Важным шагом на пути становления советской демографии была статья Б. Я. Смулевича о двух забытых областях социологических исследований — социальной гигиене и демографии, опубликованная в 1963 г. в журнале «Коммунист» (№ 17). Теоретические разработки по вопросу демографической науки содержались также в статьях и докладах А. Я. Боярского, А. Г. Волкова и некоторых других ученых. Эти разработки были в значительной мере обобщены позднее в изданном в 1967 г. «Курсе демографии». Так, А. Г. Волков определял демографию как «науку о воспроизвод-

Отрицание демографии как самостоятельной науки со своими особыми закономерностями основывалось на схематизации, упрощении демографических явлений и возникающих в связи с ними проблем народонаселения, на стремлении применять в различных сферах общественной жизни открытый Марксом закон народонаселения капиталистического способа производства при исследовании конкретных проблем вполне определенных стран и районов современного капиталистического мира без учета того, что этот закон выведен в абстрактной форме и поэтому, как и другие абстрактные общественные законы, при своем осуществлении модифицируется многочисленными обстоятельствами — наличием пережитков докапиталистических производственных отношений, внешнеэкономическими связями, особенностями географической среды, политическими и другими категориями надстроечного порядка и т. п., которые Маркс сознательно на основе метода научной абстракции элиминировал из анализа экономических процессов. А главное, без учета того, что закон народонаселения Маркса не демографический, а экономический по своему содержанию и что он выясняет не особенности воспроизводства населения, а механику образования относительно избыточного рабочего населения в процессе накопления капитала. По этому поводу

стве населения в его общественно-исторической обусловленности» [158, стр. 5].

Вместе с тем нельзя не упомянуть о высказывавшихся иногда во время многочисленных дискуссий по теории народонаселения опасениях, будто признание самостоятельной научной роли демографии означает попытку «ликвидировать статистику как общественную науку». В частности, этот тезис был вынесен в подзаголовок доклада П. Г. Подъячих, обсужденного на заседании Научно-методического совета ЦСУ СССР в марте 1969 г. [274]. Эти опасения, конечно, безосновательны. Утверждение демографической науки в своих правах не только не умаляет значение статистики населения, но, напротив, способствует дальнейшему укреплению ее теоретической базы, усилению целенаправленности благодаря освобождению от бремени несвойственных ей и непосильных для нее задач объяснения демографических закономерностей. Более того, демографическая наука, как и любая другая общественная наука, просто не может существовать без статистики, которая обеспечивает необходимые для теоретических обобщений и практических выводов фактические материалы, характеризующие демографические явления с количественной стороны. Причем обеспечивает не случайными, бессистемными численными показателями, а научно отобранными и научно систематизированными на основе методологии, присущей статистике как специфической общественной науке.

В. И. Ленин писал, что теория Маркса отнюдь не занимается самими по себе вопросами размножения человека, «она требует только, чтобы «рабочий вопрос» — так как таковой существует лишь в капиталистическом обществе — решался не на основании «общих изысканий» о размножении человека, а на основании особенных изысканий о законах капиталистических отношений» [15, стр. 477].

Нежелание считаться с этими обстоятельствами серьезно ослабляло критику мальтузианства. Как правило, антинаучному «закону природы» Мальтуса об образовании абсолютного перенаселения издешне прямолинейно и расширительно противопоставлялся закон народонаселения Маркса об образовании относительного перенаселения при капитализме. Типичными были следующие формулировки: «...Перенаселение в условиях капитализма является не абсолютным, а относительным; оно существует не вследствие всеобщих законов природы, а лишь постольку, поскольку существует капиталистический способ производства» [104]. «Капиталистический способ производства действительно порождает перенаселение, но это перенаселение не абсолютное, а относительное» [109]. «Как было показано, абсолютного перенаселения не существует, следовательно, оно не может быть причиной бедственного положения трудящихся в капиталистических странах» [165] и т. д. и т. п.

В изданном в 1967 г. исследовании исторических законов народонаселения М. С. Авербух распространяет эту формулировку также и на докапиталистические общества (хотя тем самым он отходит от марксовой трактовки относительного перенаселения, как имманентно связанного лишь с капиталистическим способом производства). Он пишет: «Исследуя закономерности населения докапиталистических способов производства, мы показываем, что в первобытном обществе до его разложения, а также в раннерабовладельческих государствах Древнего Востока... вообще не было перенаселения. Перенаселение, как таковое, имело место только, во-первых, у некоторых народов на стадии разложения первобытных отношений, во-вторых, в позднеерабовладельческих государствах... и, в-третьих, при феодализме. Но какое это было перенаселение? Абсолютное или относительное? На основе всестороннего изучения фактического материала можно сделать вывод, что имевшее место в этих обществах пере-

население было относительным, т. е. обусловленным определенными общественными отношениями» [100, стр. 7]. Авербух также утверждает, что «при рассмотрении вопроса об абсолютном перенаселении всегда имеется в виду земной шар или по крайней мере большие обжитые территории в аспекте той или иной общественно-экономической формации, а не масштаб отдельных районов и коротких сравнительно периодов истории той или иной страны» [100, стр. 52].

Из книги Авербуха трудно понять, почему при такой трактовке относительного перенаселения в отличие от абсолютного он исключает возможность перенаселения в первобытном обществе или раннерабовладельческих государствах Древнего Востока. Тем более, что у других критиков Мальтузианства, точку зрения которых Авербух полностью разделяет, мы находим подобное объяснение относительного перенаселения и при первобытнообщинном строе с его примитивными орудиями производства, совместным трудом в рамках одной общины и уравнительным распределением продуктов. Так, автор одной, в целом весьма содержательной, работы, А. Я. Попов, писал: «Как только в условиях первобытнообщинного строя на той или иной территории население превышало то предельное количество людей, которое при помощи собирательства или охоты могло прокормиться на данной территории, наступало перенаселение, носившее, однако, относительный, а не абсолютный характер, так как оно имело место лишь на той или иной ограниченной территории, а не в масштабах всего земного шара» [155, стр. 70].

Вряд ли можно признать убедительной такую трактовку вопроса об относительном и абсолютном перенаселении. Начать с того, что Мальтус нигде и никогда не заявлял о наступлении абсолютного перенаселения одновременно во всем мире. Напротив, он, вопреки утверждению упомянутых критиков, рассматривал возникновение перенаселения в масштабах отдельных стран и отдельных, совсем не обязательно длительных, периодов времени. Указывая на неодинаковый характер размножения населения в разных странах в зависимости от конкретных местных условий, Мальтус писал: «...поэтому Испания отличается одной величиной приращения, Франция — другою, Англия — третьей, Ирландия — четвертой, некоторые части России — пятой, некоторые части испанской Аме-

рики — шестой, Североамериканские штаты — седьмой» [203а, стр. 483].

Но дело даже и не в этом. Непонятно другое, почему все-таки следует считать относительным, а не абсолютным перенаселение малочисленной, изолированной от окружающего мира первобытной человеческой общины, которая из-за своей возросшей численности и крайне низкого уровня развития производительных сил — а отнюдь не из-за неравномерного распределения средств существования между отдельными членами этой общины — была не в силах прокормиться на той или иной ограниченной территории и поэтому нередко оказывалась обреченной на прямое вымирание? Почему следует считать относительным перенаселение, возникавшее в античном мире и вынуждавшее часть населения эмигрировать? «Колонии античного мира, — отмечал К. Маркс, — состояли из избыточного населения, т. е. такого, которое уже не могло жить на том же пространстве, на той же материальной, имущественной основе, т. е. при тех же условиях производства» [355, 1958, № 7, стр. 20]. (Любопытно, что это высказывание К. Маркса Авербух цитирует для подтверждения своего тезиса об относительном перенаселении в рабовладельческом обществе*.)

Для того, чтобы критика мальтузианской теории перенаселения стала более эффективной, необходимо отказаться от схематизации реальных фактов, упрощения действительности, а главное, следует, видимо, уточнить некоторые основные понятия.

Прежде всего нельзя забывать, что закон народонаселения Маркса и мнимый «естественный закон народонаселения» Мальтуса рассматривают по существу разные явления (если, разумеется, отвлечься от претензии Мальтуса абсолютизировать свой «закон», выдавать его за

* На эту сторону вопроса в связи с другим аналогичным высказыванием Маркса обращал внимание Л. А. Баграмов в рецензии на вышедшую в 1953 г. книгу А. Я. Попова «Современное мальтузианство — человеконенавистническая идеология империализма». Баграмов писал: «Таким образом, в известные исторические периоды в отдельных странах или районах земного шара вследствие слабого развития производительных сил могло иметь место и абсолютное перенаселение, когда уровень развития производительных сил был недостаточен для того, чтобы прокормить все население» [«Вопросы философии», 1954, № 5, стр. 210]. Приведя это замечание Баграмова в своей книге, М. С. Авербух восклицает: «Мы разделяем точку зрения Попова и считаем, что не прав Баграмов».

«всеобъемлющий», «универсальный», не говоря уж о его политических выводах). Маркс показал, как в процессе капиталистического производства меняется органическое строение капитала, меняется соотношение между массой средств производства и массой оживляющей их рабочей силы, в результате чего и возникает относительное перенаселение, т. е. «избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население». Этот процесс не зависит от характера естественного воспроизводства всего населения и происходит как при расширенном, так и при суживающемся воспроизводстве населения.

Иное дело «закон» Мальтуса. Он имеет демографическую подоплеку, поскольку его действие приписывается расширенному естественному воспроизводству населения в условиях ограниченных природных ресурсов. Таким образом, перенаселение, согласно мальтузианской концепции, это абсолютно избыточное население по сравнению с наличным количеством средств существования, в первую очередь продовольствия.

Выше уже отмечалась полная научная несостоятельность мальтузианского «закона природы». Однако это не дает никакого повода безоговорочно отрицать всякую возможность увеличения населения за пределы имеющихся в наличии продовольственных ресурсов. Такая ситуация, несомненно, может возникать. Конечно, совершенно на иной основе, нежели утверждает мальтузианская теория: не в качестве обязательного выражения действия некоего универсального, единого для всех времен и народов «закона природы», а в виде частного, локального явления, связанного с задержкой развития производительных сил. Дело в том, что развитие производительных сил, технический прогресс — хотя и является объективной закономерностью — происходит далеко не всегда в виде равномерного поступательного движения. Это движение под воздействием различных факторов может замедляться, иногда весьма значительно. Именно в такой период создается возможность отставания производства средств существования от прироста населения.

В свое время, критикуя пресловутый «закон убывающего плодородия почвы», используемый мальтузианцами для обоснования теории абсолютного перенаселения, В. И. Ленин показал, что в природе такого «закона» не существует, поскольку те явления, на которые ссылаются

его сторонники, имеют отнюдь не универсальный, а сугубо частный характер. «Закон убывающего плодородия почвы» вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются, — подчеркивал В. И. Ленин, — он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной» [18, стр. 102]. И в этом все дело! Т. е. при критике мальтузианства требуется не метафизическое противопоставление «абсолютного перенаселения» относительному перенаселению по принципу «или — или», а диалектический показ того, что абсолютное превышение численности населения над реально имеющимся в его распоряжении количеством средств существования может в какой-то период возникнуть, но не как проявление мнимого «универсального закона природы», а как временное нарушение действительно закономерного опережающего развития производства, как частный случай, вызванный задержкой технического прогресса, какими-то определенными конкретно-историческими общественными условиями, особенно если в этих условиях по тем или иным причинам возникает ускорение естественного прироста населения.

Но это последнее, как уже отмечалось, тем более не учитывается при искусственном сведении всех проблем народонаселения только к вопросу образования относительно избыточного рабочего населения в процессе капиталистического производства. Неправомерное приращение экономическим законам демографических функций породило примитивные схемы зависимости демографических процессов от экономического развития, которые полностью игнорируют существующие в реальной жизни многосложные опосредствующие связи.

В качестве типичного примера такого упрощения действительности на основе абсолютизации социально-экономических факторов можно сослаться на объяснение динамики рождаемости при капитализме, приведенное в Большой Советской Энциклопедии, где, в частности, сказано: «...Рождаемость определяется совокупностью социально-экономических условий, обуславливающих для каждой экономической формации свой закон населения. Это видно из резких изменений рождаемости под влиянием указанных условий... Исключая Францию, можно сказать, что 70-е гг. 19 в. были в Западной Европе временем максимальной рождаемости... Затем отмечается

снижение рождаемости, начало которого совпадает с началом перехода к монополистическому капитализму... Причиной высокой рождаемости в 19 в. и ее последующего падения было последовательное обострение действия свойственного капитализму закона относительного перенаселения». И далее утверждает: «В противоположность тенденции падения рождаемости в капиталистическом мире, в СССР существует высокий уровень рождаемости...» * [81, т. 36, стр. 615].

Это заключительное утверждение явилось логичным выводом из вульгарно понимаемого принципиального указания Маркса о том, что «всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения». Считалось, что поскольку капитализм и социализм—антагонистические общественные формации, то и основные показатели естественного движения населения, прежде всего рождаемость и смертность, также должны иметь противоположный характер. В результате возникла формула, согласно которой капитализм отличает падающая рождаемость и суживающееся воспроизводство населения, а для социализма якобы присущи высокая рождаемость и расширенное воспроизводство населения.

Так, в одном труде о естественном движении населения капиталистических стран Европы говорилось: «Замедляющимся темпам и кризисному положению в области воспроизводства населения, характерным для стран капитала, противостоят быстрый рост населения в СССР и высокие темпы расширенного его воспроизводства на основе высокой рождаемости, неуклонно снижающейся

* Подобным же образом по примитивной схеме отождествления законов развития производства, законов смены способов производства с законами роста населения формулирует особенности воспроизводства населения на разных стадиях феодального общества М. С. Авербух: «На *первой* стадии, в условиях преобладания отработочной ренты, как рождаемость, так и смертность были ниже их средних уровней для всей эпохи феодализма в целом, а прирост населения несколько выше; на *второй* стадии, в условиях преобладания ренты продуктами, как рождаемость, так и смертность были выше их средних уровней для всей эпохи феодализма в целом, а прирост населения несколько ниже; на *третьей* стадии, в условиях преобладания денежной ренты (или комбинированной формы в некоторых странах), рождаемость была немного выше, а смертность несколько ниже их средних уровней для всей эпохи феодализма в целом, а прирост населения значительно выше» [100, стр. 178].

смертности и увеличения долголетия советских людей» [134, стр. 160]. Автор уже цитировавшейся работы по критике современного мальтузианства также отмечал, что если для капитализма характерно сокращение роста населения, то «основной экономический закон социализма создает предпосылки для роста материального и культурного уровня народа, что ведет к снижению заболеваний и смертности, к росту рождаемости, то есть к высокому уровню естественного прироста населения» [155, стр. 128]. «Высокая рождаемость в СССР является следствием непрерывного роста благосостояния трудящихся...» — подчеркивает и Большая Советская Энциклопедия [81, т. 36, стр. 616], фактически утверждая тем самым, что размножение населения определяется доступными ему средствами существования...

Сторонники этого ненаучного тезиса либо просто игнорировали, либо пытались дать свое толкование известному указанию Маркса, согласно которому при капитализме «не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы» [3, стр. 658]. Их беспокоило, что формула Маркса в современных условиях как будто бы играет на руку буржуазно-апологетической «теории благосостояния», и они поэтому настойчиво подчеркивали сугубо конкретно-исторический характер данной закономерности, применимой якобы лишь к условиям Англии XIX в.

Это, конечно, неверно. Чтобы правильно понять сформулированную Марксом закономерность в исторической перспективе, необходимо принять во внимание меняющуюся в национальном аспекте и во времени оценку стоимости рабочей силы (находящей свое внешнее выражение в величине заработной платы), учитывать исторически меняющиеся жизненные издержки воспитания рабочего, роль женского труда и т. д. Кроме того, как отмечалось выше, нельзя забывать о применявшемся Марксом в его анализах методе научного абстрагирования и в данном конкретном вопросе, об абстрагировании от таких опосредствующих факторов, как национальные традиции и обычаи, правовые нормы и религиозные взгляды и т. п., которые играют исключительно важную роль в формировании реальных демографических процессов.

Тем не менее тезис о прямой зависимости уровня рождаемости от уровня благосостояния был включен в опре-

деление социалистического закона народонаселения. Хотя единая, общепринятая формулировка этого закона так и не была выработана, существующие ее многочисленные варианты, как правило, не имеют принципиальных различий, и обычно социалистический закон народонаселения до последнего времени в целом характеризовался двумя группами признаков: во-первых, полной и рациональной занятостью всего трудоспособного населения в общественно полезном труде при неуклонном повышении материального и культурного уровня народа и, во-вторых, расширенным естественным приростом населения при высокой рождаемости, низкой смертности, увеличивающемся долголетии. В Большой Советской Энциклопедии дано следующее типичное определение: «При социализме потерял свою силу капиталистический закон народонаселения. Здесь действует иной, социалистический закон народонаселения, важнейшими чертами которого являются быстрый рост населения, полное и рациональное использование его трудоспособной части, постоянное повышение уровня материального благосостояния народа, низкие заболеваемость и смертность населения» [81, т. 33, стр. 586].

Жизнь, однако, не подтвердила мнения, будто социализму имманентно присуща высокая рождаемость и расширяющееся воспроизводство населения. Напротив, на современном этапе основной демографической тенденцией как в Советском Союзе, так и в европейских социалистических странах наряду с уменьшением смертности и ростом средней продолжительности жизни является снижение рождаемости.

Тенденция снижения рождаемости развивается под воздействием экономического и культурного прогресса в ходе индустриализации и урбанизации общества. Новые перспективы, открывающиеся перед молодежью в связи с распространением образования, все более активное участие женщин в труде и учебе, в общественной и политической жизни имеют одним из важнейших следствий повышение брачного возраста и уменьшение среднего числа детей в семье. К сокращению рождаемости побуждают и растущие материальные и культурные запросы и возможности супругов в результате общего улучшения жизненных условий. Известный английский публицист Айвор Монтегю, может быть с несколько излишней прямолинейностью, следующим образом сформулировал

суть данного явления. «Не индустриализация и урбанизация сами по себе, а их растущее проявление в жизненном уровне вполне может вызвать сокращение рождаемости. Можно предположить, что цикл идет приблизительно так: люди, которые ничего не могут иметь, имеют детей; если приходится выбирать между ребенком и стиральной машиной, они имеют стиральную машину; если они могут позволить себе иметь и стиральную машину и детей, рождаемость вновь повышается» [371, 1966, № 6, стр. 176].

Эта общая тенденция в динамике рождаемости совсем не исключает вероятности колебания уровня рождаемости как в ту, так и в другую сторону в разные годы и периоды. Войны, стихийные бедствия, плохая экономическая конъюнктура (в том числе кризисы, обнищание трудящихся в капиталистическом мире) ускоряют снижение рождаемости, как об этом наглядно свидетельствует демографическая история индустриальных государств.

Процесс снижения рождаемости, возникнув впервые во Франции в 30-х годах XIX в., распространился сначала на страны Западной и Северной Европы, затем на рубеже XX в. перекинулся в Австралию, Новую Зеландию и США, а в течение первой трети XX в. охватил Канаду, Южную и Восточную Европу. Особенно стремительное падение рождаемости в Европе и Северной Америке произошло в годы мирового экономического кризиса, а также в 1935—1939 гг. После второй мировой войны уровень рождаемости в главных капиталистических странах несколько повысился. Так, в Великобритании общий коэффициент рождаемости (число рождений в среднем на 1000 жителей) равнялся 30 в начале века, а затем он снизился до 25 в 1920 г., до 14,6 в 1940 г. и вновь повысился до 18,4 в 1965 г.

Ту же тенденцию снижения рождаемости демонстрирует демография Советского Союза. Благодаря социалистической революции СССР за короткий исторический срок превратился из экономически отсталой страны в одну из наиболее развитых индустриальных держав мира. Общий коэффициент рождаемости в СССР на протяжении последних 30 лет снизился почти наполовину и продолжает снижаться. Только за семь лет, с 1960 по 1967 г., он уменьшился с 24,9 до 17,4, т. е. примерно на треть [84, стр. 12].

Таким образом, вопреки господствовавшему убежде-

нию с подъемом народного благосостояния происходит снижение рождаемости. С одной стороны, быстро растут материальные и культурные запросы трудящихся, с другой — появляются новые объективные возможности удовлетворения этих запросов. В продажу поступает все больше потребительских товаров, улучшается их качество и ассортимент, ширится жилищное строительство, массовый характер приобретает туризм, в деревенский быт прочно входят радиоприемники, телевизоры, мотоциклы, современная фабричная мебель, модная одежда и т. п. Все это побуждает семьи, не только городские, но, что особенно важно, и сельские, более тщательно рассчитывать свой бюджет, более осознанно определять желаемое число детей. Вместе с тем в Советском Союзе в настоящее время все еще отрицательно сказываются на рождаемости вызванные войной неблагоприятные изменения в поло-возрастной структуре населения. И напротив, такие факторы, как улучшение жизненного положения широких слоев населения, в частности решение жилищной проблемы, создание хорошо развитой системы бытового обслуживания, сокращающей затраты времени на домашнее хозяйство, полное удовлетворение потребностей населения в яслях и детских садах и т. д., очевидно, могут приостановить слишком быстрое снижение рождаемости и даже привести к ее некоторому повышению.

В Советском Союзе и в некоторых европейских социалистических странах наблюдаются иногда значительные порайонные различия в величине рождаемости и темпах ее снижения. Причины здесь могут быть самые разные, в зависимости от местной специфики. Одно лишь ясно: более высокая рождаемость отнюдь не означает более высокого уровня развития социалистических производственных отношений*. Между тем в 1965 г. на ташкентской конференции по проблемам народонаселения Средней Азии можно было услышать утверждения, будто высокая рождаемость в среднеазиатских республиках (вдвое превышающая соответствующий показатель по РСФСР)

* Так, в Югославии, по данным переписи 1961 г., область Косов и Метохия имела средний коэффициент рождаемости 41,5 на 1000, а Воеводина — только 16,8. Проведенное югославскими учеными посемейное обследование с целью выяснения причин такого различия показало, что районы с высокой рождаемостью совпадают с районами наиболее высокой доли неграмотного, постоянно живущего на одном месте населения и самой низкой долей городского населения.

есть результат действия социалистического закона населения. Однако материалы той же конференции убедительно показали, что на самом деле это результат относительно меньшего по сравнению с другими районами страны вовлечения женщин в общественное производство, результат сохранения в сельской местности довольно значительных пережитков отсталых традиций, малой подвижности сельского населения, в том числе сельской молодежи из-за недостаточно хорошего знания русского языка и т. д. Но и в Средней Азии можно проследить тенденцию к снижению рождаемости, которая, несомненно, в дальнейшем будет усиливаться.

Говоря о закономерности снижения рождаемости в ходе экономического и культурного прогресса, вместе с тем следует предостеречь от абсурдного вывода, будто неуклонный рост материального благосостояния в конечном итоге может привести к полному прекращению воспроизводства населения. Нельзя забывать о двойственной природе человеческого общества, о диалектическом единстве присущих ему биологической и социальной сторон. Безусловно, с общественным прогрессом социальное начало оказывает все большее воздействие на биологическое начало, но подчинение второго первому возможно лишь до известного предела. Никакие экономические блага в конечном итоге не могут подавить естественного инстинкта продолжения рода, не в состоянии заменить человеку родительского счастья. Если снижение рождаемости от высокой до умеренной представляется нормальным результатом экономического и культурного прогресса, то ее чрезмерное падение есть конъюнктурное, переходящее явление.

То обстоятельство, что в социалистических странах не получает подтверждения постулат о высокой рождаемости и расширенном воспроизводстве населения, а также остается еще не до конца решенной проблема рациональной занятости трудоспособного населения, за последнее время породило у некоторых ученых-марксистов сомнение в возможности дать сейчас подлинно научную формулировку социалистического закона населения *. Конеч-

* Такое сомнение, например, высказывали известный болгарский ученый академик Иван Стефанов на Конференции по проблемам народонаселения Средней Азии (Ташкент, 1965 г.), а также отдельные участники Всесоюзного симпозиума по вопросам марксистско-ленинской теории народонаселения (Москва, 1966 г.).

но, нельзя согласиться с подобным пессимистическим выводом. Социалистический закон населения существует, он действует в условиях социалистической экономики, и его можно и нужно научно определить. Но для этого прежде всего следует отказаться от бесплодных попыток сформулировать какой-то всеобъемлющий закон, который бы эклектически объединял и экономические и демографические признаки.

Как и каждый исторический способ производства, социализм имеет свой особый закон народонаселения, экономический по существу. Подобно открытому Марксом капиталистическому закону народонаселения он также ограничен сферой взаимодействия функционирующих в процессе производства средств производства и рабочей силы и выясняет влияние роста производительности труда на судьбу рабочего. Его отличие от капиталистического закона населения определяется прежде всего тем, что переход средств производства в общественную собственность ведет к ликвидации всех видов эксплуататорских отношений и диаметрально меняет цель производства. Если при капитализме этой целью была погоня за прибылью, то при социализме ею становится наиболее полное удовлетворение постоянно растущих потребностей и всестороннего развития всех членов общества. «В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличить накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд — это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих» [6, стр. 439].

В условиях плановой социалистической экономики увеличение производительности труда, технический прогресс, хотя и означают относительное уменьшение занятой в производстве массы труда по отношению к используемой массе средств производства, не ведут, как при капитализме, к росту безработицы, а, напротив, способствуют наиболее полной и рациональной занятости трудоспособного населения, повышению его благосостояния при постепенном сокращении продолжительности рабочего дня. Иными словами, экономический закон народонаселения при социализме состоит в том, что рабочее население, участвуя в процессе социалистического производства, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые обеспечивают его наиболее полную и рациональную занятость.

Правильный подход к определению социалистического закона народонаселения содержит книга И. Ю. Писарева, где говорится: «Закон народонаселения — экономический закон. От экономического закона народонаселения следует отличать демографические закономерности, в которых он проявляется» [154, стр. 4]. Однако по традиции Писарев продолжал ошибочно считать, что в отличие от капитализма при социализме такими демографическими закономерностями, выражающими действие экономического закона народонаселения, служат высокая рождаемость и высокий уровень естественного прироста населения, поскольку процесс воспроизводства населения «при капитализме протекает в условиях необеспеченности семей трудящихся, а при социализме, наоборот, — в условиях обеспеченности» [154, стр. 17].

На Всесоюзном симпозиуме по вопросам марксистско-ленинской теории народонаселения (Москва, 1966 г.) для обсуждения был предложен доклад Н. С. Есипова, в котором также делалась попытка сформулировать чисто экономический закон без демографических показателей. Согласно содержащемуся в докладе определению, сущность закона составляет «обеспечение устойчивого улучшения жизненных условий трудящихся на основе полной занятости и использования общественных фондов потребления для достижения наибольшей всесторонности развития и жизнедеятельности людей, включая сюда и воспроизводство населения, выступающего как источник трудовых ресурсов» [115, стр. 34]. Нетрудно заметить, что это определение страдает чрезмерной широтой и исходит из нескольких иных методологических принципов, нежели данное Марксом определение капиталистического закона народонаселения.

Это обстоятельство было отмечено при обсуждении на симпозиуме, в частности профессором МГУ В. Н. Ягодкиным, который подчеркнул, что положения К. Маркса о законе народонаселения общеметодологического характера сохраняют силу и для социализма. Имеющиеся формулировки социалистического закона народонаселения, сказал он, содержат «недостатки, которые, на наш взгляд, можно было бы свести к двум группам. Во-первых, эти формулировки включают в содержание закона народонаселения при социализме целый ряд существенных моментов, характеризующих социалистический способ производства вообще. Они допускают смешение раз-

личных понятий, различных категорий, которые выражают различные стороны социалистического общественного строя. Во-вторых, в имеющихся формулировках закона допускается смешение экономических процессов с демографическими, а это, на наш взгляд, неправильно... Связь и взаимодействие между экономическими процессами и демографическими процессами не устраняют различий между ними и не дают оснований для их смешения, для их отождествления» [115, стр. 100].

Само собой разумеется, все вышеизложенное относительно известной самостоятельности демографических явлений, неправомерности их непосредственного включения в сферу действия экономических законов рабочего населения, неправомерности вульгарного отождествления законов развития и смены способов производства с законами воспроизводства действительной жизни отнюдь не означает, что демографические процессы развиваются безотносительно к исторически различным формам общественного устройства. Как известно, В. И. Ленин специально указывал на зависимость условий размножения человека от устройства различных социальных организмов [15, стр. 476]. Однако эта зависимость выглядит иначе, нежели представлялось при вульгаризированной трактовке марксистско-ленинской теории народонаселения и, в частности, данного указания В. И. Ленина.

Воздействие на демографические процессы исторически сменяющих друг друга социально-экономических формаций объясняется прежде всего тем, что каждый новый общественный строй и свойственный ему способ производства побеждает старый, создавая более высокий уровень производительности труда. В результате общество в целом становится более богатым, с более благоприятными жизненными условиями, что в свою очередь ведет к уменьшению смертности и увеличению средней продолжительности жизни населения. Таким образом, каждая новая социально-экономическая формация отличается в демографическом отношении от старой сравнительно пониженной смертностью и увеличенной средней продолжительностью жизни. И, поскольку социализм является самой прогрессивной общественной формацией, создающей условия для всестороннего духовного и физического развития трудящихся, ему должны быть присущи максимально низкая смертность и наибольшая продолжительность жизни населения. Как известно, в современном мире со-

циалистические страны имеют показатели смертности и средней продолжительности жизни примерно одинаковые с развитыми капиталистическими странами, но это лишь результат того, что пока еще не достигнуто решающее превосходство социализма над капитализмом по уровню производительности труда и развитию производительных сил.

Что касается рождаемости, то, как уже отмечалось, ее динамика также в конечном итоге зависит от уровня развития производительных сил, хотя эта связь и не прямая, а опосредствованная социально-культурными и социально-психологическими факторами. С общественным прогрессом — индустриализацией, увеличением городского населения за счет сельского, повышением народного благосостояния и образования, общим ростом культуры, усилением женской эмансипации, ослаблением религиозных предрассудков и патриархальных традиций и т. д. — происходит постепенное снижение рождаемости. Одновременно в общем сложном комплексе факторов, влияющих на интенсивность деторождений, возрастает роль социальных факторов при относительном уменьшении роли естественных, биологических факторов. Родители все более сознательно определяют желаемое число детей, откладывая новые деторождения до удобного времени или совсем отказываясь от них.

С победой коммунизма, когда личные интересы отдельных индивидов начнут гармонично сочетаться с общественными, рождаемость станет характеризоваться не высоким или низким уровнем, а оптимальными размерами, сознательно планируемыми обществом в соответствии с объективными потребностями и регулируемые при помощи гибкой и разносторонней демографической политики. Нельзя говорить о подлинно плановом общественном хозяйстве, если воспроизводство рабочей силы — главного элемента производства — происходит стихийно. Вот почему закон планомерного, пропорционального развития социалистической экономики не может не предусматривать и планового воздействия на динамику рождаемости для достижения наилучшего сочетания роста населения с экономическим прогрессом.

На первой, низшей стадии коммунистического общества — при социализме, а тем более в период его строительства эти закономерности действуют как нарастающая, господствующая тенденция среди возможных нару-

шений народнохозяйственных пропорций, планомерно устраняемых государством. Вопреки еще недавно распространенному ошибочному убеждению само по себе революционное свержение капитализма в той или иной стране отнюдь не означает автоматического вступления в силу социалистического закона народонаселения и установления более прогрессивного режима воспроизводства населения. В действительности социалистическая революция, открывая путь быстрому развитию производительных сил, лишь создает тем самым основу, необходимые предпосылки для таких будущих изменений.

Это обстоятельство особенно важно иметь в виду при анализе проблем народонаселения экономически отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки, обычно определяемых в мировой научной литературе, в частности в документах ООН, термином «развивающиеся» в отличие от «развитых» стран. Если в чисто экономическом отношении деление всех стран мира на эти две группы остается в значительной степени спорным из-за отсутствия четких и общепринятых критериев, а в политическом тем более малопримемым (так как в категорию «развивающихся» включаются афро-азиатские и латиноамериканские страны с самым различным общественно-политическим устройством), то в демографическом отношении, как будет более подробно показано ниже, такое деление, напротив, вполне оправданно вследствие существующего совершенно отчетливого различия в особенностях воспроизводства населения. Это деление не только оправданно, но просто необходимо при прогнозировании мирового населения, перспективы роста которого почти полностью зависят от состояния демографических процессов именно в группе развивающихся стран.

Настоящая работа посвящена анализу демографической ситуации и связанных с нею основных проблем народонаселения этой группы стран. На основе изучения главных общих тенденций и с учетом специфических особенностей отдельных районов в ней предпринята попытка выяснить, как происходящие в Азии, Африке и Латинской Америке демографические изменения влияют на процесс экономического роста, как они, в частности, проявляются в процессах внутренней миграции и урбанизации, в проблеме занятости и продовольственном вопросе, в области образования и подготовки кадров, какие имеют кроме экономических социальные и полити-

ческие последствия. В этой связи в работе проанализированы мероприятия ряда правительств развивающихся стран, направленные на ограничение темпов воспроизводства населения. Автор стремился определить общественную целесообразность демографической политики, ее действительное место в общем комплексе народнохозяйственных мероприятий. Поскольку проблемы народонаселения Азии, Африки и Латинской Америки приобретают важное международное значение, в работе также исследуются связанные с ними некоторые вопросы мировой экономики и политики.

Иными словами, главная цель работы заключается в том, чтобы установить действительную роль демографических факторов в социально-экономическом развитии, определить создаваемые ими специфические проблемы в различных сферах общественной жизни, выяснить содержание и реальные возможности демографической политики в конкретных условиях менее развитых в экономическом отношении афро-азиатских и латиноамериканских стран, где в результате резко ускорившихся за последние десятилетия темпов демографического роста проблемы народонаселения стали особенно актуальными и приобрели наиболее отчетливую форму.

Такой подход к теме позволил автору не углубляться в общие социально-экономические и политические вопросы развивающихся стран, достаточно полно разработанные советскими учеными. Опираясь на труды этих ученых и используя уже имеющиеся в советской и зарубежной научной литературе экономические и демографические оценки и прогнозы, автор имел возможность сосредоточить свое внимание на выяснении основных методологических принципов исследования проблем народонаселения развивающихся стран и анализе главных направлений действия демографических факторов во всем сложном комплексе общественных явлений. Не все затронутые в работе вопросы удалось осветить с одинаковой полнотой; некоторые из них только намечены в общих чертах, поставлены в порядке дискуссии и требуют дальнейшего углубленного изучения.

Часть первая

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

ГЛАВА I

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Азия, Африка и Латинская Америка — три обширных региона, на территории которых проживает около двух третей мирового населения, стали в середине нынешнего века ареной так называемого демографического взрыва — значительного изменения в демографических процессах, послужившего причиной резкого ускорения среднегодовых темпов роста всего человечества. Если в первой половине столетия (1900—1950) этот показатель равнялся примерно 1%, то лишь за 15 лет второй половины столетия (1950—1965) он возрос почти до 2%, в том числе до 2,1% в Азии, до 2,3% в Африке и до 3% в Латинской Америке. В ряде африканских и латиноамериканских стран население сейчас увеличивается темпами, превышающими 3 и даже 4% в год. Между тем годовые темпы роста в 2,5% ведут к удвоению населения менее чем через 30 лет, а в 3,5% — через 20 лет.

Соответственно увеличивается абсолютная численность мирового населения, среднегодовой прирост которого составил 9,7 млн. в период с 1900 по 1920 г., но уже 35,1 млн. в период с 1940 по 1960 г. За год, с 1966 до 1967 г., население земного шара выросло на 65 млн., причем на 56 млн. за счет афро-азиатских и латиноамериканских стран. Только население Азии увеличилось на 40 млн., что составило свыше 60% общего прироста мирового населения. Всего за 15 лет, с 1950 по 1965 г.,

численность жителей земли возросла почти на 800 млн., т. е. больше чем за все XIX столетие.

Особенно заметно растет население в некоторых странах с большой численностью жителей. Здесь даже сравнительно умеренные темпы роста вызывают весьма внушительное увеличение в абсолютных цифрах. Так, население Индии ежегодно возрастает на 13 млн., КНР — примерно на 10 млн., Пакистана — на 3 млн., Бразилии, Индонезии — более чем на 2 млн. в каждой, Мексики и Филиппин — более чем на 1 млн., Таиланда и ОАР — примерно на 800—900 тыс. и т. д.

Такое стремительное увеличение прироста населения за последние два-три десятилетия явилось результатом быстрого снижения уровня смертности в странах Азии, Африки и Латинской Америки при сохраняющейся высокой рождаемости.

Величина и динамика смертности

В эпоху колониализма высокая рождаемость в колониях и полуколониях уравнивалась высокой смертностью, поэтому общий прирост населения в этих странах, на долю которых приходилось около двух третей всего человечества, оставался весьма умеренным или в отдельных случаях даже совсем не происходил. Непрерывные голодовки, антисанитарные условия жизни народных масс являлись причиной широкого распространения всевозможных тяжелых эпидемических заболеваний: чумы, оспы, холеры, тифа, малярии, дизентерии и т. п. При колониальном режиме серьезной борьбы с этими болезнями не велось, медицинское обслуживание населения практически отсутствовало, и общий коэффициент смертности держался на уровне примерно 25—30 и более*. Особенно велика была детская смертность: нередко в течение первого года жизни умирали от трети до половины всех новорожденных.

Из-за высокой смертности средняя продолжительность жизни** обычно не превышала 25 лет, что даже в

* Общий коэффициент смертности — демографический показатель, означающий годовое число умерших в среднем на 1000 человек.

** Средняя продолжительность жизни — демографический показатель, означающий число лет, которое в среднем предстоит

условиях высокой рождаемости сильно ограничивало воспроизводство населения, поскольку преобладающая часть подростков не доживала до брачного возраста, а большинство находящихся в браке взрослых умирало в расцвете лет, задолго до окончания детородного периода жизни. Основная доля смертей в экономически отсталых странах приходилась на новорожденных и маленьких детей. Так, в Египте в 1936—1940 гг. при средней продолжительности жизни менее 40 лет 55% всех смертей происходило в возрастной группе от 0 до 5 лет. В противоположность этому, например, в главных европейских странах от 65 до 70% всех смертей приходится в настоящее время на возрастную группу свыше 65 лет [364, январь, 1967, стр. 17].

Еще одной отличительной чертой смертности в экономически отсталых странах являются более плохие ее показатели среди женщин из-за бесправного их положения, непосильного физического труда, огромной смертности рожениц, из-за практикуемого в некоторых примитивных обществах убийства новорожденных девочек и т. п. По мере экономического и культурного прогресса с увеличением средней продолжительности жизни эта неблагоприятная для женщин разница в смертности постепенно уменьшается и переходит в свою противоположность в экономически развитых странах с большой средней продолжительностью жизни, где преобладает смертность среди мужчин.

Конечно, всегда существовали известные различия в состоянии смертности населения многочисленных афроазиатских и латиноамериканских стран, как, впрочем, и населения всех стран мира; в отдельных отсталых странах, например в Малайе, на Цейлоне, уже сравнительно давно наметилась тенденция к ее постепенному уменьшению. Однако существенным образом положение изменилось только после второй мировой войны. Благодаря коренным политическим переменам на мировой арене, с одной стороны, и появлению новых эффективных инсектицидов и медикаментов, в частности сульфамидов и антибиотиков, — с другой, создалась возможность начать с помощью Всемирной организации здравоохранения ООН

прожить данному поколению родившихся, если предполагать, что на всем протяжении жизни этого поколения, при переходе его из одного возраста в другой, смертность будет равной современному уровню смертности населения в отдельных возрастных группах.

и некоторых других международных организаций активное наступление на эпидемические болезни, в результате чего смертность населения Азии, Африки и Латинской Америки стала быстро снижаться. Особенно успешной по своим последствиям оказалась борьба с малярией. Так, на Цейлоне, где с 1945 г. началась широкая антималярийная кампания с применением препарата ДДТ, смертность сразу же резко сократилась, с 20,9 в 1946 г. до 14,3 в 1947 г., т. е. на треть всего за год. Если же взять более длительный период, то общий коэффициент смертности на Цейлоне уменьшился с 24,5 в среднем в 1935—1939 гг. до 8,7 в 1964 г., т. е. на две трети по сравнению с довоенным уровнем. Успешные антималярийные мероприятия явились одной из главных причин снижения смертности также и в Индии, хотя оно не было столь стремительным, как на Цейлоне.

Наряду с успехами медицины быстрому сокращению смертности в освободившихся странах способствовало также то обстоятельство, что созданные после ликвидации колониальных режимов национальные правительства получили возможность в ходе государственного строительства принять меры по развитию народного здравоохранения и повышению санитарной культуры населения — улучшению водоснабжения, удалению нечистот, борьбе с насекомыми и т. п. Нельзя не учитывать и благотворного воздействия первых успехов в области народного образования и национальной экономики. В частности, развитие дорожной сети и транспортных средств облегчило внутригосударственное маневрирование продовольственными и другими материальными резервами и тем самым значительно уменьшило опасность возникновения локальных голодовок и эпидемий.

В результате действия всех отмеченных факторов смертность в развивающихся странах за короткий исторический срок уменьшилась в среднем примерно вдвое. К 1955—1958 гг. по сравнению с 1935—1939 гг. ее коэффициент сократился в Индии с 22,6 до 10,3, на Цейлоне с 24,5 до 10,1, в Малайе с 20,7 до 11,7, в Мексике с 23,3 до 12,9, в Аргентине с 11,6 до 8,4, в Чили с 23,3 до 12,5, в Коста-Рике с 20,0 до 9,8, в Пуэрто-Рико с 19,1 до 7,1, в Венесуэле с 17,8 до 9,9 и т. д. [66, стр. 13].

Европа не знала таких быстрых темпов снижения смертности. Главным европейским и североамериканским странам потребовалось 150—100 лет, чтобы коэффициент

смертности их населения достиг нынешнего уровня, равного 8—12. Между тем, как уже отмечалось, многие развивающиеся страны добились этого всего за 30—20 лет, иногда даже за 15. Это и понятно. Основным фактором, способствовавшим снижению смертности населения некоторых районов мира на рубеже XVIII и XIX вв., было медленное общее улучшение жизненных условий, в том числе санитарно-гигиенических, в результате технического прогресса, роста производительности труда. Медицина прошлого века, хотя и быстро прогрессировала, еще не знала тех эффективных противоэпидемических средств, которыми располагает человечество в настоящее время.

Оценивая, однако, выдающиеся успехи развивающихся стран в сокращении смертности, вместе с тем нельзя не видеть, что положение с народным здравоохранением в этих странах все еще далеко не благополучно, и в среднем общий коэффициент смертности остается вдвое выше, чем в экономически развитых государствах. Действительный же разрыв еще более велик, поскольку сравнение по этому демографическому показателю имеет весьма ограниченное значение. Дело в том, что общий коэффициент смертности в большой степени зависит от возрастной структуры населения, которая в развивающихся и развитых странах сильно различается. В последних из-за низкой рождаемости преобладают пожилые и старческие возрасты с естественно более высокой смертностью. Напротив, в развивающихся странах, где сохраняется высокая рождаемость, преобладает молодежь с естественно пониженной смертностью, что благоприятно отражается на общем коэффициенте смертности.

В материалах ООН положение о зависимости общего коэффициента смертности от возрастной структуры населения иллюстрируется следующим примером. Общий коэффициент смертности на Тайване, в Сингапуре и Малайе соответственно равнялся 6,9, 7,4 и 12,4. Но если бы при существующих в этих странах уровнях смертности в отдельных возрастных группах возрастная структура населения была, как в экономически развитых странах, общий коэффициент смертности оказался бы значительно выше. Так, при возрастной структуре, аналогичной той, какая была в Венгрии в 1964 г., он уже равнялся бы соответственно 13,5; 14,6 и 17,5. И, наоборот, общий коэф-

фициент смертности в Венгрии, равный в 1964 г. 10,0, был бы примерно вдвое ниже при возрастной структуре населения, типичной для развивающихся стран. При возрастной структуре, подобной существовавшей на Тайване в 1960 г., он составлял бы только 4,8, при возрастной структуре Сингапура в 1957 г. — 4,7 и Малайи в 1957 г. — 5,2 [42, стр. 1—2].

Вот почему для сравнения действительного состояния смертности в развитых и развивающихся странах необходимо обращаться к такому независимому от возрастной структуры населения показателю, как «средняя продолжительность предстоящей жизни». Она также выросла в развивающихся странах за последние десятилетия*. Например, в ОАР за 20 послевоенных лет средняя продолжительность жизни увеличилась с 37 лет для мужчин и 39 лет для женщин до 50 и 52 лет соответственно. К 1955—1958 гг. этот показатель в среднем для мужчин и женщин равнялся 50—55 годам в Латинской Америке, 40—50 годам в Азии и примерно 40 годам в Африке. В то же время в экономически развитых регионах мира (в Северной Америке, Европе, Австралии и Новой Зеландии) он был значительно выше, достигая 70 и более лет [343, стр. 27].

В целом среднегодовой коэффициент смертности для всего мирового населения равнялся в 1960—1964 гг. примерно 16 на 1000 человек, в том числе в развитых странах 9 и в развивающихся 20. В последних наиболее низкий региональный коэффициент смертности отмечен в Латинской Америке (13) и наиболее высокий (27) в Восточной Африке. Среди отдельных стран очень низкий коэффициент смертности, равный 5—6, был в Иордании, Гонконге, Сингапуре, на Тайване и островах Рюкю; очень высокий, 30 и более, в Верхней Вольте, Республике Берег Слоновой Кости и других африканских странах. Еще более широкий диапазон различий в показателях детской

* Соответственно увеличивались темпы роста населения. Согласно имеющимся подсчетам, при типичной для колониальной эпохи средней продолжительности жизни, равной 25 годам, даже рождаемость на уровне биологического максимума (в среднем восемь детей на одну женщину за весь ее потенциально детородный период жизни) способна обеспечить лишь умеренный среднегодовой прирост населения примерно в 1,5%. Если же при этом уровне рождаемости вероятная продолжительность жизни возросла бы до 70 лет, темпы прироста населения достигли бы 5%!

смертности*: от 13 в Швеции до 200 и более в ряде стран Тропической Африки.

Таким образом, в мире все еще сохраняется большой разрыв между развитыми и развивающимися странами по показателям смертности. Развивающиеся страны также делятся по этим показателям на две группы: во-первых, страны, уже добившиеся существенного прогресса в сокращении смертности и увеличении средней продолжительности жизни (большинство латиноамериканских и ряд азиатских стран), и, во-вторых, страны, находящиеся пока на начальном этапе такого прогресса (большинство африканских стран). Соответственно в каждой из этих двух групп существуют различные перспективы динамики смертности и ее воздействия на общий рост мирового населения.

В тех развивающихся странах, которые за последние 20—30 лет были главной ареной происходившего в мире «демографического взрыва», в ближайшей перспективе следует, видимо, ожидать постепенного замедления темпов сокращения смертности и роста средней продолжительности жизни. Лишь на начальном этапе борьбы за укрепление здоровья населения этих стран можно добиваться больших и скорых успехов преимущественно, если не целиком, за счет медицинских и санитарно-гигиенических мероприятий. Но после того, как эти первые успехи достигнуты и в основном ликвидирована угроза массовых эпидемий, дальнейшее уменьшение заболеваемости и смертности во все большей степени начинает зависеть от экономических факторов, от общего повышения жизненного уровня — увеличения семейных доходов, улучшения питания, жилищных условий и т. п., что требует более быстрого, чем рост численности населения, расширения сельскохозяйственного и промышленного производства, жилищного и коммунального строительства. Для развивающихся стран это нелегкая задача, и поэтому прибавление каждого нового года к средней продолжительности жизни становится все более затруднительным.

Со временем центр «демографического взрыва» все больше начнет перемещаться в те развивающиеся стра-

* Коэффициент детской смертности — демографический показатель, означающий среднее число умерших детей в возрасте до одного года на 1000 благополучных рождений (т. е. исключая мертворождения).

ны, где до сих пор сохраняется очень высокая смертность, особенно детская, и, следовательно, имеются большие потенциальные возможности для значительного ускорения прироста населения при помощи современной медицины. Прежде всего это касается Тропической Африки, основная часть населения которой лишена каких-либо благ современной цивилизации. Но и в других районах эти возможности еще далеко не исчерпаны. Так, в Индии, по словам бывшего директора демографического центра Чембур в Бомбее доктора С. П. Джайна, «имеются определенные группы смертности, которые, видимо, могут подлежать дальнейшему ограничению. Детская смертность в стране все еще высока и равняется примерно 125. Инфекционные и паразитарные заболевания до некоторой степени сокращены, но все еще весьма значительны. Болезни дыхательных путей и пищеварительного тракта представляют широкий простор для ограничения. Случаи смертности рожениц могут быть существенно сокращены. Это свидетельствует, что значительное снижение смертности можно ожидать в будущем по мере нарастающего использования результатов прогресса в медицине и здравоохранения без обязательного условия ускоренного экономического и социального роста» [316, стр. 7].

Величина и динамика рождаемости

Как уже отмечалось, быстрое снижение смертности в развивающихся странах стало причиной «демографического взрыва» потому, что оно происходит в условиях высокой рождаемости, которая примерно вдвое превосходит уровень рождаемости в экономически развитых государствах. В целом общий коэффициент рождаемости мирового населения равнялся 34 на 1000 человек в 1960—1964 гг., в том числе в развитых государствах он составлял 21, а в развивающихся странах 40. По отдельным регионам коэффициент рождаемости различался следующим образом: в Азии 41, в Латинской Америке 44 и в Африке около 48. Особенно высок он в Западной Африке (50—60 рождений в год на 1000 жителей), где был зарегистрирован мировой максимум в Гвинее и Мали — 62.

Наряду с общим коэффициентом рождаемости для ее

характеристики употребляются также не зависящие от влияния возрастно-полового состава населения общий коэффициент плодovitости и брутто-коэффициент воспроизводства *. По этим демографическим показателям существует четкое различие между развитыми и развивающимися странами. Так, брутто-коэффициент воспроизводства в развитых государствах обычно равен примерно 1,0—1,5 и во всяком случае не превышает 2,0, а в развивающихся странах составляет около 3,0 и обычно не спускается ниже 2,0. Иногда рождаемость в развивающихся странах приближается к биологическому максимуму, который оценивается брутто-коэффициентом воспроизводства, равным около 4,0, что соответствует в среднем примерно 8 благополучным рождениям на 1 женщину за весь ее потенциально детородный период (для большинства развивающихся стран типично в среднем 5—6 детей на 1 женщину).

Это обстоятельство дало повод многим демографам считать, что рождаемость в развивающихся странах, и вообще в доиндустриальных обществах, имеет «стихийный», «естественный» характер (в отличие от «сознательного материнства» в промышленно-развитых государствах), что величина этой рождаемости ограничивается лишь пределом физиологической способности к производству потомства. Существует ряд теорий, которые сводят объяснение высокой рождаемости в развивающихся странах к биологическим причинам. В числе подобных теорий можно встретить и откровенно расистские измышления о якобы имманентной для «цветных» народов плодovitости и искренние научные заблуждения некоторых прогрессивных буржуазных ученых.

К последним относится, в частности, концепция известного бразильского специалиста по вопросам питания Жозуэ де Кастро, выступающего при исследовании проб-

* Общий коэффициент рождаемости, относящийся ко всему населению независимо от его состава, является наиболее точным показателем влияния числа рождений на рост населения и лишь приблизительно для характеристики плодovitости. Общий коэффициент плодovitости (женской) — число рождений, без мертворождений, приходящихся за год в среднем на 1000 женщин детородного, иначе называемого, фертильного, возраста (условно в период от 15 до 45 или 49 лет). Брутто-коэффициент воспроизводства (женского населения) — число родившихся девочек в среднем на одну женщину за весь период ее детородного возраста.

лем развивающихся стран с антиимпериалистических и антимальтузианских позиций. В своей получившей мировую известность книге «География голода» он утверждает, что именно хроническое голодание, недостаточное потребление белков животного происхождения служит биологическим стимулятором рождаемости. «К группам населения, обнаруживающим наибольшую плодовитость,—говорится в книге,—относятся именно те, в чьей пище, как правило, содержится наименьшее количество полноценных белков — белков животного происхождения... В географическом отношении все страны с высоким уровнем рождаемости (свыше 30) расположены в тропическом поясе, где географические и экономические условия не благоприятствуют производству и потреблению белков животного происхождения. Преобладание растительной пищи в этих странах, несомненно, является одним из решающих факторов, влияющих на уровень рождаемости. Если сопоставить уровень рождаемости в различных странах мира с потреблением в этих странах белков животного происхождения, то можно установить очевидную связь между обоими факторами: при увеличении потребления белков уровень рождаемости падает... Таким образом, усиленное размножение человеческого рода, являющееся результатом чрезмерной плодовитости, в конечном счете представляет собой проблему специфического голодания—одного из самых странных проявлений всеобщего голода. Голод повинен в перепроизводстве человеческих особей, избыточных по количеству, плохих по качеству, которых безрассудно бросают в мировой демографический водоворот.

Это проявление голода имеет исключительное значение для настоящего исследования, поскольку оно дает биологическое обоснование теории, согласно которой специфическое голодание является причиной перенаселенности», — заключает автор [127, стр. 107—109].

Жизнь не подтверждает теории Жозуэ де Кастро. Многочисленные наблюдения ученых с несомненностью свидетельствуют, что хроническое голодание, в том числе и белковая недостаточность, отрицательно сказывается на всех функциях человеческого организма, не исключая и функции размножения. Впрочем, для доказательства несостоятельности этой теории не требуется даже специальных научных исследований, достаточно простого житейского опыта. Известно, например, что после второй

мировой войны в США стало модой среди привилегированных слоев общества заводить много детей. Это считалось признаком патриотизма, добропорядочности, верности традициям многосемейности первых переселенцев. В семьях некоторых американских миллионеров появилось больше детей, чем имеют многие индийские крестьяне. Стоит ли говорить, что эти американские миллионеры не испытывают хронического голодания.

Следует отметить, что теория Жозуэ де Кастро не является оригинальной. Подобные идеи высказывал еще Фурье, и более полно их развивал один из ранних критиков Мальтуса доктор Томас Даблдэй (1790—1870 гг.). В трактате «Истинный закон народонаселения» он, в частности, писал, что плодovitость человека, как и всех живых существ, обратно пропорциональна количеству потребляемой им пищи, поскольку «тучность и богатство крови, являющееся результатом обильного питания, ослабляют оплодотворяющую способность» [233, стр. 70].

Ошибка Даблдэя, как и Жозуэ де Кастро, заключается прежде всего в распространении некоторых закономерностей органического мира на общественные явления, в недооценке социальной стороны процесса воспроизводства населения. Ведь состояние рождаемости в человеческом обществе определяется не только одними биологическими факторами, но зависит и от действия социально-экономических и социально-психологических факторов. Именно с этих позиций необходимо выяснять причины высокой рождаемости в современных афро-азиатских и латиноамериканских странах.

Возвращаясь к широко распространенному утверждению о якобы стихийном характере рождаемости, следует признать, что такое утверждение логически приводит к неправильному выводу о том, будто существующие между отдельными развивающимися странами весьма значительные различия в величине рождаемости зависят только от разницы в состоянии здоровья отдельных народов, от степени распространения среди них тех или иных заболеваний, вызывающих снижение плодovitости и увеличение внутриутробной смертности. В действительности, хотя состояние здоровья оказывает, несомненно, заметное влияние на величину рождаемости, это влияние не определяющее. Более того, факты свидетельствуют, что нередко развивающиеся страны со сравнительно большей

средней продолжительностью жизни населения, а следовательно и с относительно более благоприятным положением в области здравоохранения, имеют отнюдь не самые высокие показатели рождаемости. Скорее наоборот.

Главными же причинами неодинаковой величины рождаемости в отдельных развивающихся странах являются различия в господствующих формах брака (полигамные или моногамные), в семейной организации (простые или сложные семьи), в традиционных нормах семейно-брачных отношений (определяющих минимальный возраст вступления в брак, степень свободы внебрачных связей, порядок разводов и возможность вторичных браков для разведенных и вдов и т. п.). Выполнение такого рода традиционных норм требует сознательного регулирования рождаемости, как это, например, отмечено у многих африканских племен, обычаи которых предписывают выдерживать двух-, трехлетний интервал между рожденьями детей.

Во всяком случае было бы неправильным считать, что народы развивающихся стран не имеют каких-либо сознательных взглядов на желаемое количество детей и размножаются бездумно, настолько интенсивно, насколько позволяют им их физиологические возможности. «Отсутствие массового внутрисемейного регулирования числа детей в развивающихся странах нельзя рассматривать только как результат «темноты и невежества» населения этих стран, — отмечал в докладе на Всемирной конференции ООН по проблемам народонаселения советский ученый В. И. Козлов, — этот факт может быть объяснен и тем, что преобладающая часть населения рассматривает процесс деторождения как естественный и необходимый результат брачных отношений и достаточно сознательно стремится к многодетности» [267, стр. 194].

Это стремление к многодетности, которое в целом доминирует во всем «третьем мире», обусловлено действием общих факторов, и прежде всего социально-экономических и социально-культурных. Об этом, например, убедительно свидетельствует работа, выполненная демографическими органами ООН. Была произведена комбинированная группировка брутто-коэффициентов воспроизводства населения, исчисленных на определенные периоды времени, со специально подобранными экономическими и социальными показателями, а также сопоставлены средние брутто-коэффициенты воспроизводства на-

селения стран с разными уровнями этих показателей и средние социально-экономические показатели стран с разными уровнями брутто-коэффициентов воспроизводства населения. Результаты исследования подтвердили правильность общего вывода о том, что высокая рождаемость сочетается с низкими показателями экономического и социального развития, и наоборот. Так, для типичной страны с брутто-коэффициентом воспроизводства свыше 2,0 в период 50-х годов были характерны: средний годовой доход на душу населения около 170 ам. долл. (в ценах 1957—1959 гг.), занятость в несельскохозяйственных отраслях около 40% мужского рабочего населения, проживание около 17% населения в городах с числом жителей свыше 20 тыс., наличие около 30% неграмотных среди женского населения в возрасте 15 лет и старше и средняя продолжительность жизни около 50 лет [28, стр. 21—22].

Исследование, проведенное ООН, вместе с тем показало, что в пределах каждой из двух основных групп стран — с высокой рождаемостью и низким уровнем экономического развития и с низкой рождаемостью и высоким уровнем экономического развития — обратная зависимость между величиной брутто-коэффициента воспроизводства населения и любыми социальными и экономическими показателями становится малоощутимой. Коэффициент корреляции, исчисленный отдельно для каждой из этих групп, с брутто-коэффициентом воспроизводства выше и ниже 2,0, оказывается совсем незначительным в статистическом отношении. Как отмечается в материалах ООН, этот вывод говорит в пользу так называемой теории транзисторной динамики народонаселения, которая утверждает, что характерная для общества доиндустриального типа высокая рождаемость вызывается факторами культурного порядка. Когда такие общества вступают на путь индустриализации и связанной с ней экономической и социальной эволюции, величина рождаемости остается практически неизменной до тех пор, пока не будет достигнут довольно высокий уровень экономического развития; лишь после этого ослабевает действие факторов, стимулирующих высокую рождаемость, и последняя начинает быстро снижаться.

Тезис о «сопротивляемости факторов, стимулирующих высокую рождаемость, социальным и экономическим изменениям» как будто бы находит подтверждение в ре-

альной действительности современных афро-азиатских и латиноамериканских стран, где, несмотря на быстрый рост численности городского населения и достигнутый за последние десятилетия значительный прогресс в области здравоохранения и образования, сохраняется высокая рождаемость. Однако было бы неправильно на этом основании считать, как полагают некоторые сторонники «транзисторной теории», что социально-экономические факторы не оказывают решающего влияния на динамику рождаемости. Дело заключается в том, что это влияние происходит не прямо, а опосредствованно, через действие социально-психологических факторов, которые проявляются, в частности, в различных традициях, обычаях, религиозных взглядах, обладающих большой силой инерции.

Таким образом, высокая рождаемость в современных афро-азиатских и латиноамериканских странах — результат глубоких традиций, сохраняющихся в условиях унаследованной от эпохи колониализма отсталой социально-экономической структуры с ее широко распространенными пережитками феодальных и первобытно-общинных отношений, с абсолютным преобладанием неграмотного, лишенного подчас элементарных благ цивилизации, закоснелого в предрассудках и суевериях сельского населения.

В этих условиях многодетность — прежде всего следствие традиционно ранних браков. Например, в Индии средний возраст девушек, вступающих в первый брак, равнялся в 1941—1951 гг. 15,4 года. В Алжире типичный возраст девушек, вступающих в первый брак, — 17 лет, но часто они выходят замуж на пятнадцатом году, к 20 годам уже около $\frac{3}{4}$ женщин находятся замужем; в Гвинее — в 1955 г. приблизительно $\frac{4}{5}$ женщин в возрасте 15—19 лет были замужем [28, стр. 84, 187, 367]. Высокой рождаемости способствует также почти всеобщее вступление женщин в брак и, как правило, стремление брачных пар иметь много детей.

Традиции многодетности возникли еще в первобытном обществе как естественная психологическая реакция на очень высокую смертность. Без интенсивной рождаемости человеческие коллективы были обречены на вымирание, их успехи в борьбе с силами природы, в военных столкновениях с враждебными соседями зависели прежде всего от их численности. Многодетность обычна

В условиях общинной формы землёвладения и сложной формы семьи, которые до настоящего времени сохраняются у многих народов. В патриархальных семьях дети не создают сколько-нибудь значительных дополнительных экономических трудностей; напротив, с малых лет их привлекают к сельскохозяйственному труду семьи. Кроме того, дети являются для родителей своеобразной «страховкой» на старость, и чем больше детей, тем увереннее родители, что их старость будет обеспечена.

Исторически традиции многодетности закрепились в обычаях и религиях, по сей день господствующих среди народов развивающихся стран [266]. Как правило, эти обычаи и религии объявляют брак и многодетность священной обязанностью всякого мужчины и женщины, сурово осуждая безбрачие и бездетность. Многодетные женщины пользуются всеобщим уважением, а бездетные подвергаются общественному презрению. Например, в Гане, где рождаемость очень высока, «бездетность является величайшей личной трагедией и унижением для мужчин и женщин. Чем больше семья, тем больше гордятся этим родители. В Южной Ашанти совершается общественная церемония поздравления родителей, которые имеют 10 живых детей» [311, стр. 265].

Стремление оставить после себя многочисленное потомство обычно связано с культом предков, который, в частности, составлял основу древних китайских религиозно-философских воззрений. Этот культ включает в себя и индуистская религия, исповедуемая подавляющей массой населения Индии. Главный религиозный догмат индуизма — сохранение непрерывного наследования по мужской линии. Согласно индуистским канонам, рождение сына означает спасение для отца и его предков. Человек обретает вечность при рождении внука и вечное счастье при рождении правнука. Древние индуистские законы Ману гласят: «Женщины созданы, чтобы производить на свет детей, мужчины — чтобы увековечить род» [310, стр. 2]. Утверждение полного социального бесправия женщин, ограничение всех их общественных функций узкими рамками семьи и деторождения является характерной чертой также и другой религии Востока — ислама. Поощряя многосемейность и практику ранних браков, ислам вместе с тем — в отличие от индуизма с его традиционным запретом вторичного замужества овдовевших женщин — сравнительно легко разрешает раз-

воды и не препятствует вторичным бракам. По мусульманскому праву главной причиной для развода служит бесплодие одного из супругов или рождение в семье только девочек. Проведенное в Индии обследование рождаемости показало, что мусульманская часть населения имеет более высокий уровень рождаемости, чем индуистская.

Третья религия Востока — буддизм, проповедующий уход от мирских страстей в область духовного самоусовершенствования, уделяет меньше внимания семейным отношениям, нежели индуизм или ислам, однако и эта религия способствует многодетности своим фаталистическим взглядом на жизнь и отвращением ко всякого рода насильственным действиям, включая и искусственное ограничение рождаемости. Правда, среди буддистов-монахов довольно высокая доля принявших обет безбрачия может служить фактором, в известной мере сдерживающим рождаемость.

В Латинской Америке идеи многодетной семьи поддерживаются римско-католической церковью, исходящей из известного предписания Библии «плодитесь и размножайтесь». Католицизм также активно выступает против искусственного ограничения рождаемости при помощи противозачаточных средств и особенно аборт, рассматривая это как грешное деяние, равносильное убийству некрещеного младенца. Лишь в самое последнее время позиции римско-католической церкви в этом вопросе несколько смягчились и папа римский разрешил католикам в отдельных случаях избегать появления новых детей, но опять-таки не при помощи контрацептивов, а путем воздержания.

Конечно, религии и старинные обычаи продолжают влиять на психологию людей в развивающихся странах постольку, поскольку для этого сохраняются благоприятные условия в виде отсталых общественных отношений. Нет никакого сомнения, что по мере модернизации общества в ходе экономического и культурного строительства будут усиливаться предпосылки к постепенному снижению рождаемости вопреки этому влиянию. Достаточно сослаться на пример Италии, где все еще сильный католицизм не смог помешать формированию общего для всех развитых стран типа воспроизводства населения.

К числу предпосылок, создающих условия для сни-

жения рождаемости, относится прежде всего разложение общинного землевладения и землепользования и патриархального уклада в деревне под воздействием аграрных преобразований. Индустриализация и распространение образования, открывающие новые перспективы перед молодежью, раскрепощение женщин и включение их в общественное производство, учебу, политическую жизнь — все это ведет к повышению брачного возраста и уменьшению плодovitости женщин. Сокращение рождаемости произойдет также в ответ на снижение детской смертности, поскольку при высокой детской смертности высокая рождаемость имеет в значительной степени, так сказать, компенсационный характер. Снижение детской смертности и как следствие увеличение числа детей, доживающих до зрелого возраста, создают все больше трудностей в крестьянских семьях, так как при ограниченных размерах земельного надела появляются лишние рабочие руки, которые уже нельзя эффективно использовать в хозяйстве, а после смерти родителей это хозяйство приходится делить между слишком большим числом наследников. В городах законодательное запрещение детского труда и введение обязательного школьного обучения namного усиливают экономическое бремя по воспитанию детей и ставят родителей перед необходимостью сознательно ограничивать число деторождений. К этому побуждают и растущие материальные и культурные запросы супругов в результате общего улучшения жизненных условий.

Демографический путь, пройденный индустриальными государствами, неизбежно предстоит пройти и развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки. Однако это пока еще отдаленная перспектива, так как если сокращение смертности в результате повышения санитарной культуры и улучшения здравоохранения возникает незамедлительно, то изменения жизненного уклада, семейных традиций и т. п. в ходе революционного преобразования общества — процесс, как правило, медленный, и поэтому связанное с ним развитие тенденции к уменьшению рождаемости требует продолжительного срока.

Более того, в ряде развивающихся стран в ближайшем будущем рождаемость не только не понизится, а возможно, будет повышаться. Во всяком случае ниже следующие данные о динамике коэффициента рождае-

мости в Латинской Америке отчетливо демонстрируют развитие этой тенденции (хотя здесь, может быть, сыграло определенную роль и улучшение статистического учета рождаемости) [28, стр. 247—249]:

	1940—1944 гг.	1955 г.	1960 г.
Коста-Рика	44,9	51,0	50,2
Сальвадор	43,3	49,9	49,9
Гватемала	47,2	48,8	49,5
Ямайка	32,0	37,5	42,7
Мексика	44,2	45,9	46,0
Панама	37,5	39,4	41,0
Венесуэла	35,7	45,3	45,1

Прежде всего к повышению рождаемости ведет сокращение смертности и увеличение средней продолжительности жизни. Поскольку сокращение смертности происходит главным образом в молодых возрастных группах, заметно растет абсолютная численность детородных контингентов населения и, следовательно, увеличивается рождаемость даже при неизменном показателе плодovitости. Вместе с тем рождаемость повышается также в результате растущей возможности дожития женщин до конца своего потенциально детородного возраста и численного уменьшения вдовства по мере увеличения средней продолжительности жизни женщин и мужчин. Так, согласно одному исследованию моделей населения Индии, созданных исходя из условий неизменной структуры браков и неизменной плодovitости в период супружества, если бы средняя продолжительность жизни возросла с 30 до 50 лет, уменьшение числа вдов могло бы привести к увеличению брутто-коэффициента воспроизводства на 12%, а коэффициента рождаемости — поскольку произойдут соответствующие изменения в возрастной структуре населения — примерно на 2% [287, стр. 237].

Отказ от обычаев, запрещающих молодым вдовам повторно выходить замуж, и сокращение полигамных браков также могло бы стимулировать рождаемость. По имеющимся оценкам, плодovitость женщин, находящихся в моногамных браках, в среднем выше, чем при полигамии, все еще широко распространенной на Арабском Востоке и в ряде стран Тропической Африки. В материалах ООН отмечается, что одной из причин более низкого уровня рождаемости в сельских районах Габона

по сравнению со столицей страны г. Либервилем является высокий удельный вес полигамных браков. В то время как в Либервиле всего около 4% взрослых мужчин охвачено этой формой брака, в некоторых сельских районах этот процент достигает 30 [28, стр. 99].

Рождаемость будет повышаться благодаря успехам здравоохранения в борьбе с болезнями, прежде всего венерическими, малярией и другими, вызывающими полное или частичное бесплодие. Как показали выборочные обследования африканского населения, в Конго (Киншаса) в 1958—1959 гг., 20% женщин в возрасте свыше 45 лет ни разу не рожали детей, для Центрально-Африканской республики в 1959—1960 гг. этот показатель равнялся 16%, для Северного Камеруна в 1960 г. — 12%, для Нигера в 1960 г., Верхней Вольты в 1960—1961 гг. и Гвинеи в 1957 г. — по 6% [334, стр. 6]. Улучшение питания и отказ в связи с этим от обычая слишком продолжительного кормления детей грудью, иногда до двух, трехлетнего возраста, также могло бы увеличить плодотворность женщин. Значительное повышение рождаемости происходит у кочевников при их переходе к оседлому образу жизни. Так, в Судане, где правительство приступило к расселению кочевых племен на вновь орошаемых землях Гезира, уровень рождаемости в земледельческих районах оказался на 30% выше, чем в районах кочевого скотоводства [314, стр. 3; 326, стр. 354—363].

Даже такие важные факторы снижения рождаемости, как урбанизация и рост образования, иногда оказывают прямо противоположное действие на начальном этапе экономического развития ряда освободившихся стран Азии и Африки (для Латинской Америки это явление уже не типично). Например, данные по штату Майсур (Южная Индия) за 1951 г. показали, что в сельских районах уровень рождаемости был заметно ниже, чем в городах. Среднее число детей на каждую женщину в возрасте свыше 45 лет и состоявшую когда-либо в браке (включая вдов и разведенных) равнялось 5,3 в городе Бангалур, 5,6 в группе более мелких городских поселений и только 4,8 в трех обследованных сельских районах [52, стр. 111]. Более высокую рождаемость в городах по сравнению с сельской местностью показала перепись населения ОАР, проведенная в 1960 г. [351]. Причина этого явления, противоречащего на первый взгляд опыту индустриальных государств, кроется в том,

что, с одной стороны, подавляющую часть мигрирующих из деревни в города составляют молодые люди в наиболее благоприятном для деторождения возрасте, и поэтому среди городского населения повышается удельный вес детородных контингентов, с другой стороны, бурно разрастающиеся за счет деревенской миграции города многих освободившихся стран не обладают еще достаточными экономическими возможностями, чтобы за относительно короткий срок изменить формы семейных отношений, ослабить традиции многодетности у прибывающих массами из деревни обездоленных, неграмотных, лишенных необходимой квалификации людей.

Все вышеупомянутые факторы серьезно тормозят в развивающихся странах тенденцию к снижению высокого уровня рождаемости, хотя в отдельных странах эта тенденция за последние годы стала проступать довольно отчетливо. Если сравнить среднегодовые коэффициенты рождаемости за 1950—1954 гг. с данными 1965 г., можно заметить снижение в Гонконге с 34 до 27, в Сингапуре с 46 до 30, на Тайване с 46 до 33. Появились первые признаки уменьшения рождаемости на Цейлоне и в Малайе и уже довольно продолжительное время рождаемость снижается в Уругвае, Аргентине, Чили, на Кубе, Ямайке, в Пуэрто-Рико, Тринидаде и Тобаго. Дальнейшие возможности ускорения и расширения этого процесса открываются в связи с принятием правительствами ряда развивающихся стран официальной политики ограничения рождаемости.

Демографический прогноз

Сложившаяся в афро-азиатских и латиноамериканских странах демографическая ситуация, несомненно, представляет временную стадию перехода от характерного для колониальной эпохи типа воспроизводства населения с высокой рождаемостью и высокой смертностью к господствующему в индустриальных государствах типу с низкой рождаемостью и низкой смертностью. Но насколько длительным будет этот переходный период в развивающихся странах, когда начнется и как будет происходить снижение рождаемости, какова будет динамика смертности — все это зависит от многих взаимодействующих факторов, в том числе от величины бу-

душих темпов индустриализации и урбанизаций, высоты жизненного уровня, от степени успехов в народном образовании и эмансипации женщин, от характера международных экономических и политических связей, от эффективности принятых ныне многими странами национальных программ контроля над рождаемостью и т. д. Особенно трудно предугадать при перспективных демографических оценках, как будут меняться традиции и обычаи, религиозные взгляды, правовые нормы и другие подобные психологические и культурные факторы.

Между тем в выяснении будущих демографических тенденций жизненно заинтересованы молодые национальные государства, сравнительно недавно приступившие к самостоятельному хозяйственному строительству и стремящиеся как можно быстрее создать независимую экономику с достаточно высоким уровнем народного благосостояния. Без знания перспектив динамики населения нельзя рассчитывать на сколько-нибудь успешное планирование экономического и социального развития. Демографические прогнозы служат базой для исчисления будущих потребностей общества в сельскохозяйственных и промышленных товарах, жилищах, школах, больницах и других культурных, медицинских, социальных, коммунально-бытовых учреждениях, для перспективных расчетов отраслевых и территориальных балансов трудовых ресурсов и т. д. В современном мире с его всеохватывающими экономическими и политическими связями эти прогнозы одинаково необходимы как в рамках каждого отдельного государства, так и в международных масштабах.

Конечно, желательны возможно более точные прогнозы, но для этого требуется прежде всего существенным образом улучшить в развивающихся районах мира состояние демографического учета, которое все еще остается весьма несовершенным. Не говоря уж о том, что имеются страны с общей численностью жителей, оцениваемых более чем в 60 млн., где ни разу не проводились переписи населения, большинство развивающихся стран хотя такие переписи и проводило, но за редким исключением всего один-два раза и по крайне ограниченным программам. Еще хуже обстоит дело с текущей регистрацией рождаемости, смертности, миграции населения. Для демографической статистики развивающихся стран обычным являются недоучет младен-

цев и маленьких детей, неточность в определении возрастной структуры населения. Последнее зависит в большой степени от низкого культурного уровня подавляющей массы жителей, многие из которых или просто не знают свой истинный возраст или скрывают его из-за суеверия. Иногда оценка численности населения отдельных стран меняется существенным образом. Например, в Нигерии после переписи 1963 г. выяснилось, что общее число жителей составляет 56 млн., а не 37 млн., как считалось до этого, т. е. не было учтено 19 млн. человек. Как правило, такой пересмотр ранее существовавших подсчетов происходит в результате улучшения демографической службы, но нельзя полностью исключить и возможность того, что в единичных случаях некоторые недавно обретшие независимость небольшие государства могут попытаться преувеличить действительную численность своего населения по соображениям политического престижа.

Отсутствие полной и систематической информации о демографическом положении в большинстве развивающихся стран, и в частности отсутствие достоверных данных о распределении населения по полу и возрасту, о рождаемости и смертности в каждой возрастной группе, крайне затрудняет научное прогнозирование населения. Вот почему существующие демографические прогнозы остаются весьма приблизительными и, несмотря на то что обычно составляются в нескольких вариантах, с течением времени требуют серьезной корректировки.

Тем не менее благодаря энергичным усилиям Организации Объединенных Наций и ее специализированных органов за последние 10—15 лет научные основы демографического прогнозирования становятся все более надежными. ООН не только оказала и продолжает оказывать широкую помощь развивающимся странам в подготовке национальных демографических кадров, налаживании демографического учета и научных исследований в области народонаселения, но также провела большую работу по унификации существующих методов демографического учета, выработке интернациональной демографической терминологии, по дальнейшему совершенствованию методологии демографических оценок и прогнозирования, прежде всего применительно к странам с плохим статистическим учетом населения. Под

эгидой ООН состоялись многочисленные национальные и международные совещания по этим вопросам.

По мере улучшения демографического учета в национальных и международных масштабах уточняются подготавливаемые статистическими органами ООН прогнозы мирового населения, и в частности населения развивающихся стран*. (Первая работа такого рода появилась в 1952 г. под заглавием «Прошлый и будущий рост мирового населения».) В 1964 г. ООН опубликовала «Предварительный доклад о перспективах мирового населения по оценке 1963 г.». Этот документ отличался от всех предшествующих оценок значительно возросшей степенью научной достоверности, поскольку к 1963 г. не только претерпела дальнейшее усовершенствование методология прогнозирования, но, что особенно важно, появилась несравненно более прочная основа исходной демографической статистики в результате завершения Всемирной программы переписей населения 1960 г. «Предварительный доклад» был распространен среди экспертов различных стран, национальных статистических служб, демографических институтов и других заинтересованных учреждений для получения консультаций и отзывов, прежде всего относительно имеющих в докладе оценок и прогнозов по отдельным странам. С учетом их критических замечаний, а также самых последних национальных демографических оценок и прогнозов в 1966 г. доклад был переиздан в окончательной, уточненной редакции** [77].

Даже со всеми этими уточнениями последний прогноз мирового населения все же остается лишь приблизительной оценкой будущих перспектив в свете доступной

* В 1955 г. на материалах первой Всемирной конференции по вопросам народонаселения был издан документ «Основы для оценки будущего населения, 1950—1980 гг., по регионам мира». Затем в 1958 г. вышел в свет прогноз будущего населения мира на период с 1950 по 2000 г. и населения отдельных стран с 1950 г. по 1975 г. За это же время (1954—1959) были подготовлены и опубликованы более детализированные по полу и возрасту прогнозы будущего населения на период с 1950 по 1980 г. для Центральной Америки, Южной Америки, Юго-Восточной Азии и Азии и Дальнего Востока.

** Этот документ содержит не только прогнозы на будущее, но и уточненные ретроспективные оценки за 1920—1960 гг., которые отличаются от менее точных данных, опубликованных в «Демографическом ежегоднике ООН за 1963 год» и в других более ранних изданиях ООН.

на сегодняшний день демографической и социально-экономической информации. Появление новой информации неизбежно потребует дальнейшей ревизии нынешних оценок. Прежде всего это касается прогнозов населения отдельных стран и районов Азии, Африки и Латинской Америки, статистические данные которых при их общей ненадежности и фрагментарности отличаются, как уже указывалось, неудовлетворительной регистрацией детской смертности, недоучетом числа младенцев и маленьких детей, недостатком или даже полным отсутствием сведений о возрастном составе населения.

Чтобы при таком уровне демографической статистики все же составить прогнозы населения развивающихся стран и районов, статистические органы ООН пользовались аналитическими методами оценок. Так, если отсутствовали достоверные данные о рождаемости, применялся метод «обратимости коэффициента выживания» (reverse-survival method), для того чтобы установить действительную численность родившегося контингента и тем самым определить коэффициент рождаемости. Обычно за основу исчисления принималось количество детей в возрастной группе от 5 до 9 лет, которая, как правило, учитывается выборочными обследованиями значительно более точно, чем группа от 0 до 4 лет; затем на основе таблиц смертности это число дополнялось вероятным числом умерших за предшествовавшее пятилетие*. Чем точнее определено число детей в базовой возрастной группе, тем точнее можно выяснить их численность при рождении и, следовательно, существующий коэффициент рождаемости. (Правда, определенный таким образом коэффициент рождаемости имеет пятилетнюю давность, но в условиях довольно стабильного уровня рождаемости, наблюдающегося в развивающихся странах, это не имеет большого значения.)

На точность подсчета влияют также степень достоверности информации о существующем уровне смертно-

* Этот способ демографических исчислений основывается на разработанном советскими демографами еще в 20-х годах методе «передвижки возрастов», позволяющем при демографическом прогнозировании в отличие от простой экстраполяции учитывать влияние как возрастно-половой структуры населения, так и размеров рождаемости и смертности. Более подробно о перспективных расчетах мирового населения и методах прогнозирования можно, в частности, прочитать в интересной работе А. Я. Кваши [129].

сти и правильность выбора таблиц смертности*. Дело в том, что даже на основе неполных, фрагментарных данных о возрастном составе населения и уровне повозрастной смертности можно определить перспективные вероятности и, в частности, рассчитать при прогнозировании населения возможное число доживающих от исходной совокупности родившихся до того или иного возрастного рубежа, если прибегнуть к помощи типовых таблиц смертности, разработанных в ООН на материалах таблиц смертности населения 158 стран с самыми различными демографическими показателями. Задача заключается в том, чтобы из системы этих типовых таблиц выбрать и использовать ту, которая подходит по своим характеристикам к местным демографическим условиям.

Данные о рождаемости и смертности составляют основу для прогнозирования будущего роста населения. Вместе с тем необходимым является также учет внешней миграции, т. е. перемещения людей из одной страны в другую, с одного континента на другой. Внешняя миграция не только создает механический прирост или убыль населения, но и влияет на его естественное движение. Переселенцы обычно люди молодые, менее подверженные смертности и склонные обзаводиться детьми; а это значит, что в странах иммиграции возникает тенденция к некоторому «омоложению» возрастного состава населения, понижению коэффициента смертности и повышению коэффициента рождаемости. В странах эмиграции развивается противоположная тенденция.

Исторически внешняя миграция сыграла большую роль в формировании населения ряда стран и континентов, в частности Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии. Тяжело отразился на демографическом прошлом Африки мрачный период работорговли, за время которого было насильственно вывезено на американские

* Показатели распределения людей по продолжительности жизни объединяются в «таблицы смертности» (для зарубежной демографии более употребителен термин «таблицы жизни»). Эти таблицы воспроизводят соотношение интенсивности смерти в различных возрастах человеческой жизни. Статистические ряды таблиц находятся в определенных математических соотношениях и зависимостях, и величины каждого ряда позволяют развернуть все другие показатели. Отношение числа умерших в определенном интервале лет к средней численности живущих в этом интервале называется «табличным коэффициентом смертности» (или «коэффициентом выживания»).

плантации около 15 млн. негров-рабов. В начале нынешнего века значительных размеров достигла эмиграция индийцев в Африку и страны Юго-Восточной Азии, китайцев — в Юго-Восточную Азию и Америку и т. д. Но в настоящее время демографическое значение внешней миграции невелико. После второй мировой войны резко уменьшилась эмиграция из Индии и других районов Азии прежде всего из-за введения в большинстве стран традиционной иммиграции строгих законов, препятствующих въезду необеспеченных, малообразованных и неквалифицированных людей, которые как раз и составляли основную массу переселенцев из азиатских стран. Большая в прошлом эмиграция китайцев прекратилась после образования КНР.

Ожидается, что в будущем роль внешней миграции как фактора роста населения отдельных районов станет совсем незначительной, и поэтому в последнем демографическом прогнозе ООН миграционные процессы практически не принимались в расчет при определении перспектив роста населения в большинстве крупных регионов. Вместе с тем большое внимание было уделено более правильному, чем в прошлых прогнозах, определению границ этих регионов.

Если все прошлые прогнозы, включая опубликованный в 1958 г., были спроектированы по упрощенной региональной схеме с заранее созданными моделями населения, то последний прогноз исходил из новой региональной типологии, которая дала возможность, сохраняя характерные местные особенности, сделать порайонные оценки сопоставимыми в международном масштабе. Отказавшись от принятой ранее практики чисто географической классификации демографического прогнозирования по континентам и субконтинентам, статистические органы ООН составили долгосрочные прогнозы для 24 районов мира, выделенных по схожести демографических ситуаций, размеров населения и состояния демографического учета. Эти районы, в свою очередь, группировались в восемь главных регионов, не все из которых полностью совпадали с традиционным делением мира на континенты и субконтиненты.

Кроме того, все основные районы мира были распределены по демографическим признакам на две главные категории — развитые и развивающиеся. К числу развитых районов отнесены Европа, Советский Союз, Север-

ная Америка (Канада и США), Япония, Умеренная зона Латинской Америки, Австралия и Новая Зеландия; к числу развивающихся — Восточная Азия без Японии, Южная Азия, Африка, Латинская Америка без Умеренной зоны и Океания без Австралии и Новой Зеландии.

Конечно, такая группировка по чисто демографическим показателям в значительной степени искажает подлинную политико-экономическую картину мира. К тому же и в демографическом отношении она не идеальна. Пожалуй, наиболее спорным представляется выделение в особый «развитый» район Умеренной зоны Латинской Америки. Наряду с Аргентиной и Уругваем, которые действительно имеют низкий коэффициент рождаемости и обладают по сравнению с другими латиноамериканскими странами относительно высоким уровнем экономического и социального развития, в этот район входят также Чили и Парагвай. Последний имеет слаборазвитую экономику и типичную для такой экономики демографическую характеристику (брутто-коэффициент воспроизводства — 2,9, общий коэффициент рождаемости — 46,6 в 1950 г.). Что же касается Чили, то ее демографическая характеристика примерно такая же, как, например, Кубы, зачисленной в группу развивающихся районов (соответственно брутто-коэффициент воспроизводства — 2,2 и 2,1, общий коэффициент рождаемости — 35,5 и 34,0). Тем не менее при всех частных недостатках принятой схемы она все же дает достаточно правильную общую оценку демографических процессов в двух основных группах стран и позволяет более точно, чем это было в предыдущих прогнозах ООН, определить перспективы роста мирового населения*.

Эти перспективные расчеты были составлены в трех вариантах: «среднем», «высшем» и «низшем». «Средний» вариант рассматривался при составлении доклада как наиболее правдоподобный с точки зрения прошлого опыта и нынешней демографической обстановки в каждом районе. «Высший» и «низший» варианты представляют верхний и нижний пределы объективно возможных отклонений демографического развития.

* В результате пересмотра прежних порайонных оценок «средний» вариант прогноза численности населения к 2000 г. оказался выше для Африки на 48%, Северной Америки на 13, Океании на 9, Латинской Америки и Южной Азии на 8%, но ниже для Восточной Азии на 31% и для Европы и Советского Союза на 7%.

Диапазон между «верхним» и «нижним» вариантами меняется от района к району в зависимости от сложившейся в них демографической ситуации и большей или меньшей достоверности используемых для прогнозов демографических показателей. Иными словами, величина разрыва между крайними вариантами может служить грубым выражением степени неуверенности в «среднем» варианте. К этому следует добавить, что «средний» вариант бывает среднеарифметической величиной только тогда, когда оба крайних варианта одинаково правомерны; обычно же средняя оценка оказывается смещенной ближе к тому пределу, который кажется более возможным.

Будущее может внести существенные коррективы в эти оценки, построенные на критериях сегодняшнего дня. Нельзя полностью абстрагироваться от возможности наступления событий, степень вероятности которых сейчас трудно предугадать, а тем более измерить их последствия. Войны, тяжелые экономические и политические кризисы, катастрофические стихийные бедствия и т. п. могут резко задержать рост населения отдельных стран и обширных районов мира. Напротив, важные научные открытия и технические достижения — например, победа над раком, сердечно-сосудистыми и другими пока не излечимыми или трудно излечимыми распространенными заболеваниями, переход к широкому использованию атомной, солнечной или каких-либо других новых видов энергии, эффективное освоение ресурсов морей и океанов, появление новых дешевых источников продовольствия — возможно, вызовут непредвиденное ускорение роста человечества. Во всяком случае наличие в прогнозе мирового населения «высшего» и «низшего» вариантов в известной мере резервирует место для подобных неожиданностей.

Крайние оценки перспектив мирового населения вмещают в себя также возможные зигзаги в будущем экономическом развитии отдельных районов. Прогноз в целом исходит из предположения, что технический прогресс, увеличение производства будут идти опережающими темпами по сравнению с ростом населения, и на более отдаленном этапе темпы экономического развития ускорятся. Даже «низшие» варианты порайонных прогнозов основываются на этом предположении. В докладе ООН подчеркивается, что одна из главных задач демографиче-

ского прогнозирования заключается в определении будущих целей экономического и социального строительства. Эта задача не может быть выполнена, если при составлении прогноза такие цели заранее признаются недостижимыми.

Вместе с тем прогноз не исключает того, что в отдельных экономически отсталых районах с многочисленным населением на некоторое время могут сохраниться низкие темпы хозяйственного развития, которые будут оказывать сдерживающее влияние на демографический рост. Эта возможность учитывалась при разработке «низших» вариантов прогнозов. Кроме того, в прогнозе не нашла отражения крайне оптимистическая концепция, утверждающая, будто быстрый рост населения сам по себе служит залогом технического прогресса и что еще до конца века в мире будут устранены все преграды для свободного перемещения рабочей силы, выровняются национальные уровни потребления и создадутся возможности для рационального использования природных ресурсов в общемировых масштабах. Короче говоря, диапазон между «высшим» и «низшим» вариантами прогноза достаточно широк, чтобы вместить умеренно оптимистические и умеренно пессимистические оценки перспектив мирового социально-экономического развития, но предположения крайних оптимистов и крайних пессимистов остаются за его пределом.

Поскольку вероятность возникновения непредвиденных событий более велика в долгосрочных прогнозах, чем в краткосрочных, и в прогнозах развития небольших, а поэтому и менее стабильных совокупностей населения, нежели в крупных, более стабильных, диапазон между «высшим» и «низшим» вариантами расширяется по мере удаления сроков перспективных оценок, а сами эти сроки ограничиваются разными пределами: более близким, 1980 годом, для отдельных стран и более отдаленным, 2000 годом, для главных регионов и обширных районов мира.

Разрабатывая эти перспективные варианты, статистические органы ООН прежде всего стремились использовать последние национальные оценки и прогнозы, составленные и опубликованные в странах с хорошо налаженным демографическим учетом. Правда, при сопоставлении таких оценок и прогнозов и сведении их воедино нередко требовалось преодолеть более или менее

значительные различия, проистекающие из не всегда одинаковых методов отбора и группировки материала, определения альтернативных допущений и временных ограничений в производимых подсчетах и т. п. Для достижения сопоставимости и последовательности также требовалось заполнить пропуски и выправить ошибки, которые встречались в более ранних демографических оценках.

Короче говоря, прогноз ООН, построенный на материалах национальных переписей населения, приуроченных к «Всемирной программе переписей населения 1960 г.», остается в настоящее время наиболее квалифицированным и полным перспективным расчетом мирового населения. Дополнительные корректировки, произведенные в ООН за последние годы, позволили внести некоторые изменения демографических оценок по отдельным странам и показали, что, возможно, общая численность мирового населения в 1985 г. окажется примерно на 2% больше, чем предусмотрено «средним» вариантом. Тем не менее «средний» вариант, который принят за демографическую основу во всех экономических и социальных прогнозах ООН, остается, по-видимому, самым вероятным с точки зрения сегодняшних оценок будущего развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. И сколько-нибудь кардинальный пересмотр прогноза станет возможным только после того, как появятся и будут обобщены материалы «Всемирной программы переписей населения 1970 г.».

* * *

Мировой демографический прогноз на ближайшее десятилетие достаточно достоверен, поскольку сложившиеся к 1970 г. основные параметры населения, в первую очередь его поло-возрастная структура, будут в большой степени определять особенности демографических процессов в течение этого периода. Ожидаемое дальнейшее ускорение научно-технического прогресса вряд ли сможет за такой короткий срок вызвать сколько-нибудь существенные непредвиденные демографические изменения. Успехи мировой науки также не смогут оказать большого воздействия на экономику развивающихся стран, которая, как предполагается, в 1970—1980 гг. будет расти умеренными темпами с некоторым ускорением во второй половине десятилетия.

Согласно «среднему» варианту прогноза (табл. 1), общая численность мирового населения возрастет с 3,6 млрд. в 1970 г. до 4,3 млрд. в 1980 г., т. е. увеличится за 10 лет более чем на 700 млн., или на 20% (за предшествовавшее десятилетие численность мирового населения увеличилась на 600 млн.). По «низшему» и «высшему» вариантам прогноза в 1980 г. допускаются отклонения в возможной численности населения от 4,1 млрд. до 4,5 млрд.

Таблица 1

Прошлый рост численности и три варианта прогноза ООН роста численности мирового населения в 1960 — 2000 гг.*

Год	Весь мир		Развитые страны**		Развивающиеся страны	
	млн. человек	Рост по десятилетиям, %	млн. человек	Рост по десятилетиям, %	млн. человек	Рост по десятилетиям, %
<i>Прошлый рост</i>						
1920	1861		674		1187	
1930	2070	11	759	13	1311	10
1940	2995	11	821	8	1474	12
1950	2517	10	858	4	1659	12
1960	2998	19	976	14	2022	22
<i>«Высший» вариант</i>						
1970	3659	22	1102	13	2557	26
1980	4551	24	1245	13	3306	29
1990	5690	25	1402	13	4288	30
2000	6994	23	1574	12	5420	26
<i>«Средний» вариант</i>						
1970	3592	20	1082	11	2510	24
1980	4330	21	1194	10	3136	25
1990	5187	20	1318	10	3869	23
2000	6129	18	1441	9	4688	21
<i>«Низший» вариант</i>						
1970	3545	18	1070	10	2475	22
1980	4147	17	1153	8	2994	21
1990	4784	15	1234	7	3550	19
2000	5448	14	1293	5	4155	17

* [77, табл. 1 — 6, стр. 23].

** В соответствии с методологией прогноза ООН здесь в группу «Развитые страны» включены также страны «Умеренной зоны» Южной Америки.

В развитых странах в 1970—1980 гг. продолжающийся процесс «постарения» населения вызовет небольшое сокращение общего коэффициента рождаемости (с 20,0 в 1960 г. до 19,4 в 1980 г.) и некоторое повышение общего коэффициента смертности (соответственно с 8,6 до 9,0). В результате несколько замедлятся темпы естественного прироста. Общая численность населения развитых стран возрастет с 1042 млн. в 1970 г. до 1148 млн. в 1980 г., т. е. примерно на 100 млн., или на 10% *. В том числе население развитых капиталистических стран (исходя из современного политического деления мира) увеличится с 693 млн. в 1970 г. до 756 млн. в 1980 г., или на 9%. В «низшем» и «высшем» вариантах прогноз допускает на 1980 г. отклонения в пределах от 730 млн. до 785 млн. человек.

В отличие от населения развитых стран население развивающихся стран мира в 1970—1980 гг. сохранит высокие темпы естественного прироста: они возрастут с 21,2 на 1000 в 1960 г. до 22,5 в 1975 г. и лишь немного снизятся до 22,1 в 1980 г. Ожидается небольшое уменьшение общего коэффициента рождаемости, с 40,4 в 1960—1965 гг. до 38,2 в 1970—1975 гг. и до 36,5 в 1980 г. Снижение общего коэффициента смертности будет более значительным: с 19,2 в 1960—1965 гг. до 15,7 в 1970—1975 гг. и 14,4 в 1980 г.

Общая численность жителей развивающихся стран возрастет, согласно «среднему» варианту прогноза, с 2549 млн. в 1970 г. до 3182 млн. в 1980 г., т. е. более чем на 600 млн., или на 25%. По «низшему» и «высшему» вариантам в 1980 г. возможны отклонения в пределах от 3038 млн. до 3353 млн. В том числе население афроазиатских и латиноамериканских стран без КНР, других социалистических государств Азии и Кубы увеличится, согласно «среднему» варианту прогноза, с 1763 млн. в 1970 г. до 2296 млн. в 1980 г., т. е. на 533 млн., или на 30%.

Таким образом, общий прирост мирового населения с 1970 по 1980 г. произойдет на 85% за счет афро-

* В этих и последующих перспективных оценках численности населения по двум группам стран автор в отличие от принятой в демографическом прогнозе ООН методологии рассматривает страны так называемой «Умеренной зоны» Южной Америки в составе «развивающихся», а не «развитых» (см. стр. 69). Соответственно сделан перерасчет данных ООН.

азиатских и латиноамериканских стран, в том числе на 72% за счет ныне несоциалистических развивающихся стран. В 1980 г. 72,4% мирового населения будет проживать в афро-азиатских и латиноамериканских странах, в том числе 53% в ныне несоциалистических развивающихся странах, и 27,6% — в развитых странах, в том числе 17% в ныне развитых капиталистических странах.

Демографический прогноз на 1980—2000 гг. имеет большую степень неуверенности прежде всего из-за того, что трудно представить, как отразится ожидаемый в этот период стремительный прогресс науки и техники на темпах экономического роста и демографических процессах развивающихся стран. Предполагается, что новые открытия в области контрацепции будут способствовать более быстрому снижению рождаемости, и поэтому «высший» вариант прогноза может оказаться менее реальным, чем «низший». Динамика смертности, вероятно, до конца века не претерпит непредвиденных изменений. За это время вряд ли станет возможным сколько-нибудь значительное увеличение средней продолжительности жизни медикаментозным путем. Вместе с тем ожидаемое примерно после 1985 г. промышленное освоение производства синтетической пищи может предотвратить гипотетический рост смертности из-за продовольственных трудностей в развивающихся странах.

Согласно «среднему» варианту прогноза, общая численность мирового населения после 1980 г. увеличится до 5,2 млрд. в 1990 г. и до 6,1 млрд. в 2000 г., т. е. возрастет за 20 лет на 1,8 млрд., или почти на 42% (в том числе с 1980 по 1990 г. — на 858 млн., или на 20%, и с 1990 по 2000 г. — на 942 млн., или на 18%). «Низший» и «высший» варианты допускают отклонения в пределах 4,8—5,7 млрд. в 1990 г. и 5,45—6,99 млрд. в 2000 г.

В развитых странах (исходя из современного экономико-демографического деления мира) уровень рождаемости и смертности мало изменится до конца века. В 2000 г. общий коэффициент рождаемости будет, вероятно, равен 18,3, а общий коэффициент смертности — 9,6, поэтому среднегодовые темпы роста населения останутся довольно стабильными: 1,0% в 1970—1989 гг. и 0,9% в 1990—2000 гг. Общая численность населения развитых стран возрастет до 1265 млн. в 1990 г. и 1381 млн. в 2000 г., т. е. увеличится за 20 лет на 233 млн., или на 20% (в том числе с 1980 по 1990 г. на 117 млн., или

на 10%, и с 1990 по 2000 г. на 116 млн., или на 9%). По «низшему» и «высшему» вариантам прогноза возможны отклонения в пределах 1,2—1,5 млрд. в 2000 г. Численность населения ныне развитых капиталистических стран достигнет 827 млн. в 1990 г. и 899 млн. в 2000 г., т. е. за 20 лет увеличится на 143 млн., или на 19%. В «низшем» и «высшем» вариантах прогноз допускает отклонение в пределах от 802 млн. до 967 млн.

В афро-азиатских и латиноамериканских странах в 1980—2000 гг. будет происходить дальнейшее уменьшение смертности и рождаемости. Общий коэффициент смертности снизится до 9,2 в 1995—2000 гг. и сравняется с уровнем развитых стран. Общий коэффициент рождаемости снизится до 28,0 в 1995—2000 гг. и к концу века еще будет превышать примерно в полтора раза уровень развитых стран. Ожидается, что с 1980 г. начнется постепенное сокращение среднегодовых темпов прироста населения афро-азиатских и латиноамериканских стран — до 2,1% в 90-х годах и до 1,9% в 2000 г. Иначе говоря, только в последнее десятилетие века снижение рождаемости в этих странах нейтрализует снижение смертности и вернет коэффициент естественного прироста населения к уровню 50-х годов.

Общая численность жителей афро-азиатских и латиноамериканских стран без ныне социалистических стран Азии и Латинской Америки возрастет до 2973 млн. в 1990 г. и до 3704 млн. в 2000 г., т. е. за 20 лет увеличится на 1410 млн., или на 61% (с 1980 по 1990 г. на 677 млн., или 29,6%, и с 1990 по 2000 г. на 731 млн., или на 24,6%).

Таким образом, общий прирост мирового населения с 1980 по 2000 г. произойдет на 87% за счет афро-азиатских и латиноамериканских стран, в том числе на 78% за счет ныне несоциалистических развивающихся стран. В 1990 и 2000 гг. соответственно 75,6 и 77,5% мирового населения будет проживать в Азии, Африке и Латинской Америке, в том числе 57,3 и 60,4% — в ныне несоциалистических развивающихся странах; 24,4 и 22,5% — в развитых странах, в том числе 15,9 и 14,7% в ныне развитых капиталистических государствах.

По отдельным районам и главным странам, согласно «среднему» варианту прогноза ООН, дальнейшее развитие демографической ситуации в Азии, Африке и Латинской Америке будет происходить следующим образом

В Южной Азии, обширном регионе, раскинувшемся от Австралии до Африки, где проживало в 1960 г. 29% мирового населения, ожидается интенсивный прирост населения (табл. 2). С 1950 по 1965 г. численность жителей региона увеличилась на 281 млн., что больше, чем общая численность жителей всей Африки в 1960 г. или всей Латинской Америки в 1965 г. За следующие 15 лет, с 1965 по 1980 г., предположительный прирост составит уже 444 млн. человек [67, стр. 11].

Две трети этого прироста придется на центральную часть региона, включающую Индию, Пакистан, Иран, Афганистан, Цейлон и некоторые другие страны, общая численность населения которых возрастет за 1965—1980 гг. на 45%. Свыше четверти прироста произойдет в восточной части (Юго-Восточной Азии), состоящей из Индонезии, Филиппин, Таиланда, Малайзии, Бирмы и др. Здесь население увеличится за тот же период на 46%. На западную часть (Юго-Западная Азия) придется оставшаяся доля прироста, около 8%, и входящее в состав этого подрайона население Турции, Ирана, Сирии, Ливана, Иордании и других стран Аравийского полуострова возрастет на 52%.

Центральный подрайон, ядром которого является Индия (на ее долю приходится $\frac{3}{4}$ населения всего подрайона, а вместе с Пакистаном — $\frac{9}{10}$), имеет в среднем несколько более высокий уровень рождаемости, чем Восточный и Западный подрайоны: соответственно 44, 42 и 41 на 1000 в 1960—1965 гг. Однако здесь сравнительно скоро можно ожидать постепенное ее снижение. Тем не менее из-за продолжающегося уменьшения смертности население района будет расти ускоряющимися темпами в текущем и следующем десятилетии: оно увеличится на 27,2% в 60-х и на 27,7% в 70-х годах, но затем, когда эффект от снижения рождаемости станет более ощутимым, темпы роста сократятся до 23,4% в 80-х годах. К концу века общая численность жителей, по-видимому, удвоится, в том числе население Индии возрастет до 981 млн., а Пакистана — до 288 млн. [77, стр. 67].

В Восточном подрайоне (Юго-Восточной Азии) к концу века предусматриваются утроение численности населения и более высокие темпы роста в 1980—1990 гг. (увеличение на 29,6%), чем в 1960—1970 гг. (на 29,3%) и 1950—1960 гг. (на 26,9%), несмотря на то что снижение рождаемости в некоторых частях района началось

уже с 1960 г. Так, в Сингапуре рождаемость уменьшилась с 40,3 в 1959 г. до 34,1 в 1962 г.; эта тенденция прослеживается, хотя в значительно меньшей степени, в Таиланде и Малайе. В остальных же странах уровень рождаемости, очевидно, останется практически неизменным до 1980 г. Для всего района общий коэффициент рождаемости равнялся в 1960—1965 гг. 41,9 на 1000. Что же касается отдельных стран, то в Камбодже, Индонезии, на Северном Борнео и Филиппинах показатель рождаемости составлял 50 или даже несколько больше, в Таиланде — несколько больше 45, в Бирме — свыше 40 и т. д.

В результате прогрессирующего сокращения смертности средняя продолжительность жизни для всего населения подрайона достигла 50 лет за 1960—1965 гг. и предположительно увеличится до 68,2 года в 1995—2000 гг. Под воздействием снижения смертности рост населения будет идти с ускорением до последнего десятилетия века. В этом же направлении действуют на динамику роста изменения в возрастной структуре населения, отражающие подъем рождаемости в первые послевоенные годы после ее значительного спада в военный период.

Сходная демографическая ситуация существует и в Западном подрайоне (Юго-Западная Азия), хотя ее влияние на общерегиональные тенденции невелико из-за незначительной доли находящегося здесь населения (численности жителей всей Южной Азии). В целом для подрайона коэффициент рождаемости в 1960—1965 гг. равнялся, по приблизительным подсчетам, 41,2, в том числе в Турции — 40 или несколько меньше, а в Ираке, Сирии, Ливане, Иордании — примерно 48. Средняя продолжительность жизни оценивалась в 1960 г. для Турции на уровне несколько более 50 лет, в северных арабских странах — около 50 лет и в южных арабских странах — около 35 лет. Брутто-коэффициент рождаемости составлял 2,7 в Ливане, по 3,5 в Сирии, Ираке и Иордании и 3,0 на Аравийском полуострове.

Демографический прогноз для Турции предусматривает снижение рождаемости с 1970 г., но из-за сходных с Восточной Азией изменений в возрастной структуре прирост населения будет идти без особых замедлений и численность жителей страны, возможно, утроится в период с 1960 по 2000 г. Прогнозы для арабских стран

малодостоверны вследствие неудовлетворительного состояния демографического учета. Тем не менее можно считать, что в северных арабских странах снижение рождаемости начнется не раньше 1980 г., а в южных арабских странах вряд ли вообще произойдет в нынешнем веке.

Темпы роста населения Юго-Западной Азии возрастут с 30,2% за 1960—1970 гг. до 32,8 в 1970—1980 гг. и лишь затем постепенно понизятся до 26,3% в 1990—2000 гг.

Таблица 2

Рост численности населения в отдельных странах Южной Азии в 1960 — 1980 гг.*.

тыс.

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Индия	429 016	486 811	543 200	611 000	682 300
Пакистан	92 696	102 876	134 000	157 000	183 000
Иран	21 500	24 800	25 440	28 900	33 050
Афганистан	14 340	15 650	17 600	19 600	22 100
Цейлон	9 896	11 232	13 370	15 630	18 300
Индонезия	93 506	104 500	118 250	133 500	152 750
Филиппины	27 410	32 345	38 432	46 063	55 750
Таиланд	26 380	30 591	36 311	41 731	47 516
Бирма	22 355	24 732	27 584	30 990	35 000
Турция	27 510	31 150	36 602	42 267	48 478

* [77, стр. 140; 42, стр. 125—127].

Африка делится в демографическом отношении на пять подрайонов: Западную, Центральную и Восточную Африку, расположенные в тропической зоне, и Северную и Южную Африку, находящиеся в основном за пределами тропиков. В 1960 г. на территории региона проживало 9% мирового населения (табл. 3). С 1950 по 1965 г. население континента выросло на 89 млн. (в том числе на 6 млн. — в Южной Африке), т. е. на 40%. В следующие 15 лет, с 1965 по 1980 г., ожидаемый прирост составит уже 143 млн. человек (в том числе 10 млн. в Южной Африке), т. е. увеличится на 47% [67, стр. 11].

Следует иметь в виду, что приведенный перспективный расчет отличается весьма небольшой степенью достоверности, поскольку до сих пор нет полного представ-

ления относительно действительных размеров и динамики населения во многих частях континента. Вот почему с получением более точных демографических данных, возможно, появится необходимость серьезного пересмотра существующих сейчас прогнозов, во всяком случае для некоторых частей региона. Тем не менее безусловной остается общая демографическая оценка Африки как региона с высокой рождаемостью, все еще высокой смертностью и все более ускоряющимся ростом населения по крайней мере до конца века. Согласно «среднему» варианту прогноза, темпы этого роста будут равняться: в 1960—1970 гг. 26,8%, в 1970—1980 гг. 29,8, в 1980—1990 гг. 30,7 и в 1990—2000 гг. 30,9%.

Большая или меньшая достоверность разных вариантов общерегионального прогноза определится развитием демографической ситуации прежде всего в трех районах тропической зоны, где сосредоточено свыше $\frac{2}{3}$ населения континента и отсутствует хорошо налаженный демографический учет. Согласно имеющимся оценкам, полученным большей частью аналитическим путем, рождаемость здесь хотя и высокая, но отнюдь не единообразная, с заметными различиями между отдельными районами, а тем более между отдельными странами. Она очень высока в Западной Африке и только умеренно высока в Центральной, тогда как Восточная Африка занимает промежуточное положение. Ожидается, что эти различия будут постепенно сглаживаться. С улучшением здравоохранения, устранением некоторых ограничений в традиционных брачных отношениях и т. д. несколько повысится рождаемость в Центральном и Восточном районах, в то же время в Западной Африке, вероятно, произойдет ее небольшое понижение. Так, если в 1960—1965 гг. общий коэффициент рождаемости в среднем равнялся в Западной Африке 52 на 1000, в Восточной 41,7 и в Центральной Африке 40,0, то в 1975—1980 гг. он соответственно составит 49, 43 и 41,4. Подобным образом изменится и брутто-коэффициент воспроизводства: с 3,5 в 1960 г. до 3,25 в 1980 г. для Западной Африки, за этот же период с 2,9 до 3,0 для Восточной и с 2,5 до 2,75 для Центральной Африки. Иными словами, все ожидаемые изменения в величине рождаемости в тропической зоне произойдут без понижения ее общего высокого уровня до конца века.

В то же время смертность будет снижаться, но, по-

видимому, не так быстро, как это произошло в большинстве других развивающихся районов мира. Экономическая и политическая разобщенность, отсутствие удобных коммуникаций, недостаток медицинских кадров и необходимых средств, относительно слабая урбанизация — все это еще долго будет препятствовать широкому распространению современных санитарно-гигиенических знаний, улучшению народного здравоохранения. Величина средней продолжительности жизни для населения всех трех районов тропической зоны оценивалась по состоянию на 1960 г. в 37,5 года. Предусматривается увеличение этого показателя до 40 лет в 1965—1970 гг., до 45 лет в 1980—1985 и до 50 лет в 1995—2000 гг. Только при самых благоприятных обстоятельствах, рассматриваемых в наиболее оптимистическом варианте, возможная продолжительность жизни при рождении в Тропической Африке составит 47,5 года в 1980 и 57,6 года в 2000 г. Общий коэффициент смертности предположительно снизится (по «среднему» варианту) с 25,1 в среднем для 1960—1965 гг. в Западном районе, 24,0 в Восточном и 24,7 в Центральном районе до 20,4, 20,4 и 20,9 в 1975—1980 гг. и до 15,7, 15,8 и 16,2 в 1995—2000 гг. соответственно.

Между странами Тропической Африки происходят довольно значительные перемещения населения. Миграционные потоки направляются из Верхней Вольты в Гану, из Руанды и Бурунди в Танзанию, из Мозамбика и Малави в Южную Родезию и Замбию, но статистический учет миграции практически не ведется, и поэтому при составлении прогнозов роста населения она не принимается в расчет. Предполагается, что за 1960—1980 гг. численность жителей увеличится: в Нигерии, Гане и Южной Родезии на $\frac{1}{5}$, в Кении, Замбии и Гвинее на $\frac{2}{3}$ — $\frac{4}{5}$, в Анголе, Камеруне, ОАР, Либерии, Конго (Браззавиль), Мавритании и Габоне на треть или даже несколько меньше.

Динамика населения в Северной Африке имеет свои довольно существенные особенности. Здесь также наблюдается высокая рождаемость, в среднем 44,1 на 1000 для всего района в 1960—1965 гг., но благодаря значительному большему социально-экономическому развитию и интенсивному процессу урбанизации в некоторых странах общерайонный уровень рождаемости уже после 1970 г. начнет постепенно снижаться до 42,1 в 1975—1980 и до 28,8 в 1995—2000 гг.

В Северной Африке происходит сравнительно быстрое уменьшение смертности. Ее общий коэффициент равнялся в среднем 17,5 на 1000 в 1960—1965 гг. и сократится до 12,6 в 1975—1980 и 6,9 в 1995—2000 гг. Одновременно будет увеличиваться средняя продолжительность жизни. Она оценивалась примерно в 45 лет в 1960 г. и предположительно должна вырасти до 55 лет в 1975—1980 гг. и 65,8 лет в 1995—2000 гг. Особенно заметно этот процесс развивается в ОАР, где уже в 1961 г. общий коэффициент смертности снизился до 15,8, а средняя продолжительность жизни повысилась до 53 лет.

Под воздействием изменений в состоянии рождаемости и смертности численность населения Северной Африки будет расти ускоряющимися темпами до 1980 г. — вероятное увеличение составит 31,5% в 1960—1970 гг. и 34,2% в 1970—1980 гг., но затем начнется постепенное ее замедление: 31,1% в 1980—1990 гг. и 25,9% в 1990—2000 гг. По отдельным странам население возрастет за 1960—1980 гг. на 93% в Марокко, на 80 в ОАР, на 77 в Алжире, на 64 в Судане и на 55% в Тунисе и Ливии.

Таблица 3

Рост численности населения в отдельных странах Африки
за 1960 — 1980 гг.*

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Нигерия	52 000	57 500	67 400	78 400	91 200
Гана	6 777	7 740	9 054	10 500	12 250
Эфиопия	20 700	22 600	23 750	26 250	29 000
Танзания	9 546	10 515	11 630	13 015	14 605
в том числе Занзибар	309	336	370	415	465
Кения	8 115	9 365	10 350	11 800	13 600
Уганда	6 677	7 551	8 100	9 000	10 000
Конго (Киншаса)	14 139	15 627	16 715	18 725	21 480
ОАР	25 832	29 600	34 500	40 150	46 750

* [77, стр. 142, 143; 42, стр. 121, 122].

Латинская Америка делится на четыре демографических подрайона: Тропическую зону Южной Америки, Центральную Америку, Умеренную зону Южной Америки и Карибский подрайон (Вест-Индские острова). В 1960 г. на долю всего региона приходилось 7% ми-

рового населения. За 15 лет, с 1950 по 1965 г., численность латиноамериканцев увеличилась на 83 млн., или на 51 %, в последующие 15 лет, с 1965 по 1980 г., предполагаемый прирост составит 133 млн., т. е. население возрастет на 54 %, в том числе население Центрального района — на 64 %, Тропического — на 60, Карибского — на 39 и Умеренного — на 28 % [67, стр. 11].

Самая высокая рождаемость наблюдается в Центральном подрайоне, $\frac{3}{4}$ населения которого проживает в Мексике. Последняя имела в 1960 г. общий коэффициент рождаемости 46 и брутто-коэффициент воспроизводства 3,1, причем эти показатели являлись примерно средними для всего района. Крайние отклонения общего коэффициента рождаемости и брутто-коэффициента воспроизводства наблюдались: максимальный уровень в Коста-Рике — 50,0 и 3,5, минимальный уровень в Панаме — 41,0 и 2,7. За послевоенные годы в Центральной Америке произошло быстрое снижение смертности, и в среднем по району ее общий коэффициент составил 11,6, а средняя продолжительность жизни увеличилась до 57,6 года. В частности, в Мексике эти показатели в 1960 г. соответственно равнялись 11,5 и 59, а в Панаме — 8,4 и 62 годам с лишним.

Улучшение здоровья населения в результате распространения современных медицинских и санитарно-гигиенических средств проявилось не только в понижении уровня смертности, но и в заметном увеличении рождаемости в 50-х годах. В результате в Центральной Америке резко повысился естественный прирост населения, на который оказывает весьма небольшое сдерживающее влияние миграция населения. Так, в 1950—1960 гг. чистая среднегодовая эмиграция из Мексики в США достигала примерно 20 тыс. человек. По прогнозам чистая эмиграция из района будет удерживаться на среднегодовом уровне 15 тыс. человек до 1980 г., после чего постепенно пойдет на убыль.

В перспективе в Центральной Америке ожидается дальнейшее снижение смертности и увеличение средней продолжительности жизни, но все более замедляющимися темпами. Общий коэффициент смертности будет равняться 6,8 в 1975—1980 гг. и 5,0 в 1995—2000 гг. Соответственно величина средней продолжительности жизни возрастет к концу века до 70,2 года. Примерно с 1970 г. начнется постепенное снижение рождаемости, прежде все-

го, по-видимому, в Мексике, где довольно быстро развиваются процессы урбанизации и индустриализации.

Тем не менее темпы роста населения района будут повышаться до 1980 г. и лишь потом пойдут на понижение. Население района вырастет на 38% за 1960—1970 гг., на 40 за 1970—1980 гг., на 37,8 за 1980—1990 гг. и на 33,1% за 1990—2000 гг.

В течение 1960—1980 гг. население Мексики, Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики удвоится, Гватемалы, Сальвадора и Панамы увеличится на 80—90%. В частности, численность населения Мексики изменится следующим образом за этот период (тыс. человек): 1960 г. — 34 988, 1965 г. — 41 460, 1970 г. — 49 282, 1975 г. — 58 822, 1980 г. — 70 581 [77, стр. 143].

Почти столь же высока, как и в Центральном районе, рождаемость среди населения стран Тропической Южной Америки. Общий коэффициент рождаемости в 1960—1965 гг. в среднем для района равнялся 41,9, а брутто-коэффициент воспроизводства варьировался в пределах от 2,9 до 3,2. В Бразилии, где сосредоточено почти $\frac{2}{3}$ населения района, общий коэффициент рождаемости равнялся 42,5 в 50-х годах, но предположительно понизится до 39,5 в 60-х и до 36,2 в 70-х годах. Поскольку в других странах в этот период рождаемость почти не уменьшится или даже несколько повысится из-за улучшения здравоохранения, ее средний для всего района общий коэффициент в 1975—1980 гг. будет более высоким, чем в Бразилии, — 38,8, и только в конце века достигнет 31.

Общий коэффициент смертности в Тропическом районе в 1960—1965 гг. составлял 10,9, а средняя продолжительность жизни — примерно 55 лет. В дальнейшем, согласно прогнозу, коэффициент смертности понизится до 8,2 в 1975—1980 гг. и 6,0 в 1995—2000 гг., а средняя продолжительность жизни возрастет к концу века до 68,2 года.

Роль миграции в росте населения района незначительна. Она едва заметна только в Бразилии, где в общем приросте численности жителей за 1950—1960 гг. менее 4% пришлось на долю иммиграции, главным образом из Европы.

В целом население Тропической Южной Америки будет увеличиваться, согласно прогнозу, с некоторым ускорением в 60-х годах и с последующим замедлением в 70-х. За 1960—1970 гг. прирост составит 36,8%, за 1970—

1980 гг. — 36,2, за 1980—1990 гг. — 33,5 и за 1990—2000 гг. — 29,5%. Что же касается отдельных стран, то по перспективным расчетам в течение 1960—1980 гг. численность жителей Венесуэлы должна удвоиться, Боливии — возрасти примерно на $\frac{2}{3}$, Бразилии на $\frac{3}{4}$ и остальных стран района — на $\frac{4}{5}$.

Предполагаемый рост населения Бразилии составит (тыс. человек): в 1960 г. — 70 967, в 1965 г. — 82 222, в 1970 г. — 93 902, в 1975 г. — 108 013 и в 1980 г. — 123 716 [77, стр. 143; 42, стр. 126].

Островной район Карибского моря характеризуется умеренно высокой рождаемостью, которая начнет постепенно снижаться примерно с 1970 г. Общий коэффициент рождаемости для района равнялся в 1960—1965 гг. 38,3 и по расчетам понизится до 36,1 в 1975—1980 гг. и 28,4 в 1990—2000 гг. Средняя оценка брутто-коэффициента воспроизводства в 1960 г. составляла 2,5, в том числе на Кубе — 2,1, в республиках Гаити и Доминиканской — соответственно 2,8 и 3,2 (в этих трех странах проживает около $\frac{2}{3}$ населения района).

Общий коэффициент смертности для всего района равнялся в 1960 г. примерно 15 на 1000, а средняя продолжительность жизни при рождении, очевидно, несколько превышала 50 лет. Но условия смертности на разных островах неодинаковы. Общий коэффициент смертности, например, высок в Гаити (20—28 в 1955—1960 гг., средняя продолжительность жизни — 36—45 лет) и низок на многих малых островах — 10 и менее. В Пуэрто-Рико средняя продолжительность жизни в 1960 г. достигала почти 70 лет. Перспективы дальнейшего снижения смертности также неодинаковы. Там, где она уже низкая, снижение будет идти замедленными темпами или совсем прекратится, там же, где она еще относительно высока, можно ожидать более значительного уменьшения. В целом прогноз предусматривает сокращение общего коэффициента смертности в Карибском районе с 14,9 в 1960—1965 гг. до 11,9 в 1975—1980 гг. и 8,4 в 1995—2000 гг. Средняя продолжительность жизни повысится к концу века до 65 лет.

При прогнозировании будущего роста населения района необходимо также принимать в расчет сохранение примерно до 1980 г. чистой эмиграции, среднегодовой размер которой оценивается в 25 тыс. человек. Основной поток переселенцев в дальнейшем, как и в настоящее

время, будет направляться в США (главным образом из Пуэрто-Рико).

Общие темпы роста населения Карибского района в ближайшее время будут ускоряться, после чего начнется постепенное замедление. По десятилетиям прирост составит: 25,5% в 1960—1970 гг., 26,4 в 1970—1980 гг., 25,2 в 1980—1990 гг. и 23,0% в 1990—2000 гг. За 1960—1980 гг. численность жителей Вест-Индских островов увеличится с 20,3 млн. до 32,1 млн., в том числе население Доминиканской Республики удвоится, Гаити вырастет на две трети, Кубы — наполовину и Ямайки и Пуэрто-Рико — на треть.

Особое место в Латинской Америке занимает Умеренная зона Южной Америки — Аргентина, Чили, Уругвай и Парагвай, — динамика населения которой сходна с динамикой населения развитых стран. Правда это не касается Парагвая, где рождаемость высока и брутто-коэффициент воспроизводства равен 3,0, а средняя продолжительность жизни составляет всего 45 лет, но в этой стране проживает всего 5% населения района, и поэтому его воздействие на общую демографическую ситуацию незначительно.

В 1960—1965 гг. Умеренный район имел общий коэффициент рождаемости в среднем равный 26,4, в том числе в Аргентине и Уругвае — около 22 и в Чили — несколько более 34. Средний для района брутто-коэффициент воспроизводства составлял 1,7, в том числе в Аргентине — 1,47, в Уругвае — 1,34 и в Чили — 2,34. Дальнейшее понижение рождаемости будет происходить прежде всего за счет Чили, где к 1980 г. предполагается уменьшение брутто-коэффициента воспроизводства до 2,11. В более отдаленный период начнет понемногу снижаться рождаемость и в Парагвае. «Средний» вариант прогноза предусматривает, что общий коэффициент рождаемости для всего района составит 23,5 в 1975—1980 и 21,0 в 1995—2000 гг.

Общий коэффициент смертности в среднем для района равнялся в 1960—1965 гг. всего 9,2 на 1000, а средняя продолжительность жизни — 63,2 года. Но в Уругвае она уже в 1960 г. достигала 68,5 года, а в Аргентине — 65,5 года. По прогнозу этот показатель в среднем для района повысится до 68,2 года в 1980—1985 гг. и превысит 70 лет в конце века. В то же время общий коэффициент смертности понизится до 8,5 в 1995—2000 гг.

Умеренная Южная Америка является традиционным районом европейской иммиграции, особенно из стран Южной Европы. Однако в последнее время миграционный поток спадает, и прогноз предусматривает сохранение чистой иммиграции на среднегодовом уровне 40 тыс. человек до 1980 г. с последующим полным прекращением к концу века.

Темпы роста населения района будут постепенно замедляться, несмотря на ожидаемое в недалеком будущем их ускорение в Парагвае. Согласно прогнозу, прирост населения составит: в 1960—1970 гг. 19,8%, в 1970—1980 гг. 17,6, в 1980—1990 гг. 15,2 и в 1990—2000 гг. 13,7%. За 1960—1980 гг. численность жителей возрастет в Уругвае на 25%, в Аргентине на 38, в Чили на 62 и в Парагвае на 73%. В абсолютном выражении ожидаются следующие изменения величины населения Аргентины и Чили (тыс. человек) [77, стр. 144; 42, стр. 127—128]:

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Аргентина	20 669	22 352	24 784	26 828	28 998
Чили	7 689	8 591	9 753	10 996	12 378

В Тихоокеанском регионе к категории экономически менее развитых районов относятся Меланезия, Полинезия и Микронезия. Население в этих районах малочисленное (около 3 млн., или 0,1% общемирового населения в 1960 г.), но если говорить о «демографическом взрыве», то, пожалуй, именно здесь он проявляется весьма отчетливо. В 1950—1965 гг. численность местных жителей выросла на 33%, а в 1965—1980 гг., согласно прогнозу, прирост достигнет уже 67%, т. е. удвоится.

Западная часть острова Новая Гвинея, составляющая основу Меланезии (в которую также входят острова Соломоновы, Новая Каледония, Новые Гебриды, Норфолк), относится к наименее изученным в демографическом отношении районам мира. Поэтому оценки численности жителей, состояния рождаемости и смертности, поло-возрастного состава, а, следовательно, и прогнозы будущего роста населения являются крайне приближенными. Эти оценки и прогнозы разрабатывались по аналогии с Центральной Африкой, где, как считают, существует сходная демографическая ситуация.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что на Новой Гвинее сохраняется умеренно-высокая рождаемость, ко-

торая будет возрастать по мере улучшения здоровья населения и ослабления некоторых традиционных племенных ограничений в брачных отношениях. Ожидается также существенное понижение смертности, в результате чего медленный в прошлом рост населения значительно ускорится. Согласно прогнозам, десятилетние темпы прироста будут равняться для всей Меланезии — 17,7% в 1960—1970 гг. и 21,9% в 1970—1980 гг., для северо-западной территории Новой Гвинеи соответственно 16,9 и 21,1%, для Папуа (юго-западная территория Новой Гвинеи) 20,3 и 24,5%. С 1960 по 1980 г. общая численность жителей Меланезии вырастет с 2166 тыс. до 3107 тыс., в том числе на Новой Гвинее (на ее северо-западной и юго-западной территориях) с 1402 тыс. до 1985 тыс.

Полинезия и Микронезия, которые объединяют многочисленные острова, разбросанные по просторам Тихого океана, в отличие от Меланезии имеют сравнительно хорошо налаженный демографический учет. За последние десятилетия здесь отмечалось мало изменений в состоянии рождаемости, находящейся на высоком уровне; ее общий коэффициент превышает 40 на 1000 на островах Фиджи, Восточном Самоа, Кука, равняется 35—40 на Западном Самоа и Тонга, 30—35 на Тихоокеанских островах (Марианских, Каролинских и Маршалловых), Гилберта и Эллис. В то же время «молодая» возрастная структура населения и особая эффективность медицинских и санитарно-гигиенических мероприятий в условиях небольших островных территорий со сравнительно малочисленным населением способствовали быстрому сокращению смертности до весьма низкого уровня. В 1960—1965 гг. на большинстве островов общий коэффициент смертности был значительно ниже 10 на 1000 (наиболее высокий показатель 10,4 был отмечен в 1960 г. на островах Гилберта и Эллис), тогда как до 1950 г. он составлял 10—20 и был еще выше в более ранний период. В результате резко увеличился прирост населения, среднегодовая величина которого достигла 3,5% в 1960—1965 гг. и, видимо, повысится до 4% за два последующих пятилетия.

Демографические прогнозы для этого района предусматривают до 1980 г. сохранение существующих уровней рождаемости и смертности. Поскольку пока нет никаких признаков сколько-нибудь заметного увеличения в ближайшем будущем эмиграции населения, можно ожи-

дать, что с 1960 по 1980 г. общая численность жителей Микронезии возрастет (в тыс.) со 182 до 369 и Полинезии с 678 до 1376, в том числе о. Фиджи с 394 до 800, о. Западное Самоа со 107 до 217 [77, стр. 144] (табл. 4).

Итак, обзор современной демографической ситуации и ее перспектив в Азии, Африке и Латинской Америке показывает, что проблема ускоренного роста населения не потеряет своей актуальности во всяком случае в течение ближайших двух-трех десятилетий. Даже если снижение общих темпов роста окажется более значительным, чем предусматривается «средним» вариантом прогноза, многие развивающиеся страны должны быть готовы к тому, что численность их населения удвоится еще до конца века, т. е. при жизни уже родившегося поколения. А это вызовет серьезные общественные последствия, для правильной оценки которых необходимо учитывать весь сложный комплекс демографических процессов в их взаимодействии с социально-экономическими факторами.

Только численный рост населения еще не дает представления о сложившейся в развивающихся странах демографической ситуации, хотя и является ее наиболее концентрированным выражением. Соотношение рождаемости и смертности определяет не только темпы роста населения, но и особенности его поло-возрастной структуры, которая влияет на другие качественные характери-

Таблица 4

**Население мира в 1920 — 2000 гг.
по географическим континентам и субконтинентам
(„средний“ вариант прогноза)***

Год	Весь мир	Африка	Северная Америка	Южная Америка	Азия	Европа	Океания
<i>Численность населения (млн.)</i>							
1920	1 861	143	145	60	1 044	461	8,8
1930	2 070	164	168	74	1 149	505	10,4
1940	2 295	191	185	89	1 278	541	11,5
1950	2 517	222	217	112	1 417	536	13,2
1960	2 998	273	265	145	1 706	593	16,3
1970	3 592	346	316	193	2 076	642	19,5
1980	4 330	449	383	256	2 532	687	23,6
1990	5 188	587	470	333	3 036	734	28,3
2000	6 129	768	568	422	3 560	778	33,4

Годы	Весь мир	Африка	Северная Америка	Южная Америка	Азия	Европа	Океания
------	----------	--------	------------------	---------------	------	--------	---------

Рост по десятилетиям (%)

1920 — 1930	11	15	16	21	10	10	19
1930 — 1940	11	17	10	21	11	7	10
1940 — 1950	10	16	17	24	11	—1	15
1950 — 1960	19	23	22	31	20	11	24
1960 — 1970	20	27	19	33	22	8	19
1970 — 1980	21	30	21	32	22	7	21
1980 — 1990	20	31	23	30	20	7	20
1990 — 2000	18	31	21	27	17	6	18

* [77, стр. 32]. Для получения сведений о численности населения по географическим континентам и субконтинентам были следующим образом перегруппированы и скорректированы оценки численности населения в главных регионах мира, выделенных по демографическому признаку:

Континенты и субконтиненты

Африка

Северная Америка

Произведенные перегруппировки и пересчеты региональных данных

Данные перенесены без изменений.

К данным по региону «Северная Америка» добавлены оценки численности населения Центральной Америки, включая Мексику, и Вест-Индии (Карибского района), но вычтена численность населения Гавайских островов.

Южная Америка

Из данных по региону «Латинская Америка» отняты оценки численности населения Центральной Америки и Вест-Индии (Карибского района).

Азия

К общим данным регионов «Восточная Азия» и «Южная Азия» добавлена численность населения азиатской части Советского Союза, но вычтена численность населения европейской части Турции.

Европа

К данным по региону «Европа» добавлены данные о численности населения в европейской части Советского Союза и Турции.

Океания

К данным по региону «Океания» добавлена численность населения Гавайских островов.

стики населения. В свою очередь структура населения влияет на динамику рождаемости и смертности.

Те же диалектические отношения связывают естественное и механическое движения населения. Высокая рождаемость, высокий естественный прирост населения отражаются на миграционных процессах, расширяя их масштабы, усиливая действие социально-экономических факторов. В свою очередь характер миграции отчетливо сказывается на состоянии естественного прироста населения. Так, рост городского населения за счет сельского считается большинством исследователей одной из главных движущих сил в процессе смены типов воспроизводства населения в развивающихся странах. Вот почему с методологической точки зрения представляется целесообразным рассмотреть вопросы внутренней миграции и урбанизации в отдельной главе.

ГЛАВА II

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ И УРБАНИЗАЦИЯ

Основные причины и направления миграции

Внутренняя миграция (временное или окончательное перемещение людей по территории страны в результате смены места жительства, работы или из-за других обстоятельств) играет важную роль в жизни общества. Она влияет на динамику роста и состав населения, распределение трудовых ресурсов, уровень занятости, изменение культурных и социальных потребностей и т. д. Будучи тесно связанной со структурными территориальными сдвигами в народном хозяйстве, внутренняя миграция может оказывать ускоряющее или замедляющее воздействие на социально-экономическое развитие отдельных областей и районов.

Если рассматривать экономико-демографические последствия внутренней миграции как общую тенденцию, отвлекаясь от неодинаковых общественных условий и различных противодействующих факторов, то, поскольку основную массу переселенцев составляют, как правило, молодые люди, преимущественно мужчины трудоспособного возраста, в местах их выбытия происходит

уменьшение доли экономически активного населения и изменение поло-возрастной структуры в направлении, неблагоприятном для воспроизводства населения. Увеличение доли детей и престарелых, т. е. доли возрастных групп с относительно более высокой смертностью, вызывает повышение общего коэффициента смертности. Одновременно понижается рождаемость, так как с отъездом молодых мужчин уменьшается число заключаемых браков, а также разъединяются на более или менее продолжительное время уже сложившиеся семейные связи. Даже если переселяется вся семья, обычно это происходит не одновременно; сначала уезжает муж, и лишь после того как он прочно устроится на новом месте, к нему приезжает жена с детьми. Как показывает статистика, переселенцы менее охотно, чем постоянное население, заключают браки и заводят детей. В местах прибытия переселенцев создается обратное положение. Повышается доля экономически активного, особенно мужского трудоспособного населения, увеличивается доля молодых возрастов, и снижается общий коэффициент смертности. Рождаемость в абсолютном выражении возрастает, но в относительном может даже уменьшиться, если на месте прибытия переселенцев возникнет большое преобладание мужского населения над женским.

Короче говоря, количественное измерение миграций имеет важное значение для определения их общественных результатов, составления текущих народнохозяйственных расчетов и разработки перспективных планов социально-экономического развития. Однако в афро-азиатских и латиноамериканских странах обычно отсутствует сколько-нибудь достоверный статистический учет миграций; и до сих пор об их причинах, масштабах, составе и направлениях приходилось судить либо по самым приблизительным оценкам, полученным на основе нерегулярных и весьма ограниченных по охвату выборочных обследований, либо при помощи различной косвенной информации.

Так, можно признать — разумеется, с рядом оговорок — достаточно типичной для развивающихся стран экономико-демографическую характеристику сельских мигрантов, полученную в 1966 г. бомбейским Демографическим учебным и научным центром на основе обследования произвольно выбранных 15 деревень штата Махараштра в Индии [285, стр. 1—15]. К моменту обследо-

вания в этих деревнях проживало 19 876 человек, а 1251 человек, в том числе 1018 мужчин и 233 женщины, навсегда или временно, но не менее чем на три месяца, выехали в другие места (не считая 2552 женщин и 4 мужчин, покинувших обследованные деревни по причине заключения брака «на стороне»). Из общего числа выехавших мужчин примерно $\frac{2}{3}$ были в возрасте от 15 до 29 лет и свыше половины — неженатые. Главная причина миграции — отсутствие работы. Это обстоятельство побудило к миграции 62% мужчин и 12% женщин. Еще 13% мужчин и 12% женщин отправились продолжать образование. Половина женщин уехала, сопровождая своих мужей или родителей. Важно отметить, что мигрировали более образованные и квалифицированные мужчины. Если среди всего мужского населения обследованных деревень доля неграмотных равнялась 61,5%, то среди уехавших мужчин неграмотных было только 44,5%. В то время как 87% постоянного мужского населения деревень занимались земледелием, около 40% мужчин-мигрантов квалифицировались как «ремесленники и рабочие» и еще 19% как «обслуживающий персонал». Было установлено, что около 67% мужчин-мигрантов направились искать работу в города. В отчете об обследовании подчеркивалось, что «миграция лишает деревни более предприимчивых и более образованных людей».

Конечно, значительное разнообразие конкретных условий придает свои особенности миграционным процессам в отдельных странах и районах Азии, Африки и Латинской Америки. Но при всех местных различиях, нередко весьма существенных, главные факторы и направления внутренней миграции в развивающихся странах определяются общими закономерностями. Речь идет прежде всего о генеральной общности, заключающейся в том, что миграционные процессы, как и все общественные явления, в конечном счете зависят от действия фундаментальных законов исторического развития, от господствующей системы производственных отношений. Вместе с тем существует и специфическая общность, которая проистекает из характерных для развивающихся стран экономической и культурной отсталости, антиимпериалистической направленности политической ситуации, своеобразной демографической обстановки и т. д.

Очень важно иметь в виду оба эти аспекта. На ос-

нове знания только фундаментальных законов, без учета специфических, конкретных условий, в частности демографических, нельзя правильно понять и всесторонне оценить особенности, темпы и масштабы процессов внутренней миграции и урбанизации, происходящих сегодня в афро-азиатских и латиноамериканских странах. Но именно такой односторонний подход был типичным для многих современных исследований проблем миграции в развивающихся странах. Например, в методологическом докладе симпозиуму по миграции населения на втором Междугосударственном совещании по географии населения (Москва, 1967 г.) указывалось: «При исследовании миграций населения следует руководствоваться важнейшим методологическим положением К. Маркса об историчности законов населения. Как для каждого исторического способа производства существует особый, свойственный ему закон населения, так и миграции определяются особенностями общественного строя, уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений, вытекаая из соответствующего, имеющего исторический характер закона населения. При капитализме основной причиной миграции являются образование относительного перенаселения, неравномерность развития капитализма (как во времени, так и в пространстве), изменения экономической конъюнктуры, кризисы, политические потрясения, причем подвижность населения гораздо выше, чем при всех предшествовавших общественных формациях» [268, стр. 192].

Как видим, в этом установочном положении доклада, специально посвященного задачам исследования миграции населения в капиталистических и развивающихся странах, не только не придается значения демографическим факторам, но даже не делается попытки наметить методологические различия в подходе к изучению миграционных процессов в условиях, с одной стороны, индустриальной экономики, с другой — отсталой аграрной экономики. К сожалению, не сделали такой попытки и авторы изданного в 1967 г. нового «Курса демографии». Отметив, что в капиталистических условиях миграция «происходила и происходит стихийно в огромных масштабах» и что «на ней неизменно лежит печать относительного перенаселения», а также что миграция в социалистических странах имеет «совершенно иной характер», поскольку «здесь нет относительного

перенаселения, автоматически выталкивающего население из села или из старых промышленных районов в новые» [108, стр. 333, 337], они не уделили никакого внимания специфике миграционных процессов в развивающихся странах.

Между тем экономическая отсталость в сочетании с высоким естественным приростом населения неизбежно отражается на характере аграрного перенаселения в афро-азиатских и латиноамериканских странах — расширяет масштабы перенаселения, делает его особенно тяжелым и, следовательно, более настоятельно побуждает крестьянство к миграции.

Земледельческий капитализм развивался здесь в самых отсталых, особенно мучительных формах из-за гнета иностранных империалистических монополий и сохранения в экономике многочисленных и сильных пережитков архаических производственных отношений. В этих условиях образование относительного перенаселения в деревне происходит не в классической форме, описанной, например, в «Курсе демографии» применительно к США, не вследствие развития капиталистического фермерства, эксплуатирующего сельскохозяйственный пролетариат, не в результате относительного и абсолютного уменьшения потребности в живой рабочей силе с увеличением применения сельскохозяйственных машин (хотя в определенных масштабах этот процесс, безусловно, также происходит), а из-за усиливающегося обнищания крестьянства, эксплуатируемого центральными и местными властями при помощи налогов, крупными землевладельцами при помощи кабальной аренды и разного рода повинностей, ростовщиками при помощи грабительских ссудных процентов, торговцами и перекупщиками при помощи неэквивалентных цен и т. д.

О таком пути образования аграрного перенаселения писал В. И. Ленин, подчеркивая, что «масса сельских «хозяев», имеющих такие ничтожные клочки земли, существовать с которых нельзя, которые представляют из себя лишь «подсобный промысел», составляет в общем строе капитализма часть *резервной армии безработных*. Это — *скрытая*, по выражению Маркса, форма такой армии. Неверно было бы представлять себе резервную армию безработных таким образом, как будто бы ее составляли только рабочие, не имеющие работы. К ней принадлежат и «крестьяне» или «мелкие хозяева», ко-

торые не могут существовать тем, что дает им их ничтожное хозяйство, которые должны добывать себе средства к жизни главным образом работой по найму» [19, стр. 332].

Действие экономических факторов в образовании аграрного перенаселения дополняется действием демографических факторов. Поскольку возрастание числа членов крестьянской семьи в результате уменьшения детской смертности и увеличения средней продолжительности жизни происходит, как правило, без расширения земельного надела и при сохранении рутинных методов производства, снижается среднедушевая выработка в крестьянской семье, увеличиваются периоды вынужденного безделья, ухудшается питание, усиливается зависимость от подсобных заработков и т. д. Переделы и без того мизерных крестьянских землевладений между умножающимися наследниками ускоряют процесс парцелляции обрабатываемых земель. Высокий естественный прирост сельского населения в условиях отсталой аграрной экономики углубляет трудоизбыточность деревни.

Сложность этой проблемы легко представить на конкретном примере типичной деревни Центральной Явы, обследованной в 1955 г. Индонезийским институтом экономических и социальных наук. Согласно опубликованным данным, 97% крестьянских хозяйств этой деревни владели земельными участками, площадью менее 1 га, а 88% — менее 0,5 га. Самым крупным землевладением в деревне был участок в 3,2 га [367, 1955, № 12, стр. 777]. Следовательно, даже уравнильное перераспределение земли не смогло бы устранить парцелляцию землепользования и заметно расширить спрос на рабочую силу. При существующих же темпах естественного прироста населения и без того ничтожный среднедушевой размер землевладений продолжает неуклонно сокращаться и станет вдвое меньше примерно через двадцать лет.

Снижающаяся возможность прокормиться только земледельческим трудом на собственных наделах, а также растущая потребность в денежных средствах для уплаты налогов, внесения арендных платежей, расчета по ростовщическим ссудам и т. д. вынуждают крестьян отправляться на заработки в города, в районы плантационных хозяйств и горнорудных разработок. Особенно широкие масштабы приобретает «отходничество» после

уборки урожая, во время спада сельскохозяйственных работ. Например, в Африке в отдельных сельских районах уходят на сезонные заработки 60, 70, 80 и даже 100% трудоспособных мужчин. Следует заметить, что во многих африканских странах, как, впрочем, и в некоторых других частях «третьего мира», до сих пор не произошло четкого размежевания миграции местного населения на внутреннюю и внешнюю. Произвольно проложенные еще колонизаторами государственные границы, нередко разделяющие единые народности и даже близких родственников, на большом протяжении остаются бесконтрольными, и местное население свободно переходит их без соблюдения каких-либо формальностей. Жители Того, Верхней Вольты, Нигерии и других соседних стран отправляются работать на плантации какао и алмазные прииски Ганы, жители Малави, Лесото, Ботсвана, Свазиленда, Мозамбика — на шахты Южной Африки и Замбии, на фермы Южной Родезии. Сезонные рабочие составляли две трети шахтеров Рэнда (основной район добычи золота в ЮАР), почти половину всех рабочих в Южной Родезии, большинство занятых на плантациях какао в Гане. Проведенные обследования показали, что период полной смены наемной рабочей силы происходит менее чем за год, а иногда и дважды в год [226, стр. 98—99, 104].

Наряду с сезонной миграцией рабочих, сохраняющих связь с деревней, все большее число крестьян, теряя землю, окончательно порывает с сельским хозяйством и перебирается на постоянное жительство в города или отправляется во вновь возникающие промышленные районы. Многочисленных выходцев из деревни привлекают такие промышленные гиганты, как Бхилайский металлургический комбинат в Индии или Асуанский гидротехнический комплекс в ОАР. Миграция как результат национальных усилий в промышленном строительстве и освоении природных ресурсов с большей или меньшей отчетливостью начинает проявляться в ряде латиноамериканских, азиатских и африканских государств.

Иногда переселение в новые хозяйственные районы происходит организовано, по государственным планам. Так, правительство ОАР осуществляет в соответствии с проектом «Новая долина» заселение низменных участков Ливийской пустыни, орошаемых путем создания сети

артезианских скважин, а также земель, отвоеванных у пустыни для сельского хозяйства при помощи Асуанской ирригационной системы. Переселенческая деятельность всегда занимала большое место в народнохозяйственных планах индонезийского правительства. В стране было создано специальное управление, занимавшееся подбором желающих выехать с Явы для освоения целинных земель в слабозаселенные районы. Переселенцы обеспечивались бесплатным транспортом и денежной субсидией. По прибытии на место они должны были получать на семью 2-га земли, уже частично расчищенной от леса, жилище, сельскохозяйственные орудия и материалы, а также средства существования до первого урожая. Вся правительственная помощь, за исключением транспортных расходов, считалась долгом, который переселенцы обязывались погасить в рассрочку, начиная платить после третьего урожая. Переселенцы с Явы направлялись в основном на Южную Суматру. С 1950 по 1954 г. здесь разместилось свыше 80% яванских крестьян, выехавших с помощью переселенческого управления. Остальная часть переселенцев направлялась на Южный Калимантан, Центральный и Северный Сулавеси. Кроме того, происходила миграция крестьян в пределах самой Явы из центральных и восточных областей на запад острова.

Государственные проекты колонизации слабозаселенных районов разрабатываются и в некоторых других развивающихся странах, в частности проект освоения внутренних областей Бразилии, окраинных территорий Мексики, острова Минданао на Филиппинах и т. д.

Однако организованное переселенчество и создание новых экономических центров в малозаселенных районах, хотя и являются весьма знаменательной попыткой регулирования стихийных миграционных процессов, не в состоянии сколько-нибудь заметным образом изменить типичное для развивающихся стран крайне неравномерное размещение населения. Слишком ограниченными по масштабам остаются эти мероприятия на фоне стремительного увеличения численности жителей в густозаселенных районах. Так, благодаря усиленной переселенческой деятельности индонезийского правительства удалось добиться того, что в 1950—1958 гг. в среднем ежегодно покидало Яву около 30 тыс. человек. Максимум был достигнут в 1953 г., когда выехало 66,2 тыс. пере-

селенцев. Но естественный прирост населения Явы составлял в это время 700—800 тыс. человек, и, следовательно, ни о каком успешном выполнении официально провозглашенной задачи «уменьшения перенаселенности Явы» не могло быть и речи.

Быстрорастущее население продолжает сосредоточиваться в основном на сравнительно небольших площадях в уже обжитых местах, главным образом в долинах рек и озер, на приморских равнинах. Около 70% всех жителей Индонезии остается на Яве и прилегающем к ней острове Мадуро, на долю которых приходится лишь 7% площади страны. Здесь плотность населения превышает 400 человек на 1 кв. км, а в отдельных местах северо-яванского побережья достигает 1500—2000 человек на 1 кв. км. Другие же острова Индонезии заселены слабо: на Калимантане, почти равном по площади Франции, плотность населения всего 8 человек на 1 кв. км, в Западном Ириане — около 3 человек на 1 кв. км. Ту же картину крайней неравномерности в размещении населения можно наблюдать в большинстве афро-азиатских и латиноамериканских стран. В Индии сравнительно редкое население на плоскогорье Декан, а на Индокитайском полуострове — во внутренних горно-лесных районах; зато в долинах рек Ганга, Инда, Меконга плотность населения нередко превышает 1000 человек на 1 кв. км. Так же высока плотность населения в долине и дельте Нила в ОАР, занимающих менее 4% площади страны, тогда как обширные территории имеют среднюю плотность менее 1 человека на 1 кв. км. В Танганьике 65% населения сосредоточено на 10% ее площади, а около двух третей страны практически необитаемы. Очень слабо заселены обширные внутренние территории Латинской Америки. Половина населения Колумбии проживает на $\frac{1}{8}$ части площади страны, Бразилии — на $\frac{1}{11}$, Чили — на $\frac{1}{20}$, Аргентины, Парагвая — на $\frac{1}{40}$ и т. д. [83, стр. 85]. Причем, как отмечалось, высокий естественный прирост населения все более усиливает эти и без того резкие диспропорции в размещении людских ресурсов, что имеет далеко идущие отрицательные народнохозяйственные последствия.

Для развивающихся стран характерна еще одна специфическая форма внутренней миграции, порожденная эпохой национально-освободительных революций и становления государственной независимости бывших ко-

лоний и полуколоний. Массовые межрайонные перемещения населения происходят в результате крупных политических потрясений: вооруженной борьбы против колонизаторов и империалистических агрессий, революционных и контрреволюционных государственных переворотов, реакционных мятежей, межплеменных, национальных и религиозных столкновений, территориальных конфликтов. Как правило, в этих случаях внутренняя миграция тесно переплетается с внешней, ибо многочисленные беженцы, спасаясь от политических или религиозных преследований, устремляются в соседние государства.

Так, мрачной страницей вошли в историю национально-освободительной борьбы азиатских народов кровавые столкновения, возникшие между индусами и мусульманами в 1947 г. при образовании двух самостоятельных доминионов — Индийского Союза и Пакистана. Раздел колониальной Британской Индии способствовал обострению религиозной вражды и сопровождался массовыми погромами и убийствами, в которых погибло около 500 тыс. человек и были разрушены сотни сел и десятки городов. Свыше 10 млн. беженцев хлынули двумя встречными потоками, индусы — из Пакистана в Индию, а мусульмане — из Индии в Пакистан. Оставшиеся без крова и пищи переселенцы создали большие экономические трудности для обоих молодых государств. Только в Карачи до недавнего времени насчитывалось 1,5 млн. беженцев и все еще не была окончательно решена проблема их жизнеустройства.

Со времени завоевания государственной независимости в 1945 г. практически не прекращались военные действия на территории Индонезии, вызывая массовую насильственную миграцию населения. Четырехлетнее вооруженное сопротивление голландской интервенции сменилось длительной борьбой с террористическими бандами «Дар-уль-Ислама». Целью этой подрывной организации, фактически служившей орудием международной реакции, было свержение антиимпериалистического республиканского правительства и создание в Индонезии религиозного (исламского) государства. В результате ее вооруженных действий погибли тысячи мирных жителей, были сожжены десятки тысяч домов, а общие убытки достигли сотен миллионов рупий. Новые испытания принес Индонезии военный переворот осенью

1965 г., положивший начало массовым преследованиям демократических сил. По некоторым сведениям, в те дни число уничтоженных и заключенных в тюрьмы достигло 350—500 тыс.

Беженцы, спасающиеся от военных бедствий, вызванных контрреволюционными мятежами, гражданскими войнами, империалистическими интервенциями, стали после крушения колониальных режимов типичной составной частью внутренней миграции в Малайе, Бирме, Лаосе, Южном Вьетнаме и некоторых других азиатских государствах.

В Африке унаследованная от эпохи колониализма племенная и религиозная вражда также зачастую приводит к вооруженным конфликтам и как следствие вызывает миграцию населения. Например, свыше 100 тыс. человек были вынуждены покинуть южные провинции Судана в результате религиозной междоусобицы. Вооруженные столкновения племен бахуту и батутси в Руанде вызвали массовое бегство последних в соседние государства; за 1953—1963 гг. число беженцев составило 160 тыс. Подогреваемые империалистической агентурой племенные противоречия в сочетании с острыми социальными конфликтами привели к гражданским войнам в Конго (Киншаса), откуда бежало около 75 тыс. человек, и в Нигерии, где широкие масштабы приняло перемещение населения между отдельными районами федерации. Свыше 300 тыс. человек эмигрировали из Анголы, 23 тыс. — из Мозамбика и 61 тыс. — из Португальской Гвинеи, борющихся за освобождение от португальских колонизаторов. Согласно оценкам ООН, к началу 1967 г. число беженцев в Африке достигло 735 тыс., что создало серьезные проблемы в тех государствах, куда они прибывают. Размещение тысяч людей, оказание продовольственной и медицинской помощи ложится тяжелым бременем на и без того напряженные бюджеты Конго (Киншаса), принявшем 357 тыс. беженцев, Уганды (156 тыс.), Бурунди (79 тыс.), Сенегала (61 тыс.), ЦАР (43 тыс.), Танзании (33 тыс.) и Замбии (около 6 тыс.) [312а, стр. 8].

Национально-освободительное движение и сопровождающие его политические потрясения явились той мощной силой, которая привела в движение самые широкие слои застойного неграмотного деревенского населения афро-азиатских и латиноамериканских стран, включила

эти слои, зачастую насильственным образом, в миграционные процессы еще до того, как вступили в действие новые экономические и социальные факторы, порождаемые революционными преобразованиями. В свою очередь усиливающаяся внутренняя миграция способствует дальнейшему углублению и расширению революционных преобразований, поскольку она вырывает миллионы людей из «идиотизма деревенской жизни», из рутинного образа существования, при котором разум подавляется суевериями, социальная инициатива сковывается религиозными предписаниями, а общественный кругозор ограничивается узкими интересами сельской общины.

Наглядным примером такой косности и рутины может служить все еще сохраняющаяся в Индии традиционная кастовая система. Она серьезно затрудняет общественное развитие, разделяя индийский народ на замкнутые, изолированные группировки и предписывая членам каждой такой группировки заниматься из поколения в поколение только определенным ремеслом, выполнять строго определенные обряды, питаться определенной пищей и даже питьевую воду брать из определенных источников. Понятно, что такая детальная регламентация всего жизненного уклада прочно привязывает человека к месту рождения, поскольку переезд на новое место может означать столкновение с чуждой и даже враждебной средой, отличающейся иными обычаями.

Расшатывая патриархальные устои сельских общин, их социальные предубеждения и ограниченность, национально-освободительные революции тем самым открывают новые перспективы для деревенских жителей, особенно для молодежи, которая начинает испытывать неудовлетворенность старыми порядками, стремление к переменам в образе жизни, тягу к образованию, к городской культуре. Так возникает еще одна форма миграции сельского населения в города, знаменующая наступление важных социально-культурных сдвигов.

Следовательно, происходящий на современном этапе развития афро-азиатских и латиноамериканских стран быстрый рост городского населения за счет сельского вызван взаимодействием комплекса факторов экономических, политических, социальных, демографических, и было бы большим упрощением пытаться объяснять это только ссылкой на общетеоретическое положение Марк-

са о том, что капиталистический способ производства, по самой своей природе «постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала на счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно; следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения» [4, стр. 187]. Имея в виду это положение Маркса, В. И. Ленин подчеркивал, что «Рост городского (общее: индустриального) населения на счет сельского есть... всеобщее явление, выражающее именно закон капитализма» [17, стр. 144].

Но конкретная действительность афро-азиатских и латиноамериканских стран придает значительные специфические особенности процессам внутренней миграции и урбанизации. Прежде всего их масштабы и темпы намного превышают масштабы и темпы промышленного строительства и создаваемого этим строительством спроса на рабочую силу. Лишь незначительная часть механического прироста городского населения становится действительно «индустриальным» населением. Вот почему применительно к развивающимся странам правомерно говорить не столько о «притягивании» городами сельских жителей, сколько главным образом о «выталкивании» их из деревни независимо от состояния спроса на рабочую силу в неземледельческих отраслях народного хозяйства. Причем само «выталкивание» в очень малой степени происходит из-за абсолютного уменьшения переменного капитала в земледелии при соответствующем увеличении постоянного капитала. Как уже отмечалось, важную роль при этом играют демографические факторы.

Кроме того, необходимо учитывать, что значительно возросшие за последние десятилетия темпы урбанизации вызваны не только усилившимся притоком сельского населения, но и повысившимся естественным приростом самого городского населения. Например, в Индии, по подсчетам доктора К. Е. Вайдьянатана из Бомбейского демографического центра, с 1951 по 1961 г. увеличение

Городского населения произошло примерно на две трети за счет естественного прироста [348а, стр. 5].

Таким образом, нельзя не видеть прямой связи между «демографическим взрывом» в развивающихся странах и резким обострением проблем урбанизации.

Методологические трудности в определении городского населения

Отсутствие в развивающихся странах удовлетворительного статистического учета внутренней миграции до некоторой степени компенсируется сравнительно полной информацией о росте городского населения. Даже там, где общие переписи населения были проведены лишь в самое последнее время, существуют, как правило, сравнительно давние сведения о численности населения городов, полученные в результате частичных переписей. Имеющиеся данные позволяют произвести приблизительные оценки прошлых и будущих тенденций роста городского населения в подавляющем большинстве стран путем статистической интерполяции и экстраполяции. Однако стоит только попытаться перейти от национальных оценок к оценкам процессов урбанизации в региональных или тем более в мировых масштабах, как возникают почти непреодолимые трудности из-за несопоставимости принятых в разных странах критериев определения понятий «город» и «городское население».

Многообразные национальные определения можно с большой степенью условности свести по крайней мере к пяти основным типам критериев, применяемых в национальных демографических исчислениях либо в отдельности, либо в самых различных комбинациях.

Часто в развивающихся странах отличают «город» от сельской местности только по его административному статусу и административным функциям. Этот критерий, пожалуй, наименее точен и, поскольку административные функции неодинаковы в разных странах, наименее пригоден для международных сопоставлений*.

* Так, в демографической практике Алжира понятие «город» автоматически применяется к «55 наиболее важным общинам с местным самоуправлением», в Гамбии — только к ее столице Батерсту, в Марокко — к «117 городским центрам», в Сенегале — к району Зеленого мыса (Дакар — Рюфиск) и населенным пунк-

«Административный» критерий основывается на том факте, что первоначально возникавшие в сельских районах торгово-распределительные центры приобретали вместе с отличными от деревни экономическими и административными функциями также и иной образ жизни. Но далеко не всегда это отличие закреплялось и углублялось; и тем не менее будучи однажды много лет назад причисленным к категории «город» по административному признаку, тот или иной населенный пункт может по традиции сохранять эту классификацию, даже если реальная основа для нее к настоящему времени уже не существует.

Как показали материалы Межрегионального семинара ООН по вопросам развития и планирования в отношении урбанизации, в Латинской Америке, где «административный» критерий применяется наиболее широко, многие из традиционных административных, торговых и обслуживающих центров сельских местностей и даже некоторые из провинциальных столиц, в которых не возникли крупные отрасли промышленности или другие новые отрасли, приобретают деревенский образ жизни, поскольку из них уходят ремесленники и рабочие, а на их место приходят безземельные крестьяне в поисках работы [92, стр. 18, 19].

Вслед за «административным» критерием численность жителей — вторая распространенная в развивающихся странах основа для определения понятия «город». По своей простоте и общезначимости этот критерий наиболее удобен в международных сопоставлениях, но препятствие заключается в том, что применяющие его страны исходят из разных градаций. В Турции городами считаются населенные пункты с числом жителей более 10 тыс., в Гане — 5 тыс. и более, в Мексике и Венесуэле — 2,5 тыс. и более, в Анголе и Кении — 2 тыс. и более, в Тунисе — 1 тыс. и более и «имеющие местное самоуправление» и т. д.

там Сен-Луи, Тнес, Каолак, Диурбель, Луга и Цигвиншор, в Судане — к «68 поселкам», в Того — к «семи городским общинам», в ОАР — к «пяти крупнейшим городам, являющимся также губернаторствами, и столицам провинций и округов», в Бразилии — к «городским и пригородным зонам административных центров *municípios* и *distritos*», в Эквадоре — к «столицам провинций и кантонов», в Таиланде — к «муниципальным районам» и т. д. [70, приложение 1].

При такой многовариантности представляется весьма затруднительным даже в рамках отдельного региона выбрать общий показатель численности жителей, наиболее точно разграничивающий сельские и городские районы. К тому же следует иметь в виду, что применение только такого показателя нередко обуславливает завышение степени урбанизации, так как в категорию «городов» зачисляются фактически сельские поселения, имеющие высокую концентрацию жителей. Например, в Индии, согласно исследованию сотрудника делийского Института экономики доктора А. Боса, среди населенных пунктов с числом жителей менее 20 тыс., причисленных переписью 1961 г. к разряду городов, только 49% можно было считать по всем признакам действительно городами, остальные являлись, по его определению, «квази-городами». Проведенный анализ порайонных демографических данных показал, что в 298 областях из 337 «квази-городское» население составляло свыше половины населения, официально считавшегося городским [2916, стр. 8].

Третий критерий для классификации городов — показатель плотности населения или густоты застройки. Довольно широко используемый в развитых странах (в Финляндии, Франции, Норвегии, Швеции), он имеет ограниченное применение в развивающихся странах из-за недостатка картографических и других необходимых для его исчисления средств. Обычно этот показатель включается в комплексное определение понятия «город» (в Индии, на Филиппинах) и лишь в Гонконге служит единичной основой; в последнем к категории «городских» причисляются все районы, «где разрешается строительство большой плотности», и примыкающие районы, «где допускается плотность средней величины». Принятые в разных странах различные нормы плотности и способы ее измерения делают непригодным этот показатель для межгосударственных сопоставлений.

Четвертым основным критерием является требование, чтобы населенные пункты, причисляемые к категории «городских», обладали определенными материальными «городскими признаками», которых нет в сельской местности. Обычно имеются в виду такие удобства, как мощенные дороги, электричество, канализация, медицинское обслуживание, более благоприятные возможности трудоустройства, образования, развлечений и т. п. Как

правило, страны, пользующиеся этим критерием в качестве единственной основы для классификации городов, не уточняют, что подразумевается под терминами «городские признаки» или «городской тип». Например, к категории «городских» относятся: в Уганде — «поселки городского типа, включая мелкие торговые центры», в Замбии — «основные поселки городского типа и столько мелких районов городского подчинения, сколько поддается раздельной идентификации», в Камбодже — «поселки городского типа», на Цейлоне — «муниципалитеты, городские советы, районы местного управления и поселки городского типа, входящие в Указ о регистрации рождений и смертей», в Индонезии — «города, имеющие самоуправление, административные центры и другие поселения с городскими признаками», и т. д. Правда, иногда дается и уточнение этих признаков: согласно принятому в Перу определению, городами считаются «столицы районов и населенные центры с такими городскими признаками, как улицы, площади, водоснабжение, канализация, электрическое освещение и т. д.».

В ряде развивающихся стран показатель «городские признаки» применяется в сочетании с показателем «численность населения». В Гондурасе к городам отнесены «населенные пункты с числом жителей в 1 тыс. и более, имеющие в основном городские признаки», в Панаме — те же самые, только число жителей 1500 и более, в Непале — «города с 10 тыс. жителей и более в идентифицированных агломерациях с преимущественно городскими признаками», в Пакистане — «муниципальные районы, административные расположения, поселки, не включенные в муниципальные границы, другие постоянные скопления домов, имеющие население не менее 5 тыс. и городские признаки, а также небольшое число районов, имеющих городские признаки, но с числом жителей менее 5 тыс.».

Как и предыдущий критерий, понятие «городские признаки» не может служить основой для международных сопоставлений из-за большой неопределенности и полной зависимости от конкретных экономических и культурных условий в каждой отдельной стране.

Последний, пятый критерий исходит из экономических функций населения и в соответствии с ними определяет города как населенные пункты, где преобладает

несельскохозяйственная деятельность в отличие от сельской местности, где главное занятие населения — сельское хозяйство. Следует заметить, что этот критерий применяется в развивающихся странах довольно редко и только в комплексе с другими показателями, причем устанавливаются самые различные нормы экономической деятельности, характеризующие городское население. В Индии, например, требуется, чтобы в сельскохозяйственных отраслях было занято не менее $\frac{3}{4}$ трудоспособных мужчин, в Иордании — не менее $\frac{2}{3}$. К тому же само определение сельскохозяйственной деятельности не отличается большой четкостью и единообразием, а существующая практика использования для классификации населенных пунктов только показателей занятости среди мужского населения не может не искажать действительного положения в развивающихся странах, где участие женщин в сельскохозяйственном труде весьма значительно.

Вышеизложенным многообразием и известной произвольностью применяемых в развивающихся странах критериев для классификации городов еще не исчерпываются все трудности сопоставления в международных масштабах национальных данных об урбанизации. Эти трудности усугубляются, во-первых, изменчивостью национальных критериев. Например, в Турции при переписи населения 1955 г. города определялись по «административному» критерию, а при переписи 1960 г. — по численности жителей. Во-вторых, по мере совершенствования национальной демографической статистики происходит уточнение и усложнение критериев, единичные критерии заменяются все более многосторонними комплексными. Такое развернутое определение применяется в Индии, согласно которому к городам причисляются «поселки городского типа (селения с муниципальной корпорацией, муниципальным районным комитетом, поселковым комитетом, комитетом утвержденного селения или городским управлением); также все селения с 5 тыс. жителей и более, с плотностью населения не менее 1 тыс. человек на кв. милю и по крайней мере с $\frac{3}{4}$ взрослого мужского населения, занятого другими видами деятельности помимо сельскохозяйственной, и явно городского характера». Наконец, независимо от различий в классификации населенных пунктов (городских и сельских) в развивающихся странах нет единого под-

хода к определению самого понятия «населенный пункт»; в одних случаях это понятие применяется ко всякой агломерации без установленных границ, в других — к наименьшим административно-территориальным подразделениям с фиксированными границами.

И тем не менее существует настоятельная необходимость в получении единого критерия урбанизации, позволяющего сопоставлять и обобщать национальные данные о городском населении, поскольку без таких обобщений региональных и мировых показателей невозможно сколько-нибудь правильно представить современную мировую демографическую ситуацию и тем более ее будущее развитие, невозможно изучать причины и следствия международной миграции и составлять ее прогнозы, надлежащим образом оценить перспективы мирового экономического и социального положения, в частности состояния мировой продовольственной проблемы, проблем занятости, образования, здравоохранения, жилищного строительства и т. д.

Большие усилия по улучшению учета и прогнозированию численности мирового городского населения прилагают демографические учреждения ООН. В 1961 г. 11-я сессия Комиссии по народонаселению Экономического и Социального Совета ООН уделила особое внимание необходимости подготовить перспективные исчисления городского населения и рекомендовала начать исследование сельско-городской миграции и роста городского и сельского населения в развивающихся странах, когда будут получены основные данные Всемирной программы переписей 1960 г. Такие исследования начались в 1964 г., и уже в 1965 г. 13-я сессия Комиссии по народонаселению смогла обсудить их предварительный результат — доклад «Мировой обзор роста городского и сельского населения». В ходе обсуждения было отмечено, что представленный доклад является первым шагом в изучении сложных проблем урбанизации и требует большой дальнейшей работы, так как намеченные в нем тенденции ограничивались узким периодом — 1950—1960 гг., а использованные статистические данные охватывали лишь около 40% всего мирового населения и около 50% населения менее развитых районов мира. В связи с этим комиссия предложила распространить анализ тенденций на более продолжительный период, начиная с 1920 г., и расширить географические рамки

демографической информации. Учитывая методологические трудности, препятствующие анализу уровней и тенденций урбанизации, Комиссия подчеркнула важность улучшения качества и сопоставимости данных, которые будут собираться при переписях населения 1970 г. «Необходимо достигнуть соглашения, — говорилось в выводах Комиссии, — о желательных критериях для международных сравнений, а также получить достаточно детализированные классификации, которые позволят исчислять индексы урбанизации применительно и к старым и к новым критериям, так чтобы можно было не только изучать тенденции, но и делать международные сопоставления» [55, стр. 17].

Это предложение, однако, не получило поддержки на региональных совещаниях статистиков*, которые пришли к заключению, что на нынешнем этапе еще нет возможности выработать стандартные критерии, одинаково пригодные для национальных целей и для международных сопоставлений. Вот почему опубликованные в 1967 г. Организацией Объединенных Наций международные рекомендации по проведению переписей населения и жилого фонда 1970 г. содержали уже иное наставление. В них говорилось: «Из-за разных национальных признаков, отличающих городские районы от сельских, различие между городским и сельским населением все еще не поддается единому определению, которое было бы применимо ко всем странам. Поэтому каждая страна должна решать сама, какие из ее районов следует считать городскими и какие сельскими» [56, пункты 312—313; 57, пункты 298—299].

Таким образом, демографические учреждения ООН в настоящее время исходят из необходимости сохранить на неопределенный период две параллельные, взаимно не связанные системы подсчета городского населения: с одной стороны, систему разрозненных национальных критериев, с другой — единый интернациональный показатель, до известной степени обеспечивающий возможность международных сравнений. Что касается

* 6-я сессия Конференции азиатских статистиков (март, 1965 г.), 4-я Конференция африканских статистиков (ноябрь, 1965 г.), 1-я сессия Подкомитета по демографической статистике и статистике жилого фонда Комитета по улучшению национальной статистики Межамериканского статистического института (январь, 1966 г.).

последнего, то, в качестве компромиссного решения, городское население определяется как совокупное население в пунктах с числом жителей 20 тыс. и более, а до этого предела рассматривается как сельское. В свою очередь категория «городского населения» подразделяется на группы «население городов» (с числом жителей 100 тыс. и более), «население больших городов» (500 тыс. и более) и «население многомиллионных городов» (2,5 млн. и более).

Конечно, разграничительный показатель «20 тыс. и более» является в большой мере произвольным и мало соответствует национальной практике. Его выбор в основном обусловлен лишь общей нехваткой демографических данных по населенным пунктам с меньшим числом жителей. Чтобы как-то ослабить неточность классификации, население в пунктах до 20 тыс. жителей иногда определяют не просто как «сельское», а как «сельское население и население поселков полугородского типа». Но поскольку категория «полугородское население» пока отдельно не подсчитывается, разница между двумя количественными характеристиками городского населения, установленными одна по национальным критериям и другая по условному международному показателю, остается весьма существенной.

Как уже отмечалось, городской компонент подавляющего большинства национальных переписей включает в себя значительное число лиц, проживающих в пунктах с населением менее 10 тыс. и даже менее 5 тыс. Поэтому градация «20 тыс. жителей» весьма преуменьшает долю городского населения по сравнению с национальными данными*. Так, в 1960 г. доля городского населения среди всего охваченного демографическими переписями населения мира составляла 35,2%, если основываться на материалах национальных исчислений, и только 27%, если исходить из числа жителей в пунктах

* В ООН была подсчитана численность городского населения в 1950 и 1960 г. по национальным критериям для стран, в которых проживает 90% населения мира. Не были учтены только страны с числом городских жителей менее 1 млн. и страны, не имевшие ясных национальных критериев. На точности подсчета отразился недостаток демографических сведений по КНР и отдельным районам Южной Азии и Тропической Африки. Сопоставление данных 1950 и 1960 г. было затруднено изменением за этот период условий переписей населения в Индии и некоторых других государствах.

с населением 20 тыс. и более, т. е. преуменьшение при использовании второго, условного показателя достигало 8%. Эта разница оказывалась более заметной в группе развитых стран и менее заметной в группе развивающихся стран. Для развитых стран соответствующие цифры равнялись 59 и 46%, т. е. преуменьшение составляло 13%, а для развивающихся стран — 24 и 18%, следовательно, разница была вдвое меньше, всего 6%. Правда, она достигала 17% в одном из главных районов группы развивающихся стран — в Латинской Америке, где, согласно национальным критериям, доля городского населения определялась 52%, а при применении градации «20 тыс. жителей и более» — только 35%, что свидетельствует о сравнительно широком включении в категорию городского населения небольших населенных пунктов [32, стр. 11—12]. Разумеется, еще более велики вариации по отдельным странам, среди которых можно встретить примеры прямо противоположного свойства. Так, в Ираке и на Филиппинах применение градации «20 тыс. жителей и более» ведет к повышению доли городского населения в сравнении с национальными исчислениями; в первом случае с 39,2 до 80%, во втором — с 29,9 до 52,1%. Иначе говоря, иракская и филиппинская демографическая статистика причисляют к «сельской» категории значительную часть населения пунктов с 20 тыс. жителями и более или целиком отдельные пункты с 20 тыс. жителей и более [70, Прил. II, стр. 7—8].

Существенные расхождения, возникающие при определении численности городского населения по разным системам подсчета, оказываются совсем незначительными при выяснении темпов его роста. Установлено, что за 1950—1960 гг. совокупное городское население мира увеличилось на 40 или на 42% в зависимости от того, производился ли подсчет по национальным критериям, или по числу жителей в пунктах с населением 20 и более тыс. В группе развитых стран это увеличение соответственно равнялось 28 или 30%, а в группе развивающихся — 57 или 58%. Что касается сельского населения, то, согласно национальным критериям, оно за тот же период либо осталось на прежнем уровне, либо несколько уменьшилось в группе развитых стран и возросло на 14% в группе развивающихся стран; согласно градации «жители в поселениях менее 20 тыс.», оно уве-

личилось на 3% в группе развитых стран и на 15% в группе развивающихся стран [32, стр. 12—13]. Есть основания предполагать, что рост сельского населения происходит больше за счет увеличения численности жителей поселков «полугородского» характера, нежели типично сельских поселений. По-видимому, также существует тенденция к консолидации более крупных сельских поселений [223, стр. 151—154].

Итак, принятая демографическими учреждениями ООН система определения городского населения как совокупности жителей в пунктах, насчитывающих 20 и более тыс. человек, при всем своем несовершенстве позволяет составить достаточно верную картину развития мировых тенденций в области урбанизации. К тому же и сама классификационная система и основанные на ней подсчеты подвергаются последовательной корректировке. В 1966 г. на Межрегиональном семинаре ООН по вопросам развития и планирования в отношении урбанизации был обсужден доклад «Международные тенденции в урбанизации, 1920—1960 гг.», содержащий предварительные подсчеты жителей в населенных пунктах, насчитывающих до 20 тыс. человек, 20 и более тыс. и 500 тыс. и более для 24 районов мира с 1920 по 1960 г., а также экспериментальные перспективные исчисления до 1980 г. [99]. Дальнейшие исследования мировых процессов урбанизации позволили составить в 1967 г. новый документ — «Рост городского и сельского населения в 1920—1960 гг. с перспективными исчислениями». В 1968 г. Экономический и Социальный Совет ООН опубликовал очередной «Обзор мирового социального положения в 1967 г.», содержащий, в частности, уточненные данные по мировой урбанизации.

Особенности, состояние и перспективы роста городского населения

Согласно оценкам ООН, в 1960 г. 753 млн. человек, или четверть мирового населения, проживали в городах (населенных пунктах с 20 тыс. и более жителей), причем половина этого числа — 351 млн. — в крупных городах (с населением 500 тыс. и более жителей). Из общей численности городского населения мира примерно $\frac{3}{5}$ приходилось на группу развитых стран, где уровень

урбанизации превышал 44%, а несколько более $\frac{2}{5}$ — на группу развивающихся стран, где уровень урбанизации составлял около 16%* (табл. 6).

С 1920 по 1960 г. темпы роста городского населения примерно вдвое превышали темпы роста всего мирового населения. Если по десятилетиям мировое население возрастало: на 11% в 1920—1930 гг., на 11% в 1930—1940 гг., на 10% в 1940—1950 гг. и на 19% в 1950—1960 гг., то городское население соответственно увеличивалось на 27, 28, 24 и 43%, а население больших городов — на 34, 26, 26 и 55%. Одновременно росло и сельское население: на 9, 8, 6 и 13%, хотя темпы его роста были сравнительно низкими, по абсолютному приросту оно в любое из десятилетий превосходило городское население. За 40 лет, с 1920 по 1960 г., сельское население мира возросло на 638 млн. человек, а городское — на 500 млн. Тем не менее доля городского населения в общей численности человечества неуклонно увеличивалась: с 14% в 1920 г. до 16% в 1930 г., 19% в 1940 г., 21% в 1950 г. и до 25% в 1960 г. [32, стр. 16]. Иными словами, если в 1920 г. сельское население относилось к городскому как 6:1, то в 1960 г. уже как 3:1.

Из вышеприведенных данных видно, что «демографический взрыв» вызвал в 50-х годах по сравнению с предшествовавшим десятилетием удвоение темпов роста не только всего мирового населения, но и каждой из его двух составных частей — сельской и городской. Следовательно, хотя в основе урбанизации кроются экономические факторы, нынешние беспрецедентные масштабы этого процесса в значительной степени обусловлены де-

* Если оценивать численность городского населения мира, механически суммируя национальные показатели, то тогда следует считать, что в 1960 г. в городах проживало 990 млн. человек, или 33% мирового населения, в том числе 580 млн. в развитых странах (60% урбанизации) и 410 млн. в развивающихся странах (20% урбанизации). Изданный в Москве в 1965 г. справочник «Население мира» также указывает, что в городах проживает примерно треть населения мира, в том числе доля городского населения составляет: в Австралии и Океании 75%, в Америке 52%, в зарубежной Европе свыше 55%, в СССР свыше 52%, в зарубежной Азии свыше 20%, в Африке около 20%. Как уже отмечалось, такая классификация по сравнению с принятой в ООН, по-видимому, является более точной применительно к развитым странам, но она, несомненно, преувеличивает уровень урбанизации в развивающихся странах.

мографическими изменениями в Азии, Африке и Латинской Америке.

Несмотря на то что уровень урбанизации развитых стран в 1960 г. был почти втрое выше, чем развивающихся, по степени концентрации городского населения в больших городах эти две группы стран почти не различались. Доля жителей больших городов во всем городском населении соответственно равнялась 49 и 43%. Но особенно примечательно то обстоятельство, что рост городского населения в развивающихся странах стремительно ускоряется, обгоняя по темпам развитые страны. С 1920 по 1960 г., когда все мировое население выросло на 61%, численность городского населения увеличилась на 200%, а населения только больших городов еще значительнее — на 265%. Но по двум основным группам стран этот процесс проходил неодинаково: в развитых странах прирост городского населения составил 134% и жителей только больших городов — 165%, в то же время в развивающихся странах все городское население возросло почти в 5 раз, а население больших городов — почти в 9 раз (табл. 5).

При оценке величины этих темпов нельзя не принимать во внимание низкий исходный уровень урбанизации в развивающихся странах. Однако и в абсолютном выражении происшедший в этих странах за рассматриваемый период прирост всего городского населения и населения больших городов оказался соответственно почти в 1,5 раза и почти в 4 раза больше, чем в развитых странах.

Опережающие темпы роста городского населения в развивающихся странах по сравнению с развитыми, по-видимому, сохранятся в ближайшие десятилетия. Правда, прогноз этого процесса особенно затруднителен и малонадежен. Прежде всего потому, что его приходится строить на весьма приблизительных, вызывающих большие сомнения исходных данных. Кроме того, для прогноза урбанизации особенно важен тщательный учет перспектив экономического развития, в частности промышленности. Но нынешний объем знаний об экономических перспективах развивающихся стран все еще остается настолько недостаточным, что не позволяет сделать сколько-нибудь определенные выводы относительно их вероятной взаимосвязи с ростом городского населения.

**Приблизительные оценки и прогнозы роста сельского
и городского населения в развитых и развивающихся странах*,
млн.**

	Оценка			Прогноз на 1980 г.	Прирост	
	1920 г.	1940 г.	1960 г.		за 1920 — 1960 гг.	за 1960 — 1980 гг.
Все население мира . . .	1860	2295	2998	4330	1138	1332
Сельское население . . .	1607	1869	2245	2950	638	705
Городское население . . .	253	426	753	1380	500	627
в том числе население больших городов . . .	96	175	351	733	255	382

Развитые страны

Все население	673	821	976	1194	303	218
Сельское население . . .	488	530	543	568	55	25
Городское население . . .	185	291	433	626	248	193
в том числе население больших городов . . .	80	134	212	328	132	116

Развивающиеся страны

Все население	1187	1474	2022	3136	835	1114
Сельское население . . .	1119	1339	1702	2386	583	684
Городское население . . .	68	135	320	750	252	430
в том числе население больших городов . . .	16	41	139	405	123	266

Доля развивающихся стран в мировом населении

Все население	64	64	67	72	73	84
Сельское население . . .	70	72	76	81	91	97
Городское население . . .	27	32	42	54	50	69
в том числе население больших городов . . .	17	23	40	55	48	69

* Городское население — население пунктов с 20 тыс. и более жителей. Население больших городов — население городских агломераций с числом жителей 500 тыс. и более. Сельское население, включая жителей поселений полугородского типа, — население пунктов с числом жителей менее 20 тыс. [67, стр. 14].

Вот почему демографические учреждения ООН пока вынуждены пользоваться в своих перспективных расчетах самым ненадежным в данном случае методом — экстраполяцией прошлых и нынешних тенденций. Предполагается, что и впредь городское население будет возрастать темпами, вдвое превышающими темпы роста всего населения, и что большие города будут поглощать половину абсолютного прироста городского населения. Исключение сделано только для высоких уровней урбанизации, при которых подобная предпосылка означала бы слишком большое сокращение сельского населения. Здесь в расчеты введена соответствующая поправка.

Прогнозы ООН предусматривают дальнейшее ускорение роста городского населения мира. Предполагается, что его прибавка за двадцатилетний период, с 1960 по 1980 г., составит 527 млн. человек, т. е. окажется больше, чем вся прибавка за предшествовавшие 40 лет, с 1920 по 1960 г., которая равнялась 500 млн. человек. В результате общая численность городского населения достигнет в 1980 г. 1380 млн. и, таким образом, в городах будет проживать уже треть мирового населения (или соответственно 1780 млн. и 40%, если руководствоваться при прогнозировании национальными критериями). Численность жителей больших городов увеличится по сравнению с 1960 г. более чем в два раза и охватит свыше половины всего городского населения.

Диспропорция в темпах урбанизации по двум группам стран станет еще сильнее. С 1960 по 1980 г. городское население в развивающихся странах предположительно возрастет на 134%, а население больших городов почти утроится, тогда как в развитых странах все городское население, вероятно, увеличится только на 45%, а население больших городов — приблизительно наполовину. Соответственно доля городского населения в общей численности населения и доля жителей больших городов во всем городском населении возрастет к 1980 г. в развивающихся странах до 24 и 54%, а в развитых — до 52 и 52%. По-видимому, еще до 1980 г. общая численность городского населения и отдельно населения больших городов в развивающихся странах станет больше, чем в развитых странах.

Следует обратить внимание, что процесс урбанизации в развивающихся странах характеризуется не толь-

ко своими темпами, но и большой неоднородностью. Стремительный рост немногих или даже единичных крупных городов происходит при сравнительно умеренном росте средних и стагнации большинства мелких. Именно в крупные города, быстро умножая численность их жителей, направляются потоки мигрантов из деревень, поскольку в условиях общей экономической отсталости лишь эти немногие центры обладают необходимой инфраструктурой для нового промышленного строительства, создающего дополнительный спрос на рабочую силу.

Этого спроса нет в малых городах, которые обычно выполняют только административные функции и не имеют достаточной градообразующей базы. Для них характерен отрицательный баланс миграции, поглощающей частично или полностью естественный прирост жителей. Иногда механический отток населения оказывается даже больше естественного прироста, и тогда начинается деградация города. Так, во время переписи 1961 г. в Индии были лишены статуса городов 803 населенных пункта с числом жителей около 4,7 млн., которые в качестве городов прошли перепись 1951 г. [298, стр. 2]. По имеющимся оценкам, с 1951 по 1961 г. 32,7% индийских городов испытывали замедленный рост и 5,5% деградировали; в Пакистане соответствующие цифры равнялись 47,9 и 6,1% [291б, стр. 3].

Региональные различия в экономико-демографической обстановке лишь подчеркивают общие для всех афро-азиатских и латиноамериканских стран особенности процесса урбанизации (табл. 6). Наиболее высоким уровнем урбанизации отличается Латинская Америка. Здесь в 1960 г. в городах с числом жителей 20 тыс. и более находилось 32% всего населения, что вдвое превышало средний показатель для всех развивающихся стран; к 1980 г., по прогнозам ООН, доля городского населения достигнет уже 41%, причем $\frac{2}{3}$ будет сосредоточено в больших городах*. С 1920 по

* Региональная Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки в своих документах придерживается иной классификации городского населения, относя к нему населенные пункты с числом жителей свыше 2 тыс. При использовании этого критерия доля городского населения в Латинской Америке в 1960 г. оценивалась в 45,8% (в Уругвае — 81,8%, в Аргентине — 67,6%, в Чили — 65,4% и т. д.) и, по перспективным расчетам, в 1975—1980 гг. должна возрасти до 55—60%.

1960 г. численность городского населения увеличилась более чем в 5 раз, а население больших городов — почти в 7 раз. В 1950—1960 гг. городское население росло в среднем ежегодно на 4,5—5%, главным образом за счет интенсивного развития нескольких крупнейших агломераций. Если в 1925 г. в Латинской Америке имелся только один город с числом жителей более 1 млн., то в 1960 г. таких городов уже было шесть, а если считать городские агломерации (с пригородами), то десять с общим населением 27 млн. Этими «миллионерами» стали города Рио-де-Жанейро (3223 тыс.), Сан-Пауло (3165 тыс.), Буэнос-Айрес (2967 тыс.), Мехико (2832 тыс.), Лима (1716 тыс.), Монтевидео (1173 тыс.) [83, стр. 109—110]. Свыше миллиона жителей насчитывали также «Большое Сант-Яго», «Большая Гавана», «Большая Богота», «Большой Каракас». Некоторые городские агломерации приобретают гипертрофированные размеры. Так, в Буэнос-Айресе с пригородами в 1960 г. проживало 7 млн. человек, что составляло 29% всего населения Аргентины, в столице Уругвая — Монтевидео сосредоточено около половины населения страны, на долю «Большого Мехико» приходилось около четверти городского населения Мексики. Предполагается, что в 1980 г. число городов-«миллионеров» в Латинской Америке достигнет 20, а численность их жителей — 90 млн. [271, стр. 6].

Уровень урбанизации в Азии ниже, чем в Латинской Америке. В 1960 г. доля городского населения составляла в Восточной Азии 20%, а в Южной Азии — только 14%. Несколько ниже, чем в Латинской Америке, были и среднегодовые темпы роста городского населения, 3,4% в 50-х годах. И тем не менее Азия оказывает все большее влияние на развитие мировых тенденций в области урбанизации прежде всего из-за своего подавляющего превосходства в численности населения, которое составляет несколько более половины всего человечества и почти втрое превышает население Латинской Америки и Африки, вместе взятых. В 1960 г. в Азии проживала треть городского населения мира, тогда как в Латинской Америке лишь 9%, и если в 1920 г. азиатское городское население в абсолютном выражении было значительно меньше европейского, то в 1960 г. в городах Азии уже находилось на 40% больше жителей, чем в городах Европы. Сравнительно низкий уровень

Таблица 6

Доля и прогноз населения в городах с числом жителей 20 тыс. и более и в больших городах с числом жителей 500 тыс. и более по главным регионам мира*,

%

	Городское население				Население больших городов			
	1920 г.	1940 г.	1960 г.	1980 г.	1920 г.	1940 г.	1960 г.	1980 г.
Весь мир	14	19	25	32	5	8	12	17
Развитые районы	28	35	44	52	12	16	22	28
Развивающиеся районы	6	9	16	24	1	3	7	13
Восточная Азия	7	13	20	29	3	5	11	15
Южная Азия	6	8	14	21	1	2	5	11
Европа	32	37	41	49	14	16	17	21
Советский Союз	10	24	36	46	1	7	13	20
Африка	5	7	13	20	1	2	4	10
Северная Америка	38	44	57	61	19	25	36	42
Латинская Америка	14	19	32	41	6	9	16	27
Океания	33	41	50	52	20	22	33	35

* [67, стр. 15].

урбанизации также отнюдь не означает ее меньшую роль в жизни азиатских стран. Рост городского населения происходит преимущественно в больших городах и особенно в немногих крупнейших центрах, которые, как правило, по своим размерам в 5—10 раз больше городов «второго ряда». С 1920 по 1960 г., когда общая численность городского населения в Азии увеличилась в 4 раза, численность населения городов с 500 тыс. и более жителей возросла в 6,6 раза, в том числе в Южной Азии — в 9,2 раза.

В частности, в Индии с 1951 по 1961 г. среднегодовые темпы роста составили: всего населения — 2%, городского населения, определенного по национальным критериям, — 2,7%, населения городов с числом жителей 20 тыс. и более — 4%, с числом жителей 500 тыс. и более — 6%, с числом жителей свыше 1 млн. — 8%, в том числе населения Дели — 12%. Если в 1901 г. в городах с числом жителей 100 тыс. и более сосредоточивалось 24% городского населения, а число таких городов составляло немногим более 1% общей числен-

ности городов, то к 1961 г. в таких городах уже проживала почти половина всего городского населения, а удельный вес их численности оставался менее 5% [298, стр. 3].

Среди 3057 индийских городов (в том числе 763 с числом жителей 20 тыс. и более) имелось только 7 городов-«миллионеров» (в 1951 г. их было всего 4), но в них проживала почти пятая часть всего городского населения и почти четверть населения городов с числом жителей 20 тыс. и более. Иными словами, сравнительно низкий удельный вес городского населения, 18% в 1961 г. по национальным критериям и 13,7% по критериям ООН, сочетается с высокой концентрацией городского населения в немногих крупнейших городских центрах, таких, как Бомбей с населением 4,1 млн. человек (1961 г.), Калькутта — 2,9 млн., Дели — 2,4 млн., Мадрас — 1,7 млн., Хайдарабад, Бангалур и Ахмадабад — более чем по 1,2 млн. в каждом [90, стр. 17]. По некоторым перспективным оценкам, исходящим из демографических прогнозов ООН для Индии и современных тенденций в индийской урбанизации, допускается возможным, что в 70-х годах население Калькутты достигнет 12—16 млн., а к 2000 г., поглотив окрестные города и села, увеличится до гигантских размеров — 36—66 млн. Соответственно население Дели возрастет до 6—8 млн. и 18—33 млн., Бомбея — до 4—5 млн. и 12—22 млн., Мадраса — до 3—4 млн. и 9—16 млн. и т. д. [223, стр. 25]. Огромную цифру 66 млн. для Калькутты нельзя считать совсем неправдоподобной, если учесть, что ожидаемое население Индии в 2000 г., по максимальной оценке, может составить примерно 1 млрд. человек и, следовательно, удельный вес гипотетического населения Калькутты будет равен всего 6—7%, тогда как, например, доля Большого Нью-Йорка в населении США уже сейчас составляет около 8%, а Большого Лондона в современном английском населении — около 15%.

Высокая концентрация городского населения в многочисленных или даже единичных крупнейших городах характерна и для других стран Южной и Юго-Восточной Азии, в частности для Индонезии, где всего за 6 лет (1955—1961) более чем на 1 млн. увеличилось население Джакарты, достигшее 3 млн., а численность населения Сурабайи превысила 1 млн., или для Пакистана, где население Карачи возросло со 170 тыс. в

1947 г. до 3,4 млн. в 1968 г., а население Лахора достигло 1,3 млн. в 1961 г. Весьма примечателен процесс урбанизации в Таиланде, где удельный вес городского населения, определяемого по национальным критериям, вырос за 1947—1967 гг. с 9,9 до 11,7%, в том числе доля населения в городах с 20 тыс. и более жителей — с 5,2 до 11,7%. Среди всех 119 населенных пунктов страны, официально признанных в качестве городов, абсолютно господствовал Большой Бангкок (Бангкок-Тхонбури). В 1957 г. в нем проживало 782 тыс. человек, что составляло 45,1% всего городского населения и было в 21 раз больше численности жителей Ченгмая, второго по величине города страны. Через десять лет, в 1967 г., в Большом Бангкоке сосредоточивалось уже 55,9% всего городского населения — 2614 тыс. человек, что превысило численность жителей Ченгмая в 32 раза [3126, стр. 3—4].

Быстрорастущими городами-«миллионерами» являются также Сеул и Пусан в Южной Корее, Манила на Филиппинах, Тегеран в Иране, Стамбул и Большая Анкара в Турции и некоторые другие.

Большими диспропорциями в размещении городского населения отличается Юго-Западная Азия, где примерно вдвое более высокий уровень урбанизации, чем в Восточной Азии. В городах с населением 100 тыс. и более человек — а каждая из расположенных здесь арабских стран имеет по крайней мере один такой город — проживает около четверти населения Иордании и Сирии, 40% — Ирака и Ливана, 70% — Кувейта. Особенно быстро растут столицы этих стран, все больше превосходя по своим размерам остальные города. Так, Багдад в 1957 г. насчитывал 787 тыс. жителей (вместе с пригородами — 1085 тыс.), а следующий за ним по величине город страны Мосул имел только 212 тыс. жителей. Население Багдада удвоилось всего за десять лет, несмотря на то что в это время в Ираке сложился отрицательный баланс внешней миграции. С 1952 г. утроилась численность жителей Аммана, столицы Иордании, среднегодовые темпы роста которого в 1952—1961 гг. составляли 9,6%. Согласно расчетам расположенного в Бейруте Экономического и социального центра ООН, к 1980 г. в Багдаде будет проживать уже 4,5 млн. человек, а в Аммане — 850 тыс., или соответственно 33% будущего населения Ирака и 26% будущего населения

Иордании [67, стр. 172]. Следует заметить, что в современном мире лишь очень немногие государства имеют столь высокую концентрацию населения в своих столицах.

В целом демографический прогноз ООН предусматривает к 1980 г. увеличение доли населения городов с числом жителей 20 тыс. и более до 29% в Восточной Азии и до 21% в Южной Азии, а доли населения городов с числом жителей 500 тыс. и более соответственно до 51,7 и 52,4% в общем числе городского населения.

Среди основных регионов мира Африка имеет самый низкий уровень урбанизации — 13% в 1960 г., но в то же время ее городское население растет самыми высокими темпами. С 1920 по 1960 г. численность жителей в городах с 20 тыс. человек и более увеличилась в 5,3 раза, т. е. примерно так же, как в Латинской Америке, а население больших городов выросло в 12 раз, что значительно превзошло соответствующие показатели других частей света. Наиболее крупные городские центры расположены в Северной Африке. Здесь находятся три быстрорастущих города-«миллионера» — Каир (3,4 млн. в 1961 г.), Александрия (1,5 млн.) и Касабланка (1,2 млн.), а также такие крупные города, как Алжир и Тунис. С 1942 по 1962 г. население Каира увеличилось на 250%, Александрии — на 220%.

В Тропической Африке рост городских центров особенно усилился после 1960 г., достигая в отдельных случаях среднегодовых темпов в 20—25%. Это ускорение процесса урбанизации в большой мере было вызвано завоеванием африканскими странами государственной независимости и, как следствие, коренным изменением административных и политических функций главных городов. Из опорных пунктов колониализма, приспособленных к потребностям колониальной администрации и империалистических монополий, они превратились в центры национального экономического, политического и культурного развития. Отмена существовавших при колониальном режиме различных ограничений на въезд и поселение в городах деревенских жителей, «африканизация» управленческого аппарата, первые шаги по созданию национальной промышленности и национальной системы образования — все это послужило важным стимулом для резкого увеличения миграции из сельских районов в города. За сравнительно короткий срок в

Тропической Африке появились первые крупные населенные пункты с числом жителей, превышающим 500 тыс.: столица Конго — Киншаса (бывш. Леопольд-виль), где в 1964 г. проживало уже около 1 млн. человек (вместе с пригородами), Лагос и Ибадан в Нигерии. Столицы большинства других независимых африканских государств насчитывают более 100 тыс. жителей. Согласно перспективным оценкам ООН, в 1980 г. доля городского населения в Африке повысится до 20%, причем половина его будет жить в больших городах.

Важной особенностью урбанизации в афро-азиатских и латиноамериканских странах является то, что наблюдающиеся здесь усиление миграционных процессов, быстрое развитие городов, возникновение крупных городских агломераций и другие структурные и территориальные сдвиги происходят на фоне значительно ускорившегося естественного прироста сельского населения. И хотя рост городского населения по темпам в 1,5—2 раза больше, чем сельского, в абсолютном выражении оно продолжает отставать от сельского. Вот почему в отличие от развитых стран, где воспроизводство населения в деревнях совершается, как правило, на простой или суживающейся основе, где города в основном поглощают умеренный естественный прирост населения деревень и где процесс урбанизации выражается в неуклонном увеличении доли городского населения за счет сельского, развивающиеся страны, несмотря на интенсивную миграцию деревенских жителей в города, сохраняют высокий, медленно снижающийся удельный вес сельского населения.

Городское население развивающихся стран (в городах с числом жителей 20 тыс. и более) с 1940 по 1960 г. возросло на 185 млн. человек и предположительно возрастет уже на 430 млн. человек в следующее двадцатилетие. Однако сельское население одновременно увеличилось на 363 млн. в первый период и, согласно прогнозам, увеличится на 684 млн. во второй, т. е. ожидаемый прирост всех жителей земли в 1960—1980 гг. наполовину произойдет за счет сельского населения развивающихся стран, которое само возрастет на 40%. В то же время сельское население развитых стран увеличится только на 25 млн. человек, или на 4,6%, и обеспечит менее 2% прироста мирового населения. К 1980 г. больше половины человечества будет прожи-

вать в деревнях развивающихся стран, составляя свыше $\frac{3}{4}$ населения этих стран.

Оценивая возможные последствия такой демографической ситуации, советский социолог Э. А. Араб-Оглы справедливо предупреждал, что «некоторые экономически отставшие страны, таким образом, окажутся между Сциллой глубокого аграрного перенаселения и Харибдой колоссального городского столпотворения, с той лишь разницей, что, бессильные выбрать меньшее зло, они могут стать жертвой и того и другого» [230, стр. 84].

Некоторые социальные последствия урбанизации

Урбанизация — в принципе закономерное, прогрессивное общественное явление, неизбежный результат экономического, и прежде всего промышленного, развития. При капитализме отход крестьян в города, по словам В. И. Ленина, «вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности» [16, стр. 576—577]. Рост крупных городов ускоряет формирование и консолидацию наций. В процессе урбанизации происходит этническое сближение народностей, смягчается национальная и религиозная нетерпимость, повышается классовое самосознание трудящихся, усиливаются их сплоченность и организованность. Города становятся центрами революционных и национально-освободительных движений.

Таким образом, урбанизация в ее социально-культурном и политическом аспектах выходит за рамки одного лишь численного соотношения городского и сельского населения. В этом более широком понимании она означает возникающую в результате роста городов модернизацию общественной жизни также и в деревнях, повсеместное распространение порождаемых городами новых потребностей, новых идей, новых стремлений, которые, постепенно проникая даже в самые глухие сельские районы, освобождают крестьянство от социальной апатии, пробуждают чувство гражданского самосознания, вызывают неудовлетворенность бедственным, косным деревенским существованием с его тесными путами лич-

ной и сословной зависимости. Главными носителями этого эволюционного процесса являются крестьяне-«отходники», возвращающиеся в деревню с заработков обогащенными «городскими» впечатлениями, контактами с кадровыми рабочими, профсоюзным движением. Большое значение имеет также проникновение в деревню радио и других современных средств информации, первых кинопередвижек, приобщение к школьному образованию сельских детей и т. д.

Такова объективно-историческая роль урбанизации в развивающихся странах. Однако для целей настоящего исследования представляется важным обратить внимание также на те серьезные отрицательные последствия, которые создает в условиях отсталой аграрной экономики необычайно стремительный рост городского населения, вызванный в немалой степени действием демографических факторов. Афро-азиатские и латиноамериканские города оказываются неподготовленными к столь резко изменившейся ситуации. Обладая чрезвычайно слабой экономической базой, они переполняются жителями, для сносного существования которых отсутствуют минимально необходимые условия. Городское жилищное, коммунальное, транспортное, промышленное строительство безнадежно отстает от резко возросших и постоянно увеличивающихся потребностей.

Возникающие в результате чрезмерного роста городского населения сложные экономические и социальные проблемы до предела обостряются в связи с качественной стороной этого роста. Уже отмечалось, что в наиболее крупных городах особенно быстрое увеличение численности жителей происходит по меньшей мере наполовину за счет сельских мигрантов, т. е. за счет людей, как правило, неграмотных или малограмотных, неквалифицированных или малоквалифицированных, социально и психологически не приспособленных к условиям городской жизни, на здоровье и психику которых особенно тяжело действуют городские шум и сутолока, загрязненный воздух, непривычный режим дня и т. п.

Катастрофический характер приобретает жилищная проблема. Прибывающие массами из деревень обездоленные и бесприютные переселенцы частично размещаются у своих ранее обосновавшихся в городах земляков, заполняя жилье сверх всякой меры, но в большинстве сооружают себе лачуги из ящиков, листов фанеры, ста-

рого железа и других подручных материалов. Многие остаются совсем без крова и проводят ночи на тротуарах. В результате разрастаются трущобные кварталы, а на городских окраинах — лачужные поселения, печально известные «бидонвили»; «фавеллы». Как сообщил на Всемирной конференции по народонаселению в Белграде доктор Э. Вейссман, директор Центра ООН по жилищным вопросам, строительству и планировке, во многих столичных районах Азии, Африки и Латинской Америки уже от четверти до половины всего населения проживает в таких лачужных поселках. Так, в большинстве латиноамериканских стран, где общий среднегодовой прирост населения составляет от 2,5 до 3%, темпы урбанизаций примерно вдвое выше, от 4 до 6%, но рост городских трущоб и лачужных поселков происходит на уровне 12—15%. Поскольку, как отмечал доктор Вейссман, ежегодный рост экономики этих стран едва достигает 2%, легко представить, что неизбежным следствием такого «урбанизационного взрыва» становится прежде всего дальнейшее ухудшение положения жителей городских трущоб [349, стр. 2].

Но 15-процентные темпы роста трущоб и лачужных поселков отнюдь не являются максимальными. Население отдельных городских районов увеличивается ежегодно на 20—25%, и доля жителей трущоб в общем населении некоторых городов, например, Индии, достигает 60%. Так, по данным государственного статистического бюро Западного Бенгала, в 1965 г. только в трущобах Калькутты проживало около 600 тыс. человек [93, стр. 5]. Согласно сведениям ООН, в Калькутте 15% населения живет в своих лавчонках или мастерских, 30% — в одной комнате совместно с двумя другими семьями и 17% — совсем не имеет жилья [64, стр. 2].

В одном исследовании по урбанизации Индии трущобы характеризуются следующим образом: «Для трущобных районов типичны грязные улочки и грязные открытые сточные каналы; люди спят по 6—12 человек в одной комнате или лачуге. Индийские трущобы, однако, означают более чем совокупность условий окружающей среды: они являются также образом жизни. Распространены болезни, плохое здоровье, высокая детская смертность; здесь мало знают о здравоохранении, санитарии, диете или правильном уходе за детьми. Неграмотность чрезвычайно высока; культурная и развлекательная дея-

тельность обычно отсутствует за исключением таких коммерческих предприятий, как кино или азартные игры» [223, стр. 72].

Это описание вполне применимо для характеристики положения во всех крупных городах развивающихся стран. Грязь, перенаселенность, неблагоустроенность, отсутствие элементарных коммунальных услуг делают трущобы очагами тяжелых эпидемических заболеваний и создают угрозу уже достигнутым успехам в области здравоохранения. Быстрый рост трущоб имеет еще одно весьма неблагоприятное последствие — увеличивается нехватка чистой питьевой воды. Проведенное Организацией Объединенных Наций обследование 75 развивающихся стран показало, что свыше 200 млн. человек страдают от недостатка питьевой воды, а около 500 млн. ежегодно болеют из-за употребления загрязненной воды. Среди всего городского населения обследованных стран только 33% имеют в домах или при домах водопровод, другая треть пользуется доступными общественными источниками воды, а остальные обходятся кто как может. Ожидается, что к 1977 г. около 450 млн. жителей в одних только городских районах будут нуждаться в новой, расширенной и улучшенной системе водоснабжения [64, стр. 4; 29, стр. 5].

Безусловно, жилищная проблема отнюдь не является монополией городов. Нехватка жилья, его неблагоустроенность, антисанитарное состояние в полной мере ощущаются также в деревнях. Поэтому и решение этой проблемы возможно лишь на основе общенационального подхода. Любые программы ликвидации городских трущоб неизбежно окажутся обреченными на провал, если в своем осуществлении не будут опираться на коренные социально-экономические и культурные преобразования в деревнях, включая улучшение жилищного положения.

При существующем в развивающихся странах высоком естественном приросте сельского и городского населения эта задача представляется неимоверно трудной. Согласно расчетам ООН, только в результате ожидаемого прироста населения в 1960—1975 гг. потребуются увеличить жилой фонд Азии на 111 млн. условных квартир. Между тем уже в 1960 г. дефицит жилья в Азии оценивался примерно в 145 млн. условных квартир, из которых 23 млн. приходилось на городские районы и 122 млн. — на сельские. Таким образом, чтобы обеспечить

жильем ежегодный прирост населения, заменить выбывающие из эксплуатации домостроения (по норме: через 30 лет в городских районах и через 20 лет в сельских) и ликвидировать существующий дефицит, среднегодовые темпы жилищного строительства в течение 1960—1975 гг. должны составлять около 10 вводимых в эксплуатацию новых условных квартир на 1 тыс. жителей, что в абсолютном выражении означает строительство ежегодно от 17 млн. до 21 млн. условных квартир. Между тем, как сообщил генеральный секретарь ООН в 1967 г., общие темпы жилищного строительства в развивающихся странах за последние годы остаются низкими, составляя только пятую часть минимальной нормы, намеченной Организацией Объединенных Наций. Иными словами, в среднем из каждых десяти семей, ежегодно нуждающихся в жилье, только две получают новые жилые помещения. Оставшиеся необеспеченными восемь семей в основном расселяются в быстро разрастающихся лачужных поселках или городских трущобах [64, стр. 1—2].

И тем не менее даже достигнутый объем жилищного строительства при всей его крайней недостаточности создает большие затруднения для молодых национальных государств, не обладающих ни достаточными финансовыми ресурсами, ни сколько-нибудь развитой современной строительной промышленностью. Быстрый рост городов требует также все увеличивающихся ассигнований на коммунальное строительство — благоустройство улиц, создание и расширение водопроводной и канализационной системы, развитие городского транспорта и т. п. По подсчетам правительства Пакистана на основании прогнозов умножения численности городского населения, затраты на расширение городов в 1965—1985 гг. могут поглотить половину средств, предназначенных на общегосударственное развитие [356, 1966, № 9, стр. 18].

Другая исключительно серьезная проблема, возникающая в связи со стремительными темпами урбанизации, заключается в том, что значительная часть прибывающих в города переселенцев не находит здесь для себя не только жилья, но и работы. Слаборазвитая промышленность поглощает в крупных городах лишь небольшую, — и зачастую не увеличивающуюся, а уменьшающуюся, — часть трудоспособного населения, вследствие чего образуется громадная армия безработных и полубезработных. Уродливо разбухает сфера обслуживания,

мелкое ремесло и мелкая торговля, представляя собой основную форму застойного перенаселения. Бесчисленные рикши и велорикши, разносчики и лоточники, чистильщики ботинок и грузчики, всякого рода мастеровые и т. п. заполняют городские улицы. Многие перебиваются лишь случайными заработками или подаяниями. Нищенство стало подлинной трагедией больших городов и печальным свидетельством поистине беспредельного расточения людских ресурсов. Опубликованные в Индии в 1959 г. результаты обследований показали, что только в Бомбее насчитывалось около 10 тыс. нищих, из которых 47% были трудоспособными, остальные — старики, инвалиды, больные. Число нищих в Дели равнялось примерно 3 тыс., из которых 44,5% были трудоспособными [223, стр. 73].

Нищета, жизнь в трущобах, безработица неизбежно порождают в крупных городах угрожающий рост преступности, проституции, наркомании и других социальных пороков. Подпадая под влияние всякого рода черносотенных религиозно-националистических мелкобуржуазных организаций, многочисленная прослойка городского люмпен-пролетариата нередко оказывается важным резервом контрреволюции.

В этих условиях особую тревогу вызывает положение детей, которые растут безнадзорными, не получая даже начального школьного образования. В неимущих семьях дети рано становятся самостоятельными, поскольку с юных лет вынуждены принимать участие в поисках пропитания, помогая родителям. Нередко сами родители побуждают их к нищенству, что затем может легко привести к другим более губительным формам асоциального поведения. Отсутствие присмотра и усиливающееся чувство независимости иногда толкают подростков на путь правонарушений, и рост детской преступности становится одним из болезненных социальных явлений крупных городов.

В посвященном этому вопросу докладе Бюро социальных дел ООН на семинаре по урбанизации в Азии и на Дальнем Востоке, в Бангкоке в 1956 г., отмечалась тесная связь между быстрым ростом городов и увеличением преступности и специально подчеркивалось, «что многие типы преступлений определенно присущи только городам, что особенно детская преступность — нарастающая проблема в странах, претерпевающих быстрые социальные

изменения и экономическое развитие и что детскую преступность следует рассматривать как типично городское явление этих стран» [73, стр. 249].

Проблема городской молодежи тесно связана с коренными изменениями, происходящими под воздействием урбанизации в традиционных семейных отношениях. Переселение сельских жителей в города ведет к распаду привычной для деревни старой патриархальной семьи. В своей основе, как и урбанизация в целом, это прогрессивный процесс, поскольку с ослаблением деспотической власти патриархального главы семьи возрастает инициатива молодежи, более самостоятельным, более равноправным становится положение женщин, постепенно теряют силу многие косные традиции. Но вместе с тем происходит заметное ослабление связей между родителями и детьми, между супружескими парами. Основная причина этого — прежде всего растущее отходничество мужчин, холостых и женатых, на заработки.

В деревнях иногда на долгий срок дети лишаются отцовского воспитания, жены — моральной поддержки мужа, его помощи в сложных жизненных ситуациях. Нередко длительное отсутствие мужа приводит к фактическому разводу. Вместе с тем в городах сосредоточивается много одиноких, оторванных от своих семей и привычной деревенской обстановки молодых мужчин (в 1961 г. в Бомбее и Калькутте на 1 тыс. мужчин в среднем приходилось только 612—613 женщин), что создает почву для различного рода асоциальных явлений: образования квази-семей, роста числа внебрачных детей, распространения алкоголизма, наркомании, роста проституции. Последнее становится особенно серьезной проблемой для многих крупных городов развивающихся стран. В одном исследовании причин и результатов сельской миграции, цитируемом в материалах упомянутого семинара ООН по урбанизации, отмечалось: «Индивид, который ослабляет свои семейные связи до такой степени, что практически теряет контакт с семьей, лишается корней, и поэтому становится неустойчивым и асоциальным» [73, стр. 218].

Однако и миграция целыми семьями (что становится более частым по мере расширения ее масштабов) сопряжена с большими социальными осложнениями. Деревенским семьям еще труднее, чем одиночкам, приспособиться к незнакомой обстановке, новым способам до-

бывания средств существования, непривычной пище, этнической неоднородности. Приходится мучительно переоценивать многие глубоко укоренившиеся в сознании традиционные правила поведения и взаимоотношения с окружающими. Процесс адаптации зачастую тормозят неблагоприятные жилищные условия, незнание городского языкового диалекта, привычка руководствоваться советами стариков, оставшихся в деревнях.

Дети обычно быстрее воспринимают новый образ жизни и преодолевают языковой барьер (если он есть), что в значительной мере снижает авторитет родителей. Молодежь начинает считать взгляды старших отсталыми, а их приобретенный в деревне жизненный опыт — малопоучительным. Разобщенность усиливается безнадзорностью детей и ранним участием их в добывании пропитания.

В этих тяжелых жизненных условиях большей части городского населения развивающихся стран высокая рождаемость и как следствие растущая многодетность еще более осложняют положение в каждой отдельной семье, вызывая дальнейшее снижение ее и без того низкого уровня существования, увеличивая перенаселенность жилья, ухудшая питание и уход за детьми.

Часть вторая

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

ГЛАВА III

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМА «ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ»

Влияние высокого естественного прироста населения на экономическое развитие

В процессе общественного развития экономические и демографические факторы действуют в диалектической взаимосвязи, но первым принадлежит решающая роль. Под влиянием социально-экономического прогресса по мере увеличения производительных сил общества меняется демографическая характеристика населения — постепенно снижаются смертность и рождаемость, растет средняя продолжительность жизни, развивается процесс «постарения» населения. Конечно, это лишь генеральная долговременная тенденция, которая прокладывает себе путь среди многочисленных отклонений и контртенденций. Не говоря о таких экстраординарных естественных и общественных явлениях, как стихийные бедствия, голодовки и эпидемии, войны и революции, в указанную общую закономерность свои коррективы вносят различия в общественном устройстве, политические, культурные, социально-психологические, религиозные и другие факторы надстроечного порядка.

Пример развивающихся стран наглядно свидетельствует, что быстрое снижение смертности может произойти и в условиях отсталой экономики благодаря применению новых эффективных медицинских препаратов и

методов в борьбе с эпидемическими заболеваниями. Да и в экономически развитых странах отнюдь не обязательно самая низкая смертность наблюдается там, где зарегистрированы наиболее высокие экономические показатели, в частности показатели среднедушевого дохода. Важное значение здесь имеют характер фактического распределения национального дохода, организация системы здравоохранения и социального обеспечения, общий уровень санитарно-гигиенической культуры населения. Эти же факторы необходимо учитывать при анализе конкретных краткосрочных тенденций в динамике рождаемости и других демографических явлений. И тем не менее общее направление воздействия экономического роста на демографическое развитие представляется достаточно ясным.

Значительно труднее выделить в сложном комплексе вторичных факторов, взаимодействующих в общественном развитии, закономерность обратного влияния демографических процессов на экономический рост.

Согласно одному из наиболее широко распространенных мнений, высокий прирост населения при всех условиях способствует развитию экономики. Исторически эта концепция приобрела господствующее значение в Европе при феодализме, когда могущество феодальных государств определялось их многолюдностью, в частности численностью воинов и податных сословий. За пределами Европы еще в XIV в. видный арабский ученый Ибн-Хальдун, которого в буржуазной историографии нередко именуют «первым социологом» за его попытку создать теорию исторических циклов развития человеческого общества и государства, утверждал, что величина дохода на душу населения зависит от его численности: чем больше жителей в государстве, тем больше разделение труда, более разнообразны профессии, более эффективно используются ресурсы, более прочна военная безопасность и политическая стабильность. В XVI—XVIII вв. европейские идеологи абсолютизма также развивали идею, что богатство монарха растет вместе с числом его подданных. «Никогда не следует бояться слишком большого количества подданных или слишком большого количества горожан, — писал французский политический мыслитель Жан Боден (1530—1596 гг.), — ибо нет иного богатства и силы, кроме как в людях». Производимые ими товары могут быть проданы за границу, и тем самым увеличатся

запасы золота и серебра в руках государя. Спиноза, Лейбниц также считали, что сила государства зависит от числа граждан. А прусский король Фридрих II называл «несомненной аксиомой» утверждение, что «число людей составляет богатство государства» [цит. по: 317, стр. 6].

Эта концепция получила дальнейшее развитие в трактатах итальянских, французских и английских меркантилистов — Антонио Серра, Томаса Мена, Самуила Фортрея и других, которые, признавая труд источником богатства, указывали на необходимость увеличения населения ради приумножения богатства, поскольку участвующее в его создании количество труда определяется в конечном счете численностью населения. «Малое народонаселение — вот подлинная бедность!» — восклицал Вильям Петти, один из основоположников буржуазной классической политэкономии, находившийся под большим влиянием меркантилизма.

В процессе становления и укрепления капиталистических отношений происходила весьма существенная эволюция оценки роли народонаселения в общественном развитии. В отличие от меркантилистов физиократы (Ф. Кенэ, А. Тюрго, В. Мирабо и другие) уже считали, что не население, а «земля есть единственный источник богатства» и что не рост населения умножает богатство, а, наоборот, «умножение богатства вызывает рост населения», и поэтому, как писал Франсуа Кенэ, «следует обращать меньше внимания на увеличение населения, чем на возрастание доходов». Представители буржуазной вульгарной политэкономии (Дж. Таунсенд, Р. Уоллес, Д. Юм) вообще с опасением стали относиться к росту населения и утверждали, что «увеличение числа граждан приносит государству больше вреда, чем пользы» [112, стр. 44, 47, 57].

Воззрение на рост населения как на отрицательный фактор в общественном развитии получило законченное выражение в теории Мальтуса и его последователей, критическому изложению которой уделено специальное внимание во «Введении». Здесь же следует отметить, что в современной буржуазной науке о народонаселении наряду с известным оживлением мальтузианства сохраняют немаловажное значение некоторые концепции, положительно расценивающие экономические последствия демографического роста.

Так, утверждается, что быстрое увеличение населе-

ний якобы создает повышенный спрос на различные потребительские товары; а это, в свою очередь, стимулирует капиталовложения, ведет к расширению производства и занятости. В частности, возрастающая потребность в жилищах не только способна создать бум в домостроительной промышленности и производстве стройматериалов, но и активизировать другие отрасли экономики. В том или ином виде эту идею можно встретить в общих теориях экономического роста, разрабатываемых буржуазными учеными. Например, корифей современной буржуазной политэкономии Джон Кейнс включал возрастающее население в число других факторов, взаимодействие которых обеспечивает, по его мнению, наиболее благоприятные условия для капиталовложений: «...удовлетворительный уровень занятости при норме процента достаточно высокой, чтобы быть психологически приемлемой владельцам денежных средств» [199, стр. 307]. Известный американский последователь Кейнса, автор «теории стагнации» Э. Хансен рассматривает нерастущее население в качестве одной из возможных причин экономического застоя [313а, стр. 1—15].

В работах другого видного американского экономиста, С. Кузнеца, затрагивается еще один аспект благотворного воздействия расширенного воспроизводства населения на экономическое развитие. Он обращает внимание на то обстоятельство, что в промышленных странах производство на душу населения возрастает не столько за счет увеличения капитальных затрат на производственные сооружения, оборудование и т. п., сколько за счет затрат на улучшение качества рабочей силы, повышение ее квалификации, работоспособности. В развитых странах, указывает С. Кузнец, валовые капиталовложения нигде не превышают сколько-нибудь значительно 20% валового национального продукта, а чистые капиталовложения — 15% национального дохода. В США с 1870 г. «отношение валовых капиталовложений к валовому национальному продукту в целом остается постоянным, а отношение чистых капиталовложений к национальному доходу сократилось». Такое положение является результатом внедрения в производство усовершенствований и изобретений, не требующих больших капиталовложений, а также ростом затрат «на образование, профессиональную подготовку, путешествия и развлечения, улучшение здоровья, поскольку все это содействует

повышению производительности труда населения» [202, стр. 32, 35].

В этих условиях, по мнению С. Кузнеца, высокая рождаемость может иметь большое значение. Прежде всего потому, что за счет молодых поколений трудовые ресурсы приобретают гибкость, подвижность, столь необходимые в развивающейся экономике для облегчения структурных сдвигов и изменений географического размещения производства. Кроме того, в связи с резко возросшей экономической ролью научных знаний расширенное воспроизводство населения означает расширенное воспроизводство носителей таких знаний, поскольку, как утверждает С. Кузнец, из общего числа рождающихся примерно 0,05% составляют люди с гениальными дарованиями, 2% — талантливые и 10% — люди со способностями к исследованиям и изобретениям значительно выше среднего уровня [202, стр. 127]. И, следовательно, чем выше уровень рождаемости, тем больше возможность иметь способных ученых, изобретателей, администраторов, инженеров, от активности которых зависят темпы экономического развития. С. Кузнец считает, что исторический опыт современных индустриальных стран за длительный период (с 1750 г. по 20-е годы XX в.) подтверждает «позитивную связь между увеличением населения и увеличением среднедушевого (и, конечно, общего) производства» [318, стр. 5]. Это мнение разделяют многие ученые. Например, проф. Хикс высказывался еще более определенно; он писал, что «по-видимому, Промышленная Революция за последние двести лет была не чем иным, как громадным длительным бумом, вызванным в значительной степени беспрецедентным увеличением населения» [196, стр. 302].

Правда, С. Кузнец делает оговорку, что отмеченная им «позитивная связь» между темпами роста населения и темпами увеличения среднедушевого производства в ныне развитых странах в исторической ретроспективе не всегда была отчетливой, особенно применительно к отдельным странам. Так, Франция и Швеция при умеренных темпах роста населения имели сравнительно высокие темпы увеличения среднедушевого производства; тогда как Австралия, Канада и даже США при высоких в прошлом темпах роста населения имели темпы роста среднедушевого производства хотя и значительные, но отнюдь не самые высокие [318, стр. 5]. К этому можно

добавить пример Швейцарии, которая при низких темпах роста населения сохраняла высокие темпы экономического роста, и Голландии, где относительно высокие темпы роста населения из-за сильного влияния католицизма сочетались с замедленными темпами увеличения среднедушевого производства, на что обращал внимание в своем докладе на Белградской конференции голландский профессор экономики Виллем Бранд [295, стр. 3].

Тем более не применим исторический опыт индустриальных стран к современной демографической ситуации, сложившейся в развивающихся странах. В истории человечества еще никогда не наблюдались такие быстрые темпы уменьшения смертности. Как уже говорилось в главе I, европейским и североамериканским государствам потребовалось 150—100 лет, чтобы коэффициент смертности их населения снизился до нынешнего уровня, тогда как многие современные развивающиеся страны достигли этого уровня всего лишь за 30—20 лет, иногда даже за 15. Понижение смертности населения в Европе с начала XIX в. вслед за промышленной революцией, было вызвано постепенным улучшением общего жизненного положения, особенно санитарно-гигиенической обстановки, в результате технического прогресса, быстрого роста производительности труда. Медицина прошлого века не обладала еще теми возможностями, которые позволили в середине нынешнего века ряду развивающихся стран за столь короткий срок значительно сократить смертность в условиях отсталой аграрной экономики и при практически неизменном очень низком уровне среднегодового дохода на душу населения, нередко даже более низком, чем он был в некоторых европейских странах в XVIII в. накануне промышленной революции.

В отличие от современной демографической ситуации в Азии, Африке и Латинской Америке увеличение численности европейского населения в XIX в. было не скачкообразным, а растянулось на многие десятилетия. При чем даже в периоды максимального подъема темпы естественного прироста редко превышали 1,5% в год. Что же касается более продолжительных отрезков времени, то, согласно приблизительным оценкам, их среднегодовой показатель повысился с 0,6% во второй половине XVIII в. до 0,7% в первой половине XIX в. и 1,0% во второй половине XIX в., после чего вновь понизился до 0,7% в

начале XX в. Дело в том, что примерно с середины XIX в., т. е. спустя полстолетия после того, как в Европе возникла генеральная тенденция снижения смертности, под воздействием экономического и культурного развития началось постепенное снижение уровня рождаемости, что стало все заметнее тормозить темпы естественного прироста европейского населения.

Наконец, еще одно важное обстоятельство. В XIX в. в период ускорившегося прироста численности населения в Европе, когда смертность начала снижаться, а рождаемость еще оставалась высокой, для европейцев были широко открыты каналы массовой эмиграции, прежде всего в Северную Америку и Австралию. В современном же мире внешняя миграция практически потеряла всякое значение в качестве демографического фактора, способного оказывать какое-либо регулирующее воздействие на рост населения в Азии, Африке и Латинской Америке. Свободных территорий, удобных для массового переселения, уже не осталось, а в большинстве районов традиционной иммиграции введены строгие законы, препятствующие въезду необеспеченных, малообразованных и неквалифицированных людей, которые как раз и составляют основную массу потенциальных переселенцев из развивающихся стран.

Отличие демографической ситуации, сложившейся на современном этапе в афро-азиатских и латиноамериканских странах, от той, которая существовала в XIX в. в западноевропейских государствах, находит свое проявление в совершенно иных последствиях для экономического развития. В Западной Европе эти последствия в целом действительно могли быть благоприятными, поскольку ускорение темпов роста населения из-за снижения смертности возникло, как уже отмечалось, после промышленной революции и усиливалось постепенно по мере повышения производительности труда и соответственного увеличения среднедушевого дохода. Иначе обстоит дело на современном этапе в Азии, Африке и Латинской Америке, где резкое ускорение темпов роста населения опередило технический переворот. Здесь в условиях унаследованной от колониализма отсталой аграрной экономики добавочные людские ресурсы становятся отрицательным фактором в экономическом развитии.

Поскольку быстрый прирост населения происходит,

как правило, при сохранении низкого жизненного уровня, а в ряде случаев даже при его дальнейшем снижении, внутренний рынок остается узким и не возникает никакого особого «эффективного спроса», способного создать у предпринимателей, употребляя терминологию кейнсианцев, «оптимистическое настроение» и повысить их «склонность к инвестированию». Предпринимателей интересует не рост населения сам по себе, а рост покупательной способности населения. Ведь пределы производства в буржуазном обществе определяются, как писал в свое время Ф. Энгельс, «не количеством голодных желудков, а количеством покупающих, платежеспособных кошельков» [12, стр. 394].

В условиях безработицы и неполной занятости не имеют сколько-нибудь большого экономического эффекта такие качества рабочей силы, как «гибкость» и «маневренность», создаваемые высоким приростом молодежи в трудоспособном возрасте. Столь же бесполезным для экономического роста остается дополнительный — из-за более высокой рождаемости — потенциальный объем интеллектуальных способностей молодых поколений, пока их практической реализации препятствует недостаточное развитие системы народного образования, с одной стороны, и современных отраслей экономики — с другой.

Чтобы «интеллектуальные вложения» (применение новых научных и технических знаний, совершенствование управления и организации производства, повышение квалификации рабочей силы и, соответственно, производительности труда за счет лучшего образования трудящихся и т. д.) могли стать действительно решающим фактором экономического роста, необходимо достижение определенного, достаточно высокого уровня в общественном развитии — в развитии экономики, науки, образования, здравоохранения и пр., т. е. такого уровня, которым развивающиеся страны еще не обладают, но к которому всемерно стремятся. Короче говоря, прежде чем заботиться о повышении эффективности капитальных вложений, надо сначала иметь возможность сделать эти вложения.

Вот почему в развивающихся странах столь важное значение имеет проблема накопления капиталов для коренного переустройства экономики, для осуществления индустриализации и модернизации сельскохозяйственно-

го производства. Однако решение этой насущной проблемы сильно затрудняется интенсивным приростом населения. Слишком большой оказывается потребность в «демографических инвестициях», т. е. в затратах на обеспечение текущих потребительских нужд дополнительно нарождающихся контингентов населения, на воспитание и обучение детей и подростков. Быстрый рост населения при медленном техническом прогрессе вынуждает во все больших размерах затрачивать средства только на то, чтобы сохранить существующий низкий национальный уровень жизни, не говоря о его повышении. Требуется все больше товаров первой необходимости, все больше школ, школьного оборудования и учителей, больниц, медикаментов и врачей и т. п. Иными словами, как отмечалось в материалах ООН, «требуется увеличение ассигнований из и без того скудных средств на удовлетворение общественных потребностей, которые не являются сразу же производительными в экономическом смысле, но тем не менее необходимы» [356, 1962, № 7—8, стр. 39]. В результате лишь небольшая часть национального дохода, нередко менее 10—20%, расходуется на цели непосредственного экономического развития, а из-за увеличивающегося объема импорта потребительских товаров, особенно продовольствия, сокращаются инвалютные ресурсы, столь необходимые для внешних закупок промышленного сырья и оборудования.

Эта проблема имеет еще один аспект. Вступление в трудоспособный возраст все новых и все более расширяющихся контингентов молодежи, быстрый рост трудовой армии усиливает давление используемой в производстве массы труда на массу средств производства, серьезно затрудняет улучшение технической оснащенности труда, расширение технической базы производства. Поскольку национальный доход создается в основном за счет увеличения объема применяемого живого труда без соответствующего повышения его производительности, растут общественные затраты на удовлетворение жизненных потребностей трудящихся, на воспроизводство рабочей силы. Вместе с тем до предела сокращается доля прибавочного продукта, предназначенная для производственного потребления, на расширение постоянного капитала. В результате воспроизводство практически происходит на старой экономической основе, без сколько-нибудь значительного улучшения органического со-

става капитала, т. е. тем самым консервируется экономическая отсталость.

Чем выше темпы роста населения, тем большая доля национального дохода должна затрачиваться на «демографические инвестиции» для предотвращения снижения жизненного уровня. По расчетам известного французского демографа Альфреда Сови, при среднегодовых темпах роста населения в 1% необходимо с этой целью инвестировать ежегодно 4% национального дохода. Эксперты ООН исходят в своих экономических оценках, особенно в применении к развивающимся странам, из более низкого соотношения, 1:3. Иначе говоря, в развитых странах, где среднегодовые темпы роста населения обычно равны 1,5—2%, для поддержания существующего жизненного уровня достаточно инвестировать 4,5—6% национального дохода, тогда как в развивающихся странах, где темпы роста населения составляют 2,5—3% в год, объем этих инвестиций должен составлять 7,5—9%.

Конечно, эти расчеты крайне условны. Прежде всего потому, что они основываются на допущении большей или меньшей постоянности коэффициента «капитал — продукт», тогда как в действительности он отличается большой подвижностью, меняясь на разных этапах экономического развития от отрасли к отрасли, от страны к стране. Особенно неодинаков этот коэффициент в развитых и развивающихся странах, что, в частности, объясняется большими различиями в капиталовооруженности производства. Кроме того, как отмечалось в материалах ООН, «динамика спроса на потребительские товары, связанная с определенной долей инвестиций, возможно, имеет тенденцию к снижению в тех случаях, когда продукт (или доход) на душу выше» [49, стр. 67].

Но самый главный недостаток упомянутых расчетов состоит в том, что они выводят соотношение между ростом населения, экономическим развитием и объемом капиталовложений при допущении «прочих равных условий». И дело даже не в том, что при таком допущении не учитывается существующее в действительности большое влияние различий в уровнях производительности труда, интенсивности капиталовложений, механизме ценообразования и т. д. и т. п. Совершенно недопустимо другое — полное абстрагирование от учета различий в социальном устройстве, от анализа конкретных социаль-

но-экономических условий, которые в конечном итоге являются определяющими для понимания переживаемых афро-азиатскими и латиноамериканскими странами трудностей в экономическом развитии. Ясно, например, насколько мало пригодны для характеристики процесса взаимодействия экономического и демографического роста абстрагированные от конкретных социально-экономических условий высокие показатели дохода и капиталовложений на душу населения в некоторых нефтедобывающих арабских княжествах, где в действительности практически весь доход попадает в руки иностранных нефтяных монополий и феодальных правителей.

К выводу о важной роли социально-экономических условий приходят и некоторые объективные буржуазные исследователи. Так, проф. Брутон справедливо утверждает, что «страна, экономика которой долго прозябала, несомненно развила общественную и структурную систему, чуждую процессу развития. Когда экономика начинает расти после долгого периода застоя, существующая общественная организация вполне может оказать большее препятствие процессу роста, чем просто низкие темпы накопления капитала. Поэтому необходимо подчеркнуть, что процесс роста следует рассматривать в более широком контексте, чем просто как коэффициент «капитал — продукт», коэффициент «накопление — доход» и коэффициент роста населения» [297, стр. 239]. Известный демограф проф. Хельмут Музам в результате критического анализа теории «демографических инвестиций» также заключил, что только на ее основе «нельзя объяснить отсталость стран, где рост населения быстрый, причину увеличения разрыва между странами медленного и быстрого роста населения и трудности резкого подъема экономического развития стран, где рост населения быстрый» [324, стр. 223].

Вместе с тем несомненно, что быстрый рост населения в развивающихся странах усугубляет отрицательный характер всех этих явлений, создает дополнительные трудности для экономического развития. Достаточно напомнить, что при годовых темпах роста населения в 3% (с учетом сложных процентов) общая численность жителей удвоится за 23 года, а при 4% — всего за 17,5 года. Следовательно, страны, где такой темп роста населения, стоят перед необходимостью в течение каких-нибудь двух десятилетий удвоить свой народнохозяйст-

венный комплекс, чтобы сохранить существующие жизненный уровень и уровень занятости.

Дело, однако, не ограничивается только этой количественной стороной демографического процесса. Быстрый рост населения означает также существенные качественные, структурные изменения в населении, которые и сами по себе создают сложные экономические проблемы.

Экономические последствия «молодой» возрастной структуры населения

Высокая рождаемость в Азии, Африке и Латинской Америке при снижающейся смертности, прежде всего младенческой и детской, проявляет себя не только в ускоренном приросте общей численности населения, но и в его «молодой» возрастной структуре, т. е. в увеличенной доли молодежи по сравнению со старшими возрастами. Так, если в промышленно развитых странах с умеренной и низкой рождаемостью относительная величина детского населения в возрасте до 15 лет в 1960 г. приблизительно равнялась 29% (от 23,8% в Западной Европе до 31,3% в Северной Америке), то в развивающихся странах она достигала в среднем 40% (от 46,1% в Западной Африке и 45,5% в Центральной Америке до 36,4% в континентальном районе Восточной Азии). Отдельные развивающиеся страны имеют еще более высокую долю детского населения, до 47—48%.

Поскольку от относительной величины молодых возрастных групп населения, формирующих детородные контингенты, зависит при прочих равных условиях будущий уровень рождаемости, в развивающихся странах вряд ли можно ожидать сколько-нибудь заметного уменьшения удельного веса детского населения по крайней мере до 1980 г. Более того, в некоторых районах, например, в Тропической Африке, произойдет его дальнейшее увеличение. Напротив, в развитых странах, согласно прогнозам, он понизится к 1980 г. в среднем до 25,5%, в том числе до 22,4% в Северной Европе и до 22,5% в Западной Европе; одновременно возрастет доля пожилых лиц в возрасте 65 лет и старше с 8,3% в 1960 г. до 10,8% в 1980 г., в том числе примерно с 11% до 14,5—15% в Западной и Северной Европе. Что же касается развивающихся стран, то во многих из них тен-

денция к «постарению» населения пока даже не намечается. Так, в Западной Африке показатель в 2,1% для категории лиц 65 лет и старше сохранится, вероятно, до 1975 г. и затем начнет медленно повышаться до 2,4% к концу века. По всем развивающимся районам мира доля этой возрастной категории увеличится с 3,3% в 1960 г. лишь до 3,9% в 1980 г. [77, стр. 37].

«Молодой» возрастной состав населения в принципе выгоден для экономического развития. Он придает трудовым ресурсам, как уже говорилось, динамизм, подвижность, маневренность, что особенно важно в связи с нарастающими структурными и географическими изменениями в экономике. Молодежь быстрее, чем старшие поколения, овладевает новыми знаниями и осваивает новые профессии, она намного легче порывает с косными традициями и более решительно действует при модернизации старых государственных и социальных институтов. Однако в конкретных условиях современных развивающихся стран с их низкой производительностью труда, массовой безработицей и неполной занятостью потенциальные экономические выгоды «молодого» возрастного состава населения фактически остаются втуне, и на первый план выступает проблема экономического бремени иждивенцев, основную массу которых составляют дети.

В обобщенном виде эта проблема сводится к следующему. Из-за высокой доли детского, нетрудоспособного населения в развивающихся странах оказывается пониженной относительная величина трудоспособного населения (в возрасте 15—64 лет). В целом она равняется 56%, опускаясь в некоторых районах ниже 50%, по сравнению с 63% в среднем для развитых стран. Иначе говоря, если в последних на 1 тыс. лиц трудоспособного возраста приходилось в 1960 г. примерно 590 иждивенцев, то в развивающихся странах 1 тыс. лиц трудоспособного возраста должны были обеспечивать средствами существования кроме себя еще около 770 иждивенцев, а в отдельных странах — и до 900 иждивенцев. Причем во многих районах коэффициент иждивенчества, значительно возросший за последние 10—15 лет, продолжает увеличиваться (табл. 7). Эта тенденция отчетливо видна, например, в большинстве латиноамериканских государств. В Гондурасе в 1950—1961 гг. коэффициент иждивенчества повысился с 802 до 1008 (а доля

населения в трудоспособном возрасте снизилась до 49,8%), в Коста-Рике в 1950—1963 гг. — с 848 до 1033 (доля населения в трудоспособном возрасте снизилась до 49,2%), в Никарагуа в 1950—1963 гг. — с 855 до 1049 (доля населения в трудоспособном возрасте снизилась до 48,8%) и т. д. [291а, стр. 7].

Таким образом, даже если бы производство на единицу рабочей силы в двух группах стран, развитых и развивающихся, было бы совершенно одинаковым, то и тогда среднее количество производимых на душу населения товаров и услуг оказалось бы меньше в развивающихся странах только из-за различий в возрастном составе населения. Но в действительности производительность труда в развивающихся странах отнюдь не одинакова, а намного ниже, чем в развитых странах, что создает особенно большие экономические трудности при существующей демографической ситуации.

Влияние возрастного состава на величину среднедушевого производства можно проиллюстрировать следующей абстрактной схемой, предложенной американскими экономистами Коулом и Гувером (табл. 8). В этой схеме рассматривается перспективное развитие условного населения с типичной демографической характеристикой экономически отсталого района: коэффициент рождаемости равен 44, коэффициент смертности — 14, коэффициент естественного прироста — 30 на 1000, средняя продолжительность жизни — 53 года, доля детей в возрасте до 15 лет — 43,4%, доля трудоспособного населения (15—64 лет) — 53,4%, коэффициент иждивенчества — 872,7. Предполагается также, что смертность будет постепенно снижаться до тех пор, пока через 30 лет средняя продолжительность жизни повысится до 70 лет. Если при этом допустить, что рождаемость будет оставаться постоянной, то спустя три десятилетия доля детей повысится до 45,7%, коэффициент иждивенчества — до 961, а среднедушевое производство, если условно исходить из неизменной производительности труда, снизится на 5% только за счет дальнейшего «омоложения» возрастного состава населения. Напротив, если допустить, что рождаемость также будет постепенно снижаться и через 25 лет уменьшится вдвое, т. е. снизится до умеренно высокого уровня 22 на 1000, наблюдаемого в ряде развитых стран, после чего в дальнейшем будет оставаться на этом уровне, то через 30 лет доля детей

**Возрастной состав населения и коэффициент иждивенчества
по двум группам стран и основным регионам мира***

	Процент населения в возрасте					Коэффициент иждивенчества**	
	0 — 14 лет		15 — 64 лет		65 лет и старше	1960 г.	1980 г.
	1960 г.	1980 г.	1960 г.	1980 г.			
Весь мир	36,4	35,8	58,7	58,4	4,9	704,4	711,9
Группа развитых стран	28,7	25,5	63,0	63,7	8,3	586,4	570,5
Группа развивающихся стран	40,1	39,7	56,6	56,4	3,3	768,2	773,4
Восточная Азия	36,6	32,2	59,7	62,4	4,2	675,0	603,8
Южная Азия	41,0	41,7	55,9	54,7	3,1	790,2	826,5
Европа	25,7	23,0	64,5	63,9	9,8	551,7	566,1
Советский Союз	30,8	26,1	63,0	64,4	6,2	588,4	552,1
Африка	43,1	43,6	54,2	53,6	2,7	843,5	865,6
Северная Америка	31,3	29,9	59,7	60,7	9,0	676,2	645,7
Латинская Америка	41,7	42,1	55,0	53,9	3,3	817,5	854,9
Океания	31,7	30,8	60,5	60,9	7,8	652,4	641,3

* [77, стр. 37].

** Среднее число лиц в возрасте 0 — 14 лет и 65 лет и старше, приходящееся на 1 тыс. лиц в возрасте 15 — 64 лет.

уменьшится до 53%, коэффициент иждивенчества — до 373, а среднечеловеческое производство возрастет на 23% опять-таки только в результате изменения возрастного состава населения.

Таблица 8

Абстрактная схема роста и изменения возрастного состава населения с (1) неизменной и (2) снижающейся рождаемостью*

Возрастной состав	Изменения по десятилетиям					
	0	10	20	30	40	50
(1) 0 — 14 лет	434	616	870	1261	1840	2655
15 — 64 года	534	718	996	1406	2003	2901
65 лет и более	32	43	65	90	132	180
Всего	1000	1377	1931	2757	3975	5736
(2) 0 — 14 лет	434	567	637	676	785	901
15 — 64 года	534	718	985	1287	1573	1869
65 лет и более	32	43	65	90	132	180
Всего	1000	1328	1687	2053	2488	2950

* [205, стр. 70].

Разумеется, этот подсчет, абстрагированный от происходящего в действительной жизни постоянного роста производительности труда, развития общественных отношений, конкретной экономической политики и т. п., имеет сугубо теоретическое значение для выявления в чистом виде самых общих тенденций влияния демографических факторов на динамику величины среднечеловеческого производства.

Пожалуй, еще более абстрактный характер имеет попытка установить другое важное направление во взаимодействии демографических и экономических факторов: влияние возрастного состава населения на уровень сбережений, т. е. временно свободных денежных средств, остающихся у населения после удовлетворения текущих жизненных потребностей и откладываемых в расчете на

будущие потребности (трудовые сбережения некапиталистических слоев населения служат, как известно, одним из источников образования денежно-ссудного капитала, хотя в этой роли они имеют намного меньшее значение, нежели временно свободные денежные капиталы и кассовые резервы промышленных и торговых капиталистов). Предполагается, что более молодой возрастной состав населения и, соответственно, более высокий коэффициент иждивенчества понижает среднедушевой доход, увеличивает текущие потребительские нужды и, следовательно, уменьшает возможности населения делать сбережения. Иначе говоря, если сравнивать два условных населения с различной общей численностью, но одинаковым числом лиц в экономически активном возрасте и, соответственно, одинаковым, при прочих равных экономических условиях, национальным доходом, то более многочисленное население будет в принципе иметь меньшую способность делать сбережения, поскольку более высокими окажутся расходы на текущие жизненные потребности.

Конечно, речь идет опять-таки о самых общих тенденциях, выделенных в чистом виде. В реальной действительности на величину и динамику сбережений влияет наряду с демографическими факторами сложный комплекс экономических, политических, социальных, культурных и других причин, и в первую очередь форма общественного устройства и зависящая от нее система распределения национального дохода среди отдельных классов и социальных групп населения. Можно еще добавить, что определение сбережений как разницы между доходом и затратами на текущее потребление позволяет судить скорее о потенциальных возможностях образования сбережений, чем о их подлинной величине.

И все же было бы неправильным совсем не учитывать упомянутую тенденцию в общем комплексе взаимодействия демографических и экономических факторов, тем более что на микроуровне она просматривается значительно более отчетливо. Экономическое давление иждивенцев проявляется не только в общегосударственном масштабе, но и на уровне отдельных семей, что также имеет важное значение с точки зрения перспектив национального развития. Увеличение иждивенцев в семье с высокой рождаемостью из-за уменьшения младенческой и детской смертности при неизменном низком до-

ходе родителей (причем это может иметь место и в условиях повышающегося общенационального дохода в результате его несправедливого перераспределения) ведет к ухудшению материального и культурного положения всех членов семьи, к дополнительным затруднениям с питанием, одеждой, жилищными условиями и, как следствие, к возможному ослаблению их здоровья и морального состояния. Ясно также, что из двух семей с примерно одинаковым доходом и числом кормильцев в худшем материальном положении оказывается та, в которой больше нетрудоспособных детей и стариков. При таком подходе рассматриваемая проблема приобретает уже вполне реальные очертания, и исследование структуры семьи в плане соотношения трех поколений, выяснение «показателя семейной нагрузки» становится важной научной задачей.

Практическая потребность перехода от абстрактных рассуждений о влиянии возрастной структуры на экономику к конкретному анализу способствовала возникновению специального направления в демографической науке — экономической демографии, в основе которой заложена идея об изменении с возрастом производственной и потребительской функции человека*.

В детском возрасте человек только потребляет, причем потребляет «в долг», т. е. существует за счет общества, не возмещая затрачиваемых на него средств. В зрелом, трудоспособном возрасте потребительская функция расширяется (например, потребность пищи увеличивается примерно в три раза по сравнению с детским возрастом), но вместе с тем человек становится производителем, способным своим трудом не только покрыть собственные текущие потребительские расходы, но также расплатиться за «долги» детского возраста, создать «запас» на старость и сверх того обеспечить обществу чистый доход. «Каждый взрослый человек, — подчерки-

* Экономическая демография успешно разрабатывается на основе марксистско-ленинской методологии демографами Венгрии и Польши. Советская демография делает в этом направлении пока лишь первые шаги. В частности, важное значение для активизации экономико-демографических исследований имели доклады проф. Б. Ц. Урланиса и проф. М. Я. Сониной на межвузовском научно-методическом семинаре по основным проблемам демографии, состоявшемся в марте 1968 г. в Московском экономико-статистическом институте [151].

вал Ф. Энгельс, — может произвести больше, чем он сам потребляет, — факт, без которого человечество не могло бы размножаться, более того, не могло бы даже существовать; иначе чем жило бы подрастающее поколение?» [7, стр. 565]. В пожилом возрасте производственная функция вновь прекращается, а потребительская сохраняется в несколько уменьшенном размере.

В рамках каждого из этих трех основных периодов возрастные изменения также создают определенные экономические последствия. Особо следует обратить внимание на демографический аспект в динамике производительности труда. Если отвлечься от таких главных экономических факторов, определяющих производительность труда, как его условия и организация, техническая вооруженность, квалификация работников и пр., то можно выделить возрастной фактор: происходящее с годами вначале увеличение, затем уменьшение физической сноровки, а также накопление производственного опыта. По оценке проф. Б. Ц. Урланиса, наиболее производительный в демографическом смысле возраст достигается к 42—43 годам. Конечно, возрастные характеристики производственных и потребительских функций претерпевают определенные изменения под влиянием многих обстоятельств, в том числе в связи со снижением смертности в детском и трудоспособном возрасте, ростом средней продолжительности жизни, ускорением технического прогресса, расширением образования, улучшением социального обеспечения и т. д.

С учетом всех этих обстоятельств и, разумеется, при наличии соответствующей статистики представляется возможным составить, употребляя терминологию венгерских демографов, «экономическую биографию среднего человека», т. е. исчислить применительно к конкретным условиям той или иной страны, как по мере увеличения возраста «среднего» человека, от начала до конца жизни, меняются его потребительские и производственные функции, продолжительность экономической активности и неактивности, рабочего и свободного времени, дохода и сбережений и т. п. На основе полученных величин этих экономических характеристик «среднего» человека по состоянию на какой-то год или на какой-то возрастной период путем умножения этих величин на всю численность населения, находящегося в этом возрасте или возрастном периоде, можно оценить экономические по-

следствия изменений в общей численности и возрастной структуре населения *.

Важное значение будет иметь, в частности, полученная таким образом оценка «рентабельности» населения. В принципе каждое поколение должно быть «рентабельным», поскольку, как отмечалось, человек может произвести больше, чем он сам потребляет. Но на практике реализация этой закономерности зависит от ряда конкретных условий и прежде всего от того, насколько эффективно используются в производстве имеющиеся трудовые ресурсы. В странах с отсталой экономикой и тяжелым аграрным перенаселением соотношение между производственной и потребительской функциями поколения может оказаться малоблагоприятным или даже неблагоприятным для общества. Иными словами, проблема рентабельности поколений неотделима от проблемы занятости.

* * *

Итак, уже само по себе изменение возрастного состава населения в сторону относительного увеличения иждивенческих слоев может вызвать в определенных условиях неблагоприятные экономические последствия относительно к вопросу об абсолютном увеличении об-

* Методология таких подсчетов наиболее полно разработана научно-исследовательской группой по демографии Центрального статистического управления Венгрии, возглавляемой д-ром Эгоном Сабади. Для получения сводной, синтетической картины экономических последствий в результате изменений, происходящих в численности и возрастной структуре населения, венгерские демографы применяют предложенный д-ром Эмилем Валковичем метод составления «экономических возрастных пирамид». Такие возрастные пирамиды составляются для каждого исследуемого экономического явления отдельно на соответствующий период времени. Например, экономическая возрастная пирамида динамики производства и потребления представляет систему прямоугольных координат, в которой по оси ординат откладывается возраст по пятилетним группам от 0 до 80 и более лет, а по оси абсцисс для каждой такой возрастной группы откладывается влево от начала координат производственная стоимость, выраженная в миллиардах форинтов, вправо — потребленная стоимость в тех же единицах. Разница между образованными таким образом левыми и правыми горизонтальными прямоугольниками представляет собой сальдо, характеризующее «рентабельность» населения в той или иной пятилетней возрастной группе. Такие же пирамиды строятся для изучения по-возрастной экономической активности и неактивности, рабочего и свободного времени и др. [224а].

щей численности населения. Это обстоятельство отмечалось, в частности, в одном исследовании демографических проблем Африки, которая обычно считается регионом скорее недонаселенным, чем перенаселенным. Автор исследования подчеркивал, что «нынешнее повышение темпов роста населения в Африке не создало такой проблемы, как увеличение доли детей в общей численности населения» [320, стр. 4], отнюдь не имея в виду, разумеется, противопоставить эти два взаимосвязанных показателя, поскольку именно режим воспроизводства определяет особенности возрастной структуры населения.

Следовательно, теоретически вполне правомерна постановка вопроса об определении наиболее выгодного с экономической точки зрения оптимального режима воспроизводства населения, формирующего самую благоприятную его возрастную структуру. В чисто демографическом плане эта задача не представляет особой трудности и сводится к исчислению такого темпа роста населения, при котором в условиях низкой смертности на трудоспособные возрасты пришлось бы наибольшая из возможных доля людей*. Но, поскольку оптимальная возрастная структура важна не сама по себе, а как демографический фактор, способствующий увеличению дохода на душу населения, необходимо учитывать, с одной стороны, возрастные уровни производительности труда и, с другой — возрастные коэффициенты потребления, т. е. необходимо подключить к расчетам сложный комплекс экономических показателей, что сразу же делает задачу практического определения оптимального режима воспроизводства населения несравненно более трудной, особенно когда речь идет о развивающихся странах с их все еще слабо разработанной демографической и экономической статистикой.

Как известно, «теория оптимума» составляет одно из главных направлений буржуазной науки о народонаселении. В своем первоначальном виде она сводилась к

* В качестве примера можно сослаться на исчисление, произведенное проф. А. Я. Боярским на основании таблиц смертности в СССР 1958—1959 гг. Критерием оптимума был взят процент мужчин 18—59 лет и женщин 18—54 лет во всем населении. Получилось, что оптимум достигается при коэффициенте прогрессивности режима воспроизводства (истинном коэффициенте естественного прироста) равном 2 на 1000. В этом случае трудоспособные возрасты составляют 51,1%. Коэффициент рождаемости при этом должен быть около 15 [126, стр. 48].

вопросу об определении «правильной» численности жителей, превышение которой якобы создает отрицательные последствия для благосостояния государства. По сути дела эта концепция, игнорировавшая подлинное значение социально-экономических факторов, лежала еще в основе сочинений Мальтуса и его предшественников, а ее научная несостоятельность подтверждается хотя бы тем фактом, что в реальной действительности сама по себе плотность населения отнюдь не определяет степень экономического процветания того или иного государства: существуют бедные и богатые страны как с высокой, так и низкой плотностью населения без какой-либо видимой закономерности в непосредственном соотношении этих двух показателей.

В современной трактовке «теория оптимума народонаселения» сформировалась в эпоху общего кризиса капитализма, когда буржуазная политэкономия оказалась вынужденной признать противоречия и трудности в капиталистической системе, отойти от традиционной идеи автоматического саморегулирования экономики и начать поиски практических мер для преодоления этих трудностей, которые особенно отчетливо выявились во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. На состоявшихся в этот период первых международных демографических конгрессах получили известность концепции, определявшие оптимум населения как такую его численность, которая «при данном уровне науки и техники обеспечивает наибольший доход на душу населения» (И. Ференци), или как «лучшее соотношение между ресурсами и населением» (А. Ландри) [108, стр. 376]. Согласно этим концепциям слишком малочисленное население не в состоянии рационально использовать имеющиеся ресурсы, тогда как чрезмерно многочисленное население угрожает нехваткой ресурсов. В промежутке между этими двумя крайностями рост трудоспособного населения вначале вызывает положительный эффект, способствуя увеличению среднедушевого объема производства, но с достижением максимума в точке оптимальной численности населения добавочные трудовые вложения начинают приносить не возрастающую, а сокращающуюся производственную отдачу.

Нетрудно, таким образом, установить, что подобные концепции «оптимума» основываются на пресловутом «законе убывающей производительности труда», авторы

которого вопреки научной истине приписывают характер всеобщности частному явлению понижения рентабельности новых вложений, абстрактно возможному лишь при отсутствии технического прогресса, причем даже эта абстрактная возможность мыслима только применительно к сельскому хозяйству и горнодобывающей промышленности. Что же касается других отраслей экономики — обрабатывающей промышленности, энергетики, строительства, транспорта, то в них и при неизменной технике расширение производства может происходить с повышением общей эффективности затрат за счет дальнейшей специализации производства, кооперирования и т. п.

В действительности же технический прогресс непрерывен, хотя, как правило, отличается неравномерностью, особенно по отдельным отраслям хозяйства, и при неблагоприятных условиях способен сильно замедляться. Но он никогда не останавливается полностью, так как в обществе постоянно происходят какие-то усовершенствования орудий и методов труда, возникают новые производства, делаются те или иные научные открытия. Вот почему допущение «данного уровня науки и техники» при расчете оптимума населения лишено всякой реальности, а попытка определения статичного оптимума при меняющемся уровне науки и техники оказывается несостоятельной.

Обращение к «закону убывающей производительности труда» не единственное, что связывает буржуазные концепции «оптимума населения» с мальтузианством, основывающимся на аналогичном «законе убывающего плодородия почвы». Подобно мальтузианству они также в конечном итоге приписывают демографическим факторам главную роль в экономическом развитии и полагают возможным решить экономические проблемы средствами демографической политики, уходя от вопросов классовых противоречий и классовой борьбы.

Вместе с тем было бы неверным полагать, будто «теория оптимума населения» во всех ее разновидностях имеет своей целью только апологетику капиталистического строя, маскировку его эксплуататорской сущности. В функции современной буржуазной науки входит также и практическая разработка экономической политики, что побуждает буржуазных ученых к возможно более объективному изучению хотя бы отдельных сторон и

явлений реальной жизни. Не будучи в состоянии из-за своих классовых позиций дать подлинно научное объяснение общим законам исторического развития, они нередко подходят к пониманию ряда количественных взаимосвязей в экономике, представляющих несомненный интерес. Эта диалектическая оценка полностью относится и к современным исследованиям проблемы оптимума населения. Разрабатываемые отдельными буржуазными учеными абстрактные модели рационального соотношения населения и производства, населения и ресурсов, подобные приведенным выше расчетам американских экономистов Коула и Гувера или работам известного французского демографа Альфреда Сови, могут быть полезными — разумеется, при соответствующем критическом к ним подходе — для изучения оптимальных пропорций во взаимодействии демографических и экономических факторов и определении демографической политики, направленной на оптимизацию воспроизводства населения.

Изучение этих вопросов с марксистских позиций, исходя из определяющей роли производства в общественном развитии и с учетом социальных отношений, все больше занимает экономистов и демографов в социалистических странах, в том числе советских ученых. «В решении основной задачи коммунистического общества — максимального удовлетворения общественных и личных потребностей, — говорил на Всесоюзной научной конференции по проблемам народонаселения Закавказья один из докладчиков, Н. С. Есипов, — важное значение имеют отыскание и поддержание оптимальных соотношений развития экономики, в частности прироста национального дохода и роста населения каждого района страны» [141, стр. 18].

Интересную попытку исследования «демографического оптимума» предпринял проф. А. Я. Боярский, специально отметивший в своей статье, что цель такого исследования «состоит, разумеется, в том, чтобы определять демографическую политику» [126, стр. 47—63]. Рассматривая динамику населения в связи с динамикой производства при допущении свободно воспроизводимых производственных фондов, он пришел к выводу о невозможности ответить на вопрос относительно оптимальных темпов роста населения в виде определенного числа. Вместе с тем его расчеты позволяют говорить о «некто-

рой оптимальной зоне», выход за пределы которой ведет либо к усилению общего напряжения трудовых ресурсов при ускорении роста душевого потребления, либо, наоборот, к ослаблению общего напряжения трудовых ресурсов при замедлении роста душевого потребления. А. Я. Боярский также показал, что оптимальные темпы роста населения, безусловно, не должны превышать темпы роста производства, и прежде всего темпы роста производства предметов потребления.

Нарушение этого важного условия в современных афро-азиатских и латиноамериканских странах, где население растет слишком быстро по сравнению с развитием материального производства, создает серьезные экономические осложнения, которые особенно отчетливо проявляются в сфере занятости и продовольственного снабжения.

ГЛАВА IV

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ПРОБЛЕМЕ ЗАНЯТОСТИ

Состояние и перспективы формирования трудовых ресурсов в свете современной демографической ситуации

Развивающиеся страны обладают огромными людскими ресурсами, воплощающими в себе фактические и потенциальные производственные возможности, умение, знания, способности, таланты всех членов общества — мужчин и женщин, взрослых и детей. Это неисчерпаемые потенциальные богатства. Однако при существующих производственных отношениях в условиях унаследованной от колониализма экономической и культурной отсталости они все еще остаются втуне; и прежде всего нерационально и малоэффективно используются трудовые ресурсы, т. е. основная производительная часть населения, ограниченная рамками трудоспособного возраста. Большие дополнительные осложнения в этой чрезвычайно тяжелой для развивающихся стран проблеме создает ускорившийся прирост населения.

Производительное использование трудовых ресурсов зависит в первую очередь от действия экономических факторов, от состояния производства, предъявляющего спрос на рабочую силу. Но вместе с тем велика также роль демографических факторов, действие которых в конечном итоге определяет динамику трудовых ресурсов и тем самым размеры предложения рабочей силы.

Происшедшие за последние десятилетия в Азии, Африке и Латинской Америке резкие демографические сдвиги — значительное сокращение смертности при сохраняющейся высокой рождаемости и, как следствие, увеличение средней продолжительности жизни — все более ощутимо сказываются на темпах и абсолютной величине прироста населения трудоспособных возрастов. В настоящее время эти темпы выше, чем когда-либо были в прошлом, и будут ускоряться в будущем. Если в развитых капиталистических странах среднегодовое увеличение численности населения в возрастной группе от 15 до 64 лет составляло 1,1% в 1960—1970 гг. и предположительно уменьшится до 1% в 1970—1980 гг., то в развивающихся азиатских странах произойдет повышение среднегодовых темпов с 2,5 до 2,6%, в африканских странах с 2,4 до 2,7% и в латиноамериканских странах с 2,8 до 2,9% [74, стр. 6]. Ожидается, что ежегодный прирост трудоспособного населения в развивающихся странах будет происходить в 1975—1980 гг. вдвое быстрее, чем в 1960—1965 гг. Причем теперь никакое снижение рождаемости не смогло бы оказать сдерживающего влияния на установившиеся высокие темпы прироста трудовых ресурсов: дети, которые будут пополнять ряды рабочей силы в течение ближайших полутора десятилетий, уже родились.

Согласно «среднему» варианту демографического прогноза ООН, абсолютная численность трудоспособного населения развивающихся стран возрастет на 625 млн. с 1960 по 1980 г. и на 1073 млн. с 1980 по 2000 г. (табл. 9) или, иначе говоря, среднегодовой прирост увеличится с 25,8 млн. в 1960—1970 гг. до 36,7 млн. в 1970—1980 гг. и до 53,6 млн. в 1980—2000 гг. В то же время в развитых странах величина среднегодового прироста трудоспособного населения будет оставаться практически неизменной до конца века: 7,6 млн. в 1960—1970 гг., 7,6 млн. в 1970—1980 гг. и 7,4 млн. в 1980—2000 гг.

**Численность трудоспособного населения
(в возрасте 15 — 64 лет) и его доля во всем
населении по двум группам стран***

	1960 г.		1980 г.		2000 г.	
	млн.	%	млн.	%	млн.	%
Весь мир	1759	58,7	2536	58,4	3758	61,2
Развитые страны	615	63,0	767	63,7	916	63,0
Развивающиеся страны . .	1144	56,6	1769	56,4	2842	60,6

* [77, стр. 23, 37].

Единые возрастные рамки от 15 до 64 лет для определения трудоспособного населения установлены, разумеется условно, для достижения международной сопоставимости оценок. В действительности трудоспособный возраст значительно различается по двум основным группам стран и тем более по отдельным странам в зависимости от местных законов и обычаев, экономического и культурного развития. Если в индустриальных государствах 15 лет и 64 года более или менее соответствуют нижнему и верхнему пределам фактической трудовой жизни населения, то в развивающихся странах из-за абсолютно преобладающей роли сельскохозяйственного производства, в том числе широкого распространения натурального земледелия, отсутствия, как правило, обязательного школьного образования и сколько-нибудь широкой системы пенсионного обеспечения и, главное, низкого жизненного уровня население раньше приступает к трудовой деятельности и позже прекращает ее. Нередко дети начинают работать в семилетнем и даже шестилетнем возрасте. Индийский экономист Р. Чандра сообщил в журнале «Индиэн лейбор джорнэл» за декабрь 1961 г., что дети в возрасте от 7 до 15 лет составляли в Индии около 11% городской и свыше 5% сельской рабочей силы. Во всем центральном районе Южной Азии (Индия, Пакистан, Цейлон, Афганистан, Иран и др.) уровень детского труда оценивается в 10% для мальчиков и 6% для девочек в возрасте менее 14 лет [40, стр. 12]. Вот почему в ряде раз-

Вывающихся стран более реальный трудоспособный возраст находится в границах от 10 до 69 лет.

Вместе с тем надо иметь в виду, что отнюдь не все население в трудоспособном возрасте является экономически активным (самодеятельным), т. е. участвует в общественном производстве (включая производство услуг; в качестве лиц наемного труда, владельцев предприятий, безвозмездных участников семейных предприятий и т. п.) или, не имея в данный момент работы, ищет ее и желает работать. Часть трудоспособного населения не имеет и не ищет работы из-за отсутствия возможностей, семейных обстоятельств, социальных преград, временной утраты трудоспособности и пр. Это — потенциальная рабочая сила.

Следовательно, формирование экономически активного населения зависит от действия многих демографических факторов, в том числе от общественного устройства, жизненного уровня, положения в области народного здравоохранения, образования и социального обеспечения, положения с детским трудом и т. д. Согласно оценке Международной организации труда лишь $\frac{3}{4}$ мирового населения в трудоспособном возрасте экономически активно. Этот показатель немного выше в развивающихся странах, чем в развитых; но по отношению ко всему населению положение обратное: доля занятых в развитых странах составляет 45%, тогда как в развивающихся — только 42% [40, стр. 12].

Попытка более детализированного подсчета относительной величины экономически активного населения по отдельным возрастным группам в трех категориях стран была сделана проф. Я. Сади, долгое время работавшим в Отделе по народонаселению секретариата ООН и Латиноамериканском демографическом центре ООН. Он классифицировал страны только по одному критерию — удельному весу экономически активного мужского населения, занятого в сельскохозяйственном производстве*.

* Анализ состояния и динамики экономической активности в развивающихся странах, как правило, вынужден ограничиваться данными по мужскому населению, поскольку статистический учет женского труда отличается чрезвычайной неточностью и неполнотой. Хотя в развивающихся странах женщины играют важную роль в трудовой деятельности, они в подавляющей массе выступают как безвозмездные участники семейного крестьянского и ремесленного производства, совмещая это с обязанностями воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. Даже когда замужние женщины

Страна считалась «индустриальной», если этот показатель был меньше 35%, «полуиндустриальной» при 35—59% и «аграрной» при 60% и более. Конечно, такая предельно упрощенная классификация ведет в ряде случаев к искажению подлинной экономической характеристики отдельных стран, особенно отнесенных к категории «полуиндустриальных». Достаточно сказать, что здесь в числе 29 стран объединены, например, Италия и Финляндия, Цейлон и Панама. Тем не менее две крайние категории являются вполне представительными и позволяют выявить в наиболее концентрированном выражении основные особенности состояния экономической активности населения в развитых и развивающихся районах мира.

Таблица 10

Экономически активное мужское население по возрастным группам и трем категориям стран*

Категории стран	Около 1950 г.					Около 1960 г.		
	Возрастные группы					Возрастные группы		
	10—14	15—19	20—54	55—64	64 и более	15—19	20—64	65 и более
Индустриальные	4,1	72,4	95,4	85,6	37,7	63,6	93,4	31,5
Полуиндустриальные	13,2	70,3	95,2	88,9	61,0	64,7	93,7	54,7
Аграрные	23,9	78,4	95,3	91,6	70,1	76,6	95,4	70,2

* [337, стр. 17].

Во всех странах независимо от уровня экономического развития почти все мужское население в возрасте 20—64 лет, и особенно 20—54 лет, экономически активно (табл. 10). Но за пределами этой возрастной группы наблюдается уже весьма заметное различие между развивающимися и развитыми странами. В последних доля экономической активности ниже, поскольку широкая система школьного образования и профессионально-технического обучения отвлекает от трудовой деятельности значительную часть юношества, а абсолютное преобла-

совмещают ведение домашнего хозяйства с наемным трудом, статистика обычно регистрирует их в качестве домашних хозяек.

дание индустриального труда в сочетании со сравнительно развитой системой пенсионного обеспечения обуславливает более ранний отход от трудовой деятельности пожилых людей. Таким образом, если не учитывать уровень смертности в рабочем возрасте, то развивающиеся страны обладают большей по сравнению с развитыми странами общей продолжительностью трудовой жизни. Взяв за основу потенциальный период трудоспособности, равный 55 годам, с 15 до 70 лет, проф. Сади подсчитал, что при существующих показателях по возрастной экономической активности среди мужского населения в «аграрных» странах мужчины участвуют в трудовой деятельности 50,8 года, а в «индустриальных» — только 48,4 года. Если же потенциальный период трудоспособности принять равным 65 годам, с 10 до 74 лет, то разрыв станет еще значительнее, так как соответствующие цифры увеличатся неодинаково, до 54,9 и 49,8 года [364, январь 1967, стр. 124].

Однако картина становится совсем иной при учете смертности в рабочем возрасте. Вызываемая ею средняя потеря лет почти в три раза выше в развивающихся странах, чем в развитых. А поэтому и среднее число лет, фактически проведенное каждым мужчиной в составе рабочей силы, оказывается в развитых странах больше, несмотря на меньшую по сравнению с развивающимися странами общую продолжительность трудовой жизни. Это обстоятельство имеет важное значение при оценке перспектив увеличения рабочей силы благодаря продлению трудовой жизни экономически активного населения по мере дальнейшего снижения смертности. Согласно прогнозам ООН, средняя продолжительность фактической трудовой жизни мужчин увеличится в развивающихся странах с 35,6 года в 1960 г. до 38,9 года в 1980 г. и до 39,3 года в 2000 г. [35, стр. 17].

В целом же динамика рабочей силы определяется взаимодействием двух основных величин — численности впервые вступающей в ее ряды молодежи, дожившей до трудового возраста (что, в свою очередь, зависит от таких демографических факторов, как уровень рождаемости и уровень детской и подростковой смертности), и численности лиц, покидающих ряды рабочей силы из-за смерти или достижения предела трудовой жизни (что зависит от уровня смертности в трудоспособном воз-

расте и средней продолжительности трудовой жизни). Обе величины можно выразить как долю общего количества рабочей силы, и тогда разница между двумя подсчитанными таким образом относительными числами дает так называемый индекс замещения. Отношение же между численностью вступающих в ряды рабочей силы и численностью покидающих их составляет так называемый коэффициент замещения. Эти синтетические показатели особенно отчетливо выражают главные особенности динамики рабочей силы по группам стран (табл. 11).

Из-за высокой рождаемости и раннего начала трудовой деятельности в «аграрных» странах наблюдается наибольший индекс вступления в ряды рабочей силы (19,1% за пять лет), причем только около трети общего числа нового пополнения требуется для замещения тех, кто оставил ряды рабочей силы из-за смерти и только около $1/3$ для замещения ушедших по возрасту. Что же касается «индустриальных» стран, где индекс пополнения рабочей силы равен всего 14,7%, то их относительная потребность в замещении ушедших по возрасту втрое выше, чем в «аграрных» странах, зато потребность в замещении выбывших из-за смерти — в 1,6 раза ниже.

Поскольку общий индекс ухода из состава рабочей силы по всем причинам, как свидетельствуют данные табл. 11, примерно одинаков в двух основных категориях стран, индекс замещения — почти вдвое более высокий в «аграрных» странах по сравнению с «индустриальными» — дает представление о степени демографического давления на рынок труда. Еще нагляднее это демонстрирует коэффициент замещения. На каждые 100 мужчин, покинувших ряды рабочей силы из-за смерти или преклонного возраста, в среднем появлялось 232 новых работника в «аграрных» странах против 168 в «индустриальных». К этому следует добавить, что в некоторых экономически отсталых странах коэффициент замещения достигает 300 и имеется отчетливая тенденция к его дальнейшему увеличению.

Таким образом, в результате происходящего в современных афро-азиатских и латиноамериканских странах быстрого увеличения населения, и в частности его трудоспособной части, ускоряются темпы роста и абсолютная величина рабочей силы. Если с 1950 по 1960 г.

**Показатели изменений в составе экономически
активного мужского населения по трем категориям стран
за 1960 — 1965 гг.***

Категории стран	Индекс	Индекс (%) ухода по причине			Замещение	
	положе- ния, %	смерт- ности	возраста	все причи- ны	Индекс, 1960 = 100	Кoeffи- циент
Индустриальные	14,7	4,2	4,5	8,7	6,0	168
Полуиндустри- альные	15,3	4,3	2,9	7,2	8,1	213
Аграрные	19,1	6,8	1,5	8,3	10,8	232

* [337, стр. 126]. Применяемая в таблице классификация стран по проф. Садт дает в крайних категориях, для "индустриальных" и "аграрных" стран, за счет исключения промежуточной категории стран "полуиндустриальных" более высокие или более низкие показатели по сравнению со средними данными для двух общепринятых групп стран — развитых и развивающихся.

общая численность экономически активного населения в развивающихся районах мира достигла почти 850 млн., т. е. поднялась более чем на 100 млн. при среднегодовых темпах роста в 1,3%, то с 1960 по 1970 г., по расчетам ООН, ожидалось увеличение до 1010 млн., т. е. уже на 160 млн. при среднегодовых темпах прироста в 1,75% [67, стр. 65].

Важную роль в формировании экономически активного населения играют экономические условия, которые для развивающихся стран характеризовались умеренными темпами роста валового внутреннего продукта (совокупного общественного продукта) на среднегодовом уровне около 4,5% в 50-х и 60-х годах и сравнительно низким размером совокупного общественного продукта, приходящегося на душу населения, — 154 долл. в 1965 г. (в ценах 1960 г.).

С точки зрения тенденций сегодняшнего дня представляется наиболее вероятным, что и впредь во всей группе развивающихся стран сохранится по крайней мере до конца десятилетия неуклонный, но умеренный экономический рост со среднегодовыми темпами около 5%, с более ускоренным развитием промышленности среднегодовыми темпами около 7% и с несколько замедленными темпами развития сельскохозяйственного производства — около 3%. Такая перспектива экономиче-

ского прогресса в развивающихся странах соответствует перспективе роста населения, предусмотренного «средним» вариантом демографического прогноза ООН, что, в свою очередь, обусловит умеренные темпы увеличения размера валового внутреннего продукта, приходящегося на душу населения, на уровне 2,9% в 1975—1980 гг. с достижением 230 долл. к 1980 г. [53а].

При этих условиях вероятный прирост экономически активного населения в развивающихся странах составит с 1970 по 1980 г. 226 млн., в том числе 173 млн. в Азии, 82 млн. в Африке и 29 млн. в Латинской Америке [370, 1968, № 6, стр. 517]. Всего же за 40 лет, с 1960 по 2000 г., численность экономически активного населения предположительно возрастет на 322% и весь прирост составит 1035 млн. по сравнению с развитыми странами, где соответствующие показатели равны 47% или 215 млн. (табл. 12). В результате, если в 1960 г. на долю развивающихся стран приходилось около $\frac{2}{3}$ всей рабочей силы, то к концу века здесь уже будет сосредоточено $\frac{3}{4}$ рабочей силы.

Таблица 12

Численность экономически активного и экономически неактивного населения и их доля во всем населении по двум группам стран*

	1960 г.		1980 г.		2000 г.	
	млн.	%	млн.	%	млн.	%
Весь мир:						
активное	1296	43,2	1791	41,3	2542	41,4
неактивное	1701	56,8	2548	58,7	3601	58,6
Развитые страны:						
активное	446	44,9	553	44,9	657	43,7
неактивное	548	55,1	680	55,1	848	56,3
Развивающиеся страны:						
активное	849	42,4	1238	39,9	1884	40,6
неактивное	1154	57,6	1868	60,1	2753	59,4

* [319, стр. 13].

Одновременно с увеличением численности экономически активного населения будут также происходить изменения в его возрастно-половой структуре. Согласно про-

гнозам, доля мужчин в составе рабочей силы поднимется в развивающихся странах с 65% в 1960 г. до 68% в 2000 г. Одновременно повысится с 72 до 85% удельный вес наиболее продуктивной возрастной группы от 20 до 54 лет среди мужского экономически активного населения, и, напротив, понизится удельный вес молодежи в возрасте от 15 до 19 лет с 12,5 до 10,5% [319, стр. 14]. Последнее произойдет не только в результате изменений в возрастной структуре всего населения, но и благодаря расширению возможностей получения начального и среднего образования, удлинению сроков обучения и профессиональной подготовки, что увеличит долю неработающих молодых в трудоспособном возрасте от 15 до 19 лет с 31% в 1965 г. до 38% в 1980 г. и до 42% в 2000 г. [35, стр. 17]. По-видимому, произойдет также некоторое уменьшение участия в трудовой деятельности лиц старших возрастов вследствие расширения социального обеспечения, в том числе пенсионного.

Что же касается экономически активного женского населения, то его доля в составе рабочей силы снизится с 35% в 1960 г. до 32% в 2000 г. Произойдет сокращение женской экономической активности во всех без исключения возрастных группах, причем главным образом из-за нарастающей конкуренции мужского труда в условиях общего усиления давления трудовых ресурсов на рынок труда.

Удельный вес по возрастной женской экономической активности в развивающихся странах изменится следующим образом (%). [319, стр. 14]:

Возрастные группы	1960 г.	1980 г.	2000 г.
Все возрасты	29,8	27,7	26,5
0 — 14	4,0	2,4	1,6
15 — 19	46,3	40,0	35,3
20 — 24	50,8	49,1	43,3
25 — 44	50,3	49,4	44,6
45 — 54	49,8	47,3	44,1
55 — 64	39,7	36,3	31,2
65 и более	22,0	17,3	13,8

Следует иметь в виду, что эта тенденция может явиться причиной задержки столь важного для развивающихся стран процесса женской эмансипации со всеми вытекающими отсюда отрицательными социальными и культурными последствиями. В демографическом отношении это, возможно, вызовет замедление динамики снижения рождаемости.

Важное значение для характеристики экономически активного населения имеет его распределение по отраслям производства. В развивающихся странах в 1960 г. почти $\frac{3}{4}$ рабочей силы сосредоточивалось в сельском хозяйстве, примерно $\frac{1}{10}$ в промышленности и немногим менее $\frac{1}{5}$ в сфере торговли и услуг. В качестве конкретного примера можно привести соответствующие данные для Индии и Пакистана (по состоянию на 1961 г.). [341а, стр. 11].

	Мужская рабочая сила		Женская рабочая сила	
	Индия	Пакистан	Индия	Пакистан
Сельское хозяйство	68,5	73,4	82,3	85,6
Промышленность	10,7	8,4	8,5	6,9
Услуги	16,6	17,3	5,2	7,4

Подобное распределение рабочей силы — один из наглядных признаков экономической отсталости, что хорошо видно при сравнении с развитыми странами, где в сельском хозяйстве находилось меньше трети рабочей силы, в промышленности — больше трети и в сфере торговли и услуг — еще около трети (в Северной Америке эти показатели соответственно равнялись 7, 36 и 57%). [40, стр. 13].

Конечно, с социально-экономическим прогрессом отсталая производственная структура рабочей силы развивающихся стран начинает постепенно меняться и еще более изменится в будущем. Предполагается (табл. 13), что численность рабочей силы в промышленности воз-

Таблица 13

Изменение производственной структуры экономически активного населения развивающихся стран*

	1960 г.		1980 г.		2000 г.	
	млн.	%	млн.	%	млн.	%
Сельское хозяйство	600	71	800	65	1000	53
Промышленность	102	12	190	15	400	21
Торговля и услуги	147	17	248	20	484	26

* [319, стр. 15].

растет за 1960—1980 гг. на 86%, а ее доля во всем экономически активном населении повысится с 12 до 15%, и за 1980—2000 гг. — на 110% с дальнейшим повышением доли до 21%, в сфере торговли и услуг численность рабочей силы возрастет на 70% за 1960—1980 гг. и на 95% за 1980—2000 гг. с повышением доли во всем экономически активном населении с 17% в 1960 г. до 20% в 1980 г. и 26% в 2000 г. В то же время удельный вес рабочей силы в сельском хозяйстве будет постепенно снижаться, с 71% в 1960 г. до 65% в 1980 г. и 53% в 2000 г. Но из-за высоких темпов прироста трудоспособного населения, в том числе сельского, и неспособности других отраслей экономики полностью поглотить этот прирост абсолютная численность рабочей силы в сельском хозяйстве увеличится с 1960 по 2000 г. предположительно на 400 млн. человек, или на 67% (на 33% в 1960—1980 гг. и 25% в 1980—2000 гг.). А если учесть, что одновременно в сельской местности будет быстро расти число иждивенцев в крестьянских семьях и других экономически неактивных лиц, то общая численность населения, для которого сельскохозяйственное производство останется главным источником существования, увеличится почти на 900 млн. (табл. 14).

Таблица 14

Изменение численности сельскохозяйственного и несельскохозяйственного населения в развивающихся странах*

	1960 г.		1980 г.		2000 г.	
	млн.	%	млн.	%	млн.	%
Сельскохозяйственное население	1362	67	1872	60	2250	48
Несельскохозяйственное население	659	33	1264	40	2438	52

* [319, стр. 16].

В результате до конца века большинство развивающихся стран останется аграрным по своей экономической структуре. Неуклонно нарастающая трудоизбыточность деревни не только будет мешать повышению производительности труда, модернизации самого сельского

хозяйства, но и окажет отрицательное влияние на все стороны социально-экономического развития. Она будет поддерживать тенденцию к сохранению в деревне пережитков консервативных производственных отношений, пережитков натурального хозяйства с его низким жизненным уровнем, слабой покупательной способностью, отсталыми формами социального поведения, высокой рождаемостью и многодетными семьями.

Некоторые вопросы использования трудовых ресурсов в связи с быстрым ростом населения

Чтобы оценить всю сложность проблемы, создаваемой для развивающихся стран высокими темпами увеличения трудовых ресурсов, необходимо иметь в виду, что это увеличение происходит в условиях огромной безработицы и неполной занятости, порожденных длительным колониальным угнетением и отсталыми формами капиталистического развития.

Действительные масштабы неиспользуемой рабочей силы можно представить лишь приблизительно, поскольку точное измерение, особенно в сопоставимых показателях, затруднено отсутствием в подавляющем большинстве развивающихся стран всестороннего и систематического учета динамики и уровня занятости. Имеющиеся данные о величине безработицы отличаются разрозненностью по времени, различиями в критериях и методах их получения, неполной регистрацией даже в городах действительной численности лиц, ищущих работу, большую часть из которых составляют неграмотные, неквалифицированные выходцы из деревни. К этому следует добавить, что особенностью занятости в развивающихся странах является относительно низкая доля лиц, получающих заработную плату и оклады; а ведь именно эта категория оплачиваемых рабочих прежде всего оказывается в поле зрения статистики. В Азии на их долю все еще приходится в среднем менее 20% экономически активного населения. Но самое главное состоит в том, что для состояния занятости в развивающихся странах намного типичнее не полная, видимая безработица, а безработица в скрытой форме, полубезработица или неполная занятость, при которой трудоспособные люди ра-

ботают неполный рабочий день или неполную рабочую неделю или постоянно занимаются непродуктивным трудом, во всех случаях получая мизерный доход, недостаточный для обеспечения минимальных жизненных потребностей.

Прежде всего речь идет, разумеется, о сельском хозяйстве, где трудоизбыточность выступает в скрытой форме и ее действительные масштабы крайне сложно оценить из-за тесной связи сельскохозяйственного производства с крестьянским натуральным домашним хозяйством. С определенной долей условности можно, конечно, пользоваться данными о численности безземельных и малоземельных крестьян, доля которых в отдельных развивающихся странах достигает 20%, 50% и даже 70% сельского населения. Следует заметить, что немногочисленные попытки оценить размеры скрытого перенаселения другими методами давали в общем сходные величины. Одна из таких попыток была предпринята в Западном Пакистане, где были проведены два независимых друг от друга обследования сельских районов по весьма ограниченному — в территориальном отношении и по научному диапазону — программам. Путем прямых опросов и наблюдений было установлено, что трудовые ресурсы, выраженные в человеко-днях, в течение года недоиспользуются на 15—25% (доля безземельных крестьян в Западном Пакистане также составляла 25%) [211, стр. 31, 45].

Обычно основным, если не единственным, критерием в подобных ограниченных по масштабам выборочных обследованиях скрытой безработицы служит показатель числа трудоспособных лиц, имеющих хоть какое-то занятие и в то же время стремящихся получить дополнительную работу. Этот упрощенный критерий больше применим к городским условиям, чем к сельским, так как с его помощью трудно учесть иногда довольно длительные перерывы в сельскохозяйственном труде, которые крестьяне совершают добровольно, согласно религиозным предписаниям или каким-либо иным отсталым обычаям.

Другой обширный резервуар скрытой безработицы — сфера услуг. Уже отмечалось, что прибывающие массами в города сельские переселенцы, особенно молодежь, как правило, не находя работу в промышленности, берутся за любые занятия, на любых условиях, обычно даже без гарантированного заработка — в качестве газетчиков, разносчиков, чистильщиков обуви, мелких торговцев и

ремесленников и т. д. Например, в Латинской Америке с 1950 по 1965 г. сократилась доля рабочей силы, занятой не только в сельском хозяйстве (с 54,1 до 46,1%), но и в обрабатывающей промышленности (с 14,2 до 13,8%), и лишь умеренно увеличилась в строительстве и современных отраслях обслуживания. Следовательно, высокий прирост рабочей силы за это время поглощался в основном мелкой торговлей, примитивными формами услуг и, по классификации латиноамериканской статистики, «неуказанными видами деятельности». Удельный вес этой группы экономически активного населения возрос с 22,8 до 30,3%, а в абсолютных размерах с 11,9 млн. до 22,9 млн. [45]. Еще отчетливее этот процесс виден на примере рабочей силы, занятой вне сельскохозяйственного производства. Происходящий в Латинской Америке быстрый рост городского населения сопровождался не увеличением, а уменьшением доли несельскохозяйственной рабочей силы, занятой в обрабатывающей промышленности, с 33,9% в 1930 г. до 32,6% в 1940 г., 30,8% в 1950 г. и 27,1% в 1960 г. [60, табл. 1—14]. В одном исследовании экономического положения в Бразилии уровень безработицы в районе Сан-Паулу оценивался в 15%, но одновременно отмечалось, что для всей страны при наблюдавшемся в 1965—1966 гг. самом незначительном увеличении занятости в промышленности или даже отсутствии такого увеличения «почти весь прирост городской рабочей силы, который за эти два года должен был составить 1,5—2 млн. человек, был вынужден, вероятно, перейти в городской сектор обслуживания, характеризующийся низкой производительностью, низкими доходами и высоким уровнем скрытой безработицы или неполной занятости» [44].

Хотя сфера обслуживания является основнымместилищем скрытой безработицы, избыточные трудовые ресурсы интенсивно накапливаются и в других отраслях народного хозяйства. В обрабатывающей промышленности, особенно пищевой, в горнодобывающей промышленности, на строительстве, на транспорте наряду с крупными современными предприятиями действуют многочисленные мелкие мастерские и артели, где производительность труда низка, а доходы негарантированы. Сюда направляются не находящие себе рационального применения на рынке труда все новые пополнения рабочей силы.

В свете вышеизложенного вполне понятно, почему оценки безработицы и неполной занятости в развивающихся странах оказываются, как правило, сильно заниженными и поэтому подвергаются неоднократным пересмотрам и уточнениям. Например, проведенные в Индии в 60-х годах переписи населения определили уровень безработицы лишь в 0,8%; но национальные выборочные обследования 1960—1961 гг. дали более высокие показатели: 2,3% для городской рабочей силы и 3,87% для сельской рабочей силы. На основе этих данных Индийская комиссия по планированию установила общую численность безработных по состоянию на 1961 г. в 7 млн, а численность не полностью занятых в 16 млн [341а, стр. 10]. Однако, согласно дальнейшим официальным уточнениям, доля безработных в городских районах страны в 1961 г. определилась уже в 7,4% [67, стр. 69]. По сообщению индийских ученых на Белградской конференции ООН, численность полностью безработных в Индии в 1961 г. равнялась 8 млн. и полубезработных — 15—18 млн [301, стр. 3, 4].

Для других развивающихся стран и регионов имеются следующие оценки недостаточного использования рабочей силы. Приблизительные подсчеты, сделанные в начале 60-х годов для семи стран Азии, установили уровень безработицы в пределах до 12% и уровень неполной занятости в пределах до 37% [63, стр. 32]. В Индонезии в октябре 1961 г. доля безработных официально составляла 5,4%; спустя шесть лет, по сообщению представителя индонезийского правительства, в стране насчитывалось около 3 млн. полностью безработных и приблизительно 12 млн. частично безработных [67, стр. 69; 362, 10.X.1967]. В Пакистане произведенное в 1955 г. Международной организацией труда обследование рабочей силы установило, что 3,1% сельского экономически активного населения в Восточном Пакистане и 2,2% — в Западном Пакистане были безработными, и соответственно 17 и 4,7% были частично безработными; кроме того, согласно относящимся к началу 60-х годов данным национальной переписи населения, безработица среди городской рабочей силы составляла около 1% [341а, стр. 10]. Однако в опубликованном проекте третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства Пакистана отмечалось, что «почти одна пятая наличной рабочей силы... растрачивается каждый год из-за недостатка полез-

ной работы. В действительных же величинах это затрагивает около половины рабочей силы, поскольку безработица в Пакистане обычно имеет форму недозанятости по меньшей мере половины наличной рабочей силы» [74, стр. 9]. Перепись населения на Цейлоне определила в начале 60-х годов долю безработных в 3%, но относящееся к 1959—1960 гг. обследование Международной организации труда настаивало на значительно более высоком показателе, считая, что численность безработных на Цейлоне равнялась 340 тыс., или примерно 10% рабочей силы, а численность полубезработных достигала 500 тыс. [341а, стр. 10]. В докладе ООН о мировом социальном положении в 1967 г. указывается, что доля безработных на Цейлоне в 1950—1960 гг. составляла 12,5%. В том же докладе сообщалось, что доля безработных в Малайзии (Малайе) в апреле—сентябре 1962 г. равнялась 6,4%, а на Филиппинах в течение 1960—1964 гг. колебалась в пределах 5—7% с заметным повышением в 1964 г. [67, стр. 69—70].

В Латинской Америке оценка безработицы среди городского населения производилась лишь по отдельным городским районам и в немногих наиболее урбанизированных или малых странах. Так, в Буэнос-Айресе и его пригородах, а также в четырех других крупных городах Аргентины в апреле 1966 г. 6,5% рабочей силы были безработными. В районе Большого Сантьяго (Чили) между 1961 и 1966 г. уровень безработицы колебался в пределах 4,3—7,6% и в декабре 1966 г. составил 5,4%. В Уругвае к 1967 г. безработица достигла 8,5%, в Панаме в 1960 г. она равнялась 15,5%, в Пуэрто-Рико с 1960 г. она остается на уровне 11—12%. Самый высокий показатель безработицы был зарегистрирован в Доминиканской Республике в 1965 г. — 17,8% [67, стр. 139].

Оценка неполной занятости латиноамериканской рабочей силы была приведена в документах Экономической комиссии ООН для Латинской Америки: около 40% экономически активного населения относились к категории полубезработных [74, стр. 10]. На состоявшемся в 1968 г. в Буэнос-Айресе совещании министров здравоохранения латиноамериканских стран было высказано мнение, что от 33 до 50% всего экономически активного населения являются частично или полностью безработными [354, 16.XI.1968].

Весьма скудными сведениями об использовании ра-

бочей силы располагают африканские страны. Алжирское правительство, готовившееся к всеобщему переучету рабочей силы, сообщило в мае 1967 г., что в стране, по неполным данным, безработных насчитывалось до 650 тыс., или 12,5% трудоспособного населения. Доля безработных в Марокко в ноябре 1960 г. составляла 9,4% рабочей силы, в Гане в марте 1960 г. — 6%. В Сенегале в 1965 г., по приблизительным подсчетам, число безработных достигало около 27 тыс., причем примерно ¼ находились в районе Дакара. В Танзании в 1965 г. насчитывалось 10 тыс. городских безработных, или 3,9% городской рабочей силы, и 142 тыс. сельских безработных [67, стр. 70, 164].

В большинстве развивающихся стран безработица неуклонно возрастает, несмотря на общее увеличение коэффициента занятости (в ряде стран более чем на 2% в год). Так, согласно опубликованным после 1959 г. итоговым данным по девяти странам Азии, в шести из этих стран темпы роста безработицы превышали темпы роста населения, в том числе в четырех — в Индии, Бирме, Малайзии и Южной Корее — безработица росла по крайней мере вдвое быстрее, чем население в целом [67, стр. 116].

Свидетельством общей тенденции усиления безработицы в 1960—1965 гг. могут служить нижеприводимые данные по отдельным развивающимся странам об изменении процента зарегистрированных безработных или лиц, подавших заявления на биржи труда с просьбой о работе (процент увеличения + или уменьшения —) [67, стр. 69]:

Кения, лица (мужчины), подавшие заявления с просьбой о работе	+ 34	Пакистан, лица (мужчины), подавшие заявления с просьбой о работе	+ 9
Марокко	— 14	Нигерия, зарегистриро- вано безработных	+ 205
Маврикий	+ 285	Сьерра-Леоне	+ 77
Бирма	+ 1068	Замбия (1963—1965)	+ 124
Цейлон	+ 32	Гвiana	+ 191
Индия	+ 68	Турция (1961—1965)	+ 81
Малайзия (Малайя)	+ 278		

Конечно, эти данные неточны и пригодны только для оценки общей тенденции, ибо их абсолютное значение, несомненно, в большей степени зависит и от улучшения учета безработных, и от расширения сети регистрационных пунктов, и от растущей популярности среди город-

ского населения поиска работы через биржи труда, т. е. от факторов, непосредственно не связанных с динамикой занятости.

Непрерывное увеличение безработицы и неполной занятости происходит главным образом из-за быстрого умножения численности экономически активного населения при отстающем росте экономики, которая не успевает обеспечивать работой все новые и новые контингенты трудящихся, а также сокращать ранее существующую трудоизбыточность. Поскольку в настоящее время рабочая армия в развивающихся странах пополняется молодежью вдвое быстрее, чем происходит ее сокращение из-за смертности лиц в трудоспособном возрасте, постарения и других причин, требуются новые рабочие места примерно для половины молодых людей, впервые вступающих на арену трудовой деятельности. В будущем положение станет еще более сложным, так как, по имеющимся перспективным расчетам, после 1980 г. необходимо будет обеспечивать новыми рабочими местами уже две трети молодого пополнения рабочей силы [35, стр. 18]. В частности, в Азии численность рабочей силы предположительно увеличится с 600 млн. человек в 1960 г. до примерно 936 млн. в 1980 г.; иными словами, за двадцатидесятилетие здесь потребуются создать приблизительно 336 млн. новых рабочих мест [39, стр. 35].

Однако эта задача пока остается непосильной для развивающихся стран, несмотря на то, что многие из них после завоевания независимости добились определенных экономических успехов. Так, в Индии, где в ходе выполнения трех пятилетних планов (с 1951 по март 1966 г.) среднегодовые темпы экономического роста составили свыше 3% и значительно возросла мощность промышленного производства, одновременно произошло дальнейшее обострение проблемы занятости. С 1951 по 1961 г. численность рабочей силы возросла здесь со 141 млн. до 188 млн. человек, т. е. на 47 млн. человек, и, хотя увеличение занятости было одной из главных целей второго пятилетнего плана (1956—1961 гг.); официально зарегистрированное число безработных выросло с 5,3 млн. до примерно 8 млн. [301, стр. 3—4]. В период третьего пятилетнего плана (1961—1966 гг.) эта цифра возросла еще больше; по расчетам плановой комиссии индийского правительства, предполагалось создать 13 млн. дополнительных рабочих вакансий, в то время как ожидаемое

увеличение рабочей силы оценивалось в 17 млн. человек [301; стр. 3; 373, 28. II. 1965, стр. 4]. Правда, в конце этого периода официально было сообщено о наличии в стране меньшего числа безработных, чем следовало из вышеприведенных данных: в опубликованном проекте четвертого пятилетнего плана на 1966—1971 гг. говорилось только о 9—10 млн. полностью безработных в 1966 г., из которых около $\frac{3}{4}$ находились в сельской местности. Вместе с тем в проекте указывалось, что за период действия четвертого пятилетнего плана намечаемое увеличение занятости вне сельского хозяйства составит примерно 14 млн. дополнительных рабочих мест и в сельском хозяйстве — от 4,5 млн. до 5 млн., т. е. всего 18,5—19 млн., тогда как ~~какой-то~~ прирост рабочей силы ожидался в размере 23 млн. человек. Иными словами, согласно этим оценкам плановой комиссии, безработица в Индии возрастет за текущее пятилетие на 4—4,5 млн. человек и достигнет к 1971 г. 13—14,5 млн. человек [74, стр. 9—10].

С различной степенью интенсивности этот процесс проявляется и в других развивающихся странах. Можно еще привести пример ОАР, которая добилась очень высоких темпов промышленного развития в первое десятилетие своего существования: среднегодовой рост ее продукции (без учета стоимости продукции предприятий пищевой промышленности, типографий и некоторых других) равнялся 10,5%. Но даже эти исключительные по сравнению с другими освободившимися странами темпы были недостаточны, чтобы решить проблему занятости при сложившейся демографической ситуации. С 1952 по 1960 г. число работающих на предприятиях, где занято от 10 рабочих и более, увеличилось на 53 тыс., но среднегодовой прирост рабочей силы достигал 180 тыс., т. е. был в 27 раз больше, чем возросшее в связи с новым промышленным строительством число рабочих мест [332, стр. 173].

Большая часть новых пополнений рабочей силы развивающихся стран оседает в деревне, и без того перенасыщенной трудовыми ресурсами. Среднегодовые темпы увеличения экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве Индии, Пакистана, Индонезии, Таиланда и некоторых других азиатских стран, в большинстве стран Тропической Африки и отдельных латиноамериканских стран, таких, как Парагвай и Эквадор, достигли и даже превысили 3%, вследствие чего доля этой

категории рабочей силы в общей ее численности или остается на прежнем высоком уровне, или несколько повышается. В некоторых странах, например, в Малайзии, на Филиппинах, в ОАР, в Бразилии, Венесуэле, занятая в сельском хозяйстве рабочая сила растет несколько медленнее, на 0,9—2,9% в год, и наблюдается небольшое сокращение ее доли. И лишь немногие страны, главным образом в Латинской Америке, переживают довольно значительное сокращение относительной величины рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, хотя в абсолютных размерах она продолжает увеличиваться.

Обостряющаяся проблема безработицы все больше беспокоит правительства развивающихся стран. Многие из них рассматривают решение этой проблемы в качестве первоочередной задачи экономического развития и соответственно формулируют свои народнохозяйственные планы — как, например, записано в преамбуле десятилетнего плана Цейлона — «преимущественно в показателях занятости». Главные надежды при этом обычно возлагают на мероприятия, направленные на расширение трудоемких отраслей производства и осуществление различных программ общественных работ.

Последние предусматривают более рациональное использование трудовых ресурсов города и деревни путем организации, особенно в периоды сельскохозяйственного межсезонья, массовых кампаний по сооружению водохранилищ и ирригационных каналов, осушению заболоченных земель, террасированию горных склонов и лесопосадкам для предотвращения эрозии почвы, строительству дорог, школьных, больничных и складских зданий и т. п. Кроме того, создаются специальные трудовые отряды молодежи, в которых производственные мероприятия сочетаются с общеобразовательным и профессиональным обучением, а также с государственной помощью проводятся массовые переселения крестьян из трудоизбыточных районов на вновь осваиваемые земли.

На практике, однако, подобные программы общественных работ имеют, как правило, весьма ограниченный эффект из-за финансовых, материально-технических и организационных трудностей. Об этом свидетельствует уже приводившийся выше пример о переселенческой деятельности индонезийского правительства. Тем более они не могут освободить развивающиеся страны от необходимости максимальных усилий в общеэкономическом строи-

тельстве, от которого в конечном итоге зависит успешное решение проблемы занятости. Разумеется, это отнюдь не означает их полную бесполезность. В качестве временных, вспомогательных мер общественные работы при определенных условиях могут быть целесообразными не только в экономическом, но также в политическом и социальном отношениях.

То же самое с еще большим основанием следует сказать относительно курса на поощрение мелкой промышленности и ремесленного производства, включенного в народнохозяйственные планы многих развивающихся стран. Так, в пятилетнем плане Сомали на 1963—1967 гг. было записано, что одной из основных «социальных и экономических целей» является развитие наряду с фабрично-заводской промышленностью также мелкой промышленности и ремесел. В шестилетнем плане Кении (1964—1970 гг.) первоочередное внимание уделялось проектам сооружения предприятий, где высока трудоемкость. Поддержка мелкой промышленности составляет важное направление экономической политики индийского правительства. В проекте третьего пятилетнего плана Индии говорилось: «Подход и политику, изложенные во втором плане, по отношению к деревенской и мелкой промышленности как прогрессивному и децентрализованному сектору экономики следует не только продолжить, но и усилить на основе опыта, полученного во время осуществления программы второго пятилетнего плана. Следует полностью использовать потенциал этой промышленности для решения проблем безработицы и неполной занятости в сельских и городских районах и для обеспечения дохода и работы специфическим группам населения, как-то: образованным безработным, беженцам, лицам, выселенным из трущоб, лицам из особых каст и племен, безземельным крестьянам» [цит. по 137, стр. 158].

С точки зрения текущих потребностей смягчения проблемы безработицы и неполной занятости поддержка мелкой промышленности и кустарно-ремесленного производства вполне оправдана, если она не противопоставляется политике преимущественного роста современной фабрично-заводской промышленности. Дело в том, что последняя в условиях экономической отсталости далеко не сразу становится главным потребителем рабочей силы. Необходимо достаточно длительное время, пока промышленный сектор достигнет в своем развитии такого

уровня, при котором (подобно тому, как это имеет место в развитых странах) начнет поглощать весь прирост рабочей силы, в результате чего произойдет вначале сокращение доли занятых в сельском хозяйстве (в Японии такой уровень был достигнут только к середине 50-х годов, когда удельный вес обрабатывающей промышленности в национальном доходе достиг примерно 32%). На начальном этапе индустриализации даже при ее высоких темпах промышленный сектор из-за своей узкой исходной базы не в состоянии оказывать решающего влияния на общее состояние занятости быстро растущего экономически активного населения.

Более того, сооружение крупных механизированных промышленных предприятий, особенно предприятий тяжелой индустрии, переход к новой технологии и введение в эксплуатацию более производительного оборудования и т. п. ведут к относительному, а иногда и абсолютному снижению спроса на рабочую силу со стороны развивающейся фабрично-заводской промышленности.

Вот почему на начальном этапе индустриализации в условиях, характерных для экономически отсталых стран, при избытке трудовых ресурсов и недостатке производительных капиталов мелкое и кустарное производство с его высокой трудоемкостью и низкой капиталоемкостью может быть полезным для поддержания уровня занятости и для облегчения маневра при промышленном инвестировании, позволяя развивать в первую очередь только ключевые объекты фабрично-заводского производства.

«Нынешняя роль мелкой промышленности заключается, на наш взгляд, в том, — пишет С. А. Кузьмин, автор интересного исследования проблемы занятости и капиталовложений в развивающихся странах, — что она позволяет не спешить с развитием некоторых отраслей и предприятий, поставляя основным отраслям подсобную продукцию на протяжении всего переходного периода к развитой экономике. Кроме того, что такое „подсобное“ использование маломеханизированных форм будет обеспечивать недостающее производство ряда продуктов, оно также существенно увеличит общую занятость, а следовательно, и размеры национального дохода» [137; стр. 187].

Маломеханизированное, трудоинтенсивное производство имеет все еще значительные возможности в ткачест-

ве, деревообработке, простейших видах металлообработки, изготовлении одежды и обуви, вязаных и плетеных товаров, пищевых продуктов, керамики, предметов традиционных художественных промыслов. Даже в фабрично-заводской промышленности остается место для широкого применения ручного труда на всякого рода вспомогательных операциях, таких, как сортировка, упаковка товаров и т. п.

Мелкое производство может также способствовать некоторому улучшению использования избыточной деревенской рабочей силы и сокращению больших трудовых потерь из-за сезонного характера сельского хозяйства путем строительства в сельской местности предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и производству стройматериалов, организации подсобных промыслов, по производству изделий с учетом местных сырьевых ресурсов и традиций, а также создания филиалов крупных городских промышленных предприятий в виде небольших мастерских с низкой потребностью в капитальных затратах, в сырье и транспортных расходах, но относительно высокой стоимостью готовой продукции.

Конечно, еще более значительные возможности для смягчения аграрного перенаселения, повышения уровня занятости внутри самой деревни и тем самым некоторого ограничения массовой миграции рабочей силы в города могли бы создать прогрессивные аграрные преобразования. Наделение земель безземельных и малоземельных крестьян, отмена системы кабальной аренды, ликвидация ростовщичества и различных феодальных повинностей крестьянства открывают путь для внедрения в сельскохозяйственное производство новой агротехники, способствующей более полному использованию трудовых ресурсов. Так, расширение поливного земледелия с применением сортовых семян и химических удобрений увеличит занятость, поскольку потребуются больше затрачивать времени на обработку почвы и уход за посевами; внедрение в сельскохозяйственную практику новых трудоемких коммерческих культур и продление периода сельскохозяйственных работ за счет перехода от однократного к двух- и трехкратным посевам и сборам урожая в течение года потребуют дополнительных рабочих рук и т. д. В одном исследовании проблем избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве отмечалось, что проведенные в Индии в 50-х годах ирригационные работы и вызванные ими из-

менения в сельскохозяйственной практике привели к повышению трудовых затрат на единицу обрабатываемой площади в 2,4 раза. Если к этому добавить возможный эффект от наметившейся за последнее время тенденции к расширению посевов новых, более трудоемких культур, то, по мнению автора исследования, эти трудовые затраты могли бы увеличиться примерно в 3,6 раза [331, стр. 830].

Тем не менее даже самая полная реализация всех этих потенциальных возможностей увеличения занятости в сельскохозяйственной сфере при существующем и ожидаемом приросте рабочей силы может на некоторое время лишь затормозить, ослабить процесс обострения проблемы трудоизбыточности деревни, но отнюдь не уменьшить ее сколько-нибудь существенным образом, не говоря уж об окончательном решении. Возможности сельского хозяйства в этом смысле имеют пределы, прежде всего из-за естественной ограниченности земельных фондов. В перспективе потенциальная трудоемкость сельскохозяйственного производства будет исчерпана, и, если к тому времени развитие других отраслей экономики, в первую очередь промышленности, не достигнет уровня, обеспечивающего массовый и постоянный спрос на рабочую силу, положение с занятостью окажется крайне серьезным.

Столь же временный и ограниченный характер по своему воздействию на проблему занятости имеют и мероприятия в области трудоемкого и маломеханизированного промышленного производства. Живая рабочая сила, какой бы дешевой она ни была, лишь до определенного предела может компенсировать в процессе производства отсутствие современных орудий труда. Принятые рядом правительств развивающихся стран программы поддержки трудоемкого мелкого производства при своем осуществлении постоянно наталкиваются на противодействующую тенденцию, вызываемую потребностью в усовершенствовании технологии, применением более современных машин и механизмов и других капиталоемких форм производства в связи с изменением характера спроса на внутреннем и внешнем рынке, низким качеством производимых продуктов, неэкономным расходованием сырья и полуфабрикатов, которые зачастую приобретаются по дорогим ценам за границей. Иногда предпочтение капиталоемким методам перед трудоин-

тенсивными диктуется отсутствием элементарно подготовленных для производства кадров и нежелательной необходимостью тратить значительное время и средства на их обучение.

Но главное, конечно, в том, что без технического прогресса, без значительного повышения общественной производительности труда (а такое повышение невозможно на базе трудоинтенсивной маломеханизированной мелкой промышленности) развивающиеся страны никогда не смогут преодолеть свою экономическую отсталость и добиться сколько-нибудь существенного улучшения жизненных условий широких народных масс. Только интенсивная индустриализация с упором на создание собственного производства средств производства в сочетании с глубокими социальными преобразованиями способна вызвать экономический подъем, модернизировать отсталую, унаследованную от колониальных времен хозяйственную структуру и вызвать нарастающий спрос на рабочую силу не только в промышленности, но и в других несельскохозяйственных отраслях экономики.

Вместе с тем быстрый экономический рост и сдвиги в экономической структуре неизбежно повлекут за собой благоприятные демографические изменения, как структурные, так и динамические. В результате расширения занятости, включая женскую, в несельскохозяйственных отраслях за счет сельского хозяйства, улучшения жизненных условий, народного образования и здравоохранения, а также возникновения других важных экономических, социальных и культурных перемен произойдет ослабление традиций многодетности и, как следствие, снизится рождаемость. Этот процесс может быть еще более ускорен применением социальной демографической политики по ограничению рождаемости, что приведет динамику роста населения развивающихся стран в соответствие с «минимальным» вариантом демографического прогноза ООН. Только при такой ситуации, т. е. при сочетании быстрого экономического роста развивающихся стран с применением в этих странах эффективной демографической политики, впервые возникнет реальная перспектива решения проблемы занятости, поскольку увеличение спроса на рабочую силу будет происходить в условиях значительно сократившегося прибавления трудовых ресурсов.

Согласно расчетам доктора Мацуры, директора отде-

ла, народонаселения, департамента экономических и социальных дел ООН, если бы среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта поднялись в развивающихся странах до 7% в 1975—1980 гг., а темпы роста населения снизились до уровня, предусмотренного «минимальным» вариантом демографического прогноза (и соответственно величина внутреннего продукта на душу населения достигла бы 251 долл. к 1980 г. в ценах 1960 г., увеличиваясь среднегодовыми темпами в 4,1% за 1975—1980 гг.), то после 1980 г. численность и структура населения могла бы измениться следующим образом по сравнению с приведенными выше оценками, исходящими из предположений умеренного экономического роста и увеличения населения в соответствии со «средним» вариантом демографического прогноза ООН (табл. 15).

Таблица 15

Изменения в структуре населения развивающихся стран в 1980 — 2000 гг. в случае быстрого экономического развития и «минимального» роста населения*

	1980 г.		2000 г.	
	млн.	%	млн.	%
Трудоспособное население (в возрасте 15 — 64 лет)	1769	56,4	2576	62,0
Экономически активное население	1238	39,9	1745	42,0
в сельском хозяйстве	800	65,0	800	46,0
в промышленности	190	15,0	425	24,0
в торговле и сфере услуг	248	20,0	520	30,0
Экономически неактивное население	1869	60,1	2410	58,0
Население, для которого главный источник существования:				
сельское хозяйство	1872	60,0	1760	42,0
несельскохозяйственные отрасли	1264	40,0	2395	58,0

* [319, стр. 24—27].

За двадцать лет, с 1980 по 2000 г., прирост общей численности населения оказался бы меньше на 533 млн., прирост населения в трудоспособном возрасте — меньше на 266 млн. и прирост экономически активного населения — меньше на 139 млн. человек. В то же время доля экономически активного населения во всем населении повысилась бы к 2000 г. до 42% вместо 40,6% при соот-

ветствующем уменьшении коэффициента иждивенчества, причем это повышение доли явилось бы результатом не только изменения возрастного состава населения, но и повышения женской экономической активности. В профессиональном составе населения произошла бы стабилизация численности рабочей силы в сельском хозяйстве, а ее доля во всем экономически активном населении снизилась бы с 65% в 1980 г. до 46% в 2000 г.; зато численность рабочей силы в несельскохозяйственных отраслях экономики увеличилась бы за этот период на 507 млн. Еще более заметно изменилась бы абсолютная и относительная величина населения, зависящего от сельского хозяйства как главного источника существования: с 1980 по 2000 г. она уменьшилась бы на 112 млн. человек, а ее доля сократилась бы с 60 до 42%.

Проблема образования и подготовки

квалифицированных кадров

Демографические затруднения развивающихся стран в области использования трудовых ресурсов имеют помимо количественного аспекта также весьма важный качественный аспект. Задача быстрого экономического подъема, модернизации народного хозяйства настоятельно требует решения вопроса о кадрах, поскольку современные механизированные отрасли производства предъявляют спрос не просто на рабочую силу в ее численном выражении, но и на рабочую силу определенной квалификации, обладающую необходимыми производственными навыками. Между тем из-за унаследованной от эпохи колониализма культурной отсталости воспроизводство трудовых ресурсов происходит в развивающихся странах преимущественно за счет роста необученных, лишенных профессиональной подготовки работников, что наряду с общим избытком дешевой рабочей силы становится серьезным препятствием к росту производительности труда.

При тяжелой и все более усиливающейся безработице и неполной занятости развивающиеся страны испытывают острую нехватку в специалистах. Государственным административным органам и современным отраслям экономики недостает подготовленного руководящего персонала, экономистов, финансистов, плановиков, инженеров и т. д. и особенно средних технических работников.

Сложившееся положение получило в материалах ООН следующую краткую характеристику: «Слишком мало квалифицированных людей и слишком много неквалифицированных». К 1968 г. в развивающихся странах насчитывалось около 1600 млн. человек без образования и не имеющих профессиональной подготовки, в том числе 800 млн. были совсем неграмотными [30, стр. 2—3]. В большинстве развивающихся стран Азии доля работников, обладающих профессиональной и технической подготовкой, составляла не более 2% общей численности экономически активного населения и ни в одной из них (за исключением Сингапура) не достигала 5% [67, стр. 111].

Такое положение чревато самыми отрицательными последствиями для социально-экономического развития, поскольку технические знания, передовые производственные навыки, организаторские способности и другие качественные возможности людей, составляющих трудовые ресурсы общества, являются не менее важными факторами общественного прогресса, чем состояние технической оснащённости производства. Так, по некоторым оценкам, до $\frac{3}{5}$ общего прироста продукции в США после 1929 г. следует отнести на счёт подобного рода факторов*. В частности, за 1940—1960 гг. американское сель-

* Эта оценка американского экономиста Денисона взята из статьи советского социолога Э. Араб-Оглы [357, 8.1.1969, стр. 13], в которой содержалось также следующее важное рассуждение: «Что бы произошло, если бы в один прекрасный день все машины, все орудия производства, включая самое современное оборудование, были вывезены, скажем, из Швеции в Гану, а техника Ганы — в Швецию? К чему бы привела такая, выражаясь языком шахматистов, гипотетическая рокировка? Если бы главной производительной силой общества были машины, а не люди, то следовало бы ожидать, что Гана оказалась бы несравненно более развитой в экономическом отношении страной, чем Швеция, низведенная этой операцией до уровня одной из наиболее отсталых в мире. Однако результат, по всей вероятности, оказался бы совершенно иным. Спустя десятилетие или два после подобной «рокировки» мы обнаружили бы, что машины, перемещенные в Гану, в своем подавляющем большинстве превратились в лом, ибо, на них просто некому было бы работать — Гана пока не располагает соответствующими квалифицированными кадрами, и за десятилетие их нельзя подготовить. Шведы же ценой больших усилий наверняка сумели бы создать необходимые им машины, может быть, даже более совершенные, чем у них были прежде. Парадокс объяснялся бы просто: в конечном счёте не машины порождают людей на своём уровне техники, а наоборот, люди создают машины, соответствующие их уровню технических и научных знаний».

скохозяйственное производство увеличилось примерно на 50%, тогда как объем капиталовложений в сельское хозяйство — только на 5% [213, стр. 5—6]. Главным послужило развитие агротехнической науки и широкое распространение прикладных агротехнических знаний.

Для развивающихся стран значение культуры, образования, конечно, выходит далеко за рамки чисто экономических задач. Это один из важнейших политических факторов, состояние которого в большой степени определяет, насколько быстро и последовательно освободившиеся страны смогут продвигаться по пути, открытому национально-освободительными революциями. Образование способствует национальной и социальной интеграции населения, повышает его социальную мобильность и политическое самосознание, помогает все более широким слоям народных масс включаться в активную общественную жизнь, т. е. ускоряет процесс демократизации общества.

Возникновение системы массового школьного образования, первых национальных высших учебных заведений там, где их не было, развертывание широких кампаний по ликвидации неграмотности среди взрослых явилось в большинстве освободившихся стран одним из главных завоеваний национально-освободительных революций. Повсеместно были значительно увеличены бюджетные ассигнования на народное просвещение, и многие правительства объявили своей ближайшей целью введение законодательства о всеобщем обязательном обучении.

В относительном выражении развивающиеся страны затрачивают на образование не меньше, а в ряде случаев даже больше, чем развитые страны. Согласно региональным оценкам ЮНЕСКО, среднегодовая доля бюджетных расходов по этой статье равнялась в 1962—1966 гг. для стран: Европы и Северной Америки 14,5%, Азии 13,8%, Африки 15,7%, Латинской Америки 17,9% и отдельно для арабских стран 18,1% при среднем показателе для всего мира 15,3%. Затраты развивающихся стран на образование поглощают от 1,5% до 6% их национальных доходов, в том числе, по данным на середину 60-х годов, в Бразилии 3%, Индии 2,8%, Иране 3,5%, Мексике 2,1%, ОАР 4,8%, Пакистане 1,7%, Цейлоне 4,7%, Чили 3,6% [74, стр. 22—24].

Демократизация обучения выразилась в резком увеличении числа учащихся, причем если в абсолютном вы-

ражении особенно быстро росла начальная школа, то более высокие темпы роста отмечались на среднем и высшем уровнях образования, поскольку их исходная база была исключительно узкой. Так, в Азии (без Ближнего Востока) среднегодовой прирост численности учащихся в 1955—1963 гг. составлял в начальной школе 6,4%, в средней школе 9,2% и в высшей школе 9,1%; соответственно в Латинской Америке в 1956—1965 гг. — 5,8, 11,1 и 9,2%; в арабских странах в 1960—1965 гг. — в начальной школе 9% и в средней 12% [67, стр. 60, 118, 144]. Весьма примечательно то обстоятельство, что численность учащихся девушек росла по темпам быстрее, чем юношей, в результате постепенного ослабления традиционного общественного неравноправия женщин и облегчения им доступа к образованию. В Африке в 1965 г. девушки уже составляли свыше 25% учащихся начальных школ и 22% — средних школ [67, стр. 160].

По оценке ЮНЕСКО, число учащихся в начальной и средней школе развивающихся стран выросло с 1958 по 1965 г. более чем на 70 млн., или примерно на 64%, достигнув 180 млн. Предполагалось, что это число вырастет к 1970 г. примерно еще на 70 млн., или на 37%, и составит 250 млн. [360, 1969, № 6 стр. 118].

Успехи в народном образовании, достигнутые за годы независимого государственного существования освободившимися странами, несомненно, велики, но не менее велики и те нерешенные задачи и непреодоленные трудности, которые все еще остаются в этой области. Так, правительству ОАР ценой больших усилий удалось за десятилетие с 1952 по 1962 г. удвоить число детей, охваченных учебой; и все же за порогом школы осталось 38% детей школьного возраста (от 6 до 12 лет) [332, стр. 173]. В Азии в районе ЭКАДВ в 1962 г. не учились 44% детей в возрасте от 6 до 12 лет и 83,6% детей в возрасте 13—15 лет [39, стр. 30]. В Алжирской республике за годы независимости доля школьников в общем числе детей школьного возраста увеличилась с 14% в 1954 г. до примерно 50% в 1967 г., т. е. половина детей все еще не посещала школу [362, 28.IX.1967]. В целом во всем развивающемся мире, по оценкам ООН, к 1968 г. не училось около 40% детей школьного возраста [74, стр. 22].

«Низкий исходный уровень всегда создает преувеличенное представление о действительных масштабах роста, — писал советский исследователь проблемы образо-

вания в третьем мире Г. Е. Скоров. — Образование в этом отношении не является исключением. Поскольку подавляющее большинство развивающихся стран начинало с уровня, близкого к нулевому, реальный результат двухкратного и даже трехкратного количественного роста школы менее значителен, чем это может показаться с первого взгляда» [360, 1969, № 6, стр. 119].

Следует также иметь в виду, что показатели охвата детей и подростков школьным образованием далеко не соответствуют показателю действительно оканчивающих школы. Большая доля школьников не справляется с учебой и бросает школу главным образом из-за низкого жизненного уровня родителей, которые не имеют средств для покрытия школьных расходов и вынуждены отрывать детей от учебы на сельскохозяйственные или другие работы для подкрепления материального положения семьи. В некоторых странах Азии отсев в первые четыре года начальной школы доходит до 80% и более числа первоначально поступивших учиться, и доля свыше 50% является обычной. Отсев девочек выше, чем мальчиков, и больше в сельских районах, нежели в городах. В Латинской Америке, если судить по относительной величине учащихся, оканчивающих последние классы школы, эффективность школьной системы почти не повышается. В 1957 г. по всему региону в целом из общего числа детей, обучающихся в начальной школе, 41% приходился на первые классы и только 7% — на последние; в 1965 г. эти показатели соответственно равнялись 38 и 8%. Причем доля учащихся в последних классах сельских начальных школ была вдвое меньше, чем в городских. По имеющимся оценкам, в арабских странах отсев и второгодничество учащихся поглощают около трети всех государственных расходов на просвещение [67, стр. 118, 144, 168]. «За последние десять лет или около этого стало все более и более ясным, — говорилось в обзоре ЮНЕСКО, изданном в Париже в 1968 г., — что проблемы отсева учащихся и второгодничества достигли во многих развивающихся странах размеров, угрожающих аннулировать или по крайней мере очень сильно задержать увеличение учащихся, которое достигнуто ценой тяжелых финансовых усилий».

Однако экономический эффект системы образования в развивающихся странах намного больше снижает то обстоятельство, что школы, как правило, не дают своим

выпускникам полезных практических навыков, и это крайне ограничивает возможность их профессионального использования. Одна из главных причин заключается в нехватке квалифицированных преподавателей, особенно в области естественных и технических дисциплин, а также надлежащим образом обученных инструкторов по профессиональной подготовке. В результате, несмотря на значительное расширение школьного образования, народное хозяйство продолжает испытывать острую потребность в квалифицированных специалистах средней квалификации, а молодежь, оканчивающая школы, в значительном большинстве не находит работы и пополняет ряды безработных и полубезработных.

Отсутствие подкрепленной материальными стимулами профессиональной ориентации, надлежащей связи между программой обучения и нуждами народного хозяйства в большой степени присуще и высшим учебным заведениям развивающихся стран. Например, на Ближнем Востоке в 1965 г. от 60 до 80% студентов изучали искусство и гуманитарные науки, тогда как задачи государственного строительства требовали первоочередного внимания к подготовке специалистов в области естественных и прикладных наук [67, стр. 168].

Но даже и действительно необходимые с точки зрения насущных потребностей экономического развития квалифицированные специалисты далеко не всегда могут найти работу из-за отсутствия фактических возможностей для их производительного использования. Так, в Бирме в 1962—1963 гг. около 40% инженеров-механиков и инженеров-электриков не могли получить работу по специальности; в Индии в конце 1968 г. насчитывалось около 60 тыс. безработных инженеров и техников; в Таиланде безработные среди выпускников университета и средних специальных учебных заведений составляли почти 40%; на Филиппинах одних только безработных с университетским дипломом насчитывалось около 35 тыс. и т. д. [358, 1969, № 6, стр. 24—25].

К этому надо добавить, что из-за общего низкого жизненного уровня, несовершенной структуры заработной платы, трудностей должностного продвижения, в частности по причине сохраняющихся сильных социальных, религиозных, кастовых и тому подобных предрассудков, столь необходимые для развивающихся стран малочисленные местные научно-технические специалисты за-

частую эмигрируют за границу или, если они оканчивают зарубежные высшие учебные заведения, предпочитают не возвращаться на родину и подыскивают себе работу в экономически развитых странах. В отдельные годы некоторые страны «третьего мира» теряют таким образом до 85% посланных ими на учебу молодых людей. Особенно часты случаи невозвращения на родину среди студентов Индии, Пакистана, Ирана. Например, с 1957 по 1965 г. 6526 молодых иранцев были направлены в США для продолжения образования. Из них 3802 человека, или 58%, в том числе 1108 инженеров, врачей, экономистов и различных других технических специалистов, завершив учебу, приняли американское гражданство [362, 23.IV.1968].

США особенно интенсивно выкачивают специалистов из развивающихся стран. С 1957 по 1961 г. туда переехало из стран Азии 1810 инженеров, 231 химик, 61 врач и 40 биологов, из Латинской Америки — 1556 инженеров, 213 химиков, 21 врач и 47 биологов. По неполным данным, с 1957 по 1967 г. включительно в Соединенные Штаты из развивающихся стран переехало около 30 тыс. специалистов [360, 1969, № 7, стр. 50, 52]. Стараются не отстать от США в этой «охоте за умами» также Англия, Франция, ФРГ и некоторые другие развитые капиталистические государства. Касаясь этой проблемы, индийская газета «Нэшнл Геральд» с горечью писала: «На подготовку квалифицированного специалиста каждое государство затрачивает примерно 20 тыс. долларов. Таким образом, утечка специалистов из развивающихся стран, которая достигла в 1966 году 4300 человек, эквивалентна „иностранный помощи“ Соединенным Штатам в размере 86 миллионов долларов. Для развивающихся стран это весьма накладно» [цит. по 353, 1968, № 11, стр. 23].

Тяжелое положение развивающихся стран в области образования и подготовки квалифицированных кадров необычайно осложняется действием демографических факторов. При сохраняющейся высокой рождаемости значительное снижение детской смертности приводит к тому, что ежегодно школьного возраста достигают все более и более многочисленные контингенты детей. Ожидается, что в предстоящем десятилетии, с 1970 по 1980 г., среднегодовые темпы этого прироста будут равняться 2,5% в Азии, 2,7% в Африке и 3% в Латинской Америке, в результате чего общая численность детей школьного возраста

ста (5—14 лет) возрастет к 1980 г. до 775 млн., т. е. увеличится на 288 млн. по сравнению с 1960 г. [74, стр. 25; 319, стр. 12].

Соответственно быстро растет дополнительная потребность в школьных помещениях и школьном оборудовании, учебных пособиях и учителях. Поскольку органы просвещения развивающихся стран, как правило, не успевают удовлетворять эти потребности, учебный процесс ухудшается: школы оказываются переполненными учениками, преподавателей не хватает, и уроки зачастую ведут малоподготовленные люди, что снижает качество преподавания и, соответственно, подготовленность выпускников. По предварительным расчетам, в Азии, Африке и Латинской Америке за пять лет, с 1965 по 1970 г., потребовалось дополнительно 2,4 млн. преподавателей для начальных школ и 965 тыс. для средних школ.

Во многих странах все дальше отодвигаются сроки введения всеобщего образования для детей. Так, в Южной и Восточной Азии из-за высокого естественного прироста населения в 1980 г. все еще не будет учиться 74 млн. детей школьного возраста, в том числе 15 млн. в возрасте 6—12 лет и 59 млн. в возрасте 13—15 лет, хотя общее число школьников возрастет по сравнению с 1962 г. чуть ли не в три раза (с 98 млн. до 269 млн.) [39, стр. 30].

Точно так же высокий естественный прирост населения снижает эффект мероприятий по ликвидации неграмотности среди взрослых. Несмотря на все усилия, абсолютная численность неграмотных не только не уменьшается, но продолжает возрастать. Как отмечалось в подготовленном Экономическим и социальным советом ООН обзоре мирового социального положения к 1967 г., в период с 1960 по 1965 г. относительная величина неграмотных в мире уменьшилась с 44,3 до 39,3%, но абсолютная величина выросла (практически за счет развивающихся стран) на 40 млн. [29, стр. 11]. И если в 1950 г. в развивающихся странах насчитывалось 700 млн. неграмотных, то к 1970 г. их число уже превысило 800 млн. [74, стр. 25]. Фактически положение еще хуже, поскольку многие из тех, кого статистика причисляет к «ликвидировавшим свою неграмотность» при помощи краткосрочных курсов, из-за сохраняющейся общей культурной отсталости спустя непродолжительное время вновь разучиваются читать и писать.

Не находя выхода из сложившегося положения и не имея возможности увеличивать бюджетные ассигнования на дальнейшее расширение системы народного образования, правительства некоторых развивающихся стран (в основном африканских) всё больше склоняются к намерению временно отказаться от задачи введения всеобщего начального образования для детей и ликвидации неграмотности среди взрослых. Вместо этого предполагается усилить подготовку в средних школах с естественно-технической специализацией за счет сокращения приема в начальную школу и перейти к системе ликвидации неграмотности среди взрослых выборочным методом, т. е. отказаться от массовых кампаний и сосредоточить внимание только на тех группах населения, которые в силу своего особого профессионального положения имеют вполне определенную, осознанную потребность в обучении грамоте.

Конечно, в современных условиях такой утилитарный подход к образованию может временно несколько облегчить положение с квалифицированными кадрами, но в целом задержка с переходом к всеобщему школьному образованию и всеобщей ликвидации неграмотности среди взрослых будет означать замедление социального прогресса со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями для главных целей экономического развития, в том числе в области занятости.

Что же касается демографической стороны вопроса, то сохранение высокого уровня неграмотности населения, особенно женского, будет служить одним из главных препятствий к снижению высокой рождаемости и, следовательно, высоких темпов демографического роста. Проведенное в Индии в 1960/61 г. выборочное обследование показало отчетливую обратную зависимость интенсивности деторождений и уровня образования матерей: неграмотные или получившие начальное образование имели в среднем 6,6 детей, получившие среднее образование — 5 детей, поступившие в высшие учебные заведения — 4,6 детей и проучившиеся в высших заведениях более двух лет имели только двух детей [331а, стр. 9]. Как справедливо отмечалось в одном исследовании влияния образования на рождаемость, «повышающийся уровень образования, возросшая посещаемость школ и устранение ранних браков оказывают намного более мощное воздействие на сокращение рождаемости, чем просто урбаниза-

ция и растущий уровень жизни. Главной движущей силой в контроле над рождаемостью является, по-видимому, образование» [3176, стр. 7].

ГЛАВА V

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ ВОПРОСЕ

Потребление продовольствия в развивающихся странах

Голод, хроническое недоедание широких народных масс в Азии, Африке и Латинской Америке — одни из самых тяжелых и трагических последствий эпохи колониализма. Анализируя генезис этого «ужасного социального бедствия», признанный авторитет по проблемам мирового голода бразильский ученый Жозуэ де Кастро подчеркивал, что «голод был порожден главным образом бесчеловечной эксплуатацией колоний и их богатств, системой латифундий и монокультурного хозяйства, которые истощали ресурсы колоний ради того, чтобы эксплуатирующая страна приобретала за бесценок сырье, необходимое для процветания ее промышленности» [128, стр. 33]. В современном продовольственном вопросе развивающихся стран находят свое концентрированное выражение такие обусловленные длительной колониальной и полуколониальной эксплуатацией социально-экономические факторы, как сохраняющиеся отсталая структура экономики с абсолютным преобладанием примитивного земледелия, тяжелое аграрное перенаселение, крайне низкий жизненный уровень населения, массовая неграмотность и т. д.

Согласно оценкам ФАО, опубликованным в 1963 г. в «Третьем обзоре мирового продовольственного положения», по меньшей мере 20% населения развивающихся стран постоянно недоедали и около 60% испытывали частичное или так называемое скрытое голодание, т. е. питались низкокачественной пищей, лишенной многих необходимых питательных компонентов. Для всего мира в целом доля голодающих определялась в 10—15% и доля страдающих от голода или некачественного питания, или от того и другого вместе — около 50% [71]. Но даже эти

весьма мрачные оценки рассматриваются некоторыми специалистами как слишком оптимистические. Например, французский ученый Мишель Сапед утверждал, что в мире не 10—15%, а больше трети или даже около половины людей страдают от недостаточной калорийности питания, т. е. от голода в самом узком смысле, и две трети — если учитывать питающихся некачественным продовольствием [356, 1962, № 7—8, стр. 20]. Последующие годы не принесли сколько-нибудь заметного улучшения в продовольственном потреблении населения развивающихся районов мира, и изданный Организацией Объединенных Наций «Доклад о мировом социальном положении за 1967 год» вновь отмечал, что «согласно оценкам, более половины населения этих районов не получает того количества продовольствия, которое необходимо для поддержания нормальной с медицинской точки зрения активной жизни» [29, стр. 7].

Низкий количественный показатель продовольственного потребления (выражаемый числом калорий среднего пищевого рациона на душу населения в сутки) — один из главных отличительных признаков экономической и социальной отсталости развивающихся стран по сравнению с развитыми странами мира. Среднее калорийное содержание пищи в большинстве развивающихся стран колеблется в пределах от 1800 до 2300 калорий на человека в день, тогда как в развитых странах оно составляет примерно 3000 калорий. Правда, значение этого разрыва между двумя группами стран может показаться не столь существенным, если оценивать его с точки зрения принятых в расчетах ООН (и указанных в табл. 16) норм рационального питания, дифференцированных по отдельным странам в зависимости от половозрастного состава их населения, данных о росте и весе «среднего» представителя каждой половозрастной группы, климатических условий и т. д. Согласно этим критериям, рациональная суточная норма питания, например, для «среднего» шведа, отличающегося большими ростом и весом и живущего в прохладном климате, определена в 2800 калорий, а для «среднего» гондурасца, сравнительно низкорослого обитателя жаркого климата, — только в 2120 калорий, что, следовательно, позволяет считать нынешнее калорийное содержание среднего пищевого рациона в Гондурасе почти нормальным. Насколько такой вывод был бы далек от реальной жиз-

**Оценочное калорийное содержание и содержание протеина
в среднем пищевом рационе в отдельных странах*,
на душу населения в сутки**

	Год	Калорийное содержание	Требуемое калорийное содержание	Процент калорийного содержания от требуемой нормы	Процент калорий, полученных от потребления хлебных злаков, корнеплодов, содержащих крахмал и сахар	Общее содержание протеина (брутто г)	Животный протеин (г)
Развитые страны							
Англия	1964/65	3300	2630	125	46,7	89,8	54,0
Италия	1964/65	2810	2460	114	58,0	81,5	32,3
США	1964	3140	2590	121	39,7	93,4	66,6
Франция	1963/64	3070	2530	121	46,8	100,3	58,0
ФРГ	1964/65	2920	2590	113	45,0	80,4	51,1
Швеция	1964/65	2950	2800	105	43,0	83,1	55,6
Развивающиеся страны							
Азия							
Индия	1963/64	1990	2220	90	79,5	50,1	6,4
Иран	1960	2050	2330	88	77,3	59,6	13,4
Пакистан	1963/64	2220	2270	98	80,3	50,6	9,7
Филиппины	1964	1990	2140	93	79,0	47,9	16,1
Цейлон	1964	2180	2190	99	74,1	38,1	8,9
Африка							
Мадагаскар	1962	2210	2220	99	89,8	48,2	8,0
Уганда	1961	2240	2320	97	75,6	54,4	10,4
Эфиопия	1961	2110	2210	95	72,3	71,1	19,5
Латинская Америка							
Аргентина	1962	2660	2550	104	48,7	77,2	52,9
Боливия	1961/63	1810	2400	75	82,7	47,3	11,5
Бразилия	1962	2850	2350	121	66,5	68,6	18,9
Гондурас	1962	2070	2120	98	62,7	53,0	12,3
Мексика	1962	2640	2360	112	70,2	73,4	23,8
Чили	1962	2370	2490	95	64,4	79,4	29,0
Эквадор	1960/61	1890	2320	81	67,3	48,5	17,0

* [67, стр. 36].

ни, можно проиллюстрировать на примере Бразилии. Известно, что «питание в Бразилии, — как свидетельствовал Жозуэ де Кастро, — одно из самых худших в мире». Между тем, если судить по оценкам ООН, калорийное содержание бразильского среднего пищевого рациона в 1962 г. равнялось 2850 калориям и было на 21% выше требуемой нормы (2350 калорий), т. е. бразильцы оказываются, «переедали» даже больше, чем шведы с их средним пищевым рационом в 2950 калорий! Конечно, в действительности дело обстоит совсем не так благополучно.

Прежде всего следует обратить внимание на существенный методологический порок упомянутого выше определения норм рационального питания — более высоких для развитых стран и меньших для развивающихся стран. Не отрицая разницы в продовольственных потребностях у людей с разным ростом и весом, нельзя вместе с тем игнорировать то весьма важное обстоятельство, что не какие-то расовые качества, а именно постоянное недостаточное питание из поколения в поколение обусловило в среднем пониженный рост и вес у народов развивающихся стран по сравнению с народами развитых стран. С общим необратимым улучшением питания в национальном масштабе обязательно возникает акселерация роста и веса уже в следующем поколении. Так произошло у народов Европы, где с середины прошлого века рост взрослого мужчины увеличился в среднем на 7—10 см; в нынешнем веке, особенно в послевоенный период, этот процесс наблюдается в Японии. Вот почему при разработке норм рационального питания для населения развивающихся стран необходимо учитывать потребность стимулирования физического развития, сдерживаемого недостаточным питанием, а также вносить поправку на ожидаемое в сравнительно недалеком будущем ускорение этого развития. Отнюдь не бесспорным является и другой критерий — климатические условия, — в соответствии с которым в расчетах ООН производится снижение норм рационального питания для развивающихся стран по сравнению с развитыми странами. Все большее число ученых приходит к выводу, что различия в климате не должны сколько-нибудь значительным образом сказываться на величине калорийного содержания нормального пищевого рациона.

Если нормы рационального питания в расчетах ООН

для развивающихся стран занижены, то оценки действительного калорийного содержания пищевых рационов скорее всего завышены. Дело в том, что эти оценки производятся, как правило, на основе данных об объеме внутреннего производства и импорта продовольствия. Для развитых стран такой метод подсчета, хотя и не достаточно точен, все же приемлем. Тем более что в условиях хорошо налаженного статистического учета всегда остается возможность для дополнительных корректировок. Но для развивающихся стран, где огромная часть продовольствия гибнет, не дойдя до потребителя из-за крайне несовершенных способов транспортировки, хранения и переработки (статистика учитывает эти потери лишь в незначительной степени, если вообще хоть как-то их учитывает), оценка потребления по размеру урожая всегда чревата опасностью весьма значительного преувеличения. Фактически общенациональный фонд продовольственного потребления в его количественном выражении, например, в подавляющем большинстве развивающихся стран Азии, по оценке советского экономиста В. Г. Растянникова, не менее чем на 20—25% ниже минимально необходимого [161, стр. 6]*.

Следует также учитывать, что средние цифры имеют разное реальное содержание применительно к развитым и развивающимся странам. Даже в таком наиболее обеспеченном продовольствием капиталистическом государстве, как США, за среднестатистическим показателем суточного продовольственного потребления в 3140 калорий (1964 г.) скрывалось весьма неодинаковое питание различных групп населения. По данным американской статистики, минимум пятая часть населения потребляла менее 2700 калорий в день; недостаток продовольствия

* В. Г. Растянников также обращает внимание на то, что показатели, полученные на основе валового продовольственного обеспечения, приходящегося на душу населения (вся продукция минус семенной фонд), видимо, довольно существенно завышены. Например, если в 1958—1960 гг. ФАО в качестве подушевой нормы продовольственного обеспечения дает для Турции 2820, а для ОАР 2530 калорий, то исследовательский центр департамента сельского хозяйства США, который более полно учитывает расходы продовольственного сырья в непотребительских целях (семена, потери, промышленное использование, корм для скота), приводит для того же примерно периода (1959—1961 гг.) другие цифры подушевого продовольственного обеспечения: 2600 калорий для Турции и 2330 для ОАР.

испытывало две трети населения южных штатов. Как сообщалось в президентском послании в январе 1961 г., в США голодало 17 млн. человек [166, стр. 29—30].

Что же касается развивающихся стран, то там эта скрытая средними цифрами неравномерность в распределении продовольственного потребления между отдельными районами и отдельными слоями населения существует в особенно резких формах. Поэтому данные о калорийном содержании среднего пищевого рациона населения развивающихся стран имеют по существу фиктивное значение, ибо они характеризуют потребление, — применяя слова В. И. Ленина, сказанные по поводу «среднего» крестьянского бюджета, — «выше среднего типа, т. е. изображают действительность в лучшем свете, чем она есть» [16, стр. 141].

Так, согласно оценкам, в Южной Индии в конце 50-х годов из общего числа крестьянских семей около трех четвертей имели пищевой рацион, содержащий менее 1600 калорий и менее 45 г протеина (белка) на человека в день. Обследование питания населения города Веллур штата Мадрас в течение 50-х годов показало, что беднейшие семьи с месячным доходом менее 35 рупий потребляли в среднем от 1520 до 1650 калорий и 36—42 г протеина на человека в день. В Чили, по данным выборочного обследования, беднейшие семьи с месячным доходом менее 64 долл. составляли четверть общего числа опрошенных, и их пищевой рацион содержал менее 1770 калорий и 50 г протеина в день на человека. То же показало и выборочное обследование в Северной Бразилии, где группа семей, квалифицированная как «очень бедные», потребляла в среднем 1606 калорий в день на человека [98, стр. 43—44].

Низкое калорийное содержание пищевого рациона подавляющей массы населения развивающихся стран самым пагубным образом сочетается с бедным качественным составом этого рациона, что также необходимо учитывать при сравнениях с развитыми странами. Для нормального функционирования человеческого организма пища должна обладать не просто минимумом калорийности, а всеми — в достаточном количестве и в правильном сочетании — основными питательными веществами: протеинами, жирами, углеводами, минеральными солями и витаминами, как растительного, так и животного происхождения. Но именно такого сочетания и недо-

стает в пищу населения развивающихся стран, калорийность которой на 75—90% обеспечивается потреблением таких сравнительно недорогих растительных продуктов, содержащих почти исключительно крахмал, как рис и другие зерновые, корнеплоды (батат, маниок, ямс) и пр. Напротив, в развитых странах эти растительные продукты обеспечивают только 40—50% калорийности среднего пищевого рациона; остальное приходится на богатые полноценными протеинами и жирами, разнообразными витаминами и минеральными веществами продукты животного происхождения: мясо, рыбу, яйца, молоко и молочные продукты и др. В целом объем протеина, потребляемого жителями Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии, по меньшей мере в три раза выше объема протеина, потребляемого жителями развивающихся стран [67, стр. 99]. В пищевом рационе последних на человека в сутки приходится 6—20 г животного протеина (при норме 35—45 г), причем из-за общей низкой калорийности пищи это небольшое количество протеина в основном расходуется не столько на главное — создание тканей, сколько на динамические потребности.

Различие между протеинами животного и растительного происхождения заключается в том, что первые содержат, как правило, достаточное количество всех основных аминокислот, а во вторых некоторые из этих основных аминокислот отсутствуют или имеются в недостаточном количестве*.

Неодинаковая питательная ценность продуктов с одинаковой калорийностью, но разного происхождения — животного и растительного — выражается при помощи условного коэффициента, примененного еще во время первого всемирного обследования уровней питания в 1934—1938 гг., результаты которого ФАО опубликовала в 1946 г. Согласно этому коэффициенту, семь «растительных калорий», скормленных животным, принимались

* Протеины состоят примерно из двадцати аминокислот, органических соединений, которые должны в необходимой пропорции присутствовать в организме для поддержания нормальных жизненных процессов. Из них восемь могут быть получены только в готовом виде с пищей, остальные способны синтезироваться в организме при различных реакциях между этими восьмью незаменимыми аминокислотами. Вот почему, если в пище отсутствует хотя бы одна основная аминокислота, эта пища уже не может служить полноценным источником питания.

за одну калорию, полученную в результате потребления продуктов животного происхождения. Следовательно, можно считать, что, например, дневной рацион человека, имеющего недостаточное питание, в котором содержится 1700 калорий в виде продуктов растительного и 100 калорий животного происхождения, равноценен такому потреблению растительных продуктов: $1700 + (100 \times 7) = 2400$ «растительных калорий», в то же время рацион хорошо питающегося человека, потребляющего каждый день 2000 калорий растительных продуктов и 1200 калорий животных продуктов, означает потребление $2000 + (1200 \times 7) = 10\,400$ «растительных калорий». С точки зрения сельскохозяйственного производства второй рацион почти в 4,5 раза больше первого, хотя в «калорийных эквивалентах» он больше лишь в 1,75 раза [356, 1962, № 7—8, стр. 22].

Тяжелое положение с питанием усугубляется тем обстоятельством, что в развивающихся странах виды и качество потребляемых населением продуктов нередко зависят не только от имеющихся продовольственных ресурсов и доходов населения, но и от существующих в силу культурной отсталости различных предубеждений и предрассудков. Возникнув в глубокой древности обычно как рациональные правила поведения человека для поддержания здоровья, экономии запасов пищи и т. п., они в современных условиях потеряли свой первоначальный здравый смысл и превратились в консервативные привычки, мешающие наиболее целесообразному использованию доступных продуктов.

В разных странах и местностях, у разных народов, племен и религиозных групп населения существует множество всякого рода традиционных предписаний способов уборки и переработки урожая, убоя скота, приготовления пищи. Эти предписания совсем запрещают или ограничивают определенным временем года, недели или периодами жизни человека употребление тех или иных продуктов. Так, мусульманам запрещается религией есть свинину, индусам — говядину. Часто религиозные и суеверные запреты распространяются на молоко, яйца, рыбу, в частности применительно к питанию беременных женщин, кормящих матерей и маленьких детей. Некоторые народности считают, что молоко может вызвать бесплодие, рыба — заболевание проказой, пестрые бобы и пятнистые бананы — заболевание оспой и т. д.

Однако было бы большой ошибкой излишне преувеличивать значение всех этих предрассудков. Бедность — главная, определяющая причина плохого питания народов развивающихся стран. И какими бы ни были общие верования и традиции, всегда более зажиточные слои питаются лучше в количественном и в качественном отношении, чем неимущие. Например, данные, полученные при обследовании в штате Махараштра (Индия) в 1958 г., свидетельствовали, что в семьях с ежемесячными среднедушевыми расходами на питание в размере до 8 рупий калорийность пищи на человека в сутки равнялась 1120 калориям, а количество потребляемого протеина — 31 г, в семьях с расходами от 8 до 11 рупий соответственно 1560 калориям и 45 г и в семьях с расходами от 24 до 34 рупий 2530 калориям и 72 г [98, стр. 43].

Голод и недоедание губительно отражаются на здоровье широких народных масс развивающихся стран, препятствуя дальнейшему снижению высокой детской смертности и увеличению средней продолжительности жизни. Низкокачественное, бедное протеином, витаминами и минеральными веществами питание вызывает многочисленные специфические заболевания. Постоянное белковое голодание ведет к истощению, снижает физическую активность взрослых, задерживает физическое и умственное развитие детей. Согласно оценкам, в 1966 г. в развивающихся странах из общего числа детей до 14 лет плохо питались 269 млн., или свыше 40%. Во многих странах до 10% и более детей дошкольного возраста страдают различными формами белкового голодания, что, в частности, снижает сопротивляемость инфекционным заболеваниям и способствует высокой смертности. Так, среднее число смертей от кори равнялось в Индии в 1959 г. примерно 20 на 100 тыс. населения и в Чили в 1960 г. — 27,7, тогда как в США в 1960 г. только 0,2 [98, стр. 10, 13, 17]. Весьма показательны также сравнение уровня смертности детей в возрасте от 1 года до 4 лет, когда недостаточное питание является основной — прямой или косвенной — причиной смерти. На каждого ребенка этого возраста, умирающего в Швеции или во Франции, приходилось в 1962 г. 24 в Индии и 50 в Африке [356, 1962, № 7—8, стр. 28]. В подростковом и юношеском возрасте недостаточное питание способствует высокой смертности от туберкулеза.

Белковая недостаточность в сочетании с нехваткой

железа или витамина В₁₂ в питании беременных женщин, кормящих матерей и маленьких детей вызывает развитие тяжелой анемии, выражающейся в уменьшении гемоглобина, утрате аппетита, расстройстве пищеварения, головокружениях, слабости, болезненном увеличении печени и селезенки. Недостаток в пище йода служит причиной заболевания щитовидной железы и появления кретинизма. Считают, что от эндемического зоба страдает около 200 млн. человек, главным образом в горных районах Западной Африки, Эфиопии, Ближнего Востока, Южной Азии и Латинской Америки, где почва и вода не содержат достаточного количества йода. Распространена в развивающихся странах, особенно среди маленьких детей, ксерофтальмия, переходящая в тяжелых случаях в кератомалицию. Эти болезни, вызываемые недостатком в пище витамина А, приводят к полной или частичной потере зрения. Обследования показали, что потребность в витамине А испытывают более 20% населения Бразилии, Боливии, Чили, Колумбии, Эквадора, Индии, Иордании, Южной Кореи, Нигерии, Пакистана, Перу и Венесуэлы и 10% населения Эфиопии, Малайзии и Таиланда. Часто встречаются и другие формы авитаминозов: бери-бери (расстройство нервной системы, параличи и упадок сердечной деятельности) в результате отсутствия витамина В₁, арибофлавиноз (поражение кожи лица, губ, языка) из-за нехватки витамина В₂, скорбут, или цинга (кровоизлияние в десну, кожу и мышцы; поражение костей в раннем детском возрасте), вызывается отсутствием витамина С, рахит у детей в результате недостаточности витамина Д, пеллагра (заболевание кожи, расстройство пищеварительного тракта и центральной нервной системы) из-за отсутствия витамина РР, никотиновой кислоты и т. д. В практике обычно встречается недостаточность сразу нескольких витаминов. Кроме того, ряд заболеваний связан с нехваткой в пище кальция, фосфора, магния, калия и других минеральных веществ.

Проблема явного и скрытого голодания и порождаемых им болезней далеко выходит за рамки одной лишь физиологии. Она оказывает самое серьезное отрицательное воздействие на социально-экономическое и культурное положение развивающихся стран. На протяжении целой исторической эпохи идеологи колониализма упорно распространяли лживые измышления о якобы

природной лени «цветных» народов, их неспособности к целеустремленному, систематическому труду, их экономической безответственности и интеллектуальной ограниченности. Да и в настоящее время эти расистские идеи — как правило, в более замаскированной форме — все еще можно встретить в буржуазной литературе. Истина же заключается в том, что не какие-то расовые особенности, а постоянное изнуряющее голодание накладывало тяжелый отпечаток на жизнедеятельность колониальных народов.

Недостаточное, в количественном и в качественном отношении, питание — одна из главных причин низкой производительности труда в развивающихся странах. Голодное и полуголодное существование подрывает силы трудящихся, вызывает быструю утомляемость, снижает работоспособность, порождает апатию, душевную депрессию, лишает инициативы, сужает до предела интересы, создает эмоциональную неуравновешенность. Из-за болезней рабочие оказываются вынужденными часто пропускать работу; в условиях плохой охраны труда особенно высоким становится производственный травматизм. И, напротив, улучшение питания сразу же ведет к повышению производительности труда. В экономической литературе получил известность пример о строительстве Панамериканской дороги в Коста-Рике. После того как рабочих стали кормить достаточно калорийной пищей (в основном сахаром-сырцом), низкая выработка быстро достигла норм, которые обычны для рабочих развитых стран с умеренным климатом. С 1943 г. по январь 1946 г. средняя производительность труда рабочего возросла с 239 до 1100 куб. м в сутки [356, 1962, № 7—8, стр. 23].

Проблема недостаточного питания имеет еще один важный экономический аспект. Затраты на продовольствие в условиях развивающихся стран составляют важнейшую расходную статью государственных бюджетов и индивидуальных бюджетов населения. В общих расходах они достигают 35—52% по сравнению с 22—46% в развитых странах [67, стр. 39]. Причем, так же как в случае со средним пищевым рационом, средний показатель расходов на питание чрезвычайно искажает реальное положение в развивающихся странах. Подавляющая масса населения с низкими доходами фактически затрачивает почти все свои средства, чтобы обеспечить себе

хотя бы самый минимальный уровень продовольственного потребления. Согласно данным проведенных в Индии обследований, затраты на продовольствие поглощают свыше 90% всех расходов в семьях с доходом не выше 100 рупий в месяц; а по крайней мере в Южной Индии (штаты Керала, Мадрас, Майсур и Андхра Прадеш) 77% сельского населения в конце 50-х годов имели ежемесячный доход на семью менее 50 рупий [98, стр. 43].

Как сообщалось в одном исследовании продовольственного вопроса Индии, размер национального дохода, приходившегося на душу населения в 1955/56 г., примерно равнялся годовой сумме (исходя из рыночных цен на продовольствие), необходимой, чтобы один человек мог получать ежедневно нормальную по количеству и качеству пищу. Иными словами, при таком расчете все жители Индии могли бы нормально питаться только при условии, что они, как пишет автор, «согласились бы ходить нагими, жить под открытым небом круглый год, не иметь ни развлечений, ни отдыха и не получать ничего другого, кроме продовольственных продуктов. Но если бы они захотели топлива, чтобы приготовить себе пищу, и потребовали бы одежды, пусть самой грубой, какого-то жилища, пусть убогого, развлечения, пусть примитивного, и захотели бы исполнить какие-то свои самые существенные потребности, они должны были бы урезать свои расходы на продовольственное потребление по меньшей мере вдвое. Даже этот минимум, который нельзя считать достаточным для цивилизованного человеческого существования, возможен, только если весь национальный доход разделить поровну между всем населением, чего нет в действительности. Значительная доля национального дохода распределяется среди небольшой части населения, тогда как большинство довольствуется меньшей долей. Это широкое различие в доходе населения ведет к сокращению даже такого минимума, который признается недостаточным для цивилизованного человеческого существования» [179а, стр. 68—69].

Вот почему если в развитых странах, где основная часть населения питается нормально, повышение доходов (при неизменных ценах) влечет за собой увеличение расходов главным образом на непродовольственные потребительские товары и культурные нужды и лишь в небольшой степени — на улучшение качества питания, то в развивающихся странах любая прибавка к доходам

почти целиком расходуется на улучшение пищевого рациона, прежде всего за счет увеличения количества потребляемых дешевых продуктов — зерновых, корнеплодов и т. п. В результате даже сравнительно умеренное увеличение доходов в развивающихся странах сразу же вызывает рост спроса на продовольствие. Это различие, проистекающее из-за крайне неодинаковых уровней питания, выражается при международных расчетах коэффициентом «подходящей эластичности спроса на продовольствие», согласно которому повышение дохода населения на 1% вызывает резкое увеличение спроса на продовольствие: на 0,5—0,7% и более в развивающихся странах и только на 0,1% или даже меньше в развитых странах [48, стр. 7].

Таким образом, в развивающихся странах еще долгое время, пока не установится нормальный уровень питания, основная часть доходов, государственных и индивидуальных, будет обращаться не на производительные цели и нужды культурного развития, а на удовлетворение элементарных потребностей в продовольствии. По этой же причине увеличение сельскохозяйственного производства в результате аграрных реформ и улучшения агротехники не будет означать одновременного соответствующего возрастания массы товарного продовольствия, поскольку даже небольшое облегчение нынешних экономических трудностей в голодающей деревне приведет к значительному росту потребления продовольствия самими крестьянскими хозяйствами.

Состояние и перспективы производства продовольствия и продовольственного баланса в развивающихся странах

Национальные усилия афро-азиатских и латиноамериканских государств, направленные на преодоление тяжелых социальных последствий длительной колониальной и полуколониальной эксплуатации, и прежде всего голодного существования широких народных масс, встречают понимание и поддержку мировой общественности. Стремясь содействовать улучшению продовольственного положения в развивающихся странах, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) приняла в 1960 г. решение о проведении всемирной кам-

пании борьбы с голодом. Целью кампании было, во-первых, привлечь всеобщее внимание к острым проблемам голода и недоедания «в третьем мире», что представляет серьезную угрозу прогрессу всего человечества, и, во-вторых, помочь в решении этой проблемы как на национальной, так и на международной основе путем мобилизации усилий различных международных организаций, правительств отдельных стран и неправительственных и частных учреждений. На очередной конференции ФАО в ноябре 1961 г., в работе которой приняли участие 104 страны, были определены три главных направления кампании борьбы с голодом: информация и просвещение, исследования и практические мероприятия.

В качестве одного из таких практических мероприятий конференция наметила для совместного осуществления ФАО и ООН «Всемирную программу снабжения продовольствием», дальнейшая детализированная разработка которой была осуществлена избранным на конференции межправительственным комитетом из представителей 20 стран. Было решено в течение трех лет, начиная с середины 1962 г., распределить среди нуждающихся стран мира излишки продовольствия, образовавшиеся в других странах, на сумму 100 млн. долл. Фонд «Программы» должен был складываться из добровольных взносов в форме продовольственных поставок, денежной помощи и технических услуг. В апреле 1962 г. «Всемирная программа снабжения продовольствием» была утверждена Экономическим и социальным советом ООН и вступила в действие.

В 1963 г. по инициативе ФАО собрался Международный конгресс по вопросам продовольствия, на котором впервые была выдвинута идея разработки единой долгосрочной стратегии в мировом масштабе в области производства продуктов сельского хозяйства и торговли для преодоления нехватки продовольствия и устранения угрозы голода в развивающихся странах. С этой целью намечалось: улучшить питание населения развивающихся стран; определить реальные долгосрочные ориентировочные задачи в области торговли пищевыми товарами и другими продуктами сельского хозяйства; сформулировать обоснованную политику в области землепользования; предоставить жителям сельскохозяйственных районов более широкие возможности в области занятости в соответствии с общим ростом населения; обеспечить про-

порциональное развитие промышленности и сельского хозяйства; разработать стратегию в области развития сельского хозяйства; укрепить экономическое сотрудничество развивающихся стран.

Перечисленные задачи составили «Ориентировочную мировую программу ФАО» с двухэтапным сроком выполнения: первый этап должен завершиться в 1975 г., второй — в 1985 г. При последующей конкретизации мероприятий предполагалось определить задания по производству продуктов питания, их потреблению и торговле, соответствующие общим целям экономического развития, также сформулировать политику в технической, экономической, административной областях для выполнения этих заданий. В частности, намечалось указать, в той степени, в какой это возможно, размеры капиталовложений, объем необходимых материально-технических затрат и потребности в квалифицированной рабочей силе. В дополнение к этому после получения необходимой информации в результате проведения соответствующих исследований ФАО предполагало: разработать в международном масштабе рекомендации, которые могли бы помочь отдельным правительствам сформулировать и осуществить свою сельскохозяйственную политику; установить принципы для разрешения конфликтов между различными странами в области производства и торговли; определить руководящие установки в деле международной помощи как для стран, получающих помощь, так и для стран и организаций, которые предоставляют эту помощь [67, стр. 42].

Долгосрочные наметки по улучшению питания в развивающихся странах были опубликованы в 1963 г. в «Третьем мировом продовольственном обзоре ФАО». Рекомендовалось повысить среднее калорийное потребление в день на человека с 2150 в 1957—1959 гг. до 2450 в 2000 г. и соответственно потребление животного белка — с 9 до 21 г (т. е. даже в случае успеха уровень продовольственного потребления в развивающихся странах оставался бы все еще значительно ниже, чем в развитых странах в 1957—1959 гг., когда там на человека в день в среднем приходилось 3050 калорий и 44 г животного белка). Чтобы осуществить эти плановые наметки ФАО с учетом роста населения и «подходящей эластичности продовольственного спроса», к концу века требовалось увеличить общее продовольственное снабжение

развивающихся стран примерно в четыре раза, в том числе продуктами животного происхождения — почти в шесть раз [190, стр. 31].

Безусловно, при существовавшей продовольственной ситуации выполнение этих пожеланий представлялось нелегкой задачей. Международный конгресс по вопросам продовольствия, наметив основные цели «Ориентировочной мировой программы ФАО», вместе с тем выразил свое глубокое беспокойство по поводу слишком медленного прогресса сельскохозяйственного производства развивающихся стран. Особо было отмечено, что к техническим, экономическим и социальным препятствиям, затрудняющим в этих странах задачу ликвидации голода и нищеты, за последнее время прибавились новые факторы, главным образом демографического характера. Разрыв между потребностями в продовольствии и его производством существует не только из-за низкой продуктивности сельского хозяйства, но и в результате бурного роста населения развивающихся стран [67, стр. 44].

Спустя два года еще более тревожно прозвучало выступление генерального директора ФАО д-ра Б. Р. Сена на открытии Всемирной конференции ООН по народонаселению в Белграде. Подводя итог пятилетней кампании по борьбе с голодом, он признал, что не удалось выполнить даже минимальных задач: довести среднегодовое увеличение продовольственного снабжения в развивающихся странах до 4%, в действительности за пять лет оно не превышало 2,5%. «Перспектива тревожная, — заявил д-р Сен. — Не исключено, что в последующие пять-десять лет в некоторых наиболее густозаселенных районах могут разразиться серьезные голодовки. И если производство продовольствия будет повсюду идти лишь вровень с ростом населения при существующем уровне потребления, к концу нынешнего века число голодающих и недоедающих людей удвоится по сравнению с нынешним днем... Мы подсчитали, что сохранение в течение последующих 15 лет роста производства продовольствия на 4% в год против среднего увеличения населения на 2,5% было бы необходимым, чтобы избежать какого-либо серьезного нарушения нынешнего неустойчивого равновесия между населением и продовольственным снабжением. Вопрос в том, смогут ли эти темпы быть достигнуты развивающимися странами». В заключение своего выступления доктор Сен сказал:

«Следующие два или три десятилетия будут критическим периодом в истории человека и станут свидетелями либо начала того времени, когда человечество в целом берет на себя ответственность за свою судьбу, либо продвижения к катастрофе» [59, стр. 31, 34].

Действительно, происходящие в Азии, Африке и Латинской Америке демографические изменения необычайно обострили продовольственную проблему. Хотя сам по себе среднегодовой рост сельскохозяйственного производства на 2,5% не так уж мал, в условиях быстро увеличивающейся численности населения он оказывается способным лишь с трудом поддерживать прежний низкий уровень продовольственного потребления, не говоря о сколько-нибудь значительном его повышении. С 1950 по 1966 г. производство пищевых продуктов во всем мире увеличилось на 48%, причем доля развитых и развивающихся стран в этом увеличении была примерно равной. Но из-за различий в темпах роста населения — сравнительно медленных в развитых странах и быстрых в развивающихся — объем производства в расчете на душу населения повысился в два раза больше в первых, чем во вторых, соответственно на 23 и 11% [67, стр. 38].

Еще более отчетливо это можно проследить на примере производства зерновых — основного продукта питания жителей развивающихся стран; зерновые занимают в мире около $\frac{7}{10}$ всех посевных площадей и поэтому являются также наиболее представительной сельскохозяйственной отраслью для характеристики состояния общемирового сельского хозяйства.

По сравнению с довоенными 1934—1938 гг. производство зерновых в развитых странах увеличилось к 1960 г. на 51% и, так как за это время общая численность населения выросла только на 20%, объем производства на душу населения поднялся на 26%. Иная картина наблюдалась в развивающихся странах, где при увеличении производства на 42% численность населения выросла на 46% и в результате объем производства на душу населения, хотя и поднялся выше, чем в период тяжелой послевоенной депрессии 1948—1952 гг., все еще отставал от довоенного уровня на 3%, в том числе в Латинской Америке с ее наиболее высокими в мире темпами прироста населения производство зерновых на душу населения оказалось ниже довоенного уровня на 16% [228, стр. 6]. Таким образом, расходящиеся тенденции

подушного производства зерновых в двух основных группах стран мира были обусловлены не столько различиями в валовых урожаях, сколько различиями в темпах роста населения.

В последующие годы это расхождение в величине среднедушевого производства продовольствия стало еще больше (табл. 17). Между 1957—1959 и 1966 гг. общее производство в развивающихся странах выросло незначительно меньше, чем в развитых: соответственно на 19 и 22%, но, поскольку темпы увеличения населения в первых были вдвое выше, чем во вторых, воздействие на величину среднедушевых показателей оказалось совершенно различным. Взять для сравнения хотя бы Латинскую Америку и Западную Европу. В обоих регионах производство продовольствия за этот период росло примерно одинаково, на 2,5—3% в год, но среднегодовые темпы увеличения населения составляли в Латинской Америке около 3%, а в Западной Европе лишь около 1% и, следовательно, если в Западной Европе подъем производства на 3% означал существенный прогресс в среднедушевом выражении, то в Латинской Америке это было топтание на старом месте [369, 1967, № 4, стр. 580—581].

Таблица 17

Индексы производства продовольствия в развитых и развивающихся странах мира в 1948 — 1965 гг. *, 1934 — 1938 гг. = 100

	Общее производство			Производство на душу населения		
	1948 — 1952 гг.	1957 — 1959 гг.	1963 — 1965 гг.	1948 — 1952 гг.	1957 — 1959 гг.	1963 — 1965 гг.
Северная Америка	139	160	182	116	116	120
Европа (включая СССР)	105	143	165	103	128	138
Австралия и Новая						
Зеландия	113	135	171	94	93	104
Развитые районы мира	117	149	171	110	126	135
Дальний Восток (без						
КНР)	107	138	162	88	97	100
Ближний Восток	116	161	184	100	114	112
Африка	129	156	182	97	98	99
Латинская Америка . .	126	165	192	93	99	97
Развивающиеся районы						
мира	116	150	175	93	101	102

* [344, стр. 13, 14].

В 1965—1966 гг. производство продовольствия на душу населения в афро-азиатских и латиноамериканских странах, за исключением Ближнего Востока, упало до уровня 1957—1958 гг., который был примерно равен низкому уровню производства продовольствия в довоенное время, а в некоторых странах до уровня, который оказался значительно ниже довоенного [29, стр. 6, 7]. С 1961 по 1965 г. производство продовольствия на душу населения снизилось в Азии на 4% и в Латинской Америке — на 6%. В Африке сельское хозяйство развивалось в соответствии с ростом населения, однако равновесие оставалось весьма нестабильным, и в 1966 г. засуха в ряде районов Тропической Африки создала серьезные продовольственные осложнения. Производство продовольствия на душу населения сократилось на 4%, и, как с тревогой сообщалось на восьмой сессии Экономической комиссии ООН для Африки, большая часть ранее достигнутого увеличения оказалась утраченной; производство продовольствия на душу населения, возможно, упало даже ниже недостаточного довоенного уровня [47, стр. 1]. В ряде стран возникло критическое положение. В частности, потребовалась внешняя продовольственная помощь Верхней Вольте, Республике Чад, Сенегалу.

Особенно напряженная обстановка сложилась в Южной и Юго-Восточной Азии, где проживает свыше четверти населения мира. Уже много лет сельское хозяйство таких густозаселенных стран, как Индия, Пакистан, Индонезия, не обеспечивало полностью внутренние потребности. Существует подсчет, иллюстрирующий масштаб продовольственного дефицита Индии к 1963 г.; если бы производившиеся в то время в стране пищевые продукты были распределены поровну среди населения, исходя из нормы 2300 калорий в день на человека, то 10% жителей (т. е. 48 млн. человек) остались бы совсем без еды [86, стр. 3]. В 1966—1967 гг. продовольственное положение Индии с ее полумиллиардным населением катастрофически ухудшилось в результате тяжелых стихийных бедствий. Урожай зерновых и бобовых культур в 1966 г. оказался на 16 млн. т меньше предыдущего урожая и сравнялся с уровнем 1960 г. Но с 1960 г. численность населения страны увеличилась примерно на 75 млн. И хотя резко возросший продовольственный дефицит в большей части был покрыт самыми крупными

поставками зерна из-за рубежа, в том числе 9 млн. т из США, в стране начались голодовки. По сообщению индийской печати, к началу 1967 г. от недостатка продовольствия страдало свыше 70 млн. человек [368, 6.I.1967]. В апреле 1967 г., впервые со дня провозглашения независимости, правительство Индии официально объявило о голоде в штате Бихар и о чрезвычайных мерах по обеспечению едой 13 млн. голодающих. Голод охватил также некоторые районы Уттар Прадеша, Западного Бенгала, Ориссы, Мадхья Прадеша. Для борьбы с голодом, в частности, было введено нормированное распределение продовольствия в городах с населением не менее 100 тыс. человек и началась общенациональная кампания за экономию продуктов питания.

Безусловно, в 1966—1967 гг. в Индии сложилась чрезвычайная ситуация из-за небывалой засухи. Но, если даже исключить это непредвиденное осложнение, общая тенденция развития продовольственного положения за предшествовавший период такова, что в стране неуклонно увеличивался размер продовольственного дефицита и соответственно усиливалась роль продовольственного импорта, главным образом из США. К концу периода первого пятилетнего плана (1951—1956 гг.) дефицит продовольствия в Индии составил 1 млн. т зерна. Вторым пятилетним планом (1956—1961 гг.) было предусмотрено ликвидировать этот дефицит, но в действительности он увеличился в четыре раза, до 4 млн. т. В течение третьего плана (1961—1966 гг.) дефицит возрос уже до 16 млн. т! Одновременно быстро росли размеры продовольственного импорта, поглощая до 20% и более инвалютных расходов страны. Всего с 1948 по 1965 г. включительно Индия импортировала около 62 млн. т зерновых на общую сумму свыше 26 млрд. рупий. Среднегодовой ввоз составлял (в млн. т): в 1951—1955 гг. — 2,4, в 1956—1960 гг. — 3,4, в 1961—1965 гг. — 4,8 [145, стр. 4, 5]. В 1965 г. было ввезено уже 6,3 млн. т, что составило свыше 8% собранного в стране урожая зерновых.

Тенденция неуклонного увеличения зависимости продовольственного баланса от импорта продовольствия из промышленно развитых стран была характерна для всех развивающихся районов мира. Если накануне второй мировой войны Азия, Африка и Латинская Америка сами являлись экспортерами зерна в индустриальные го-

сударства и их общий «чистый» среднегодовой вывоз (превышение экспорта над импортом) пшеницы, риса, кукурузы и других зерновых равнялся примерно 11 млн. т, то после войны положение диаметрально изменилось и они в целом стали импортерами: в 1948—1952 гг. их среднегодовой «чистый» ввоз зерновых составил 4 млн. т, в 1957—1959 гг. — 13 млн. т, в 1961 г. — 20 млн. т, в 1964 г. — 25 млн. т и к 1967 г. достиг 29 млн. т [228, стр. 7]*.

Хотя импортное продовольствие составляет сравнительно небольшую долю в общем продовольственном потреблении развивающихся стран (8—10% в 1960—1965 гг.), его значение выходит далеко за рамки, обозначенные этим средним показателем, прежде всего в связи с быстрым ростом городского населения.

Дело в том, что продовольственный баланс в городах непосредственно зависит, со стороны предложения, от уровня производства *товарного* продовольствия, а не всего продовольствия вообще [подробно о проблеме товарности в сельском хозяйстве развивающихся стран см. 161; 161а]. Между тем в развивающихся странах уровень товарности остается крайне низким (например, в зерновом хозяйстве в пределах 20—30%, реже 40%, в отличие от развитых стран, где он достигает 80—90%) и, что особенно важно, имеет тенденцию скорее к понижению, чем к повышению. Это не удивительно, если учесть, что под воздействием колониализма крупные коммерческие сельскохозяйственные предприятия, плантации сложились здесь только в области производства экспортных технических продуктов (каучука, копры, пальмового масла, джута и т. п., сюда же можно причислить такие специальные виды пищевых продуктов, как кофе, чай, какао, бананы и др.), а производство продовольствия для внутренних нужд осталось уделом мелких крестьянских хозяйств, которые, как правило, вы-

* Разумеется, продовольственный экспорт из колониальных стран в довоенный период объяснялся отнюдь не обилием сельскохозяйственных продуктов, а отсутствием платежеспособного спроса и безразличием колониальных властей к значительному продовольственному недопотреблению широких народных масс. Например, в Индии в 1877 г. погибло от голода около 4 млн. человек, однако, по свидетельству одного автора, «в то время как столько несчастных умирало от голода, из Калькутского порта продолжали вывозить за границу значительное количество хлеба, от которого зависело спасение их жизни» [цит. по 127, стр. 25].

нужденно, в ущерб собственному потреблению поставляют на рынок часть собранного урожая, чтобы выручить средства для уплаты налогов, погашения ростовщических ссуд, внесения арендной платы и т. п. Оценивая данные о товарных поставках зерна в Индии, индийский экономист Рао писал в 1961 г., что «только половина рыночных излишков представляет собою то, что можно назвать коммерческими излишками; другая же половина представлена тем, что может быть названо *излишком от нужды* или излишком, порожденным скорее необходимостью для сельскохозяйственного производителя погасить основные денежные платежи, чем превышением его производства над желаемым им потреблением» [цит. по 161, стр. 34].

Понятно, что в таких условиях всякое облегчение напряженности крестьянского бюджета в результате хорошего урожая или повышения рыночных цен ведет, как правило, не к соответствующему увеличению доли товарных поставок, а, напротив, к ее сокращению, поскольку крестьяне пользуются этой возможностью, чтобы хоть немного улучшить свое питание. В результате товарная масса продовольствия увеличивается в развивающихся странах значительно медленнее, чем сельскохозяйственное производство в целом.

При быстром общем росте населения этих стран численность городских жителей возрастает примерно вдвое более высокими темпами, а население крупных городов — по меньшей мере вчетверо более высокими темпами. Таким образом, продовольственный дефицит в городах оказывается намного значительнее, чем в общенациональном масштабе. Кроме того, те большие дополнительные осложнения, которые нередко возникают в перераспределении внутренних продовольственных ресурсов из-за плохой организации заготовок, хранения и транспортировки местного продовольствия, а также из-за получивших широкие масштабы махинаций продовольственных спекулянтов, приводят к тому, что снабжение продовольствием городского населения все чаще оказывается почти в полной зависимости от продовольственного импорта.

Тем более настоятельной, жизненно важной становится задача ликвидации или хотя бы частичного уменьшения этой тяжелой и все более усиливающейся зависимости внутреннего продовольственного потребления

от внешних источников. Однако ее выполнение представляется чрезвычайно сложным в свете ожидаемых демографических и экономических изменений. Если население развивающихся стран возрастет с 1960 по 1980 г., как предполагается, примерно на 1 млрд. и произойдет весьма умеренное, всего на 0,5% в год (или на 10% с 1960 по 1980 г.), увеличение среднедушевого продовольственного потребления, то, согласно оценкам, в 1980 г. для питания жителей Азии, Африки и Латинской Америки потребуется дополнительно около 300 млн. т зерна, т. е. примерно такое же количество, какое в 1964/65 г. произвели Северная Америка и Западная Европа, вместе взятые. Насколько сложной была бы такая задача для сельского хозяйства развивающихся стран можно судить по тому, что с 1934—1938 по 1960 г. этим странам удалось увеличить производство зерна только на 134 млн. т [228, стр. 8].

Один из наиболее квалифицированных прогнозов импортных потребностей развивающихся стран в зерне к 1980 г. был разработан научным консультативным комитетом при президенте США и опубликован в 1967 г. во втором томе капитального трехтомного доклада о мировом продовольственном положении. Прогноз содержал пять возможных вариантов развития продовольственной ситуации, исходящих из общего предположения, что установившаяся к настоящему времени динамика населения не претерпит сколько-нибудь значительных изменений в ближайшие 15 лет и что за этот период не произойдет каких-либо чрезвычайных политических или экономических потрясений.

По первому варианту («А») объем импорта зерна развивающимися странами может уменьшиться до 20 млн. т в 1980 г., т. е. опуститься ниже уровня 1965—1966 гг., если производство зерновых будет продолжать развиваться темпами, лишь слегка превышающими темпы роста населения (в среднем на 2,7% в год), и достигнет 342 млн. т в 1980 г., а среднедушевое потребление останется неизменным на полуголодном уровне 1960 г. В этом случае к 1980 г. свыше 70% мирового населения будет страдать от голода и недоедания.

Альтернативный вариант («Г») также предусматривает сохранение умеренных темпов производства зерновых (2,7% в год), но в отличие от предыдущего варианта при значительном увеличении среднедушевого

потребления — на 1% в год, что позволило бы развивающимся странам достигнуть к 1980 г. нормального калорийного содержания среднего пищевого рациона. Поскольку такое увеличение продовольственного потребления без соответствующего роста производства было бы возможно лишь за счет дальнейшего расширения нетто-импорта, последний окажется равным в 1980 г. 67 млн. т. Это означало бы такое усиление зависимости продовольственного положения развивающихся стран от внешней помощи, что любое ее сокращение имело бы самые тяжелые последствия. К тому же если бы такая тенденция продолжалась и после 1980 г., вскоре могла бы возникнуть угроза снижения способности развитых стран оказывать продовольственную помощь.

Другие два промежуточных варианта рассматривают возможности динамики производства и потребления зерновых как умеренными, так и ускоренными темпами. Согласно одному из них (вариант «Б»), производство будет расти в среднем ежегодно на 2,7%, а среднедушевое потребление — на 0,5%. И хотя такое увеличение потребления недостаточно, чтобы обеспечить в 1980 г. нормальное калорийное содержание среднего пищевого рациона, в условиях высокого естественного прироста населения оно, тем не менее, вызовет опережающее развитие продовольственного спроса по сравнению с развитием производства, в результате чего объем нетто-импорта зерна возрастет до 46 млн. т в 1980 г. При этом усилится зависимость развивающихся стран от продовольственной помощи развитых стран, так как из-за умеренных темпов общего экономического развития еще более ограниченной станет возможность импорта на обычных коммерческих основах.

Другой вариант («Д») исходит из наиболее благоприятной перспективы для развивающихся стран, когда среднедушевое потребление будет расти ежегодно на 1% и благодаря этому к 1980 г. установится нормальное калорийное содержание среднего пищевого рациона, а темпы производства, все более увеличиваясь, повысятся до 4% к 1975 г. и в дальнейшем будут держаться на достигнутом уровне. Это позволило бы свести в 1980 г. нетто-импорт зерновых до 27 млн. т, но в то же время в результате общего укрепления экономики, в частности сельского хозяйства, и ежегодного увеличения валового национального продукта на 5% появятся

условия для расширения сельскохозяйственного экспорта и переключения продовольственного импорта на коммерческую основу.

Путем сопоставления и корректировки четырех вышеупомянутых вариантов был выведен пятый вариант прогноза («В»), рассматриваемый как наиболее достоверный. Этот вариант менее оптимистичен, чем вариант «Д», но все же предполагает более высокий уровень экономической активности, чем все остальные варианты. Допускается среднегодовой рост валового национального продукта на 4—5% и ежегодное увеличение среднедушевого продовольственного потребления на 0,7% (по сравнению с нынешними 0,5%). Ожидаемая к 1980 г. импортная потребность развивающихся стран в зерне оценивается в 46 млн. т, т. е. такая же, как и по варианту «Б», но важным отличием явится уменьшение роли продовольственной помощи и увеличение доли закупок на обычной коммерческой основе как результат определенного экономического прогресса.

Почти одновременно с вышеприведенным прогнозом были опубликованы более оптимистические перспективные расчеты производства, потребления и импортных потребностей зерновых в развивающихся странах, подготовленные американскими экономистами Мартином Эйбелом и Энтони Рейко. Согласно этим расчетам, импортные потребности развивающихся стран в 1980 г. достигнут 38,5 млн. т, если сохранятся умеренные темпы производства и потребления зерновых (рост производства на 2,6% и среднедушевого потребления на 0,3% в год), и лишь 5,8 млн. т, если годовые темпы производства возрастут до 3,6% в течение 1965—1980 гг., а среднедушевое потребление до 0,6% в год (табл. 18). Конечно, эти годовые темпы роста потребления будут недостаточны, чтобы питание населения в развивающихся странах в среднем приблизилось к норме, но более высокие темпы, видимо, трудно предположить в прогнозируемый период, исходя из ожидаемых темпов общего экономического роста и увеличения доходов. Во всех вариантах прогноза предусматриваются среднегодовые темпы роста населения, равные 2,5%.

Оптимистические варианты прогнозов производства, потребления и импорта продовольствия в афро-азиатских и латиноамериканских странах приобрели более реальные очертания, когда в конце 60-х годов в сель-

сском хозяйстве Азии возникли весьма примечательные и достаточно неожиданные изменения, получившие известность под названием «зеленой революции».

Таблица 18

Прогнозы производства, внутреннего потребления и нетто-импорта зерновых в развивающихся странах в 1980 г.,
млн. т

Варианты прогнозов		Производство		Внутреннее потребление		Нетто-импорт	
(а) *	(б)**	(а)	(б)	(а)	(б)	(а)	(б)
А	I	342	374,0	362	412,5	20	38,5
Б	II	342	381,5	388	415,8	46	34,3
В	III	349	399,3	395	428,0	46	29,7
Г	IV	342	430,8	409	436,6	67	5,8
Д		382		409		27	

* (а) — прогноз научного консультативного комитета при президенте США [98, стр. 172].

** (б) — прогноз М. Эйбела и Э. Рейко [2986, стр. 17].

Неурожайный период 1965—1966 гг. сменился в 1967—1968 гг. резким подъемом производства зерновых в ряде азиатских стран, от Филиппин до Турции, и, что особенно важно, в таких крупнейших странах, как Индия и Пакистан. Уже тот факт, что только в этих четырех упомянутых странах проживает свыше 700 млн. человек, или около половины населения развивающегося мира, свидетельствует об особой важности развернувшихся событий. В 1968 г. впервые за все послевоенные годы Филиппины оказались в состоянии прекратить импорт основных видов продовольствия; Малайзия заявила о появившейся возможности достижения самообеспеченности продовольствием к 1971 г., а Индонезия — к 1973 г.; Иран стал фактически нетто-экспортером пшеницы; на Цейлоне был собран урожай риса, который оказался на 13% выше самого высокого урожая прошлых лет; урожай пшеницы в Пакистане в апреле — мае 1968 г. также на 30% превысил максимальный уровень, когда-либо достигнутый в прошлом [369, 1968, № 4, стр. 689].

Производство зерновых в Индии в 1967/68 г. поднялось до 95,6 млн. т, что не только оказалось примерно

на 30% выше крайне низкого уровня предшествовавшего засушливого года, но, главное, превысило на 12% рекорд самого урожайного до этого 1964/65 г. [89а, стр. 109]. В результате, по данным министерства сельского хозяйства и продовольствия, централизованные закупки продовольственного зерна достигли 6,5 млн. т, а государственные запасы — 3 млн. т, что позволило почти вдвое сократить импорт зерна, увеличить нормы выдачи продовольствия по карточкам в крупных городах и даже отменить рационирование некоторых продуктов. Правительство Индии объявило о своем намерении добиться самообеспечиваемости зерновыми в течение ближайших трех-четырех лет [369, 1969, № 3, стр. 468].

Подъему сельскохозяйственного производства, несомненно, способствовали благоприятные метеорологические условия 1968 г., но не они придали ему столь беспрецедентный характер, связанный не столько даже с количественным ростом, сколько с важными качественными сдвигами. В действие вступили новые факторы, порожденные тяжелым продовольственным кризисом 1965—1966 гг.

С одной стороны, резко усилившаяся из-за двух неурожайных лет нехватка продовольствия вызвала стремительное повышение цен на сельскохозяйственные продукты, что послужило большим стимулом и создало определенные материальные возможности для некоторого расширения обрабатываемых земель, увеличения закупок и производственного применения искусственных удобрений, сортовых семян, усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и различного оборудования. Большое значение также имело произведенное во время засухи массовое сооружение колодцев и артезианских скважин, строительство новых и улучшение старых ирригационных систем.

С другой стороны, правительства стран, пострадавших от продолжительной засухи и неурожая, встревоженные массовыми голодовками и связанными с ними волнениями, перенапряжением государственных бюджетов из-за непомерных закупок продовольствия на внешних рынках и другими серьезными экономическими и политическими осложнениями, стали уделять первостепенное внимание развитию сельского хозяйства. В 1967/68 г. Индия на 42% увеличила бюджетные ас-

сигнования на нужды сельского хозяйства и затратила пятую часть своих инвалютных поступлений на ввоз химических удобрений и сырья для их местного производства. Еще в 1966 г. было также импортировано 18 тыс. т сортовой пшеницы. Пакистан импортировал 42 тыс. т сортовой пшеницы в 1967 г., а снабжение химическими удобрениями в 1968 г. вдвое превысило уровень 1966 г. и в несколько раз — уровень 1960 г. Ожидалось, что к 1970 г. поставки химических удобрений снова удвоятся. В Турции химические удобрения и сырье для них стали важнейшей импортной статьёй, впервые превзойдя по стоимости ввоз нефти и нефтепродуктов. Была также закуплена 21 тыс. т сортовой пшеницы [369, 1968, № 4, 691; 382, 1968, № 32, стр. 2].

Применение новых высокоурожайных и скороспелых семенных материалов — мексиканских карликовых сортов пшеницы, семенного риса, выведенного на Филиппинах в Международном институте рисоводства, кукурузы, сорго и проса, полученных на действующих с международной помощью селекционных опытных станциях Индии — стало основой «зеленой революции». При соблюдении правильных агротехнических приемов полеводства эти новые сортовые семена способны повысить урожайность в полтора-два раза по сравнению с обычными, традиционно применяемыми сортами. Новые сорта отличаются скороспелостью: например, филиппинский рис (ИР-8) созревает за 120—125 дней вместо обычных для традиционных сортов 150—180 дней, что позволяет снимать с одного поля два-три урожая в год, как правило, в комбинации с посевами скороспелых сортов кукурузы или сорго. В результате годовая урожайность с гектара может быть повышена до 20 т зерна. Применение скороспелых сортов пшеницы на севере Индии и Пакистана создало возможность использовать поля зимой под посевы пшеницы и летом — под посевы кукурузы.

Все больше сельскохозяйственных земель в азиатских странах отводится под посевы новыми сортовыми семенами. В Индии эти посевы занимали около 9 тыс. га в 1965/66 г. (вся посевная площадь под продовольственными зерновыми равнялась в 1963/64 г. 91 млн. га), почти 1,6 млн. га в 1966/67 г., свыше 8 млн. га в 1967/68 г. и, по предварительным расчетам, до 16 млн. га в 1968/69 г. [369, 1968, № 4, стр. 690]. Всего в Южной

и Юго-Восточной Азии мексиканские сорта пшеницы занимали уже около 10% общей посевной площади под пшеницей, и их доля, по предварительным наметкам, должна была возрасти до 15—17% в 1968/69 г. (в том числе в Западном Пакистане осенью 1968 г. под мексиканской пшеницей находилось свыше 20% общей площади пшеничных полей). Под новые сорта риса в 1967/68 г. было отведено менее 5% всех рисовых полей, а в 1968/69 г. эта доля поднялась до 5—7% [97, стр. 13].

Все эти благотворные изменения в области агротехники помогли странам Южной и Юго-Восточной Азии за короткий период преодолеть тяжелые последствия неурожая 1966 и 1967 гг. Уже в 1969 г. общий объем сельскохозяйственного производства в расчете на душу населения повысился в этом районе на 15% по сравнению с низким уровнем 1966 г. Однако он все еще был на 3% меньше, чем в 1961 г., и продовольственная проблема оставалась весьма далекой от своего решения. С еще большим основанием это можно было сказать по поводу продовольственного положения в Африке и Латинской Америке, где прогрессивные агротехнические сдвиги, подобные азиатской «зеленой революции», произошли пока лишь в Мексике и Судане и в меньшей степени проявляются в Кении, Марокко и Тунисе. Темпы роста населения на этих двух континентах остаются примерно равными темпам развития сельскохозяйственного производства, и поэтому последнее в среднедушевом исчислении все еще никак не может превысить довоенный уровень. Хотя общий объем сельскохозяйственного производства во всем развивающемся мире поднялся с 1961 по 1968 г. на 20%, в том числе на 3% с 1967 по 1968 г. (соответственно в развитых странах на 23 и 3%), среднедушевой показатель не обнаружил тенденции к росту, тогда как в развитых странах он повысился на 13%, в том числе на 2% с 1967 по 1968 г. [97, стр. 7].

Потенциальные продовольственные ресурсы и реальные возможности их использования

Ухудшение продовольственной ситуации в Азии, Африке и Латинской Америке в 50-х и первой половине 60-х годов в связи с быстрым ростом населения послу-

жило поводом для заметного оживления мальтузианской идеологии. Типичным в этом отношении было заявление президента Американского агрономического общества Л. А. Ричардса, сделанное им в предисловии к сборнику материалов о перспективах продовольственного положения в мире к 1980 г. Он, в частности, утверждал, что «если в относительно недалеком будущем не понизится уровень рождаемости, продовольственные потребности превзойдут самые оптимистические оценки производственных возможностей, и население будет стабилизировано возросшей смертностью из-за естественных причин, которые исторически хорошо известны» [228, стр. VII]. Министр земледелия США О. Л. Фримен заявлял в 1967 г.: «Мальтус впервые описал угрозу неконтролируемого роста населения в 1797 г., почти 170 лет тому назад. Его теория о том, что население имеет тенденцию расти геометрически, тогда как производство продовольствия увеличивается арифметически, получила подтверждение почти во всем мире» [369, 1967, № 4, стр. 580].

Ряд ученых и публицистов вольно или невольно поддерживает буржуазную пропаганду в ее попытках представить усилившиеся из-за действия демографических факторов продовольственные трудности в афро-азиатских и латиноамериканских странах как подтверждение мальтузианского тезиса об угрозе мирового голода. В сенсационном духе эта идея была, например, подана научным обозревателем американской газеты «Уорлд Джорнал Трибюн» (в номере от 23 октября 1966 г.) Эдом Эдельсоном. Ссылаясь на мнение экспертов, он писал: «Сейчас уже ясны контуры надвигающейся катастрофы, величайшей в человеческой истории. Это будет голод, беспрецедентный по своему размаху и жестокости. Он убьет десятки миллионов, возможно, сотни миллионов. И это будет всего через пять или десять лет». Менее категорично, но фактически те же опасения высказал известный французский экономист Рене Дюмон в книге «Мы идем к голоду», написанной им в соавторстве с научным сотрудником института сельского хозяйства в Париже Б. Розье. Указывая, что из-за «демографического взрыва» человечеству грозит голод не в перспективе, а в ближайшем будущем, они подчеркивали настоятельную необходимость остановить рост населения, который в противном случае неизбежно сведет на нет любые другие условия по предотвращению этой угрозы. Все страны мира обя-

заны принять меры по ограничению рождаемости, говорилось в заключение книги, иначе голод выиграет свою последнюю битву [188, стр. 252]. А спустя два года профессор биологии Стэнфордского университета США Пол Эрлих, неоднократно обращавшийся в своих работах к проблемам мирового населения, уже с уверенностью утверждал, что «битва за то, чтобы накормить все человечество, закончилась». Его книга «Бомба народонаселения», изданная в Нью-Йорке в 1968 г., открывалась следующим пророчеством: «В 70-х годах мир подвергнется голодовкам — сотни миллионов людей обречены умереть от голода, несмотря на многочисленные ширококвещательные программы, предпринимаемые в настоящее время» [188а, стр. 1].

Примеры подобных высказываний мальтузианского толка могут быть легко умножены. Однако было бы неправильным на этом основании считать, что эта точка зрения безраздельно господствует среди буржуазных ученых. Ее не разделяют многие серьезные специалисты, в том числе и далекие от марксистского понимания процессов общественного развития. Так, уже упоминавшийся доклад научного консультативного совета при президенте США в целом более оптимистически оценивает перспективы мировой продовольственной проблемы. Отдел экономических исследований министерства земледелия США после изучения изменений в сельском хозяйстве 26 развивающихся стран за период с 1948 по 1963 г. пришел к выводу, что «большинство развивающихся стран мира может в течение последующих 10—20 лет настолько увеличить производство продовольствия и волокнистых культур, чтобы удовлетворить возросший спрос и получить излишек, достаточный для значительного вклада в их общее экономическое развитие» [86, стр. 118].

Наука давно дала положительный ответ на вопрос о том, сможет ли Земля прокормить свое растущее население. Ученые неопровержимо доказали, что человечество обладает неограниченными потенциальными продовольственными ресурсами и поэтому *теоретически* существует возможность обеспечить необходимой пищей по сути дела любое число людей.

Советский исследователь этой проблемы проф. К. М. Малин в книге «Жизненные ресурсы человечества» приводит следующие подсчеты. Только повышением сред-

него уровня урожаев продовольственных культур до уровня передовых в этом отношении стран можно увеличить фактические сборы сельскохозяйственных культур до размеров, обеспечивающих жизнь 9,23 млрд. человек. Имеются также условия, чтобы расширить площадь обрабатываемых земель с 1,37 млрд. га до 9,39 млрд. га, т. е. увеличить их в семь раз. Это даст возможность при указанном уровне урожайности обеспечить пищей 65 млрд. человек. Вполне реальным представляется также увеличение коэффициента полезного действия продуктивных животных до 20%. Если учесть и это обстоятельство, то на площади, обрабатываемой сейчас во всем мире, возможно получить продовольствие для 60—65 млрд. человек. При использовании под земледелие площади около 10 млрд. га и дальнейшем повышении среднемирового урожая в 4—5 раз над современным уровнем передовых по каждой культуре стран, что вполне позволяют сделать даже нынешние агротехнические знания, продовольствия будет достаточно для обеспечения 260—325 млрд. человек. Если же исходить из возможностей, создаваемых быстрым прогрессом науки, то при достижении полного усвоения солнечной энергии в процессе фотосинтеза всей растительностью суши и водорослями морей и океанов можно было бы прокормить около 13 триллионов человек. И это не учитывая возможности получить в будущем пищу чисто химическим путем, минуя фотосинтез растений [139, стр. 38, 53, 90].

Насколько перспективна такая возможность, показал академик Н. М. Жаворонков, директор Института общей и неорганической химии, в докладе на Всемирной конференции ООН по народонаселению в Белграде [263]. Так, жидкие парафины, получаемые в процессе нефтепереработки, могут служить сырьем для производства ценных кормов — дрожжей и белково-витаминных концентратов, содержащих до 50% перевариваемого протеина почти со всеми необходимыми для организма животных аминокислотами. Они богаты витаминами и значительно превосходят по этому показателю все остальные корма и белковые добавки животного и растительного происхождения. В Советском Союзе потенциальные возможности выделения жидких парафинов, пригодных для получения белково-витаминных веществ микробиологическим путем, составят к 1970 г. около 3 млн. т, что достаточно, чтобы обеспечить производство более 2 млн. т белково-

витаминного концентрата. Пищевые продукты могут быть также получены путем прямого химического синтеза питательных веществ из углекислого газа, воды и азота воздуха. Но для осуществления таких процессов необходимо огромное количество энергии, и, поэтому в первое время искусственный синтез пищевых продуктов будет, вероятно, целесообразен в случаях, когда возникнет необходимость в отдельных компонентах пищи (аминокислоты, витамины, некоторые белковые препараты и т. д.).

В докладе академика Жаворонкова приводились данные, свидетельствующие, что уже сегодня химическая промышленность может способствовать резкому увеличению запасов продовольствия, во-первых, путем производства синтетических продуктов, заменяющих техническое сырье растительного происхождения и, следовательно, позволяющих расширить посевы продовольственных культур за счет технических, во-вторых, путем использования непищевого растительного сырья — отходов лесопиления и деревообработки, лузги семян подсолнечника, кукурузных кочерыжек и т. п. — для прямого пищевого потребления, для замены пищевого сырья, расходуемого сейчас на технические нужды, для кормовых целей в животноводстве.

Весьма перспективным вкладом биохимической науки в улучшение питания человечества является также разработка методов промышленного синтеза важнейших аминокислот для обогащения бедных белками пищевых продуктов. Например, добавление небольшого количества синтетического лизина к пшеничной муке повышает качество белка пшеницы до уровня казеина, молочного белка. Сообщалось, что в 1968 г. первые экспериментальные пекарни по выпечке обогащенного лизином хлеба были открыты в Бомбее и Мадрасе (Индия) [382, 1968, № 32, стр. 5].

Можно, наконец, упомянуть об огромных продовольственных резервах, таящихся в мировом океане, вклад которого в питание человечества пока ничтожно мал — в пересчете на калорийность он составляет не более 2% общего количества пищевых продуктов, потребляемых ежегодно населением земного шара [190, стр. 17]. По самым скромным оценкам, биологические ресурсы океана исчисляются в 16—18 млрд. т, в том числе до 1 млрд. т рыбы, 4—5 млрд. т моллюсков, ракообразных и других

беспозвоночных животных. За период с начала века по 1965 г. мировой улов рыбы возрос с 4 млн. т до 60 млн. т, причем 98% этого улова приходилось на Северное полушарие, хотя акватория Южного полушария вдвое больше. Предполагается, что в 1980 г. мировой улов рыбы возрастет до 100 млн. т (а в расчете на душу населения до 20 кг) и к 2000 г. достигнет 150—200 млн. т [359, 1969, № 1, стр. 9, 10]. Более полное освоение продовольственных ресурсов мирового океана возможно путем расширения районов промысла и доведения лова до глубины в 1 тыс. м путем перехода от экстенсивного к интенсивному, культурному ведению промыслового хозяйства, ориентирующемуся, в частности, на мероприятия по планомерному увеличению рыбных запасов, а также по акклиматизации ценных промысловых видов рыб в тех районах мирового океана, где они сейчас не встречаются.

Оптимистические научные оценки потенциальных продовольственных ресурсов человечества, подобные вышеприведенным расчетам проф. Малина и заключениям акад. Жаворонкова или получившим широкую мировую известность аналогичным исследованиям таких прогрессивных зарубежных ученых, как Джон Бернал, Джекоб Озер, Отто Рюле и др. [106, 150, 166], имеют принципиальное значение при критике антинаучных мальтузианских утверждений о якобы универсальном, закономерном характере процесса преимущественного роста населения по сравнению с ростом средств существования и, как следствие, о неизбежной угрозе мирового голода. Но вместе с тем именно потому, что современная мировая продовольственная проблема объясняется отнюдь не исчерпанностью жизненных ресурсов человечества, а вполне конкретными общественными причинами, затрудняющими рациональное использование этих ресурсов, абстрактные оценки потенциальных возможностей увеличения производства пищи без учета конкретных условий далеко не достаточны для правильного понимания сложившейся в мире продовольственной ситуации и ближайших перспектив ее развития.

Одни лишь арифметические подсчеты возможного повышения валовых сборов сельскохозяйственных культур, конечно, не решают вопроса, писал проф. Б. Ц. Урланис: «Все дело в том, как использовать природные ресурсы, исходя из социальных, экономических и технических возможностей и особенностей отдельных стран в тех или

иных конкретных условиях» [357, 23.XI.1965]. Этот же тезис отстаивал в журнале «Марксизм Тудэй», теоретическом органе Коммунистической партии Великобритании, известный публицист Айвор Монтегю. Критикуя тех ученых-марксистов, которые не хотят видеть сложных проблем, создаваемых быстрым ростом мирового населения, Монтегю обращал внимание на то, что этих ученых не тревожит предстоящее удвоение нынешней численности человечества за оставшиеся до конца века 35 лет, поскольку, как они считают, «к тому времени могло бы быть более чем достаточно продовольствия, чтобы прокормить во много раз большее число людей... если будут применены все нынешние технические знания, если площадь обрабатываемой в мире земли удвоится при помощи ирригации и еще больше увеличится благодаря применению других, пока нам неизвестных методов, если недостающее количество воды будет получено путем опреснения морей, если лучше будет применяться химия, эффективнее использоваться богатства морей и начнется эксплуатация деятельности микроорганизмов». «Если—здесь, если—там,—заключал Монтегю,—каждое «если» правильно на 100%, но все знают, что нет ни малейшего шанса для их осуществления в действительно широких масштабах за оставшиеся 35 лет» [322, стр. 173].

Возвращаясь в связи с этими принципиальными замечаниями к анализу продовольственного вопроса развивающихся стран, необходимо еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что именно конкретные общественные условия, и прежде всего господствующие здесь аграрные отношения, являются основной причиной сельскохозяйственной отсталости, особенно осязаемой при быстром росте населения.

Как известно, в сельском хозяйстве Азии, Африки и Латинской Америки наблюдается на первый взгляд парадоксальное положение, когда обширные земельные площади, пригодные к земледелию, не обрабатываются, хотя крестьянство страдает от безземелья; урожайность остается исключительно низкой, хотя населению не хватает продовольствия. Особенно велики ресурсы неиспользованных земель в Латинской Америке, где за последние годы из-за быстрого роста численности жителей произошло самое сильное снижение производства продовольствия на душу населения. Например, в Бразилии с ее низким

уровнем продовольственного потребления общая площадь землевладений составляет менее четверти всей территории, т. е. большая часть страны еще не заселена, а обрабатываемые земли занимают лишь 6,5% всей площади землевладений, или 1,5% территории страны [128, стр. 214]. Во французском еженедельнике «Нувель обсерватёр» от 21 декабря 1966 г. были приведены слова губернатора штата Пернамбуко Мигеля Араиса, который при своем вступлении в должность в феврале 1963 г. заявил: «На северо-востоке Бразилии расположен обширный пояс „массапé“ наиболее плодородных земель в мире. Он в девять раз больше площади обрабатываемых земель Японии, которая кормит 100 млн. человек, но мы ничего не извлекаем для себя из нашей земли, кроме сахарного тростника и некоторых продуктов питания, причем в таком количестве, которое значительно ниже потребностей 23 млн. жителей этого района».

Даже в Южной Азии с ее высокой плотностью населения и древней земледельческой культурой сохраняются значительные земельные резервы, не говоря уж о резервах продуктивности сельского хозяйства. Так, в Индии в 1961—1963 гг. свыше трети пригодной к обработке земельной площади не использовалось, а урожайность, например, пшеницы была в три раза ниже, чем в Европе. В Индонезии обрабатывалось всего 9% территории страны, причем сельскохозяйственные земли сосредоточивались в основном на Яве, а земли других островов почти не использовались. Средняя урожайность основной индонезийской сельскохозяйственной культуры — риса равна 16—17 ц с га, удерживаясь на этом уровне практически неизменной с конца XIX в. Крайне низкая и до самого недавнего времени почти не увеличивающаяся продуктивность производства продовольственных культур оставалась типичной практически для всех развивающихся стран (табл. 19).

Эта тяжелая отсталость сельского хозяйства закрепились еще в колониальную эпоху. Иностранный капитал, захватывая земли под плантации и горнорудные разработки и консервируя отсталые формы национального землевладения и землепользования, способствовал застою мелкокрестьянского производства на уровне, который далеко не соответствовал богатым природным возможностям этих стран. Множество феодальных пережитков и в отдельных случаях даже остатки рабовладельческих

Урожайность основных зерновых культур в отдельных развивающихся и развитых странах*,

ц с га

	Рис (неочищенный)		Пшеница	
	1949—1953 гг.	1961—1963 гг.	1949—1953 гг.	1961—1963 гг.
Бирма	16,0	17,3	—	—
Индия	11,3	14,8	6,7	8,4
Иран	19,3	19,6	9,0	8,6
Пакистан	13,8	15,9	8,7	8,1
Филиппины	11,8	12,2	—	—
Венесуэла	—	15,3	—	5,3
Бразилия	—	17,1	—	6,9
Колумбия	—	19,5	—	9,1
Голандия	—	—	36,5	43,8
США	25,6	39,5	11,2	16,9
Япония	40,0	50,5	—	—

* [86, стр. 46; 61].

отношений не только не препятствовали деятельности колониальных монополий, но, напротив, способствовали увеличению их доходов. И в настоящее время специфическое сочетание докапиталистических и капиталистических производственных отношений придает большое своеобразие всем социально-экономическим явлениям в развивающихся странах.

Главным оплотом феодальных пережитков в странах Востока было помещичье землевладение. И именно против него в первую очередь было направлено антифеодальное острие национально-освободительных революций. Однако из-за нерешительности, непоследовательности национальной буржуазии, прямого сопротивления реакционного крыла правящих классов в подавляющем большинстве развивающихся стран аграрный вопрос все еще ждет своего решения. Осуществление земельных реформ затягивается, или они проводятся в урезанном, половинчатом виде. Характеризуя состояние аграрных преобразований в Азии, опубликованный Организацией Объединенных Наций «Доклад о мировом социальном положении в 1967 г.» констатировал: «Мало убедительных

свидетельств о существенном изменении в структуре азиатского сельского общества, в котором традиционная элита, по-видимому, сохраняет почти полную монополию на политико-экономическую власть над массами живущих в нищете сельскохозяйственных рабочих, арендаторов и мелких землевладельцев. Прискорбная неудача многих азиатских стран в области земельной реформы говорит о стойкости их традиционных форм социальной организации, несмотря на изменения, вызванные индустриализацией» [67, стр. 111].

Даже в тех странах, где осуществлены некоторые аграрные преобразования, значительная часть земли продолжает оставаться в руках помещиков, которыми являются и потомственные феодалы, подобные раджам «самоуправляющихся» княжеств Индонезии или шейхам арабских племен, и так называемые новые помещики из чиновников, торговцев, ростовщиков, скупающих землю у разорившихся крестьян, и духовенство (например, в Ливане монастырские и церковные имения составляют около четверти земель страны). Так, в Западном Пакистане, где помещицкому классу принадлежало до половины всей земельной площади, реформа 1959 г. фактически затронула лишь группу крупнейших помещиков (имеющих более 200 га земли), которая насчитывала всего 6 тыс. земельных собственников. Располагая 15% всего землевладения, они потеряли примерно треть своей земельной собственности, причем свыше 70% отчужденной у них земли представляли собой необрабатываемую площадь [161, стр. 97]. В Индии аграрные преобразования осуществляются на протяжении почти двух десятилетий, начиная с периода первого пятилетнего плана, и тем не менее в материалах четвертого пятилетнего плана (1969—1974 гг.) признается, что в законодательстве отдельных штатов о земельной реформе имеются существенные недостатки и поэтому «почти повсеместно выполнение земельной реформы далеко от удовлетворительного» [89а, 133]. Произведенное изъятие «излишков» земли мало отразилось на крупном землевладении: если в 1953/54 г. 1% семей сельского населения имел 17% частновладельческой площади, а 5% — 41% этой площади, то спустя шесть лет, в 1959/60 г. 1% семей все еще располагал 16%, а 5% семей — 40% частновладельческой площади [161, стр. 98].

Следует также иметь в виду, что господствующее по-

ложение помещиков в деревне определяется не только размерами землевладения, но и тем, что они владеют лучшими по качеству, удобству расположения и условиям орошения пахотными землями, а также рядом других весьма существенных привилегий. Так, помещики обычно контролируют основные источники орошения, имеющие жизненное значение в условиях поливного земледелия, они нередко занимаются ростовщическими операциями и являются хозяевами небольших местных предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов; им принадлежат руководящие посты в местных административных органах, и многие из них входят в состав правительств. Вместе с тем происшедшее все же в результате земельных реформ некоторое ослабление экономических позиций помещичьего класса привело к усилению узкой прослойки зажиточного крестьянства, основная экономическая деятельность которых в силу специфических условий, характерных для азиатской деревни, настолько сливается с деятельностью мелких и средних помещиков, что последних можно отличить лишь по сословным привилегиям, еще сохраняющимся в качестве феодальных пережитков.

Основная форма эксплуатации крестьянства помещиками и кулаками — сдача земли в издольную аренду на кабальных условиях. В качестве арендной платы с арендатора взимается 50—70% урожая. Кроме того, он несет все расходы по приобретению сельскохозяйственных орудий, тягла, семенного материала и выполнению посевных и уборочных работ. Такая форма арендных отношений закрепляет личную зависимость крестьян от землевладельцев и способствует сохранению не только натуральной, но частично и отработочной ренты. Под угрозой лишиться арендуемой земли крестьяне кроме уплаты аренды вынуждены выполнять различные повинности, продавать свою долю урожая самому землевладельцу или указанному им скупщику по невыгодным ценам и т. д. По данным проведенного в Индии в 1959/60 г. очередного национального выборочного обследования, в ряде штатов (Керала, Мадрас, Майсур, Пенджаб) на долю натуральной земельной ренты приходилось от 14,5 до 18,7% валового урожая риса. На Филиппинах в 1956 г. натуральная земельная рента (включая платежи по ростовщическим долгам помещикам) поглощала 18,1% валового урожая риса. В 1962/63 г. доля натуральной земельной

ренты достигала 17,9% валового урожая риса [161, стр. 27, 28].

Несмотря на то что, как подчеркивается в материалах четвертого пятилетнего плана Индии, «обеспечение земель тех, кто ее обрабатывает, является решающим для всей схемы земельной реформы», опубликованный в 1968 г. доклад главного регистратора при индийском правительстве отметил сохранение высокого удельного веса арендаторских хозяйств, особенно в штатах Пенджаб (39% всех крестьян), Бихар (37%), Керала (31%) и Майсур (25%). Причем до сих пор 82% арендаторов не имеют постоянных прав на владение обрабатываемой землей. Их судьба как землевладельцев зависит либо от временного соглашения об аренде, либо просто от воли помещика, который может в любой момент согнать их с земли по своему произволу [362, 14.VI.1968].

Особенно велика роль крупного землевладения в странах Латинской Америки, где интересы помещичьего класса тесно переплелись с интересами иностранных капиталистических монополий. Для латиноамериканского сельского хозяйства типична система латифундий — огромных поместий, специализирующихся на экстенсивном животноводстве или товарном земледелии с использованием труда батраков. Землевладение отличается здесь высокой и продолжающей расти концентрацией. По данным 1961 г., 1,5% хозяйств владели 65% сельскохозяйственных земель, тогда как на другом полюсе 73% хозяйств имели в своем распоряжении лишь 3,7% общей земельной площади [222, стр. 31—32]*.

В то время как миллионы крестьянских хозяйств испытывают острый земельный голод, огромные земельные

* Отдельные страны дают примеры еще более резких диспропорций в землевладении. Так, в Бразилии 65 крупнейших латифундий имели 18 млн. га земли, а свыше 2 млн. мелкокрестьянских хозяйств — только 13,6 млн. га; в Аргентине 13 тыс. помещиков, имения которых достигали более 2500 га каждое, владели более чем половиной всей земли; в Уругвае почти такая же доля земельной собственности находилась в руках всего 600 помещичьих семейств; в Чили менее тысячи помещиков (0,5% всех земельных собственников) с имениями в 1 тыс. га и более владели 37% общей земельной площади; в Эквадоре 241 хозяйство (0,2% общего количества) имело 1,6 млн. га, или 25% площади всех землевладений; в Венесуэле 3422 хозяйства (1,5% общего числа) составляли 17,4 тыс. га, или 69% площади всех землевладений; в Гватемале всего 22 хозяйствам с площадью свыше 9 тыс. га каждое принадлежало 0,5 млн. га, или 13% площади всех землевладений, и т. д.

массивы в латифундиях не обрабатываются. По имеющимся оценкам, в Латинской Америке крупным землевладельцам принадлежит 75% годной для обработки земли, но фактически возделываются лишь 10% [358, 1968, № 8, стр. 152]. Причем на возделываемой земле выращиваются главным образом не продовольственные культуры для внутреннего потребления, а бананы, сахарный тростник, кофе, какао, каучук и пр. для экспорта; в одном исследовании сообщалось, что, например, в Бразилии только 2% территории занято сельскохозяйственными культурами, но две трети этой земли отведены под плантации, продукция которых идет на экспорт и не способствует улучшению продовольственного положения страны [182, стр. 115].

К числу крупнейших латифундистов Латинской Америки принадлежат многочисленные иностранные монополии, главным образом США. Мощная американская компания «Юнайтед Фрут» имеет в разных латиноамериканских странах в общей сложности свыше 1 млн. га земли, из которой только 200 с лишним тыс. га используются под плантации, а остальные пустуют. Более 1 млн. га земли принадлежит в Аргентине английской компании «Форестол». В последнее время американцы скупают сотни тысяч гектаров земли в Бразилии.

Помещичья монополия на землю обусловила широкое распространение в латиноамериканских странах кабальных арендных отношений. В Панаме, например, лишь 14,1% крупных землевладельцев сами организуют свое производство, в Гондурасе — 21,3%, в Венесуэле — 25,1%. Всего же в Латинской Америке более двух третей земли обрабатывается арендаторами, издольщиками и батраками [358, 1968, № 8, стр. 152]. Обычно крестьянин-арендатор отдает помещику в качестве арендной платы 40—50% урожая. Но нередко, особенно в неурожайные годы, практикуются также отработки, когда крестьянин четыре-пять дней в неделю работает на земле помещика, получая за это мизерную денежную плату (например, в горных районах Эквадора 0,75 сукре, что равняется пяти ам. центам). Помещики пользуются и неоплаченным трудом крестьян. Так, в некоторых областях Перу крестьянские семьи еще недавно были вынуждены ежемесячно посылать одного мужчину и одну женщину в деревенскую усадьбу или городской дом помещика для выполнения бесплатной работы.

Феодальные повинности сохраняются и в форме обязательства продавать только помещику по заниженным ценам остающуюся у крестьянина после погашения арендной платы часть урожая и в форме ограничения свободы передвижения арендаторов. По существу в крепостной зависимости находятся некоторые категории батраков, и прежде всего постоянных батраков, по наследству арендующих у помещика дом и небольшой земельный надел. Нередко батраки работают определенную часть года на землях помещика бесплатно или за незначительную плату, иногда в виде талонов для закупки по завышенным ценам в хозяйской лавке необходимого инвентаря и предметов личного потребления.

Кабальный характер арендных отношений усиливается в связи с широко распространенной системой краткосрочной аренды, создающей для крестьянина неуверенность в завтрашнем дне. В Бразилии в 56% обследованных районах сроки аренды не превышали двух лет, а половина арендаторов получала землю на один год. Еще более беззащитным от произвола помещиков оказывается крестьянин, если соглашение о земельной аренде заключается устно (в Аргентине 55% арендаторов не имели письменного договора) [358, 1968, № 8, стр. 152].

В Африке, южнее Сахары, туземное помещичье землевладение не играет такой роли, как в Азии, Северной Африке или Латинской Америке, хотя в Восточной Африке встречаются развитые феодальные отношения с султанами и другими феодальными правителями. В большинстве же африканских стран местные «вожди», племенная и родовая знать эксплуатируют своих односельчан феодальными методами, заставляя их, в частности, обрабатывать свои поля или выполнять другие повинности. Кроме того, после второй мировой войны стало увеличиваться число, особенно в Западной Африке, сравнительно крупных плантаций, принадлежащих африканцам. В Республике Берег Слоновой Кости, например, насчитывается свыше 10 тыс. плантаторов-африканцев (9% всех сельских хозяйств). Каждый из них имеет не менее 10 га под экспортными культурами и нанимает не менее пяти батраков. В руках этих плантаторов находится около 30% всей обрабатываемой площади [181, стр. 37, 109].

Таким образом, в Азии, Латинской Америке, Африке

положение крестьянства, т. е. подавляющей массы населения, определяется прежде всего безземельем и малоземельем. В Индии безземельные крестьяне — арендаторы и батраки — составляли две пятых сельского населения, а из числа землевладельцев около половины имели менее 1 га земли. В Бирме доля безземельного и малоземельного крестьянства определялась более 70% общей численности занятых в сельском хозяйстве. В Индонезии из общего числа жителей, занятых в сельском хозяйстве, только две пятых владели землей, а остальные (свыше 40 млн. человек) были арендаторами или сельскохозяйственными рабочими; 70% индонезийских землевладельцев располагали участками менее 1 га. Безземельные крестьяне в общей численности сельского населения составляли в Ираке более 80%, в Ливане — несколько менее 70%, в Марокко — 50%. В Аргентине свыше двух третей сельских хозяйств не имеют собственной земли и прибегают к аренде. В Уругвае более трети всех занятых в сельском хозяйстве работают по найму, в Чили их около 70% и т. д.

Крайняя бедность — другая отличительная черта деревенской жизни в развивающихся странах. Крестьяне эксплуатируют центральные и местные власти при помощи налогов, помещики — различными поборами и повинностями; ростовщики — грабительскими ссудными процентами за предоставляемые в долг деньги или продовольствие, торговцы-перекупщики — низкими ценами на сельскохозяйственные продукты и высокими ценами на промышленные товары.

Именно порожденные существующими аграрными отношениями безземелье и нищета широких крестьянских масс составляют главное содержание продовольственной проблемы. Обработывая ничтожные клочки земли примитивными, многовековой давности орудиями, крестьяне не могут добиться сколько-нибудь существенного подъема производства. Разве удивительно, что, например, во многих районах Тропической Африки урожайность ряда культур в 8—10 раз ниже европейской, если главным орудием крестьянского труда служит мотыга или заостренный кол вместо плуга, а посевы производятся на одном и том же поле без удобрений до его полного истощения. У подавляющей массы крестьян нет средств на приобретение современных сельскохозяйственных машин и инструментов, необходимых удобрений и ядохимика-

тов, для улучшения агротехнических методов, в том числе осуществления ирригационных работ. Да и сам по себе парцеллярный размер земельных участков оказывается препятствием не только для применения современных машин и проведения ирригационных работ, но зачастую даже для использования тягла. В тех же случаях, когда рабочий скот все-таки применяется, он нередко бывает таким слабым из-за нехватки кормов, что с трудом справляется лишь с сохой, но не в состоянии тянуть современный плуг. Освоение целинных земель в малообжитых районах также является для абсолютно преобладающей части крестьян непосильной задачей, поскольку прежде всего для этого необходимы большие предварительные капитальные затраты.

Вот почему до последнего времени развитие производства продовольствия в Азии, Африке и Латинской Америке, еле успевая за ростом населения или даже отставая от него, происходило экстенсивным путем, в основном за счет расширения посевных площадей при сохранении, как правило, отсталых методов обработки земли и, следовательно, низкой урожайности. Если за период с 1934—1938 гг. по 1960 г. урожайность зерновых выросла в развитых странах на 51% (в Северной Америке на 109%) практически без изменения посевных площадей, то в развивающихся странах только на 8%, тогда как посевные площади расширились на 32% [228, стр. 5]. Соответственно еще более увеличился разрыв между средними показателями урожайности в двух группах стран: в развитых странах средняя урожайность в 3—4 раза выше, чем в развивающихся странах.

Техническому застою в земледелии способствует и кабальная арендная система. Арендаторы, выплачивающие землевладельцу половину и более собираемого урожая, лишены возможности, да и не имеют стимула — особенно если аренда краткосрочная — улучшать плодородие помещичьих земель. В свою очередь, крупные землевладельцы, получающие от сдачи своей земли в аренду высокие доходы, не заинтересованы в ведении собственного хозяйства, что всегда связано с определенным риском. В их руках сосредоточивается в виде арендной платы значительная доля всей сельскохозяйственной продукции, которая затем, как правило, расходуется непроизводительным образом за пределами сельскохозяйственной сферы.

Следовательно, обязательным условием, без которого невозможно решить продовольственную проблему в развивающихся странах, является последовательное осуществление радикальной аграрной реформы, имеющей целью ликвидировать помещичье землевладение, в том числе землевладение иностранных монополий, и наделить землей безземельных и малоземельных крестьян, ликвидировать кабальную арендную систему, запретить ростовщичество и аннулировать задолженность крестьян по ростовщическим ссудам, полностью устранить всякие другие пережитки анахронических общественных отношений в деревне.

Вместе с тем было бы большой ошибкой полагать, будто сами по себе эти важные социально-экономические преобразования в деревне уже означали бы окончательное решение продовольственного вопроса. Аграрная реформа — совершенно необходимое, но все же только предварительное условие перехода сельскохозяйственного производства развивающихся стран на рельсы современной агротехники, она отнюдь не означает утверждения этой агротехники. При всем своем общественно необходимом значении аграрная реформа на первых порах может даже вызвать дополнительные продовольственные затруднения, особенно в городах, поскольку, как уже отмечалось, облегчая положение крестьян и увеличивая их доходы за счет той части сельскохозяйственной продукции, которая ранее экспроприировалась помещиками и ростовщиками, она позволяет деревне улучшить свое внутреннее продовольственное потребление и тем самым, по крайней мере на время, может вызвать сокращение товарности сельскохозяйственного производства. Факты свидетельствуют, например, что в Кении передача высокотоварных ферм европейских колонистов африканским крестьянам в ряде случаев привела к превращению этих ферм в натуральные хозяйства. В Индонезии распределение между крестьянами земельных массивов отдельных иностранных плантаций вызвало значительное падение общего выхода товарной продукции этих земель.

Но главная сложность заключается в том, что даже самая радикальная аграрная реформа не может сразу же устранить такие два труднопреодолимых препятствия на пути внедрения современной агротехники, какими являются общая нехватка в национальном масшта-

бе необходимых капиталов и низкий культурный уровень крестьянства*.

Большие денежные средства (особенно в иностранной валюте) требуются для импорта и организации местного производства химических удобрений, рациональное применение которых могло бы обеспечить быстрый и значительный подъем урожайности. Эксперты считают, что, например, даже умеренная подкормка азотными веществами рисовых полей в Индии из расчета в среднем по 30 кг на гектар позволила бы собирать ежегодно на 10 млн. т больше риса. Грубо обобщая, 1 кг химических удобрений дает в нормальных условиях прирост урожая зерновых на 10 кг. (Появившиеся недавно новые улучшенные сорта семян дают более высокую отдачу на единицу удобрений, зато нуждаются в более интенсивном их применении, в результате чего общая потребность в удобрениях при переходе на новые сортовые семена оказывается выше, чем при посевах традиционными сортами.) Однако сельское хозяйство всех афро-азиатских и латиноамериканских стран до самого последнего времени использовало едва ли 10% необходимого им количества удобрений, а в обширных районах, особенно в Азии и Африке, совсем обходились без химических удобрений или применяли их в незначительном размере. Так, если в Японии в среднем на гектар вносили 283,5 кг удобрений, то в Индии — только 4,5 кг [225, стр. 74].

Недостаточное применение химических удобрений развивающимися странами объясняется, прежде всего тем, что собственного производства они, как правило, не имеют, а импортные слишком дороги. В 1960/61 г. соотношение цен на удобрения и рис равнялось в Индии 5,23, тогда как в Японии только 1,35 и в США 1,72 [86, табл. 41]. Поэтому для основной массы крестьянства удобрения недоступны из-за дороговизны, а для более зажиточных применение удобрений в условиях низких цен на сельскохозяйственные продукты оказывается

* Следует заметить, что и само проведение аграрных реформ также требует значительных средств и многочисленного штата квалифицированных администраторов, землемеров и т. д., т. е. того, чем многие развивающиеся страны не располагают. Это обстоятельство активно используется реакционными классами, оказывающими ожесточенное противодействие всяким попыткам прогрессивных преобразований в деревне.

невыгодным, поскольку доход от урожая не оправдывает произведенные затраты. Точно так же эти «ножницы» цен препятствуют внедрению в практику и других современных агротехнических средств и механизмов.

Уже упоминавшийся научный консультативный комитет в составе 110 видных американских специалистов, представивший в 1967 г. президенту США доклад о мировом продовольственном положении, пришел к выводу, что для удвоения сельскохозяйственного производства в развивающихся странах необходимо увеличить применение удобрений с 6 млн. т в 1966 г. до 67 млн. т в 1985 г. По оценке комитета, для этого потребуется затратить на производство, импорт и распределение удобрений примерно 16 млрд. долл. [98]. (По другим оценкам, — не менее 20 млрд. долл.)

Дополнительные крупные капиталовложения понадобятся для развития производства средств борьбы с сельскохозяйственными вредителями и сорняками, производства сельскохозяйственного инвентаря, расширения ирригационной сети и т. д. Без всего этого трудно рассчитывать на успешное использование другого эффективного средства повышения урожайности — перехода к посевам сортовими семенами. Дело в том, что применение новых, высокопродуктивных сортов семян требует более тщательной обработки почвы и поэтому более совершенного инвентаря, обильного и постоянного орошения, своевременного внесения необходимого количества соответствующих удобрений, надлежащего применения ядохимикатов (поскольку более интенсивные полив и удобрение полей стимулируют рост не только полезных сельскохозяйственных растений, но и сорняков). В связи с задачей удвоения сельскохозяйственного производства развивающихся стран необходимо будет увеличить применение инсектицидов, фунгицидов, гербицидов и т. д. с 120 тыс. т в 1966 г. до 700 тыс. т в 1985 г., на что потребуется затратить около 2 млрд. долл., в том числе 1,2 млрд. на производство и 0,7 млрд. для организации их распределения [98].

Переход к посевам сортовими семенами вызовет значительное расширение орошаемого земледелия. В настоящее время в большинстве стран Азии искусственное орошение производится лишь на четверти, — половине рисовых полей, на остальных полях рисоводство

полностью зависит от муссонов. Между тем новые улучшенные сорта риса нуждаются не просто в искусственном орошении, а в орошении, отдельно регулируемом на каждом отдельном поле в течение вегетационного периода. Поэтому наряду с созданием новых ирригационных систем необходимо реконструировать старые, что также связано с крупными капиталовложениями и в строительные работы, и в закупки необходимого оборудования — труб, насосов, двигателей и т. п. Например, в Юго-Восточной Азии хорошие перспективы для развития орошаемого земледелия открываются в связи с проектом комплексного гидротехнического строительства в бассейне р. Меконг, однако стоимость реализации этого проекта оценивается по меньшей мере в 2 млрд. долл. [369, 1969, № 3, стр. 465].

Осуществление всех этих обширных агротехнических мероприятий связано не только с огромными капиталовложениями, но и с переходом к качественно иной, значительно более высокой культуре земледелия, которая в массовых масштабах недостижима, пока крестьянство не откажется от традиционных методов обработки земли, не научится применять новые методы полеводства. Для использования улучшенных сортов семян надо знать и новые сроки и методы посадки и уборки, и новые методы орошения, и способы применения удобрений, инсектицидов, пестицидов и т. д.

Следовательно, подъем сельскохозяйственного производства в развивающихся странах не может стать широким и стабильным без культурных сдвигов в деревне, без хотя бы элементарного агротехнического просвещения крестьянства. А это, в свою очередь, требует дополнительных затрат на развитие народного образования. Вот почему в исследованиях о больших потенциальных возможностях увеличения производства продовольствия в развивающихся странах, ссылаясь на высокие показатели урожайности, достигнутые в развитых странах, нельзя упускать из виду культурные различия. Ведь сельское хозяйство передовых по урожайности стран обслуживается широкой сетью агрономических институтов, лабораторий и других научных учреждений, которые консультируют фермеров, производят для них необходимые агротехнические исследования, снабжают свежей информацией. Достаточно указать, что в 1960 г.

в Голландии на 100 тыс. занятых в сельскохозяйственном производстве приходилось 133 научно-исследовательских работника в области агрономии, а в Индии — только 1,2 [86, табл. 46]. В последующие годы число сельскохозяйственных специалистов в развивающихся странах хотя и увеличилось, но все еще далеко не достаточно, чтобы можно было считать проблему решенной. Так, в 1968 г. в Индии один консультант по сельскохозяйственным вопросам приходился в среднем примерно на семь деревень, и в Западном Пакистане — один на десять деревень [359, 1969, № 1, стр. 12, 13].

В свете изложенных выше обстоятельств следует оценивать значение и перспективы происшедшей в 1967—1968 гг. в Азии так называемой «зеленой революции». Несомненно, ее роль необычайно велика и выходит далеко за рамки, определяемые только количественными показателями, только величиной прироста валовых сборов продовольственных культур. «Зеленая революция» — это прежде всего свидетельство важных качественных изменений, результат стремительного прорыва в отсталое, застойное сельское хозяйство развивающихся стран достижений современной мировой науки и техники, новый сокрушительный удар по мальтузианской теории истощенности природных ресурсов и убедительное опровержение мрачных пророчеств современных мальтузианцев о неминуемом мировом голоде.

Неопровержимые факты наглядно подтвердили, что энергичные национальные усилия по подъему сельского хозяйства, изменение в интересах деревни государственной политики цен и налогов и, как следствие, создание для крестьян благоприятной рыночной конъюнктуры могут вызвать значительное повышение темпов производства продовольствия в развивающихся странах даже при нынешней все еще массовой неграмотности крестьянства и сохраняющемся низком уровне национального дохода на душу населения.

Однако столь же отчетливо видны и реальные пределы «зеленой революции», которая хотя и опровергает доводы крайних пессимистов в оценке ближайших перспектив продовольственного положения в развивающихся странах, но отнюдь не дает оснований для чрезмерного оптимизма. Не будучи подкреплены коренной перестройкой социально-экономической структуры дерев-

ни и подлинной культурной революцией, отмеченные перемены в сельскохозяйственном производстве неизбежно приобретают ограниченный характер. Более того, не решая в принципе аграрного вопроса, они создают новые серьезные экономические, социальные и политические проблемы.

Начать с того, что благоприятной рыночной ситуацией 1967—1968 гг. воспользовалась в основном узкая прослойка зажиточного крестьянства и помещиков, для которых оказалось выгодным при изменившейся системе цен расширить свое хозяйство путем применения современных агротехнических методов. Это, в частности, привело к усилению сгона арендаторов с обрабатываемых ими земель, что, в свою очередь, вызвало углубление классовой дифференциации деревни, увеличило размеры ее пролетарских и полупролетарских слоев, которые прежде всего страдают от недостаточного питания.

Подавляющая масса крестьянства не в состоянии использовать выгоды «зеленой революции», потому что в бедной азиатской деревне только помещики и кулаки располагают необходимыми по качеству и условиям орошения земель, средствами и возможностью пользоваться банковскими кредитами, коммерческими навыками и связями с рынком и другими предпосылками, обязательными для перехода к посевам высокоурожайными и скороспелыми сортовыми семенами. Новая агротехника требует не только интенсивного и своевременного применения удобрений и ядохимикатов, но и использования механических обработки почвы, сушки и обмолота урожая и т. д. По оценке Международного научно-исследовательского института рисоводства на Филиппинах, затраты рисовода, пользующегося традиционной агротехникой, составляют в среднем около 20 долл. на гектар, тогда как при переходе к посевам высокоурожайными семенами ИР-8 они возрастают до 220 долл. [369, 1969, № 3, стр. 470]. Разумеется, рядовой крестьянин не в состоянии пойти на такие расходы.

«Зеленая революция» принесла экономические выгоды только привилегированной деревенской верхушке. Это, в частности, вынуждена была признать премьер-министр Индии Индира Ганди. Отвечая на вопросы корреспондентов «Правды», она сказала: «В последние

годы мы сконцентрировали усилия на увеличении снабжения сельского хозяйства минеральными удобрениями, сортовыми семенами, сельскохозяйственным инвентарем и другими средствами, необходимыми для быстрого увеличения производства и решения продовольственной проблемы. В определенной степени это удалось. Однако наряду с этим выявились и отрицательные последствия. В частности, усилились социальное неравенство и региональные различия между сельскими районами. Плодами новой политики смогли воспользоваться лишь те районы, где было достаточно орошаемых земель, а внутри них — в основном зажиточные землевладельцы. В нашей деревне вырос слой богатого крестьянства, кулачества. И это, конечно, порождает сложные дополнительные проблемы, которые имеют тенденцию все более обостряться» [362, 25.XII.1969].

Серьезные трудности в экономике развивающихся стран возникают в связи с тем, что увеличение государственных ассигнований на расширение сельскохозяйственного производства происходит в условиях общей нехватки капиталов, особенно усилившейся в период тяжелого продовольственного кризиса, а поэтому означает сокращение ассигнований на другие экономические, социальные и культурные нужды. Между тем если экстенсивное развитие сельского хозяйства шло и в условиях отсталой экономики, то стабильный подъем за счет интенсификации сельскохозяйственного производства немыслим без общего экономического подъема, без комплексного решения ряда общих финансовых, технических, социальных и других проблем. Он невозможен без промышленного развития, в частности производства химических удобрений, ядохимикатов, сельскохозяйственных орудий, переработки сельскохозяйственного сырья и т. п.; без развития транспортной сети, надежно связывающей основные районы сельскохозяйственного производства с главными районами потребления; без создания гибкой системы закупок продовольствия и современных хранилищ: ведь до сих пор из-за неправильного хранения в развивающихся странах гибнет, по некоторым оценкам, до трети урожая.

Так, неподготовленность торговой сети Индии к богатому урожаю 1968 г. привела к тому, что зерно пришлось складывать в не приспособленных для этого по-

мещениях, оставлять под открытым небом, в результате чего резко возросли потери. В одной из статей о продовольственном положении в Африке, опубликованной во французском журнале «Проже» в 1967 г., говорилось: «Когда видишь, как гниют груды арахиса, лежащие вдоль дорог, потому что их не забирают ни торговцы, ни торговые организации, когда видишь крестьян Яунды, у которых нет охоты выращивать овощи, потому что рынки камерунской столицы переполнены салатом, помидорами и баклажанами, когда видишь, что крестьянин бауле производит лишь минимум корней ямса, потому что никто не заботится о доставке его урожая в Абиджан, когда видишь, что в Северном Того не хватает картофеля, тогда как в 200 км оттуда крестьяне в Купела в Верхней Вольте не знают, что делать со своим картофелем, который они охотно продали бы по любой цене, понимаешь необходимость навести порядок и в производстве и в организации закупок, понимаешь необходимость планирования».

Но, конечно, одним из основных препятствий для дальнейшего роста производства продовольствия в развивающихся странах остается узость внутреннего рынка в результате низкого платежеспособного спроса, который нельзя повысить без сколько-нибудь существенного улучшения условий жизни широких народных масс, а также сильная конкуренция на внешних рынках традиционных экспортеров продовольствия.

Уже к концу первого года «зеленой революции», когда вызванная стихийными бедствиями двух предшествовавших лет чрезвычайная нехватка продовольствия была в определенной мере восполнена возросшими продовольственными поставками, появились первые признаки затруднения сбыта и, как следствие, снижения цен на продовольственные товары. Как сообщалось, в 1967/68 г. упали цены на Филиппинах, где образовались излишки зерна на складах национальной организации по регулированию производства риса и кукурузы; в Пакистане осенью 1968 г. снизились оптовые цены на пшеницу из-за возросших товарных поставок. В свою очередь, падение цен повлекло за собой замедление или даже сокращение производства. Валовой сбор риса (неочищенного) в 1967 и 1968 гг. соответственно равнялся (в млн. т): в Индии 61,5 и 60,0, в Пакистане 19,0 и 19,0, в Таиланде 11,2 и 11,0, на Филиппи-

нах 4,4 и 4,3 [97, стр. 13, 15]. В целом производство продовольствия в Индии в 1968/69 г. оставалось на высоком уровне: было собрано 94 млн. т зерновых, что было ненамного меньше рекордного 1967/68 г., когда урожай достиг 95,1 млн. т. Но за год население Индии возросло более чем на 13 млн. человек, и, следовательно, уровень производства на душу населения вновь заметно понизился. Та же тенденция наблюдалась и во всем развивающемся мире: «зеленой революции» не удалось преодолеть ее действие в продовольственном вопросе.

Часть третья

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМ НАРОДО-НАСЕЛЕНИЯ

ГЛАВА VI

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В АФРО-АЗИАТСКИХ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАНАХ*

Национальные программы контроля над рождаемостью

Сложные проблемы, вызываемые слишком быстрыми темпами роста населения, побуждают правительства развивающихся стран уделять все большее внимание демографической политике в общем комплексе своих внутривнутриполитических мероприятий. В основном эта политика имеет целью добиться постепенного замедления естественного прироста населения при помощи различных средств, способствующих ограничению рождаемости. К ним относятся некоторые законодательные меры, в частности запрещение ранних браков, разрешение аборт и т. п., но главные надежды возлагаются на расширение деятельности по пропаганде методов сознательного внутрисемейного планирования числа желаемых детей и предоставление необходимых для контроля над рождаемостью медикаментов и медицинской помощи. Пока лишь в редких случаях и в самых ограниченных масштабах делаются также попытки оказывать регулирующее воздействие на миграционные процессы.

Конечно, осуществление демографической политики

* В этой главе использованы материалы, ранее опубликованные автором [122].

в экономически и культурно отсталых странах сопряжено с большими трудностями. Прежде всего речь идет об универсальном препятствии для проведения в жизнь любых народнохозяйственных планов — острой нехватке необходимых финансовых и технических средств, специалистов, в первую очередь подготовленного медицинского персонала, низком культурно-образовательном уровне населения, ограниченных возможностях распространения информации и пр. К тому же представляется чрезвычайно сложным правильно определить эффективность тех или иных демографических мер, найти наиболее рациональное их сочетание, предугадать будущие результаты без хорошо налаженного, всестороннего статистического учета населения, без глубоких конкретных научных исследований демографических процессов в каждом отдельном районе, без отчетливого понимания взаимосвязи и взаимозависимости демографических факторов, с одной стороны, и различных экономических, социальных, культурных факторов — с другой. Но именно отсутствие такого рода демографического учета и демографических исследований типично для подавляющего большинства развивающихся стран.

Тем не менее за короткий срок, начиная с 1960 г. и особенно в последние пять лет, так называемые программы планирования семьи завоевали широкое общественное признание. В 1969 г. более 20 государств Азии, Африки и Латинской Америки провозгласили мероприятия по контролю над рождаемостью в качестве своей официальной политики или проводили их при всесторонней правительственной поддержке. На территории этих государств проживало свыше половины населения развивающегося мира. Еще в 10—15 странах аналогичные мероприятия в меньших масштабах проводили неправительственные организации, но с определенной помощью государства.

Программы планирования семьи получили наибольшее распространение в Азии. Здесь они формально охватывают около 70% населения (а с учетом Китайской Народной Республики, где также действует политика ограничения рождаемости, — около 80%). Лишь 120 млн. человек из всего азиатского населения проживают в странах, где отсутствует какая-либо официальная активность в области контроля над рождаемостью. К их числу относятся Бирма, Лаос, Камбоджа, Южный

Вьетнам, Афганистан и еще около десяти стран, преимущественно на Ближнем Востоке [382, 1969, № 39 (приложение), стр. 343].

Первой среди других развивающихся стран объявила о своем намерении приступить к осуществлению национальной программы планирования семьи в качестве официальной государственной политики Индия. В опубликованном летом 1951 г. проекте первого пятилетнего плана развития народного хозяйства следующим образом обосновывалось значение демографической политики: «Растущее давление населения на естественные ресурсы задерживает экономический прогресс и серьезно ограничивает темпы расширения социальных услуг, столь необходимых для цивилизованного существования. Поэтому политика в области народонаселения необходима для планирования» [89, стр. 16].

Для разработки этой политики решением правительства в апреле 1951 г. был образован Исследовательский комитет планирования семьи с двумя подкомитетами: один — по социально-экономическим и культурным исследованиям, другой — по исследованию биологического и других качественных аспектов народонаселения. На своем первом совещании в июле 1953 г. Комитет специально подчеркнул, что программа семейного планирования отнюдь не сводится только к задаче ограничения рождаемости, а имеет генеральной целью способствовать этим путем укреплению благосостояния семьи как основной ячейки общества. В период выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1951—1956 гг.) под руководством Комитета были проведены основные научно-исследовательские работы, созданы курсы по подготовке кадров, открыты при медицинских институтах первые центры по семейному планированию и начато осуществление экспериментальных программ в отдельных районах. В 1956 г. Комитет был преобразован в Центральную организацию по планированию семьи.

Общенациональная программа семейного планирования вступила в действие с началом второго пятилетнего народнохозяйственного плана (1956—1961 гг.). В стране развернулась кампания по ознакомлению населения с целями и методами семейного планирования путем массового распространения листовок, плакатов и брошюр, использования радио и прессы, демонстраций

короткометражных фильмов в стационарных кинотеатрах и кинопередвижками, организации выставок, лекций и бесед. Кампания проводилась под лозунгом: «Повремени заводить второго ребенка, — после третьего — остановись!».

Одновременно расширялась сеть специальных клиник, а уже существующим медицинским учреждениям вменялось в обязанность давать консультации по вопросам семейного планирования, а также распространять контрацептивные средства. Для подготовки необходимых кадров были открыты краткосрочные курсы и тренировочные центры; Медицинский совет Индии, Межуниверситетский совет и Совет медсестер включили специализацию по семейному планированию в свои общие учебные программы. Были приняты и некоторые законодательные меры. Так, правительство запретило вступление в брак девушкам в возрасте до 16 лет, освободило от налогов компании, субсидирующие национальную программу семейного планирования, снизило пошлины на импорт контрацептивных средств.

Период третьего пятилетнего плана (1961—1966 гг.) ознаменовался переходом к новому этапу в осуществлении демографической политики. С октября 1963 г. вступил в действие пересмотренный и расширенный вариант официальной программы планирования семьи, который намечал своей конечной целью снижение среднего показателя рождаемости в стране с 41 на 1000 жителей в 1961 г. до 25 к 1973 г. Основу программы составили следующие три главных принципа: «1) каждый индивид должен знать и чувствовать, что его непосредственное социальное окружение или община, к которым он принадлежит, согласились как коллектив считать малый размер семьи нормальным, желательным образцом для своих членов; 2) каждый индивид должен знать, что небольшая семья выгодна ему лично, а также быть знакомым с контрацептивными методами и 3) эти контрацептивные методы должны быть легко доступны для каждого индивида» [189, стр. 115—116].

В числе конкретных задач предусматривалось создать в среднем по пять центров семейного планирования на каждый район, охватывающий примерно 50 тыс. жителей в городах и 80 тыс. жителей в сельской местности, а также подготовить 65 тыс. различных специалистов по семейному планированию. К середине 1966 г.,

т. е. к концу осуществления третьего пятилетнего плана, в стране уже насчитывалось свыше 12 тыс. центров семейного планирования (по сравнению со 147 в 1955—1956 гг.), в том числе 1381 в городах и 10 757 в сельской местности, включая 3676 основных центров и 7081 филиал. Действовало также 28 пунктов по подготовке кадров для проведения в жизнь программы семейного планирования, семь демографических институтов, семь институтов, изучавших организационные аспекты семейного планирования, и восемь институтов, изучавших биомедицинские аспекты семейного планирования [89а, стр. 310].

Новые задачи потребовали административных изменений. При кабинете министров был создан Комитет по вопросам планирования семьи под председательством премьер-министра и с участием министра финансов, министра информации и радиовещания, министра продовольствия и сельского хозяйства, министра труда и министра здравоохранения. Министерство здравоохранения было преобразовано в министерство здравоохранения и планирования семьи с отдельным департаментом по планированию семьи. Центральную организацию по планированию семьи возглавил уполномоченный правительства. Были образованы три консультативных комитета: по вопросам демографии, координационно-административной деятельности и биомедицинским аспектам семейного планирования. Созданный Центральный институт планирования семьи должен был разрабатывать более эффективные методы получения и распространения новых знаний по всем аспектам национальной программы, а также консультировать Центральную организацию планирования семьи и другие агентства. Существовавший с конца 1955 г. Постоянный комитет по демографической статистике был преобразован в Национальный совет по народонаселению под председательством министра внутренних дел; Совету вменялось в обязанность давать рекомендации правительству, направленные на улучшение статистики народонаселения и демографических исследований. Были приняты также меры по дальнейшему укреплению финансового и административного руководства на местах.

Вступившая в действие в период третьего пятилетнего плана расширенная программа планирования семьи основывалась на массовом распространении новых ме-

тодов контрацепции, в первую очередь так называемых «внутриматочных устройств» (ВМУ) и стерилизаций. Быстро завоевавшее популярность в развивающихся странах в 60-х годах женское противозачаточное средство ВМУ отличается простотой в обращении и дешевизной. Оно представляет собой маленькую пластмассовую спиральку или колечко, требует одноразовую процедуру установки и обладает длительным, при желании, сроком действия, до одного-двух лет. Правда, установка может производиться только специально подготовленным персоналом; а также требуется периодическое медицинское наблюдение, поскольку в определенных случаях применение ВМУ противопоказано и не все женщины одинаково легко переносят его. При нехватке медицинских кадров это обстоятельство создает определенные затруднения.

Тем не менее, начиная с 1965 г., когда в Индии началось массовое применение ВМУ, этим средством воспользовалось 2,45 млн. женщин, и к концу 1968 г., с учетом прекративших его употребление за этот период, продолжало пользоваться 1,5 млн. женщин, что означало распространение практики контроля над рождаемостью на 2,9% супружеских пар в детородном возрасте [331а, стр. 6]. Со вступлением в строй фабрики в Канпуре, способной производить ежедневно 30 тыс. ВМУ, Индия получила возможность полностью обеспечивать им население.

Другим практикуемым сейчас в Индии массовым средством контроля над рождаемостью является стерилизация, т. е. сравнительно несложная операция перевязки или перерезания семенных протоков у мужчин («васектомия») и несколько более сложная операция перевязки яйцепровода у женщин («сальпингектомия»), производимая обычно на третий день после родов. Стерилизация не ведет к каким-либо существенным изменениям в организме и практически не отражается на половой активности, но в отличие от всех других контрацептивных мер необратима по отношению к деторождению. Вот почему стерилизация рекомендуется только семьям старшего возраста, имеющим уже достаточное, по мнению супругов, число детей и твердо решившим их больше не иметь.

Как сообщалось, в Индии с 1956 по 1969 г. подверглись стерилизации свыше 5 млн. мужчин и женщин, при-

чем мужчин в шесть раз больше, чем женщин. В том числе 1,33 млн. операций было произведено за 1961—1966 гг., 0,8 млн. в 1966/67 г. и 1,8 млн. в 1967/68 г. [89а, стр. 311; 331а, стр. 6]. Всего к концу 1968 г. контроль над рождаемостью при помощи ВМУ и стерилизации практиковали уже около 12% супружеских пар детородного возраста, не считая применявших традиционные методы контроля над рождаемостью. Предполагается, что в результате использования всех видов контрацепции в Индии за период с апреля 1967 г. по март 1968 г. было предотвращено около 1 млн. деторождений [331а, стр. 7]. Общее же число предотвращенных деторождений к 1969 г. оценивалось официальными органами примерно в 11 млн. [210а, стр. 96].

Программа планирования семьи осуществляется в Индии полностью на добровольной основе. Стерилизация и установка ВМУ производятся не только бесплатно, но пациентам даже выплачивается небольшое денежное вознаграждение в качестве компенсации за транспортные расходы и потерю рабочего времени. В начале 60-х годов в штате Мадрас каждому мужчине, подвергнутому стерилизации, выплачивалось 40 рупий; в 1967 г., по некоторым данным, примерная величина денежных вознаграждений составляла 5,25 рупии за установку ВМУ, 12,25 рупии за «васектомию» и 26,25 рупии за «сальпингектомию» [382, 1969, № 39 (приложение), стр. 356, 357].

Важным показателем растущего значения демографической политики индийского правительства служит постоянное увеличение бюджетных ассигнований на финансирование национальной программы планирования семьи: они составили около 1,45 млн. рупий в период первого пятилетнего плана, 21,56 млн. в период второго и 270 млн. рупий в период третьего пятилетнего плана (из последней суммы фактически было реализовано 248,6 млн. рупий). В три последующих года было ассигновано: 133,8 млн. рупий в 1966/67 г., 265,3 млн. в 1967/68 г. и, по предварительным наметкам, 370 млн. в 1968/69 г. [89а, стр. 310; 382, 1968, № 35, стр. 7; 331а, стр. 4].

В 1969 г. вступил в действие Четвертый пятилетний план народного хозяйства Индии, задержавшийся из-за непредвиденных экономических и политических затруднений (тяжелой засухи в 1965/66 и 1966/67 гг., деваль-

вации валюты в июне 1966 г., понизившей золотое содержание рупии на 37,5%, и др.). Новый план наметил дальнейшее ускорение экономического развития, поскольку, как отмечалось в материалах правительственной комиссии по планированию, опыт прошлых лет показал, что «нынешние темпы экономической активности недостаточны, чтобы обеспечить всем производственную занятость, расширить базу социального обеспечения и вызвать значительное улучшение жизненного положения народа» [89а, стр. 13]. Согласно краткосрочным и долгосрочным плановым расчетам, среднегодовые темпы экономического роста должны составить около 5,5% в 1969—1974 гг. и повыситься до 6% в последующий период, в результате чего чистый внутренний продукт (в ценах 1967/68 г.) достигнет 582 млрд. рупий к 1980/81 г., т. е. вдвое превысит уровень 1967/68 г. [89а, стр. 29, 30].

Для выполнения этих ответственных плановых заданий в общем комплексе намечаемых мероприятий наряду с мероприятиями по подъему сельскохозяйственного производства, мобилизации внутренних сбережений, повышению эффективности капиталовложений, увеличению экспорта и сокращению импорта правительство Индии отводит «место высочайшего приоритета» программе семейного планирования. «Без успешных усилий в этом направлении, — подчеркивается в проекте четвертого пятилетнего плана, — было бы трудно достигнуть такого улучшения жизненного положения народа, какое намечено в нашем проекте на этот период. Значение программы для более отдаленного будущего даже еще важнее» [89а, стр. 30].

Исходя из такой высокой оценки экономической роли демографической политики, в новом пятилетнем плане на цели ограничения рождаемости ассигнована беспрецедентная сумма — 3 млрд. рупий, в том числе 750 млн. на обучение персонала, научно-исследовательскую работу, организационно-технические мероприятия, пропаганду, статистическую оценку результатов и 2250 млн. на финансирование практической деятельности городских и сельских центров семейного планирования. Предполагается, что к концу периода четвертого пятилетнего плана в Индии уже будет насчитываться 1856 таких центров в городах, 5225 центров в сельской местности, 31 752 филиала сельских центров и 51 учебный пункт по подготовке кадров, включая центральные ин-

ституты. Ожидаемое число брачных пар детородного возраста, практикующих семейное планирование, достигнет 28 млн., в результате чего будет предотвращено 18 млн. деторождений и общий коэффициент рождаемости понизится с 39 на 1000 в 1968/69 г. до 32 в 1973/74 г. [89а, стр. 312].

Дальнейшие планы интенсивного осуществления программы семейного планирования намечают увеличение числа брачных пар, практикующих контроль над рождаемостью, до 90—100 млн. и снижение общего коэффициента рождаемости до 26 к 1980/81 г. при одновременном сокращении общего коэффициента смертности до 9 на 1000. Соответственно ожидается снижение годового темпа естественного прироста населения с существующих 2,5% до 1,7% в 1980/81 г. и в среднем до 1,2% за последующие 20 лет [89а, стр. 30]*.

Пакистан приступил к осуществлению национальной программы планирования семьи с 1960 г. Правда, еще в 1953 г. Пакистанская ассоциация семейного планирования предприняла первые попытки ознакомления населения с методами контроля над рождаемостью. В дальнейшем она при поддержке правительства открыла несколько клиник и провела некоторые экспериментальные работы. Однако лишь после того как в процессе осуществления первого пятилетнего плана правительство столкнулось с серьезными проблемами, создаваемыми ускоренным ростом населения, семейное планирование было объявлено национальной политикой. Вначале ответственность за нее была возложена целиком на министерство здравоохранения, но вскоре программа планирования семьи вошла как составная часть во второй пятилетний план народнохозяйственного развития (1961—1965 гг.) и на нее было ассигновано 30,5 млн. рупий [382, 1968, № 26, стр. 8].

На первом этапе выполнения программы семейного планирования предусматривались мероприятия по организации научных исследований, подготовке кадров, про-

* Согласно другому источнику, индийская программа семейного планирования намечает сокращение общего коэффициента рождаемости до 23 к 1978—1979 гг. Вместе с тем предполагается, что средняя продолжительность жизни, которая равнялась в 1956 г. 41,9 года для мужчин и 40,6 года для женщин, будет возрастать ежегодно в среднем на 0,9 года до 1970 г., а после этого — на 0,75 года [331а, стр. 4].

ведению разъяснительной работы среди населения и открытию первых клиник. Был создан Центральный институт по планированию семьи и пять провинциальных институтов (два в Западном Пакистане и три в Восточном Пакистане), на которые помимо научной работы была возложена также задача обучения методам и технике контроля над рождаемостью ежегодно минимум 1200 специалистов, включая докторов, медицинских сестер, акушерок и т. д. При провинциальных институтах действовали передвижные учебные отряды для подготовки кадров непосредственно в деревнях. К концу периода первого пятилетнего плана в стране было создано 2750 клиник по планированию семьи, которые обслужили около 1 млн. пациентов. Почти 2 тыс. медицинских работников прошли курсы обучения методам контроля над рождаемостью [382, 1968, № 26, стр. 8; 179, стр. 9].

Второй этап программы начался в 1965 г. в рамках третьего пятилетнего плана. Опубликованный правительством официальный документ плановых заданий на 1965—1970 гг. следующим образом мотивировал необходимость резкого расширения деятельности по контролю над рождаемостью: «Чрезмерно высокие темпы роста населения, вызванные в последние десятилетия падающей смертностью без соответствующего снижения рождаемости, фактически поглотили все результаты экономического прогресса, которые Пакистан был в состоянии достигнуть за первые 12 лет своей независимости, допустив лишь небольшой прирост в доходе на душу населения... Если нынешняя тенденция снижающейся смертности и высокой рождаемости сохранится, население сможет возрасти в будущем еще более быстрыми темпами и станет препятствием в усилиях улучшить жизненное положение народа... Задача сдерживания темпов роста населения приобретает поэтому намного большее значение и настоятельность и должна получить максимальное внимание в третьем плане» [382, 1967, № 16, стр. 6].

Это особое внимание к мероприятиям по контролю над рождаемостью выразилось прежде всего в том, что они были выделены в самостоятельную развернутую «Программу семейного планирования Пакистана», на финансирование которой правительство ассигновало 284 млн. рупий, т. е. в девять с лишним раз больше, чем

в период второго пятилетнего плана [382, 1968, № 26, стр. 4].

Главной целью Программы было добиться сокращения общего коэффициента рождаемости в стране с 50 до 40 на 1000 к 1970 г. и тем самым снизить годовые темпы естественного прироста населения с 3 до 2,5%. Для достижения этой цели намечалось к 1970 г. распространить действие Программы на все 52 области страны и приобщить к регулярной практике контроля над рождаемостью по крайней мере четверть семейных пар детородного возраста (из общего числа 20 млн. в 1970 г.), что позволило бы, согласно оценкам, предотвратить около 1 млн. деторождений за весь пятилетний период [382, 1969, № 40, стр. 6—7].

Общее руководство Программой было возложено на Центральный совет планирования семьи под председательством министра здравоохранения и в составе представителей от других министерств. Секретарем Совета и исполнительным главой Программы являлся специальный комиссар по планированию семьи. На местах действовали соответствующие провинциальные организации, возглавлявшиеся министрами здравоохранения провинций и местными представителями комиссара; им подчинялись районные инспекторы по планированию семьи, специальные клиники и остальной местный персонал. Основу этой административной пирамиды составляют так называемые «сельские организаторы» (обычно ими являются по совместительству сельские акушерки и повивальные бабки), которым вменяется в обязанность пропагандировать идеи планирования семьи, давать надлежащие советы, распространять контрацептивные средства и направлять нуждающихся на клиническое обслуживание. За это они получали (по данным на 1967 г.) 15 рупий в месяц, 50% комиссионных за проданные контрацептивы и 2,5 рупии вознаграждения за каждого пациента, направленного в клиники семейного планирования. К началу третьего пятилетнего плана в Пакистане насчитывалось 876 инспекторов по планированию семьи, 715 их помощников, 732 доктора по планированию семьи и 28 716 «сельских организаторов». Таким образом, в среднем на каждые две деревни приходился один «сельский организатор» и примерно на 40 «сельских организаторов» один инспектор по планированию семьи. Кроме того, для распро-

странений среди населения контрацептивных средств, также на комиссионных началах, было привлечено около 30 тыс. аптекарей, мелких лавочников, торговцев-разносчиков и др. [179, стр. 9]. Острая нехватка женского медицинского и парамедицинского персонала до некоторой степени восполнялась путем привлечения к осуществлению Программы девушек-студенток, прошедших специальную краткосрочную подготовку.

ВМУ, стерилизация, традиционные контрацептивы — основные средства контроля над рождаемостью в Пакистане, причем, как и в Индии, первые два средства предоставляются бесплатно, а за стерилизацию пациент получает еще вознаграждение в размере 20 рупий. Кроме того, в Восточном Пакистане явившимся в клинику пациентам выплачивается две рупии на транспортные расходы [382, 1968, № 26, стр. 10].

Хотя к концу третьего пятилетнего плана Пакистану, видимо, не удалось полностью выполнить намеченную программу, но, судя по опубликованным данным, результаты оказались достаточно удовлетворительными. Еще в середине 1967 г. сообщалось, что 2,4 млн. супружеских пар практикуют контроль над рождаемостью и это позволило, согласно оценкам, предотвратить 600 тыс. деторождений [382, 1969, № 40, стр. 7]. К началу 1969 г. в стране было распространено 2,2 млн. ВМУ (только в январе 1969 г. — 80 тыс.) и произведено 630 тыс. стерилизаций. Действие Программы распространилось на все области страны, а общий коэффициент рождаемости в 1968 г. снизился до 43 на 1000 [210а, стр. 104].

На Цейлоне с 1953 г. при правительственной поддержке действует Цейлонская ассоциация семейного планирования, которой к 1965 г. принадлежало свыше 100 клиник, расположенных во всех районах страны; из них три самые крупные находились в Коломбо. В мае 1958 г. цейлонское правительство заключило соглашение с правительством Швеции о помощи со стороны последнего в организации и осуществлении экспериментальных программ планирования семьи в отдельных районах страны, имея в виду использовать накопленный опыт для последующего перехода к общенациональной программе. В соответствии с этим соглашением, шведские специалисты в сотрудничестве с цейлонскими органами здравоохранения приступили к проведению мероприятий по семейному планированию в двух сель-

ских районах: в рисоводческом районе Бандарагама к югу от Коломбо с населением 7—8 тыс. жителей, преимущественно сингалов буддийского вероисповедания, и в районе плантационного чаеводства Диягама с такой же численностью жителей, в основном тамилы, исповедующих индуизм.

Экспериментальные программы оказались успешными и продемонстрировали возможность добиться за сравнительно короткий срок заметного снижения рождаемости обычными методами и в обычных условиях. Так, общий коэффициент рождаемости уменьшился за период 1959—1964 гг. в Бандарагаме с 28,6 на 1000 до 20,4 и в Диягаме с 36,6 до 29,8. Поэтому с конца 1962 г. в сферу действия программ были включены еще два, но уже более крупных района с 95 тыс. жителей и затем с населением свыше 300 тыс., а в июле 1965 г. правительство приняло решение о переходе к единой Национальной программе планирования семьи, проведение которой возглавлялось министерством здравоохранения.

Национальная программа намечает снижение общего коэффициента рождаемости в стране с 33 в 1966 г. до 25 в 1976 г., что при сохранении общего коэффициента смертности на уровне 9 на 1000 будет означать сокращение годовых темпов роста населения с 2,4 до 1,6%. Для достижения этой цели предполагается охватить практикой контроля над рождаемостью 550 тыс. семейных пар к 1976 г., т. е. в среднем ежегодно привлекать к семейному планированию 55 тыс. пар. Ожидается, что успешное выполнение программы будет зависеть на 60% от применения ВМУ, на 25% от применения получивших широкое распространение на Западе специальных гормональных пиллюль, на 5% от стерилизаций и на 10% от традиционных противозачаточных средств [340а, стр. 2, 3].

Для проведения программы в министерстве здравоохранения образовано Управление планирования семьи, а практическое ее осуществление проводится в общем комплексе службы охраны здоровья матери и ребенка через имеющуюся в стране широкую сеть медицинских пунктов, прикрепленных к расположенным в административных центрах провинций базовым госпиталиям. В штате каждого медицинского пункта обычно состоят доктор, сестра-акушерка и санитарные инструкторы.

Научное обслуживание Национальной программы планирования семьи обеспечивает Цейлонский университет. Возобновлявшееся в 1961 и 1963 гг. соглашение с шведским правительством было вновь продлено на трехлетний срок в мае 1965 г. На этот раз шведская помощь сосредоточивалась главным образом на подготовке врачей и другого медицинского персонала, снабжении контрацептивными средствами, сборе и анализе статистических данных.

Первые три года действия программы не принесли тех результатов, на которые можно было бы рассчитывать, исходя из высокого по сравнению с другими азиатскими странами уровня грамотности населения (70—80%), относительно низкой доли рабочей силы, занятой в сельскохозяйственном производстве (49%) и почти вдвое большей, чем, например, в Индии, величины совокупного общественного продукта, приходящегося на душу населения (154 долл. в 1967 г.). Обследования показали, что число супружеских пар, регулярно практикующих контроль над рождаемостью, увеличивалось медленнее, чем было намечено. В 1966 г. прибавилось только 16 тыс. пар, и хотя к 1968 г. семейное планирование дополнительно охватило уже 50 тыс. пар, но и это оказалось меньше запланированного среднегодового прироста в 55 тыс. Общее число женщин, воспользовавшихся помощью ВМУ, достигло в начале 1969 г. 8—10 тыс. [340а, стр. 4]. По мнению специалистов, одной из причин недостаточно успешного развития программы является ее полное подчинение министерству здравоохранения, которое из-за своих основных задач и обязанностей не в состоянии уделять ей достаточного внимания. Но, видимо, значительно более серьезной причиной следует признать противоречия между двумя основными этническими группами страны, сингалами и тамилами, и связанные с ними опасения, что всякие изменения численного соотношения этих двух групп в результате успешного осуществления программы планирования семьи могут нарушить существующий политический баланс.

Правительство Малайзии объявило мероприятия по контролю над рождаемостью своей официальной политикой в 1964 г. Но еще до этого во всех штатах страны при поддержке правительства действовали ассоциации по семейному планированию (первая такая ассоциация

ских районах: в рисоводческом районе Бандарагама к югу от Коломбо с населением 7—8 тыс. жителей, преимущественно сингалов буддийского вероисповедания, и в районе плантационного чаеводства Диягама с такой же численностью жителей, в основном тамилы, исповедующих индуизм.

Экспериментальные программы оказались успешными и продемонстрировали возможность добиться за сравнительно короткий срок заметного снижения рождаемости обычными методами и в обычных условиях. Так, общий коэффициент рождаемости уменьшился за период 1959—1964 гг. в Бандарагаме с 28,6 на 1000 до 20,4 и в Диягаме с 36,6 до 29,8. Поэтому с конца 1962 г. в сферу действия программ были включены еще два, но уже более крупных района с 95 тыс. жителей и затем с населением свыше 300 тыс., а в июле 1965 г. правительство приняло решение о переходе к единой Национальной программе планирования семьи, проведение которой возглавлялось министерством здравоохранения.

Национальная программа намечает снижение общего коэффициента рождаемости в стране с 33 в 1966 г. до 25 в 1976 г., что при сохранении общего коэффициента смертности на уровне 9 на 1000 будет означать сокращение годовых темпов роста населения с 2,4 до 1,6%. Для достижения этой цели предполагается охватить практикой контроля над рождаемостью 550 тыс. семейных пар к 1976 г., т. е. в среднем ежегодно привлекать к семейному планированию 55 тыс. пар. Ожидается, что успешное выполнение программы будет зависеть на 60% от применения ВМУ, на 25% от применения получивших широкое распространение на Западе специальных гормональных пилюль, на 5% от стерилизаций и на 10% от традиционных противозачаточных средств [340а, стр. 2, 3].

Для проведения программы в министерстве здравоохранения образовано Управление планирования семьи, а практическое ее осуществление проводится в общем комплексе службы охраны здоровья матери и ребенка через имеющуюся в стране широкую сеть медицинских пунктов, прикрепленных к расположенным в административных центрах провинций базовым госпиталям. В штате каждого медицинского пункта обычно состоят доктор, сестра-акушерка и санитарные инструкторы.

Научное обслуживание Национальной программы планирования семьи обеспечивает Цейлонский университет. Возобновлявшееся в 1961 и 1963 гг. соглашение с шведским правительством было вновь продлено на трехлетний срок в мае 1965 г. На этот раз шведская помощь сосредоточивалась главным образом на подготовке врачей и другого медицинского персонала, снабжении контрацептивными средствами, сборе и анализе статистических данных.

Первые три года действия программы не принесли тех результатов, на которые можно было бы рассчитывать, исходя из высокого по сравнению с другими азиатскими странами уровня грамотности населения (70—80%), относительно низкой доли рабочей силы, занятой в сельскохозяйственном производстве (49%) и почти вдвое большей, чем, например, в Индии, величины совокупного общественного продукта, приходящегося на душу населения (154 долл. в 1967 г.). Обследования показали, что число супружеских пар, регулярно практикующих контроль над рождаемостью, увеличивалось медленнее, чем было намечено. В 1966 г. прибавилось только 16 тыс. пар, и хотя к 1968 г. семейное планирование дополнительно охватило уже 50 тыс. пар, но и это оказалось меньше запланированного среднегодового прироста в 55 тыс. Общее число женщин, воспользовавшихся помощью ВМУ, достигло в начале 1969 г. 8—10 тыс. [340а, стр. 4]. По мнению специалистов, одной из причин недостаточно успешного развития программы является ее полное подчинение министерству здравоохранения, которое из-за своих основных задач и обязанностей не в состоянии уделять ей достаточного внимания. Но, видимо, значительно более серьезной причиной следует признать противоречия между двумя основными этническими группами страны, сингалами и тамилами, и связанные с ними опасения, что всякие изменения численного соотношения этих двух групп в результате успешного осуществления программы планирования семьи могут нарушить существующий политический баланс.

Правительство Малайзии объявило мероприятия по контролю над рождаемостью своей официальной политикой в 1964 г. Но еще до этого во всех штатах страны при поддержке правительства действовали ассоциации по семейному планированию (первая такая ассоциация

появилась в июле 1953 г. в штате Селангор), объединенные в общенациональную федерацию и имевшие в своем распоряжении к середине 1965 г. 133 клиники. Они обслуживали также 120 плантационных хозяйств с большим числом рабочих, используя для этого принадлежавшие плантациям медпункты. Намного слабее мероприятия по планированию семьи организованы в Сараваке, где образованная в 1964 г. ассоциация ограничивает свою деятельность немногими главными городами.

Начало правительственной активности в области семейного планирования положило учреждение в конце 1964 г. специальной комиссии под председательством министра образования и в январе 1965 г. рабочей группы во главе с заместителем секретаря по экономическому планированию для выработки национальной программы контроля над рождаемостью. Эта программа была опубликована как государственный закон 1 июня 1966 г., имея генеральной целью снизить годовые темпы роста населения до 2% к 1965 г. По первому пятилетнему плану народнохозяйственного развития (1966—1970 гг.) на нужды семейного планирования правительство ассигновало 2 млн. малайских долл. Руководство программой осуществляет Национальное управление семейного планирования, в состав которого входят восемь министров и представители различных заинтересованных неправительственных организаций.

Отличительная особенность, проводимых в Малайзии мероприятий по контролю над рождаемостью, преимущественное внимание к распространению гормональных пилюль, предоставляемых нуждающимся бесплатно или за сравнительно небольшую плату (эти пилюли женщины должны принимать ежедневно в течение трех недель каждого месяца). Так, в 1967 г. из общего числа пациентов, обратившихся в государственные клиники семейного планирования, 88,5% предпочли пилюли всем другим методам (ВМУ избрали 4,7%, стерилизацию 2,5% и традиционные средства 4,3%) [382, 1968, № 26, стр. 13]. Всего с мая 1967 г. до конца 1968 г. число обратившихся к услугам клиник достигло 100 тыс. [210а, стр. 149].

В Сингапуре первая клиника по планированию семьи открылась еще в 1949 г., позднее же была создана местная ассоциация семейного планирования, кото-

рая с 1959 г. стала пользоваться финансовой поддержкой правительства. В 1958 г. услугами ассоциации воспользовалось 28 тыс. женщин, или 9% всего женского населения в детородном возрасте. С сентября 1965 г. сингапурское правительство полностью приняло на себя ответственность за проведение программы планирования семьи. Была опубликована специально посвященная этой проблеме правительственная «Белая книга» и создано в январе 1966 г. национальное управление по народонаселению и планированию семьи, которое взяло под свое руководство все учреждения по контролю над рождаемостью. Бюджет управления на 1966 г. был определен в 67 тыс. сингапурских долл. Всего на цели семейного планирования по второму пятилетнему плану развития Сингапура (1966—1970 гг.) было ассигновано 330 тыс. сингапурских долл. Консультации и помощь в области планирования семьи оказывают 25 центров по охране здоровья матери и ребенка и три вновь открытые специальные клиники по контролю над рождаемостью [382, 1968, № 28; 189].

Правительство Сингапура рассчитывает путем осуществления политики семейного планирования добиться снижения общего коэффициента рождаемости в стране за 5—10 лет до 20—25 на 1000 и тем самым сократить годовой естественный прирост населения до 2% или меньше [382, 1969, № 39 (приложение), стр. 345, 210а, стр. 152].

В Гонконге программа контроля над рождаемостью проводится в жизнь при правительственной поддержке местной ассоциацией семейного планирования, которая была образована в сентябре 1950 г. путем реорганизации существовавшей еще с 1936 г. Гонконгской евгенической лиги. Ассоциация имеет целью содействовать супружеским парам в ограничении рождаемости ради охраны здоровья матери и ребенка и улучшения семейного благосостояния, а также оказывать помощь бездетным супругам, желающим иметь детей. Посредством мероприятий семейного планирования намечается уменьшить общий коэффициент рождаемости за 5—10 лет до 20 на 1000, чтобы стабилизировать или даже сократить естественный прирост населения.

Начав свою деятельность в марте 1951 г. на базе двух клиник, ассоциация располагала к 1968 г. уже почти 60 клиниками, в том числе двумя для консульта-

ций желающих вступить в брак и одну для консультаций от бесплодия. Число лиц, воспользовавшихся услугами ассоциации, выросло с 3 тыс. в 1951 г. до более 200 тыс. в 1968 г. Как правило, обслуживание бесплатное, хотя обычно взимается регистрационный взнос в размере 1 гонконгского долл. (17 ам. центов). Из 26 тыс. новых пациентов, обратившихся в клиники в 1968 г., половина предпочла гормональные пилюли и только 23% ВМУ. Последними пользовались, по оценкам, 36,7 тыс. женщин [210а, стр. 146].

Руководство ассоциацией осуществляет президент и 26 членов исполнительного комитета, которым подчинены шесть подкомитетов — медицинский, клинический, образования, социальных дел, кадров, финансовый и материального снабжения. Хотя правительство не имеет официальной политики контроля над рождаемостью, оно покрывает из государственного бюджета около 40% расходов ассоциации и предоставляет ей помещение и оборудование в государственных больницах и медицинских пунктах.

Широкая программа планирования семьи вступила в действие с 1964 г. на Тайване. Вначале она охватила 15 из 22 округов, затем распространилась на всю территорию острова. Введению всеобщей программы предшествовало осуществление экспериментального годичного проекта в районе г. Тайчунга с 300-тысячным смешанным сельско-городским населением, проведенного для того, чтобы определить, каких можно добиться практических результатов, сколько для этого потребуется времени, средств и персонала.

Хотя центральные органы власти только в мае 1968 г. объявили контроль над рождаемостью своей официальной политикой и учредили Институт по планированию семьи для руководства программой, они и до этого оказывали всестороннюю поддержку мероприятиям по регулированию рождаемости. С 1959 г. министерство здравоохранения стало включать семейное планирование в программы по обеспечению здоровья матери и ребенка. При министерстве здравоохранения был организован Центр изучения народонаселения, в задачу которого, в частности, входила пропаганда программы семейного планирования. Центр провел обследование состояния рождаемости, медицинское изучение действия новых контрацептивных средств и оценку результатов экспе-

риментальных программ. Министерство здравоохранения непосредственно отвечает за распространение информации о семейном планировании и подготовку необходимых для этого кадров. Тайвань имеет 22 окружных или городских управления здравоохранения и 361 городской или сельский медицинский пункт, каждый из которых обслуживают один или два доктора и две-четыре сестры-акушерки. В среднем на один пункт приходится 33 тыс. жителей [88, стр. 10].

В практическом осуществлении программы контроля над рождаемостью помогает добровольная организация — Ассоциация по охране здоровья матери и ребенка, объединяющая врачей, социологов и других специалистов в области народонаселения, и две ассоциации по планированию семьи. Число распространенных за 1968 г. ВМУ достигло 500 тыс., но было установлено, что половина получивших ВМУ женщин прекращает их использование через 1,5 года. В связи с этим была усилена пропаганда гормональных пилюль, и в 1968 г. их употребляли уже свыше 63 тыс. женщин [210а, стр. 156].

Генеральной целью всеобщей программы планирования семьи на Тайване является снижение общего коэффициента рождаемости с 36,3 на 1000 в 1963 г. до 18,7 в 1973 г. и, соответственно, темпов годового роста населения до 1,8%.

Политика ограничения рождаемости официально проводится в Южной Корее с 1962 г. Первоначальной целью программы было снизить среднегодовой прирост населения с 2,9% в 1962 г. до 2% к концу 1971 г. Позднее наметили добиться дальнейшего снижения до 1,5% к 1976 г.

Руководство общенациональной программой планирования семьи возложено на министерство здравоохранения и социальных дел, и в частности на его секцию охраны здоровья матери и ребенка, которая имеет специальную группу по семейному планированию. Кроме того, при министерстве создан консультативный комитет по вопросам регулирования рождаемости, включающий представителей официальных и добровольных учреждений, деловых кругов и отдельных специалистов. В 1963 г. были определены обязанности управления экономического планирования и семи министерств по поддержке программы планирования семьи. Так, управлению экономического планирования было предписано уч-

редить Совет политики народонаселения для выработки рекомендаций по комплексным вопросам политики народонаселения, семейного планирования, занятости, иммиграции, эмиграции рабочей силы и статистики; на министерство образования возлагалась обязанность выработать план развития обучения по семейному планированию и использованию студентов для разъяснительной кампании; на министерство юстиции — определить, существует ли необходимость принятия законодательных мер в области евгеники; на министерство обороны — использовать военный медицинский персонал для обучения солдат семейному планированию и т. д. Активную роль в осуществлении программы снижения рождаемости играет созданная в апреле 1961 г. местная добровольная ассоциация по планированию семьи, которая помогает в подготовке кадров, общественной информации и определений наиболее эффективных методов внутрисемейного регулирования.

В апреле 1965 г. практической реализацией программы занималось 2207 специалистов и действовало 189 центров. Каждый центр имел в своем штате 3—4 старших специалистов по семейному планированию и был в среднем рассчитан на район с населением 150 тыс. человек. Кроме того, населенные пункты городского типа с числом жителей около 10 тыс. обслуживались одним младшим специалистом. Были открыты также 1200 клиник, занимающихся распространением новых противозачаточных средств и 500 клиник по стерилизации. Штатным специалистам помогали 1400 добровольных активисток, подготовленных из числа деревенских жительниц, имеющих хотя бы начальное образование; в среднем на одну такую активистку приходился подрайон с числом жителей 10—20 тыс. [179, стр. 39].

Четыре страны Южной Азии — Индонезия, Непал, Таиланд и Филиппины за последние годы делают первые шаги в осуществлении контроля над рождаемостью при ограниченной правительственной поддержке. В Индонезии еще с 1961 г. под руководством министерства здравоохранения проводились некоторые мероприятия по распространению практики семейного планирования. Как сообщалось в бюллетене агентства «Антара» от 16 октября 1964 г., во всех крупных городах — Джакарте, Бандунге, Семаранге, Джокьякарте, Суракарте, Медане, Палембанге, а также на островах Бали и Ломбок

были созданы центры по планированию семьи; кроме того, действовало около 70 специальных клиник, принадлежавших Индонезийской ассоциации семейного планирования. Предполагалось также привлечь к осуществлению программы контроля над рождаемостью деревенских акушеров и повивальных бабок, организовав для них специальные краткосрочные курсы обучения. Осенью 1968 г. правительство опубликовало заявление в поддержку программы контроля над рождаемостью и учредило Национальный институт по планированию семьи для координации усилий в этой области. Новый пятилетний план (1969—1973 гг.) предусматривает приобщение к практике семейного планирования 3 млн. человек. В 1969 г. в стране имелось 200 клиник семейного планирования, и правительство намеревалось увеличить их число до 800 в 1970 г. [210а, стр. 147].

Правительство *Непала* в 1966 г. включило мероприятия по контролю над рождаемостью в общую государственную программу охраны здоровья матери и ребенка. В 1969 г. при министерстве здравоохранения было создано полуавтономное Управление развития семейного планирования и охраны здоровья матери и ребенка, под началом которого действовало 40 специальных клиник. В течение 1966—1968 гг. клиники произвели около 2 тыс. стерилизаций, распространили около 5 тыс. ВМУ и около 3 тыс. комплектов гормональных пилюль, не считая других традиционных средств. В 1969—1970 гг. намечалось увеличить число брачных пар, практикующих семейное планирование, до 16 тыс. (по сравнению с 6,5 тыс. в 1967—1968 гг.) и учредить центры семейного планирования по крайней мере в 25 из 75 областей страны. Программа контроля над рождаемостью в Непале ставит своей долгосрочной целью ограничить общую численность населения пределами от 16 млн. до 22 млн. (к началу 1969 г. в Непале проживало 10,9 млн. человек и годовые темпы естественного прироста равнялись 2%) [210а, стр. 103].

В *Таиланде* интерес официальных кругов к политике контроля над рождаемостью пробудился со времени состоявшегося в Бангкоке в марте 1963 г. Национального семинара по народонаселению, который выявил сложные проблемы, создаваемые в экономике страны быстрыми темпами демографического роста. В качестве

первого шага было решено ввести в действие экспериментальную программу семейного планирования при помощи американского Совета по народонаселению. Руководство возлагалось на министерство здравоохранения и Национальный исследовательский совет. Позднее был образован также Консультативный комитет в составе 12 ответственных членов правительства.

Поскольку мероприятия по контролю над рождаемостью предполагалось включить в общую службу охраны здоровья матери и ребенка, программа получила название «Проект исследования семейного здоровья». Она была введена в действие с ноября 1964 г. в расположенном в 85 км к западу от Бангкока сельском районе Пхотхарам с населением около 70 тыс. человек. Проведенное в августе 1964 г. предварительное обследование для получения базовых, исходных данных показало, что население района обладает весьма ограниченными сведениями о семейном планировании, но, как оказалось, проявляет к ним довольно большой интерес. Около 60% опрошенных женщин изъявило желание узнать о методах регулирования рождаемости. Согласно контрольному обследованию в августе 1965 г., свыше 30% женщин детородного возраста получили те или иные средства контрацепции. Хотя программа предназначалась только для района Пхотхарам, растущая заинтересованность женщин соседних районов побудила администрацию программы расширить ее территориальные границы. Из 4783 женщин, воспользовавшихся услугами программы к февралю 1966 г., только 1513 были жителями района Пхотхарам [179, стр. 10].

При бангкокском университете Чулалонгкорн создан исследовательский и учебный центр, задача которого — изучение проблем народонаселения и подготовка кадров в области демографии и планирования семьи для правительственных учреждений. К концу 1969 г. краткосрочные курсы семейного планирования должны были пройти 200 докторов, 390 медицинских сестер и почти 2000 акушерок. В более чем 400 клиниках за 1969 г. было распространено свыше 100 тыс. ВМУ и ежемесячно продавалось 100 тыс. комплектов гормональных пилюль. Число стерилизаций за последние годы достигало в среднем 15 тыс. [210а, стр. 157, 158].

Филиппины являются единственной католической страной Азии, и это обстоятельство долгое время слу-

жило препятствием для разработки официальной политики в области контроля над рождаемостью. Первые экспериментальные попытки распространения семейного планирования предпринял Департамент здравоохранения Манилы в сотрудничестве с Манильским университетом. В 1965 г. возникла Ассоциация семейного планирования, которая в 1969 г. была преобразована в Организацию семейного планирования Филиппин, располагающую более чем 300 специальными клиниками. Усиливающийся интерес правительства к мероприятиям по контролю над рождаемостью выразился в 1969 г. в отмене закона, запрещавшего импорт контрацептивных средств, и президентском решении создать специальную комиссию для изучения проблем народонаселения и формулирования соответствующих рекомендаций. После того как комиссия пришла к выводу, что «необузданный рост населения будет серьезно препятствовать усилиям по исправлению жизненных условий филиппинцев и задержит достижение целей национального развития», президент Ф. Маркос объявил в начале 1970 г. об официальном введении национальной политики планирования семьи, имеющей целью «предпринимать и поощрять осуществление программ предоставления информации и советов тем семейным парам, которые пожелают временно отложить или ограничить деторождения».

На Среднем Востоке первые шаги в области контроля над рождаемостью сделал *Афганистан*. Образованная здесь в 1968 г. Ассоциация семейного руководства при содействии министерства здравоохранения открыла в Кабуле три специальные клиники и организовала краткосрочные курсы по семейному планированию для медицинского персонала.

В *Иране* программа по контролю над рождаемостью вступила в действие под руководством министерства здравоохранения в 1966 г. В течение трех последующих лет было организовано 354 клиники семейного планирования, в том числе 45 в Тегеране, и 358 передвижных медицинских отрядов стали обслуживать сельские районы. Обслуживание пациентов и распределение контрацептивных средств производится бесплатно. При министерстве здравоохранения действуют краткосрочные курсы по подготовке кадров, а научные исследования в области контроля над рождаемостью сосредоточены в

Школе народного здравоохранения при Тегеранском университете [210а, стр. 99].

На Ближнем Востоке официальную политику контроля над рождаемостью проводит турецкое правительство, и в ограниченных размерах она встречает поддержку у правительства Иордании. В Турции закон о введении в действие общенациональной программы семейного планирования был принят в 1965 г., но этому предшествовал период интенсивной подготовки. Потребовалось отменить популяционистское законодательство 20-х годов, запрещавшее аборт, импорт и распространение контрацептивных средств и поощрявшее многодетность. При поддержке американского Совета по народонаселению было организовано обследование положения с рождаемостью в стране и отношения населения к семейному планированию, разработаны основные принципы политики контроля над рождаемостью, начата подготовка необходимых национальных кадров, выделены финансовые средства. В 1964 г. министерство здравоохранения учредило Организацию по семейному планированию.

Национальная программа планирования семьи предусматривает, в частности, включение соответствующих разделов в школьные курсы биологии, изучение вопросов народонаселения в высших учебных заведениях и организацию постоянных лекций среди военнослужащих. Для оперативной работы в основном используется медицинский персонал и лечебные учреждения министерства здравоохранения.

К началу 1969 г. в стране насчитывалось 350 специальных клиник; передвижные медицинские группы обслуживали сельские районы, консультируя население и бесплатно распространяя ВМУ. В течение 1968 г. почти 150 тыс. женщин получили ВМУ и еще около 100 тыс. регулярно принимали гормональные пилюли. Планами правительства предусматривается охватить практикой семейного планирования 2,2 млн. брачных пар детородного возраста и добиться тем самым снижения годовых темпов естественного прироста населения до 2% к 1972 г.

Правительство Иордании не имеет официальной политики в области контроля над рождаемостью, но поддерживает ограниченную деятельность Иорданской ассоциации охраны и планирования семьи, шесть из де-

вяти клиник которой были закрыты. В апреле 1967 г. в связи с израильской агрессией. В настоящее время планируется вновь открыть три клиники — в Аммане, Зерка и Ирбиде.

Политике контроля над рождаемостью большое внимание уделяют правительства североафриканских стран. В Объединенной Арабской Республике (ОАР) уже вскоре после июльской революции, к концу 1953 г. был образован Национальный комитет по проблемам народонаселения под председательством министра социальных дел и с участием министров сельского хозяйства, образования, здравоохранения, заместителя министра финансов и экспертов в области экономики, демографии, социологии, статистики, медицины. С 1955 г. под руководством этого комитета в стране начали действовать первые восемь клиник по контролю над рождаемостью. Выступая в 1954 г. на пресс-конференции, министр социальных дел заявил, что регулирование рождаемости стало для Египта социальной необходимостью. Однако широкое обсуждение этого вопроса в прессе и на радио выявило серьезные разногласия в общественном мнении, прежде всего среди мусульманских религиозных лидеров, хотя еще в 1937 г. группа университетских профессоров в Каире дала теологическое обоснование тезиса о допустимости при определенных условиях контроля над рождаемостью с точки зрения мусульманского права.

Лишь в 1962 г. принцип ограничения размера семьи был принят в качестве официальной государственной политики. Этому событию предшествовало проведение Египетской медицинской ассоциацией конференции по социальным и медицинским аспектам планирования семьи, получившей большой общественный резонанс. В мае 1962 г. правительство ОАР обнародовало «Национальную хартию» в качестве революционной программы развития страны, в которой отмечались большие трудности, создаваемые проблемой народонаселения для подъема национального производства, и обосновывалась необходимость проведения политики планирования семьи для смягчения этой проблемы. Вместе с тем «Хартия» подчеркивала, что независимо от результатов мероприятий по контролю над рождаемостью страна должна приступить как можно быстрее к развитию производства с тем, чтобы темпы роста нацио-

нального дохода перекрывали темпы роста населения и обеспечивали повышение жизненного уровня народа. Выступая с докладом о проекте «Национальной хартии», президент Насер заявил, в частности, что «увеличение населения образует наиболее опасное препятствие, с которым сталкивается египетский народ в его стремлении повысить уровень производства в стране наиболее эффективным и действенным образом», и что «попытки планирования семьи с целью встретить проблему увеличивающегося населения заслуживают самых искренних усилий, поддержанных современными научными методами» [87, стр. 53].

Это выступление оказало сильное влияние на последующее развитие программы контроля над рождаемостью. Уже к 1964 г. число клиник по планированию семьи возросло до 38. В университетах Каира и Александрии развернулись интенсивные исследования проблем народонаселения, в том числе влияния культурных факторов на практику использования контрацептивных средств, а также усилилась подготовка врачей, медицинских сестер, акушерок, сиделок и санитарных инструкторов для участия в программе планирования семьи. Выпускники медицинских школ обязаны по закону работать не менее двух лет в деревне, уделяя по девять часов в неделю специально мероприятиям по семейному планированию. В настоящее время свыше 2 тыс. врачей обслуживают сельские районы ОАР.

При проведении Программы контроля над рождаемостью законодательные функции принадлежат Верховному Совету по планированию семьи под председательством премьер-министра. Исполнительными функциями наделено Управление по планированию семьи с центром в Каире и отделениями во всех 25 губернаторствах республики. В каждом губернаторстве имеются также местные комитеты семейного планирования, возглавляемые губернаторами.

Помимо государственных медицинских учреждений практикой семейного планирования занимаются также субсидируемые правительством частные клиники и 360 клиник, принадлежащих Египетской ассоциации семейного планирования. Всего в стране насчитывается свыше 2600 центров, действующих в рамках программы контроля над рождаемостью. По оценке 1968 г., услугами этих центров регулярно пользовались 350 тыс.

человек, в том числе 235 тыс. женщин употребляли гормональные пилюли и 68 тыс. — ВМУ.

Цель программы, сформулированной еще до 1967 г., — снизить темпы роста населения до 2,1% в 1970 г. и 1,7% к 1975 г. Однако эти цели, естественно, не могли учитывать последующие серьезные изменения в жизни страны, вызванные израильской агрессией. Темпы роста населения в 1968 г. оценивались в 2,4%.

Серьезное значение организации мероприятий по контролю над рождаемостью придает правительство *Туниса*. Выступая с речью по поводу политики семейного планирования, президент республики Хабиб Бургиба говорил: «Мы не можем не испытывать беспокойства перед людской волной, которая неумолимо поднимается со скоростью, далеко превосходящей прирост средств существования. Какая польза от увеличения нашего сельскохозяйственного производства, нашего сырья... если население продолжает расти неконтролируемым и сумасшедшим образом? Мы ничего не достигнем, так как мы окажемся, несмотря на все наши усилия, на уровне более низком, чем нынешний. Человечество, которое благодаря своему разуму господствует над природой и постепенно побеждает болезни, которое изобрело орудия и преобразовало лицо мира, человечество может сдерживать себя и снизить темпы воспроизводства» [цит. по 189, стр. 153].

В первом трехлетнем плане экономического и социального развития Туниса (1961—1964 гг.) особый раздел был посвящен роли демографических факторов, в котором подчеркивалась необходимость снижения темпов естественного воспроизводства населения до 1,7% к 1971 г. для достижения запланированных экономических и социальных показателей. Правда, предполагалось, что это снижение произойдет само по себе под воздействием экономического прогресса, улучшения народного образования, урбанизации и индустриализации. Поскольку, однако, эти расчеты не оправдались и уровень естественного воспроизводства населения продолжал оставаться высоким, тунисское правительство приняло в 1964 г. официальную программу контроля над рождаемостью и включило ее как составную часть в четырехлетний план социально-экономического развития страны (1965—1968 гг.).

Еще в конце 1960 — начале 1961 г. произошли важ-

ные с точки зрения демографической политики законодательные изменения. Были запрещены полигамия и ранние браки, разрешены импорт, продажа и пропаганда контрацептивных средств, хотя запрет на аборт сохранился, семейные надбавки к заработной плате рабочих были ограничены пределом в расчете не более чем на четырех детей. В печати и по радио началась разъяснительная кампания о целях и методах семейного планирования.

В мае 1963 г. правительство одобрило двухлетнюю экспериментальную программу семейного планирования, разработанную министерством здравоохранения с помощью американских специалистов из Фонда Форда и Совета по народонаселению. Программа предусматривала организацию семинаров по вопросам семейного планирования для медицинских работников и представителей общественных организаций, проведение необходимых обследований среди населения, открытие отделений семейного планирования в 12 центрах по охране здоровья матери и ребенка. Значительное расширение программы произошло в 1966 г., когда правительство наметило охватить практикой семейного планирования от 30 до 40% женщин детородного возраста за пятилетний период. В 1969 г. около 59 госпиталей и центров здравоохранения занимались бесплатным распределением ВМУ.

Руководство программой осуществляет министерство здравоохранения в сотрудничестве с министерством планирования, министерством юстиции и департаментом статистики. Семейное планирование рассматривается как составная часть общей службы здравоохранения страны, и поэтому не имеется самостоятельных административных организаций для его проведения в жизнь. Медицинский персонал центров по охране здоровья матери и ребенка проходит лишь краткосрочную специализированную подготовку для работы в этой области. Хотя программа семейного планирования является государственным мероприятием и финансируется за счет государственного бюджета, к ее осуществлению привлекаются также частнопрактикующие врачи и частные медицинские учреждения.

Все шире распространяется практика контроля над рождаемостью в Марокко, особенно после того как в 1966 г. правительство приняло решение учредить во всех

16 провинциях страны экспериментальные центры семейного планирования и подготовить для выполнения этой программы 600 специалистов, в том числе 100 врачей. В 1967 г. был опубликован королевский указ, разрешающий пропаганду и продажу противозачаточных средств. Первым директором программы семейного планирования был министр здравоохранения; с 1969 г. руководить программой назначен специалист.

Правительства Алжира и Судана не имеют определенной политики в области контроля над рождаемостью. Однако в Судане с 1965 г. действует Ассоциация семейного планирования в сотрудничестве с Суданской медицинской ассоциацией, Хартумским колледжем медицинских сестер и Хартумским университетом. В Алжире консультации и услуги в семейном планировании предоставляются населению в трех университетских госпиталях.

В отличие от правительств государств Северной Африки большинство правительств африканских стран югу от Сахары уделяют мало внимания политике контроля над рождаемостью или относятся к ней отрицательно. Для этого имеется ряд причин: все еще глубокие традиции многодетности из-за сохраняющихся сильной экономической и культурной отсталости и высокой смертности, в первую очередь младенческой и детской, широко распространенное мнение о недонаселенности Африканского континента, националистические убеждения в необходимости многочисленного населения для поддержания государственного престижа. Последнее тесно связано с таким характерным для Африки явлением, как трайболизм, и боязнью племенных лидеров лишиться политического влияния, если произойдет относительное уменьшение размера племени в результате осуществления политики семейного планирования.

Предубеждение против такой политики особенно велико в странах, которые в недалеком прошлом были французскими колониями и восприняли господствовавшие во Франции идеи популяционизма с их отрицательным отношением к мероприятиям по ограничению рождаемости. В немалой степени это объясняется также сохраняющимся здесь сильным влиянием католической церкви, которая также выступает против ограничения рождаемости. Во многих странах существует законодательство, запрещающее или сильно ограничивающее им-

порт, производство и продажу контрацептивных средств, а также аборт и стерилизации. Например, действующий в Камеруне закон гласит: «Тюремному заключению от одного до шести месяцев и штрафу от 24 тыс. до 1200 тыс. камерунских франков будут подвергнуты все те, кто с целью поощрения ограничения рождаемости пишут, или разглашают, или предлагают, или показывают методы, ведущие к предотвращению беременности, или кто содействует употреблению этих методов» [304а, стр. 7]. Некоторые правительства этой группы стран, Берега Слоновой Кости, Малагасийской Республики, Сомали, Центральноафриканской Республики и др., исходя из задачи освоения незаселенных районов, рассматривают высокий естественный прирост населения как желательный фактор. Так, в 1967 г. президент Малагасийской Республики Циранана провозгласил, что каждая мальгашская семья должна иметь по 12 детей.

Несколько иное положение в странах, находившихся в прошлом под британским господством. Еще с колониальных времен их законодательство разрешает импорт, производство и продажу контрацептивных средств, а также аборт и стерилизацию по медицинским показаниям. Практика семейного планирования хотя далеко еще не стала массовым явлением, но уже завоевала определенные позиции; причем влиятельная здесь протестантская церковь в противоположность католической оказывает ей активную поддержку. В ряде стран имеются ассоциации по планированию семьи и открыты первые специальные клиники. Их активность пока сильно ограничивается нехваткой средств и квалифицированных кадров; в основном они действуют среди городского населения и наряду с консультациями, как ограничить деторождения, оказывают также помощь в случае бесплодия. К тому же мероприятия по ограничению рождаемости рассматриваются прежде всего как средство помочь женщинам избегать слишком частых родов, являющихся одной из главных причин высокой материнской и младенческой смертности.

Правительство Кении первым среди стран Тропической Африки официально приняло в 1967 г. национальную программу планирования семьи. Главной побудительной причиной послужил доклад министерства экономического планирования и развития о проблемах, в

том числе демографических, затрудняющих реализацию пятилетнего народнохозяйственного плана на 1966—1970 гг. С 1961 г. в стране действует Ассоциация по планированию семьи, которая в настоящее время имеет около 20 отделений и свыше 40 клиник во всех районах страны. В том числе центральная клиника в Найроби бесплатно обслуживает примерно 1200 пациентов в месяц. Еще около 100 государственных и миссионерских госпиталей и центров здравоохранения предоставляют услуги в области семейного планирования ежемесячно 2 тыс. новым пациентам. С 1968 г. в трех сельских районах начали работать передвижные медицинские отряды. В Найроби мероприятия по семейному планированию включены в службу здравоохранения городского совета. Подготовка кадров для национальной программы в основном производится в университете кенийского департамента медицины.

Второй страной Тропической Африки, имеющей официальную политику контроля над рождаемостью, стала в 1969 г. Гана. После опубликования в апреле правительственной Белой книги по вопросам народонаселения в стране началась массовая кампания пропаганды целей и методов семейного планирования. Созданная еще в 1966 г. Ассоциация планирования семьи с отделениями в Аккре, Кумаси, Кейп-Косте и Такоради оказывает населению услуги в государственных госпиталях и частных клиниках.

В Нигерии ограниченные мероприятия по семейному планированию проводит Нигерийский совет планирования семьи, пользующийся официальным признанием правительства. Эти мероприятия включены в общие программы государственной службы здравоохранения городским советом Лагоса и правительством Западного штата. В Лагосе действуют восемь клиник семейного планирования. Кроме того, одна крупная клиника открыта при Лагосском университете в качестве базы для практики студентов медицинского факультета, в учебную программу которого включены занятия по контролю над рождаемостью. Небольшие клиники организованы также в Ибадане, Илеша, Энугу, Кадуна. В 1968 г. эти клиники посетили 2300 новых пациентов, 85% которых получили противозачаточные средства (практически все — ВМУ), а 15% обратились за помощью от бесплодия.

Правительство *Родезии* одобрило включение мероприятий по планированию семьи в обязанности государственных медицинских учреждений. Кроме того, с 1957 г. в стране действует при поддержке правительства местная Ассоциация планирования семьи, оказывающая услуги населению и занимающаяся подготовкой медицинских кадров для работы в области семейного планирования. Всего в различных районах страны в 1968 г. насчитывалось 37 клиник, принадлежащих государству и ассоциации.

Танзания не имеет официальной политики планирования семьи, но правительство высказывает озабоченность проблемой экономических последствий быстрого роста населения. Действующая с 1966 г. при государственной поддержке Ассоциация планирования семьи имеет четыре клиники в Дар-эс-Саламе и около 20 в других районах страны. Клиники уделяют главное внимание распространению среди населения ВМУ.

Правительство *Уганды* поддерживает мероприятия по планированию семьи, но не в качестве средства ограничения роста населения, а как составную часть общей программы охраны здоровья матери и ребенка. Учрежденная в 1957 г. местная Ассоциация планирования семьи имеет три клиники в Кампала и в 12 других населенных пунктах страны. Благодаря сотрудничеству с национальным советом социального обеспечения ассоциация пользуется косвенной финансовой помощью правительства через некоторые муниципальные центры здравоохранения.

Как и в Уганде, правительство *Либерии* включило мероприятия по семейному планированию в программу охраны здоровья матери и ребенка. Местная ассоциация планирования семьи была образована в 1965 г. и в настоящее время располагает постоянной клиникой в Монровии и одной передвижной клиникой, обслуживающей сельские районы.

Правительство острова *Маврикий* приняло в 1964 г. решение об оказании поддержки программе планирования семьи и с этой целью создало специальный отдел в министерстве здравоохранения. Практическую работу в этой области проводят две добровольные ассоциации планирования семьи; им принадлежит около 70 клиник, которые в 1968 г. ежемесячно посещали более чем по 10 тыс. пациентов.

В небольших масштабах мероприятия по контролю над рождаемостью осуществляются, как правило, местными добровольными ассоциациями планирования семьи также в *Ботсване, Замбии, Сьерра-Леоне, Эфиопии*.

Последнее пятилетие явилось свидетелем быстрого распространения идей и практики контроля над рождаемостью в Латинской Америке. К 1970 г. почти во всех странах континента действовали добровольные местные ассоциации планирования семьи, тогда как до 1960 г. они имелись только в принадлежащем США Пуэрто-Рико и британских колониях Барбадосе, Бермудах, Ямайке, Тринидад и Тобаго. В 1962—1963 гг. ассоциации образовались в Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре, Уругвае и Чили, а в 1965—1967 гг. — еще в 11 странах. Правительства 18 стран (включая Пуэрто-Рико, Тринидад и Тобаго, Ямайку и британские колонии Барбадос и Бермуды) в той или иной степени участвуют в осуществлении программ семейного планирования; в нескольких других странах правительства, хотя и не имеют какой-либо официальной политики в этой области, предоставляют добровольным ассоциациям место в государственных госпиталях и медицинских центрах для обслуживания населения. Как правило, ассоциации проводят свою работу в сотрудничестве с местными университетами, медицинскими институтами и различными медицинскими и научными общественными организациями.

Важную роль в стимулировании политики ограничения рождаемости играет Демографический центр ООН для Латинской Америки, расположенный в Сантьяго (Чили), который готовит квалифицированных специалистов по вопросам народонаселения для административных, научных и учебных заведений латиноамериканских стран. По инициативе Центра в отдельных районах Латинской Америки были проведены исследования тенденций в области рождаемости и отношения населения к политике планирования семьи. В августе 1965 г. в Боготе (Колумбия) состоялась первая Панамериканская ассамблея по проблемам народонаселения, отметившая настоятельную необходимость мероприятий по регулированию рождаемости для экономического и социального развития, но вместе с тем подчеркнувшая, что «признание опасности роста населения и формулирование политики, которая может быть применена к проб-

лемам народонаселения, не должны отвлекать внимание от необходимости основных социальных и экономических реформ» [189, стр. 256]. Еще до этого, в 1964 г., Международная федерация планирования семьи провела региональную конференцию в Пуэрто-Рико, на которую собрались делегаты и наблюдатели от 29 стран Латинской Америки, хотя в то время членами Международной федерации были лишь пять латиноамериканских ассоциаций планирования семьи. Из 14 латиноамериканских стран прибыли представители государственных органов здравоохранения. В апреле 1967 г. Международная федерация планирования семьи собрала в Сантьяго свой очередной генеральный конгресс. В том же году в сентябре в Венесуэле состоялось другое важное региональное совещание по вопросу о воздействии демографических факторов на экономическое развитие, созванное Панамериканской организацией здравоохранения, Организацией американских государств, Демографическим центром для Латинской Америки и Советом по народонаселению.

Следует, однако, заметить, что осуществление мероприятий по контролю над рождаемостью встречает в Латинской Америке серьезное противодействие католической церкви. Это обстоятельство придало характерную особенность принятым в латиноамериканских странах программам семейного планирования. Их основной, если не единственной целью объявляется улучшение службы охраны здоровья матери и ребенка, и прежде всего борьба с ростом нелегальных аборт, а не ограничение темпов роста населения.

Одна из самых ранних попыток пропаганды планирования семьи в Латинской Америке относится к 1925 г., когда на Пуэрто-Рико была учреждена Лига по контролю над рождаемостью. Не встретив поддержки общественности, она просуществовала недолго. Новые, столь же малоуспешные попытки возобновлялись в 1932, 1936 гг., но в 1937 г. пришел первый успех: пуэрториканское правительство приняло законодательные акты, разрешавшие распространение информации о контроле над рождаемостью и продажу контрацептивных средств, а также предоставившие право органам здравоохранения создавать клиники по регулированию рождаемости. Тем не менее из-за ожесточенного противодействия католической церкви масштабы применения

этого законодательства оставались весьма ограниченными.

Новый этап в развитии программы контроля над рождаемостью на Пуэрто-Рико начался с 1956 г., после того как созданная в 1946 г. Ассоциация по изучению народонаселения была преобразована в Ассоциацию по планированию семьи, которая вошла в состав Международной федерации. С 1959 по 1962 г. численность добровольных активистов ассоциации возросла на 1500; и их услугами воспользовались около 30 тыс. брачных пар. Согласно оценкам, с начала действия программы необходимые средства и информацию по планированию семьи получили около 100 тыс. человек. За этот же период в клиниках ассоциации было осуществлено около 10 тыс. операций по стерилизации (операциям подверглись 7 тыс. женщин и около 3 тыс. мужчин). В последнее время значительный размах приобрела кампания по распространению гормональных пиллюль.

В 1966 г. правительство Чили первым среди суверенных латиноамериканских государств официально приняло общенациональную программу планирования семьи. Обеспокоенные необычайно большим числом совершаемых в стране нелегальных аборт (которые в 1963 г. явились причиной 39% случаев материнской смертности), государственные органы здравоохранения справедливо признали, что паллиативной мерой может быть ознакомление широких слоев населения с методами и средствами контроля над рождаемостью, и с этой целью с 1964 г. стали поддерживать деятельность созданной в стране в 1962 г. добровольной Национальной ассоциации покровительства семей. В 1965 г. при Чилийском университете открылись курсы для медицинских и административных работников, специализирующихся в области семейного планирования. Учитывая сильное католическое противодействие политике контроля над рождаемостью, в программу курсов были включены обзорные лекции о разногласиях среди католического духовенства по поводу семейного планирования и дискуссии на тему о моральных и этических аспектах контроля над рождаемостью.

В 1966 г. государственные органы здравоохранения включили мероприятия по контролю над рождаемостью в свою официальную программу охраны здоровья матери и ребенка и совместно с Национальной ассоциа-

цией открыли почти 200 клиник семейного планирования. В столице Чили Сантьяго услуги населению по вопросам семейного планирования оказывают почти все госпитали и многочисленные центры здравоохранения, в провинциальных госпиталях консультации по вопросам семейного планирования проводятся в акушерско-гинекологических отделениях.

Другой латиноамериканской страной, имеющей более или менее скоординированную в масштабах всей страны официальную программу планирования семьи, является Колумбия. Здесь толчком к возникновению движения за контроль над рождаемостью послужила первая конференция по изучению демографических проблем, состоявшаяся в Боготе в мае 1964 г. Эта конференция была организована Колумбийской ассоциацией медицинских школ совместно с Фондом Форда, и в ней приняли участие ведущие университеты страны, министерство здравоохранения, ведомство национального планирования, национальный департамент статистики, а также несколько частных институтов. На конференции было создано две организации: отдел исследований населения Колумбийской ассоциации медицинских школ и Колумбийская ассоциация научного изучения народонаселения. Последняя имела задачей стимулировать интерес к проблемам народонаселения в различных влиятельных слоях общества — в правительственных, церковных, промышленных, университетских и других — путем распространения разъяснительных документов по вопросам семейного планирования и его моральных аспектов, организации совещаний, семинаров и конференций по проблемам народонаселения, проведения общественных дискуссий и т. п.

Отдел исследований населения координирует работу восьми комитетов по народонаселению, созданных на междисциплинарной основе при медицинских школах и университетах в шести главных городах страны. В 1965 г. объединенные в этих комитетах медики, экономисты, биостатистики, юристы, социологи и представители других специальностей разрабатывали на основе местных материалов 14 научных программ по четырем главным направлениям: 1) рождаемость, 2) семейное планирование, 3) положение с абортами, 4) социо-демографические процессы. В результате, например, разработки одной из таких программ, проведенной

университетом города Кали, было выявлено, что в сельском районе Канделяриа рождаемость достигала необычайно высокого уровня (ее общий коэффициент равнялся 60,3 на 1000), создавая серьезные трудности и, в частности, отрицательно сказываясь на состоянии здоровья местного населения. Открытый здесь университет Экспериментальный центр здравоохранения приступил к распространению знаний о методах семейного планирования и быстро завоевал популярность. Подобные мероприятия были проведены и в ряде других районов Колумбии.

Созданная в 1966 г. колумбийская Ассоциация Семейного планирования содержит 20 клиник, преимущественно в городских районах.

Официальные меры в области семейного планирования предпринимают и другие латиноамериканские страны*.

* В 1968 г. в Боливии президентским декретом был образован Национальный центр в качестве самостоятельного государственного органа для руководства мероприятиями по планированию семьи. В Венесуэле в 1965 г. в министерстве здравоохранения и благосостояния был создан отдел народонаселения, а с 1968 г. мероприятия по семейному планированию включены в национальную программу здравоохранения. Правительство Гондураса с 1966 г. поддерживает национальную программу семейного планирования, практическое осуществление которой возложено на министерство народного здравоохранения. В Доминиканской Республике мероприятия по контролю над рождаемостью с 1967 г. входят в национальную программу охраны здоровья матери и ребенка. В 1968 г. правительство учредило Национальный совет по народонаселению и семейному планированию. В Коста-Рике отдел по народонаселению при министерстве здравоохранения с 1967 г. координирует мероприятия в области планирования семьи, проводимые департаментом санитарно-гигиенического образования, департаментом охраны матери и ребенка и другими ведомствами. Министерство здравоохранения Никарагуа в 1967 г. образовало управление программы семейного благосостояния и охраны здоровья матери и ребенка для руководства мероприятиями в области семейного планирования, проводимыми другими министерствами и ведомствами. В Перу в 1964 г. президентским декретом был учрежден Центр развития населения для координации программ народонаселения. Министерство здравоохранения Сальвадора в 1967 г. включило мероприятия по планированию семьи в национальную программу охраны здоровья матери и ребенка. Национальная программа планирования семьи вступила в действие на Тринидаде и Тобаго с 1967 г. Правительство учредило Совет по контролю над народонаселением во главе с министром здравоохранения для координации мероприятий в этой области. Министерство здравоохранения Эквадора организовало департамент по охране здоровья сельского населения. Задача департамента — начать клиническое обслуживание населения по вопро-

Содействие ООН и других международных организаций национальным мероприятиям по контролю над рождаемостью

Долгое время ООН и ее специализированные учреждения не включали в сферу своей деятельности вопросы семейного планирования, рассматривая национальные программы контроля над рождаемостью как исключительно внутреннее дело стран, проводивших их. Эта позиция, однако, подверглась коренной переоценке с 1965 г. Проведенный по поручению Генерального секретаря ООН в 1964 г. опрос правительств стран мира о проблемах, возникающих в результате взаимодействия экономического развития и демографических изменений, выявил серьезную озабоченность многих развивающихся стран неблагоприятными экономическими и социальными последствиями быстрого роста населения и настоятельное желание затормозить этот рост — путем осуществления программ контроля над рождаемостью. Итоги опроса были обсуждены в марте — апреле 1965 г. на 13-й сессии Комитета по народонаселению, который пришел к выводу о «все более важной и срочной необходимости усиления деятельности Организации Объединенных Наций по оказанию помощи заинтересованным правительствам в этом вопросе» и включил соответствующие рекомендации в долгосрочную и «промежуточную» программы работы ООН и ее специализированных учреждений в области народонаселения [56, стр. 11].

Эти рекомендации были поддержаны на 39-й сессии Экономического и социального совета (июль 1965 г.), обратившего внимание Генеральной Ассамблеи на необходимость предоставления дополнительных средств для осуществления более широкой и интенсивной программы деятельности в области народонаселения. Совет призвал региональные экономические комиссии и заинтересованные специализированные учреждения расширить свои программы и подтвердил полномочия Генерального секретаря оказывать практическую помощь заин-

сам семейного планирования в 79 действующих государственных центрах здравоохранения и в 54 новых сельских центрах. В 1966 г. правительство Ямайки включило семейное планирование в государственную службу здравоохранения и ввело в действие национальную программу по образованию в области семейного планирования.

тересованным правительствам, по их просьбе, в регулировании демографических процессов.

В День прав человека в декабре 1966 г. Генеральный секретарь ООН выступил с заявлением по поводу декларации о проблемах народонаселения, подписанной главами правительств Колумбии, Финляндии, Индии, Малайзии, Марокко, Непала, Южной Кореи, Сингапура, Швеции, Туниса, Объединенной Арабской Республики и Югославии, в которой провозглашалось право каждого человека сознательно определять желаемое число детей и регулировать сроки их рождения. По этому поводу Генеральный секретарь сказал: «Меня просили распространить это заявление в связи с Днем прав человека, отмечаемым в годовщину Декларации Организации Объединенных Наций о правах человека, и мне это кажется вполне уместным, поскольку свобода от голода, право на медицинское обслуживание и право на образование уже стали основными правами человека. Я также использую эту возможность для того, чтобы подчеркнуть, что рост народонаселения является не только важным фактором, влияющим на сроки достижения различными странами своих экономических целей, но что размер семьи представляет собой главную проблему, которая должна быть основана на решении ответственных родителей, заинтересованных в охране достоинства и благополучия своих детей.

По моему мнению, мы можем предоставить родителям право определять количество детей в семье, что является важным моментом на данном этапе истории человечества. Поскольку из-за влияния одного из последствий отсталости темпы роста населения в бедных странах, представляющих две трети мира, намного выше, чем в более обеспеченных странах, а в настоящее время все больше утверждается мнение, что через два или три ближайших десятилетия, когда усилия, осуществляемые в настоящее время по всему миру с целью увеличения производства продуктов питания, еще не дадут своих полных результатов, проблема роста недостатка продуктов питания не сможет быть разрешена во многих случаях без осуществления одновременных усилий по замедлению роста народонаселения.

Мы полностью признаем и уважаем религиозные и гуманные проблемы, встающие перед многими в связи со средствами, направленными на достижение этой це-

ли. Однако в День прав человека я чувствую необходимость обратить внимание на декларацию, в которой выражается озабоченность качеством человеческой жизни так же, как и количеством людей, населяющих землю» [34, стр. 34].

Вскоре после этого Генеральная Ассамблея ООН на своей 21-й сессии в 1966 г. единогласно приняла резолюцию, которая стала основой для создания программы дальнейшей деятельности ООН в области народонаселения. Были определены правовые положения и рамки этой деятельности. В резолюции, в частности, указывалось, что «в случае получения просьб» будет предоставляться необходимая помощь в области народонаселения с учетом «различного характера проблем народонаселения в каждой стране и в каждом районе, а также вытекающих из этого потребностей». Вместе с тем подчеркивалась «необходимость уважения суверенитета государств в формулировании и проведении своей собственной политики в области народонаселения с должным учетом принципа, согласно которому размер семьи является делом свободного выбора каждой отдельной семьи» [34, стр. 1, 2].

Рекомендации 39-й сессии Экономического и социального совета и резолюция 21-й сессии Генеральной Ассамблеи послужили основой для развертывания практической деятельности в области народонаселения специализированными и региональными учреждениями ООН. В мае 1965 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) на своей сессии в Женеве единогласно приняла решение о необходимости как можно скорее изучить медицинские аспекты бесплодия и ограничения рождаемости, а также предоставлять членам ВОЗ по их просьбе технические консультации по программам регулирования размеров семьи в качестве неотъемлемой части обслуживания в области здравоохранения. Установив несомненную прямую связь между частой беременностью и материнской и детской смертностью, ВОЗ признала регулирование размеров семьи важным не только для физического здоровья матери и новорожденного, но также и для физического, социального и экономического благополучия всех других членов семьи.

Состоявшаяся позднее двадцатая Всемирная ассамблея здравоохранения вновь подчеркнула обязанность Генерального директора ВОЗ «оказывать помощь по прось-

бе правительств в проведении национальных программ» [31, стр. 6—7]. Обязанность оказывать помощь национальным программам планирования семьи взял также на себя Детский фонд, правление которого в резолюции, принятой в 1966 г., отмечало, что эта помощь будет выступать в форме подготовки кадров, снабжения необходимым оборудованием, транспортными средствами и т. п. служб по охране здоровья матери и ребенка. В 1967 г. Объединенный комитет Детского фонда и ВОЗ по разработке руководящих принципов постановил, что регулирование размеров семьи может быть включено в программу подготовки технического персонала и что основные виды обслуживания в области здравоохранения, включая охрану здоровья матери и ребенка, должны быть расширены, чтобы регулирование размеров семьи стало неотъемлемой частью обслуживания в области охраны здоровья матери и ребенка.

Генеральная конференция ЮНЕСКО, состоявшаяся в 1966 г., по просьбе государств-членов включила в число задач своей организации проведение научных исследований по вопросу эффективности различных методов обучения и информации, которые используются в этих государствах в связи с осуществлением программ планирования семьи. В июле 1967 г. ЮНЕСКО созвала специальный комитет экспертов для определения мероприятий в области народонаселения. Этот комитет предложил среди прочего, чтобы государствам-членам была оказана помощь в использовании средств массовой информации по вопросам народонаселения и чтобы ЮНЕСКО учредила центральную службу социальных исследований в связи с демографическими проблемами.

В 1967 г. Международная конференция труда приняла резолюцию, в которой содержалась рекомендация Генеральному директору Международной организации труда всесторонне изучить при посредстве Административного совета влияние и последствия быстрого роста населения на возможности обучения, занятость и благосостояние рабочих, особенно в развивающихся странах. Конференция рекомендовала, чтобы это исследование было проведено в тесном сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций и другими заинтересованными международными организациями.

Национальные программы ограничения рождаемости пользуются особенно энергичной поддержкой в Продро-

вольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), прежде всего из-за неудовлетворительного продовольственного положения в «третьем мире». На своей конференции в ноябре 1967 г. ФАО наметила провести серию обследований в тех развивающихся странах, где рост населения обгоняет производство пищевых продуктов, с целью выяснения взаимосвязи между размерами семьи и ее благосостоянием, а также предпринять меры по обучению домохозяев более рациональному использованию семейных ресурсов. Рекомендовалось также создать рабочую группу по вопросам домоводства для Азии и Дальнего Востока.

Совет управляющих Программы Развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) на 4-й сессии в июне 1967 г. рассмотрел вопрос о народонаселении и пришел к общему мнению о необходимости «подходить весьма серьезно и уделять систематическое внимание» просьбам правительств об оказании помощи национальным программам по регулированию размеров семьи. ПРООН оказывает содействие в руководстве этими программами, подготовке кадров, сборе статистических данных, оценке результатов демографической политики, предоставлении оборудования и т. п.

Экономическая комиссия для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ) на своей 23-й сессии в апреле 1967 г. поддержала резолюцию 2211 (XXI) Генеральной Ассамблеи и предложила Исполнительному секретарю предпринять надлежащие меры для расширения региональной программы в области народонаселения «для обеспечения анализа и углубленного рассмотрения проблем в области народонаселения данного района и для использования наиболее эффективных способов разрешения этих проблем посредством совместных региональных и национальных усилий». Было предложено, чтобы в первую очередь были усилены подготовка кадров, а также исследовательская работа и информационное и консультативное обслуживание. ЭКАДВ создала Азиатскую конференцию по народонаселению в качестве предусмотренного уставом органа и призвала все организации, входящие в систему ООН, и все национальные организации оказывать всяческое сотрудничество и поддержку при осуществлении расширенной региональной программы в области народонаселения».

Разнообразная деятельность в области народонаселе-

ния, в частности по оказанию помощи национальным программам планирования семьи, различных специализированных и региональных учреждений ООН согласовывается в рамках Административного комитета по координации, который с этой целью провел два междуведомственных совещания, в 1965 и 1966 г. и создал Рабочий комитет по программе и координации. В июне 1967 г. ООН организовала Межрегиональные практические занятия с участием представителей ВОЗ и ФАО для обсуждения демографической подготовки с особым упором на задачи регулирования размеров семьи. Представители специализированных учреждений присутствуют также на заседаниях Комиссии по народонаселению и Специального комитета экспертов, который дает Генеральному секретарю свои заключения по программам народонаселения. В свою очередь представители центральных органов ООН присутствуют на заседаниях специализированных учреждений. Взаимное представительство на технических совещаниях является главной формой координации программ народонаселения на региональном уровне.

В середине 1967 г. решением Генерального секретаря ООН был создан специальный Фонд ООН для финансирования расширяющейся деятельности специализированных учреждений ООН в области народонаселения. Руководство Фондом возложено в 1969 г. на Совет управляющих Программы Развития ООН, являющийся центральным агентством ООН по технической и другим видам помощи развитию экономически отсталых стран. К октябрю 1969 г. девять государств предоставили Фонду дотации на 3,7 млн. долл. и Генеральный секретарь ООН обратился с просьбой о дальнейших взносах еще к 32 государствам.

Активизация деятельности ООН, ее специализированных учреждений и региональных комиссий по оказанию помощи национальным программам контроля над рождаемостью способствует дальнейшему расширению круга стран, осуществляющих эти программы.

Поскольку, как уже отмечалось, ООН лишь сравнительно недавно начала помогать развивающимся странам в области семейного планирования, первоначально такая внешняя помощь поступала от отдельных государств, а также от некоторых неправительственных организаций, которые поддерживали национальные прог-

рамы контроля над рождаемостью, направляя в развивающиеся страны своих специалистов; открывая учебные вакансии для местных кадров, предоставляя средства, оборудование и различные материалы.

Шведское правительство первым стало помогать развивающимся странам в деле организации и практического осуществления программ контроля над рождаемостью. В 1958 г. специальная государственная организация — Шведское правление международного развития — заключила соответствующее соглашение с правительством Цейлона и в 1961 г. — с правительством Пакистана. Общая сумма помощи в 1959—1962 гг. составила 336 тыс. долл. В дальнейшем шведская помощь распространилась на Индию, Индонезию, Малайзию, Турцию, Южную Корею, Алжир, Кению, Маврикий, Тунис, Гватемалу, Коста-Рику, Сальвадор, Тринидад и Тобаго. Помощь предоставляется материалами и оборудованием, в том числе контрацептивными средствами, техническими специалистами и т. п. В 1969 г. общая сумма шведской помощи достигла 6,2 млн. долл., причем около половины получили Индия и Пакистан.

С 1964 г. приступило к оказанию помощи программам контроля над рождаемостью развивающихся стран правительство Великобритании, организовав с этой целью при министерстве заморского развития специальное управление по народонаселению. За период с 1964/65 г. по март 1969 г. общая сумма помощи достигла 237 тыс. долл., которые получили в основном Индия, Мальта, Непал и Сейшельские острова. Одновременно Великобритания оказывает помощь развивающимся странам с теми же целями на многосторонней основе через ООН и Международную федерацию планирования семьи.

Правительство США начало в широких размерах поддерживать политику контроля над рождаемостью в развивающихся странах с 1965 г., главным образом через Агентство международного развития. В 1969 финансовом году Агентство предоставило помощь 31 афро-азиатской и латиноамериканской стране на общую сумму 45,4 млн. долл. плюс 30 млн. долл. в местной валюте, вырученной главным образом за продовольственные поставки по закону 480.

В небольших размерах оказывает поддержку программам контроля над рождаемостью в Индии и ОАР правительство Дании. Норвегия через Норвежское агент-

ство международного развития предоставила помощь Сингапуру и Кении. В последние годы к этого рода международной активности подключились правительства Голландии, Канады, ФРГ и Японии.

Среди неправительственных организаций, активно содействующих мероприятиям по контролю над рождаемостью в развивающихся странах, наиболее авторитетной является созданная в 1952 г. с центром в Лондоне *Международная федерация по планированию семьи* («Интернешнел Плэнд Пэрэнтхуд Федэрейшн»), объединявшая в 1969 г. на добровольных началах около 50 национальных ассоциаций. Региональные отделения Федерации размещены в Сингапуре, Равалпинди, Токио, Найроби, Лондоне и Нью-Йорке. Правление Федерации включает представителей всех входящих в нее национальных ассоциаций и собирается раз в два года. Исполнительный орган — Комитет управления и планирования собирается не реже одного раза в год. При руководстве Федерации имеются также медицинский и научно-исследовательский комитеты. Международные конференции Федерации проводятся раз в четыре года. Последняя, восьмая конференция состоялась в апреле 1967 г. в Сантьяго (Чили). Предыдущая, седьмая собиралась в 1963 г. в Сингапуре. В промежутке были проведены региональные конференции, в 1964 г. в Пуэрто-Рико и Лондоне, в 1965 г. в Южной Корее и в 1966 г. в Копенгагене. Эти конференции обычно привлекают широкий круг участников.

Исходя из принципа, что планирование семьи и сознательное материнство есть основное право человека, Федерация ведет большую научно-исследовательскую работу в области контроля над рождаемостью и широко распространяет информацию о ее результатах, координирует деятельность входящих в ее состав национальных ассоциаций, оказывает научную и техническую помощь частным и правительственным организациям более чем в 70 странах. В 1964 г. Экономический и социальный совет ООН предоставил Федерации консультативный статус. В 1965 г. такой же статус был предоставлен ей и другими специализированными организациями ООН — Всемирной организацией здравоохранения, Детским фондом и Международной организацией труда. В феврале 1965 г. ООН поручила генеральному секретарю Федерации возглавить миссию экспертов, направленную в Индию по линии технической помощи

для консультации индийского правительства о возможных мерах повышения эффективности национальной программы контроля над рождаемостью.

Деятельность Федерации финансируется главным образом за счет пожертвований правительств Великобритании, Дании, Норвегии, США, Швеции и с 1969 г. Японии. Годовой бюджет Федерации возрос с 325 тыс. долл. в 1962 г. до 8,4 млн. долл. в 1969 г.

Активную международную деятельность по поддержке программ контроля над рождаемостью в развивающихся странах осуществляет нью-йоркский *Совет по народонаселению*, образованный в 1952 г. как неправительственная и некоммерческая организация с целью изучения и оказания технической помощи в области народонаселения и создаваемых им проблем, особенно в развивающихся странах. Совет имеет 150 сотрудников, часть которых работает за пределами США, в том числе в Пакистане, Таиланде, на Цейлоне, Филиппинах, Тайване, в Южной Корее, Турции, Тунисе, Марокко, Кении, Уганде, Сьерра-Леоне. По линии своего демографического отдела Совет помогает правительствам развивающихся стран модернизировать программы и технику переписей населения, улучшать текущий демографический учет; проводит обследования, чтобы выяснить отношение населения к программам планирования семьи и результаты осуществления этих программ; собирает и анализирует новые демографические данные; финансирует местные демографические исследования и подготовку демографических кадров. Биомедицинский отдел занимается фундаментальными и прикладными исследованиями по физиологии рождаемости и ее регулированию, по развитию новой контрацептивной техники и проверке эффективности новых противозачаточных средств. Деятельность отдела технической помощи главным образом направлена на поддержку программ планирования семьи в Пакистане, Южной Корее, на Тайване, в Таиланде, Турции, Марокко и Тунисе. Совет финансировал разработку учебных материалов по народонаселению для преподавания в средних школах развивающихся стран и направил в институты и учреждения 76 стран мира 500 библиотек, укомплектованных литературой по вопросам демографии. Совет осуществляет также программу обучения основам семейного планирования женщин, находящихся в родильных домах. Эта

программа охватывает 26 родильных домов в 15 странах. Совет издает информационный бюллетень «Исследования по планированию семьи». В 1968 г. бюджет Совета равнялся 11,3 млрд. долл., полученных в основном от Фонда Форда, Фонда Рокфеллера и Агентства международного развития.

В числе других многочисленных неправительственных некоммерческих организаций, оказывающих поддержку политике народонаселения развивающихся стран, можно упомянуть следующие.

Фонд Форда финансирует научную и техническую деятельность в области народонаселения с 1952 г., затратив к 1969 г. около 115 млн. долл., т. е. больше, чем любая другая подобная организация. Значительные субсидии Фонд Форда предоставил десяти университетам США для создания или расширения центров по научным исследованиям и подготовке специалистов в области народонаселения. Были выделены также средства на демографические исследования и подготовку кадров непосредственно в научных учреждениях развивающихся стран — Индии, Филиппин, Сингапура, Чили, Колумбии, Мексики, Перу. Фонд финансирует научные исследования по физиологии и регулированию рождаемости и оказывает техническую и финансовую помощь экспериментальным и общенациональным программам планирования семьи в Индии, Пакистане, Малайзии, Тунисе, Марокко, ОАР. При финансовой поддержке Фонда был проведен ряд конференций и семинаров и изданы отдельные книги по проблемам народонаселения.

Фонд Рокфеллера с конца 50-х годов финансирует научную и практическую деятельность, связанную с проблемами народонаселения развивающихся стран, уделяя главное внимание стимулированию фундаментальных исследований в области биологии воспроизводства населения и контроля над рождаемостью. Субсидии Фонда получают восемь американских университетов и университеты в Колумбии, Турции и Чили. Фонд оказывает постоянную финансовую поддержку Совету по народонаселению и Международной федерации планирования семьи.

Финансовая и техническая помощь мероприятиям развивающихся стран по контролю над рождаемостью поступает также от американских *Фонда Виктора Бост-*

рома, Фонда Патфиндера, Мемориального фонда Мил-
банка и некоторых других неправительственных органи-
заций.

Идеологическая борьба вокруг мероприятий по контролю над рождаемостью и их действительное значение в общественном развитии

Несмотря на то что демографическая политика, на-
правленная на ограничение рождаемости, становится
все более заметным явлением в жизни развивающихся
стран, оценка ее общественного значения, практической
целесообразности продолжает вызывать научные споры
и идеологические столкновения, в которых не без тру-
да завоевывает признание рациональная точка зрения.
В этих спорах и столкновениях можно отметить крайние
позиции, диаметрально противоположные по своему
подходу к проблеме, но одинаково несостоятельные в
научном отношении из-за своей односторонности.

Часть буржуазных ученых придерживается мнения,
мальтузианского по своим истокам, согласно которому
демографические факторы служат главной причиной
экономических и социальных трудностей, испытываемых
развивающимися странами. Отсюда делается вывод, что
основным средством преодоления этих трудностей могут
быть только мероприятия по контролю над рождаемо-
стью. Так, известный английский ученый д-р Хаксли пи-
сал, что «ограничение народонаселения является пред-
варительным условием для любого радикального улуч-
шения человеческой судьбы» [208, стр. 11]. Подобное
утверждение содержат многие исследования проблемы
«демографического взрыва». «Мы имеем знания и по-
тенциальные ресурсы, способные обеспечить хорошую
жизнь для всех людей мира, если рост населения будет
поставлен под контроль... — говорилось в одном из та-
ких исследований. — В будущем, как и в прошлом,
рост населения будет сдерживаться войнами, голодов-
ками и болезнями, если норма рождаемости во всех ча-
стях мира не будет вскоре сокращена до умеренного
уровня» [216, стр. 192]. Автор другого исследования под-
черкивал, что «изобретение более простых, дешевых и
более эффективных противозачаточных средств может
сделать значительно больше для улучшения жизненных

условий масс в ближайшие десятилетия, чем все проводимые сейчас дорогие исследования в области промышленности» [224, стр. 128].

Понятно, что такого рода рекомендации, противопоставляющие меры по ограничению рождаемости национальным усилиям в области экономического строительства, в лучшем случае бесполезны для решения сложных проблем развивающихся стран. Независимо от субъективных намерений тех или иных исследователей современной демографической ситуации, утверждение, будто контроль над рождаемостью имеет первоочередное значение для улучшения жизненного положения народов «третьего мира», неизбежно приводит к мальтузианскому выводу о «естественном», внеклассовом происхождении упомянутых проблем; оно отвлекает внимание от тех действительных фактов, что именно империализм с его колониальной эксплуатацией обрек афроазиатские и латиноамериканские страны на экономическую и культурную отсталость, в условиях которой высокий прирост населения имеет столь тяжелые последствия, и что поэтому устранение этих последствий требует прежде всего решительной борьбы с неоколониализмом и последовательного осуществления экономических и культурных преобразований. Нет ничего удивительного, что антинаучная концепция, абсолютизирующая значение контроля над рождаемостью, столь охотно используется империалистической пропагандой в своих реакционных целях.

Правда, среди современных мальтузианцев встречаются и такие, кто считает проводимую развивающимися странами политику контроля над рождаемостью бесполезной, а поэтому и не нужной, на том основании, что население «третьего мира» из-за своей культурной отсталости просто неспособно воспринять методы семейного планирования и отказаться от традиционной многодетности. Об этом заявил, например, американский биолог Пол Эрлих в статье, опубликованной лондонским журналом «Нью Саентист» 14 декабря 1967 г. Объявив о якобы полном провале индийской программы контроля над рождаемостью, он писал: «То же самое можно сказать и о многих других развивающихся странах. В них не может внезапно произойти тот демографический перелом, который имел место во многих западных странах, ибо в последних большая или меньшая стаби-

лизация численности населения была связана с индустриализацией и произошла как ее следствие много времени спустя... Ограничение рождаемости зависит прежде всего от отношений людей к этому вопросу, а не от технологии применения противозачаточных средств. Однако взгляды людей не изменяются с такой скоростью, какая необходима, чтобы укротить надвигающуюся катастрофу».

В откровенно расистской форме это положение отстаивал на Всемирной конференции ООН по народонаселению в Белграде реакционный западногерманский идеолог д-р Родерих фон Унгерн-Штернберг, который утверждал: «Страны, находящиеся вне границ европейской культуры, должны пережить переворот в мышлении в духе Западной Европы, если они стремятся изменить свои традиционные привычки воспроизводства. Возможно ли это? Возможно ли, чтобы умственные побуждения, ставшие преобладающими в Западной Европе за последние полвека в области человеческого воспроизводства, смогли в ближайшем будущем проникнуть в китайский, исламский или индусский культурные центры? Это в высшей степени невероятно!.. Во всяком случае, до сих пор пропаганда в пользу уменьшения рождаемости, проводимая на Востоке, не дала сколько-нибудь заметных результатов» [348, стр. 2].

Справедливости ради следует заметить, что подобные «пессимисты» мальтузианского толка не обладают таким идеологическим влиянием в буржуазном мире, чтобы создать особые затруднения сторонникам политики ограничения рождаемости. В этом отношении более серьезное значение, главным образом в латиноамериканских странах, имеет осуждение политики ограничения рождаемости римско-католической церковью.

Согласно религиозным догматам католицизма, исходящим из библейской заповеди «плодиться и размножаться», единственным смыслом брака является деторождение. Поэтому церковники считают, что всякий супружеский акт, не имеющий целью зачатие и тем более избегающий его искусственными средствами, входит в противоречие с предначертанием бога-творца, и, следовательно, становится тяжелым грехом. Суровая категоричность этого установления, неукоснительно проповедовавшаяся католической церковью со времен раннего средневековья, была несколько смягчена лишь

в 1930 г., когда ватиканские теологи допустили возможность регулирования деторождения «естественным» методом (так называемым методом «ритма», при котором супружеская близость допускается только в стерильные периоды женского менструального цикла), объявив, что периодические воздержания от супружеской близости якобы укрепляют семейные узы, вырабатывают самодисциплину и приближают человека к богу.

Явная неубедительность подобных аргументов даже для верующих, а главное, малая эффективность метода «ритма» (согласно медицинским показаниям, в среднем в 30% случаев он не в состоянии предотвратить зачатие) и сложившаяся в мире новая демографическая ситуация — все это вызвало нарастающие требования внутри самих католических кругов пересмотреть отношение Ватикана к политике контроля над рождаемостью. В 1963 г. покойный папа римский Иоанн XXIII назначил комиссию из кардиналов, епископов и экспертов для изучения данного вопроса. После нескольких лет работы большинство членов комиссии представило доклад с рекомендацией разрешить католикам пользоваться противозачаточными средствами. Меньшинство, однако, выступило против этой рекомендации, не без основания полагая, что отказ от одной из главных догм может стать прецедентом, опасным для церковной догматики в целом.

Разделяя мнение меньшинства комиссии, нынешний папа римский Павел VI обнародовал в 1968 г. энциклику «Человеческая жизнь», в которой вновь осудил как «греховные» искусственные методы контроля над рождаемостью*. «Супруги не свободны следовать собственному решению, каким путем им идти, — говорилось в энциклике, — они должны приравнивать свои действия к творческим намерениям Бога, выраженным в самой природе брака и отраженным в постоянном поучении церкви...». «Церковь учит, что каждый брачный акт должен быть открыт для передачи жизни» (параграф 11) и что существует «неразрывная связь — как этого пожелал Бог и не может по своему желанию на-

* Превосходный критический анализ основных положений папской энциклики «Человеческая жизнь» содержится в статье академика Академии медицинских наук СССР проф. Г. Сперанского «Жизнь опровергает догмы» [357, 2.X.1968].

рушить человек — между двумя значениями супружеского акта: совокупления и зачатия» (параграф 12). Осуждая любые средства искусственного ограничения рождаемости, энциклика утверждала, что их применение поведет к общему упадку нравственности. «Не допускайте, чтобы нравственность ваших народов деградировала, — призывала энциклика государственных руководителей, — не разрешайте, чтобы действия, противоречащие естественному и божественному закону, легальными путями проникали в основную ячейку общества — семью» (параграф 23). Энциклика признавала серьезные проблемы народонаселения, которые существуют, особенно в развивающихся странах, но заявляла, что они должны быть решены социальным и экономическим прогрессом и взаимной помощью наций [319а, стр. 5].

Энциклика Павла VI вызвала в мире бурные дискуссии и резкую критику. Ее отказались поддерживать многие рядовые верующие и священнослужители всех рангов, особенно в Австралии, Англии, Бельгии, Голландии, Канаде, скандинавских странах, Франции, ФРГ и Японии. В Англии, например, лишь один из каждых пяти католиков одобрил папское послание. Католическое теологическое общество Америки опубликовало заявление, выражавшее несогласие с выводами энциклики. Англиканские епископы на специальной конференции вновь подтвердили свой тезис, сформулированный еще в 1958 г., о том, что «ответственность за решение, сколько надо иметь детей и когда, Бог возложил на совесть родителей» и что семейное планирование является «верным и важным фактором в христианской семейной жизни» [372, 3.VIII.1968, стр. 5; 7.VIII.1968, стр. 1]. Вместе с тем сообщалось о поддержке энциклики рядом высших представителей католической иерархии, что, в частности, стало серьезным препятствием для официального признания целесообразности политики контроля над рождаемостью в ряде африканских и латиноамериканских стран, где влияние католической церкви на правящие круги остается значительным.

Совершенно с иных идеологических позиций критиковалась политика контроля над рождаемостью теми, кто вообще отказывался признавать, что ускорившийся рост населения развивающихся стран создает какие-то специфические проблемы. Сторонники этой точки зре-

ния рассматривали увеличение людских ресурсов как безусловно положительный фактор, благоприятствующий социально-экономическому развитию, поскольку люди составляют основную производительную силу общества, и поэтому безоговорочно считали требования ограничения рождаемости чистейшим мальтузианством. Такое убеждение проистекало из недооценки определенной самостоятельности демографических факторов, игнорировании того важного диалектического положения, что демографические факторы, хотя и являются вторичными, зависимыми по отношению к общественному производству, могут оказывать и оказывают активное обратное воздействие на экономические и социальные процессы.

Упрощенное представление о зависимости демографических факторов от характера социально-экономических условий приводило к отрицанию всякой целесообразности политики контроля над рождаемостью на том основании, что уровень рождаемости должен понизиться сам по себе, без всяких искусственных мер, в результате индустриализации, раскрепощения женщин, повышения культурного уровня населения. С этой позиции, например, некоторые члены Комиссии по народонаселению ООН настаивали, что «излишне пытаться поощрять регулирование деторождения в развивающихся странах; что любые трудности, возникшие в результате быстрого роста населения на первоначальных этапах развития, должны быть устранены решительными, хорошо спланированными мерами для поощрения экономического развития; что, во всяком случае, программы регулирования деторождения, вероятно, не увенчаются успехом до тех пор, пока не будет достигнут достаточно высокий уровень социального и экономического развития» [54, стр. 8].

Подобное мнение широко распространено и в самих развивающихся странах. Так, в статье индийского автора по поводу голода в Индии, опубликованной в апреле 1966 г. журналом «Проблемы мира и социализма», говорилось: «Меры по контролю над рождаемостью и семейному планированию, пропагандируемые в стране, не затрагивают неграмотных и бедных. Опыт показывает, что только там, где устранены неграмотность и культурная отсталость, можно контролировать рост населения. И экономический прогресс является основой для культурного

прогресса. Таким образом, рассчитывать на сокращение роста населения для облегчения проблемы это уж действительно ставить повозку впереди лошади».

Безусловно, экономическое и культурное развитие, изменяя жизненный уклад и семейные традиции, вызывает постепенное снижение рождаемости. Но, как показала демографическая история индустриальных государств, это процесс медленный, растягивающийся на многие десятилетия. Даже такое наиболее радикальное социально-экономическое преобразование, как ликвидация капиталистического способа производства, не может сразу, автоматически устранить демографические трудности в отсталых аграрных странах с высоким приростом людских ресурсов. Во-первых, обобществление средств производства, хотя и открывает путь для быстрого развития производительных сил, отнюдь не означает немедленного достижения максимально необходимого уровня в этом развитии. Во-вторых, хотя демографические явления, в том числе рождаемость, несомненно, зависят от экономического строя общества, эта зависимость не прямая, а опосредствованная социально-психологическими, социально-культурными и другими факторами надстроечного порядка (в том числе национальными традициями и обычаями, правовыми нормами, религиозными взглядами и т. п.), изменения которых происходят намного медленнее, чем изменения экономического базиса.

Наглядным свидетельством этого служит опыт Китайской Народной Республики, где под влиянием практики официальное отношение к мероприятиям по контролю над рождаемостью претерпело весьма существенную эволюцию. В первые годы после революции китайское правительство не придавало значения демографическим проблемам, безоговорочно расценивая политику «планирования семьи» как мальтузианство. Но уже в 1953 г. были ослаблены законодательные ограничения на совершение аборт, а вскоре в стране развернулась кампания за «плановое деторождение» во имя охраны здоровья матери и ребенка. Эта кампания оказалась кратковременной и поэтому малоэффективной, особенно среди сельского населения. С 1956—1957 гг. в ходе подготовки, а затем и попыток реализации программы «Большого скачка», намечавшей форсированное экономическое строительство за счет массо-

вого использования ручного труда, мероприятия по контролю над рождаемостью подверглись осуждению и, напротив, их сменили призывы к деторождению, поскольку «люди, трудящиеся — главная производительная сила общества». Для этого периода характерными были следующие теоретические рассуждения китайских ученых: «В нашей стране большое население не является «бременем», а наоборот — человек считается самым драгоценным из всех богатств мира, богатством, которое имеет решающее значение... Поэтому в нашей стране никогда не будет применяться метод искусственного «истребления населения» для повышения уровня материальной жизни народа... Именно благодаря тому, что у нас 600 миллионов человек, так стремительно растут темпы социалистического строительства и страна неуклонно идет к своему всестороннему расцвету» [279, стр. 4].

Недооценка всей сложности демографических проблем была, если и не самой главной, то во всяком случае одной из важных причин закономерного провала «Большого скачка». Ежегодное увеличение общей численности населения страны в среднем на 10—12 млн. человек, резко возросший прирост детей в школьном возрасте и молодежи в трудоспособном возрасте оказались тяжелым бременем для китайской экономики и побудили правительство КНР вновь вернуться к политике ограничения рождаемости. Еще в 1964 г. во время пребывания в Конакри (Гвинея) Чжоу Энь-лай, давая интервью Эдгару Сноу (опубликовано газетой «Нью-Йорк Таймс» 3 февраля 1964 г.), сказал: «Мы верим в семейное планирование, но его не легко сразу ввести в Китае, и особенно трудно в сельских районах, где проживает большинство нашего населения. Прежде всего необходимо стимулировать поздние браки... После второй мировой войны Япония достигла примечательного снижения (в росте населения.—Я. Г.) до примерно 1%. Мы послали людей в Японию изучить там средства и результаты. Наша нынешняя цель — сократить рост населения до менее 2%; для будущего мы намечаем даже более низкие темпы. Однако я не верю, что будет возможным сравняться с японскими темпами ранее 1970 г. из-за уже упомянутых причин. Например, с улучшением жизненных условий за последние два года наши темпы роста опять поднялись до 2,5%! По-

этому наше отношение к семейному планированию полностью положительно; семейное планирование, там, где есть возросшее производство товаров и услуг, способно поднять уровень жизни народа. Вот почему мы очень внимательно изучаем это за последние несколько лет».

Вновь начавшаяся кампания за «плановое деторождение» проводилась и на этот раз особенно энергично, с большим размахом. Пропагандируются поздние браки. Женщинам рекомендуется вступать в брак не раньше 22 лет, еще лучше — после 28 лет, мужчинам — после 30 лет. Если в брак вступают студенты, они лишаются стипендии. Популяризуется применение контрацептивных средств. Аборты хотя и разрешены, но не поощряются, зато усиленно рекомендуется стерилизация, особенно после появления в семье третьего ребенка. На четвертого родившегося ребенка родители не получают продовольственных и промтоварных карточек. Семья с двумя детьми объявлена образцовой. Начавшаяся в стране «культурная революция» вооружила пропаганду политики ограничения рождаемости новыми лозунгами и новой фразеологией. Так, шанхайская газета «Вэнь-хуэй бао» в одном из январских номеров 1968 г., объявив планирование семьи «серьезной задачей», возложила вину за увеличение рождаемости на Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пина и других, которые якобы «распространяли отравленные идеи, превозносящие индивидуализм и удовольствие, наряду с ошибочными идеями о том, что коммунистический идеал — обеспечить хорошую жизнь народу». «Эти ревизионисты, — продолжала газета, — до сих пор оказывают влияние на некоторых глав семей, а также на молодежь, что проявляется в сфере любви, брака и деторождаемости» [цит. по 362, 25.I.1968].

Положительно относилось к мероприятиям по контролю над рождаемостью правительство Демократической Республики Вьетнам, хотя и не объявляло никакой официальной политики в этой области. Французская газета «Монд» опубликовала 25 ноября 1967 г. интервью министра здравоохранения ДРВ Фам Нгок Тха-ча, в котором говорилось: «Население Северного Вьетнама насчитывало в 1960 г. 17 млн. человек. В настоящее время население составляет от 19 до 20 млн. человек. Три года назад мы имели значительный рост населения, который достиг 34% (вероятно, 3,4%. — Я. Г.)

в Ханое. Мы поэтому начали национальную кампанию ограничения рождаемости, которая дала результаты, поскольку коэффициент рождаемости снизился очень быстро до примерно 20% (вероятно, до 20 на 1000. — Я. Г.). Мы продолжаем эту кампанию, и премьер-министр Фам Ван Донг придает большое значение этому, так как он сам председательствует в Комитете по охране материнства и детей, который ответствен за организацию этой кампании. Целью этих действий в основном является охрана здоровья матери и ребенка. Вьетнамские матери в среднем имели 4—5 детей несколько лет тому назад, и мы хотим ограничить это число. Мы в основном осуществляем эту программу путем широкой национальной информационной кампании, путем мобилизации умов. Мы рекомендуем и распространяем все простые традиционные средства... Мы не используем пилуль».

Возвращаясь к оценке практической целесообразности мероприятий по контролю над рождаемостью в развивающихся странах, следует прежде всего заметить, что вполне оправдано стремление регулировать воспроизводство населения в ходе решения проблем хозяйственного развития. Нельзя сколько-нибудь успешно планировать это развитие, не учитывая демографических факторов и не пытаясь воздействовать на них для достижения наилучшего сочетания роста населения с экономическим прогрессом. Поскольку в процессе экономического и культурного строительства закономерно возникает тенденция к снижению рождаемости, есть все основания для того, чтобы попытаться ускорить развитие этой тенденции при помощи целенаправленной демографической политики. Иначе говоря, мероприятия по ограничению рождаемости могут дать положительные результаты и быть полезными для ослабления экономических трудностей, если в своем осуществлении будут опираться на общие социально-экономические и культурные преобразования, не пытаясь подменять их. В противном случае они окажутся безуспешными, так как никакая пропаганда методов планирования семьи не может достичь сколько-нибудь значительной цели в условиях традиционного, застойного общества, не затронутого новыми идеями, лишенного перспектив, не ощущающего реальных перемен в своей жизни и, следовательно, не испытывающего никакой потребности менять свои обычаи в области семейных отношений.

Но все дело в том, что современный «третий мир» отнюдь не является таким застойным обществом при всей его пока еще сохраняющейся экономической и культурной отсталости. Национально-освободительные революции и другие связанные с ними мощные политические и социальные потрясения разбудили и привели его в движение, вызвали, в частности, бурные процессы урбанизации, выражающиеся не только в росте численности населения городов, но и в изменении психологии сельских жителей. Общественные активисты, передачи центральных радиостанций на местных языках и диалектах, кинопередвижки знакомят неграмотные деревенские массы не только с внутривнутриполитическими событиями, но и с мировыми новостями. Дешевые транзисторные радиоприемники теперь можно встретить в самых глухих уголках мира. «Еще совсем недавно барабан был почти единственным средством связи в Африке. Теперь его место занял радиоприемник, — сообщал журнал «Шпигель» в номере от 29 декабря 1969 г. — От Сахары до Замбези радио прочно вошло в быт африканцев. По всему континенту можно наблюдать одну и ту же картину: жители городов и деревень собираются на площадях и вместе слушают передачи. Нигде в мире не растет так быстро количество радиослушателей, как в Черной Африке. В 1955 г. там насчитывалось всего 360 тыс. радиоприемников, сегодня их уже более 8 млн. Опрос, проведенный в Восточной Африке в 1967 г., показал, что 81% населения больших и малых городов регулярно слушает радио. Такая же картина наблюдается и в Западной Африке. Континент, четыре пятых населения которого не умеет ни читать, ни писать, жадно слушает эфир... С начала 60-х годов расширяющаяся сеть африканских радиостанций ведет свои передачи почти на 700 местных языках».

Благодаря быстро расширяющимся возможностям информации новые веяния достигают отдаленной периферии, порождая даже среди наиболее отсталых слоев населения недовольство рутинным образом жизни и стремление к переменам. Эти настроения, именуемые иногда в социологической литературе «революцией растущих ожиданий», особенно сильно охватывают молодежь.

Вот почему, в частности, если в прошлом веке действительно нельзя было представить возможность, упо-

требляя слова Энгельса, «морального ограничения инстинкта размножения» без ликвидации неграмотности, то в современных условиях развивающихся стран наблюдается постепенное изменение отношения к традициям многодетности даже при сохранении низкого уровня образования.

- Проведенные в разных районах «третьего мира» многочисленные обследования мнений супружеских пар о желаемом числе детей выявили отчетливое стремление к ограничению размеров семьи. В Индии подобные обследования показали, что сельские женщины в среднем хотят иметь четырех детей, а городские — трех. Женщины также заинтересованы, чтобы дети рождались не чаще чем через три года. Приблизительно 70% опрошенных женщин детородного возраста желали узнать о контрацептивных средствах, поскольку почти никто из них этих средств не употреблял. Не было обнаружено сколько-нибудь заметного религиозного или общественного неодобрения программы семейного планирования [313, стр. 1]. Согласно выборочному обследованию, проведенному в Таиланде, среднее желаемое число детей равно 3,8. Хотя 72% опрошенных женщин не хотело иметь больше детей, они практически не знали, как можно предотвратить беременность. Семь из каждых десяти женщин изъявили желание применять контрацептивные средства или по крайней мере получить сведения о контрацептивных методах. Обследование также обнаружило высокий уровень неграмотности [189, стр. 96]. На Цейлоне большинство опрошенных предпочитало иметь в семье только трех детей [356, 1966, № 109, стр. 17].

Интересные данные были получены во время национального обследования по вопросам семейного планирования, проведенного в 1965 г. в Южной Корее. Было установлено, что из числа опрошенных супружеских пар 89% жен и 79% мужей одобряют практику семейного планирования; степень одобрения была лишь немногим ниже в деревне, чем в городе (88% сельских женщин и 77% сельских мужчин); из меньшинства отклоняющих семейное планирование только 8% сослались на религиозные или моральные принципы; неодобрение в силу традиций было столь же малым в деревне, как и в городе; неграмотность не служила причиной отказа от семейного планирования; из числа неграмотных

81% высказал свое одобрение программы; нежелание практиковать семейное планирование в основном высказали либо молодожены, которые еще не успели завести желаемое число детей, либо супружеские пары, приближающиеся к концу детородного возраста (выше 40 лет). Супруги наиболее подходящего возраста для проведения программы контроля над рождаемостью, от 25 до 40 лет, были наиболее склонны к семейному планированию. И чем больше детей было в семье, тем более отчетливо выражалась эта склонность [380, стр. 16—17].

В среднем для «третьего мира» установленное путем опросов желаемое число детей в семье определяется пределами от 3 до 5, и, таким образом, действительный размер семьи, согласно оценкам, оказывается выше желаемого примерно на 30% [98, стр. 32]. Конечно, даже если бы этот разрыв был устранен, то и тогда естественный прирост населения все же остался бы высоким (в среднем 4 ребенка на семью при существующем и ожидаемом в ближайшем будущем уровне смертности в развивающихся странах означало бы удвоение населения за 30—35 лет). Но здесь важно другое, а именно, что в современном «третьем мире» складывается новое представление об идеальном размере семьи, и, несомненно, по мере дальнейшего снижения детской смертности — особенно там, где она сейчас еще остается высокой, — критерий желаемого числа детей будет уменьшаться.

Важно также подчеркнуть, что обследования выявили значительное число супружеских пар, которые не хотят иметь больше детей, чем они уже имеют, и стремятся узнать методы и средства предотвращения новых рождений. Так, в Индии, Таиланде, на Тайване, Филиппинах, Цейлоне и Ямайке о своем нежелании иметь больше детей сообщили от 66 до 86% опрошенных женщин, уже имеющих четыре ребенка, от 45 до 71% женщин, имеющих три ребенка, и от 27 до 56% женщин, имеющих два ребенка. Эти показатели оказались несколько ниже в мусульманских странах — Индонезии, Пакистане и Турции, где равнялись соответственно 37—62%, 23—44% и 5—22% [98, стр. 32, 34].

В Латинской Америке одним из важных показателей стихийно распространяющейся среди населения практики ограничения рождаемости является резко воз-

росшее число выявленных нелегальных аборт. Чтобы в полной мере оценить это обстоятельство, необходимо вспомнить, каким сильным влиянием продолжает пользоваться здесь католическая церковь, которая осуждает всякие искусственные меры контроля над рождаемостью, а аборт считает особенно большим грехом. И тем не менее, согласно оценкам, в Уругвае на каждое рождение ребенка приходится три нелегальных аборта; в Чили число аборт за последние 30 лет выросло в четыре раза, и, по данным чилийских органов здравоохранения, 40% смертности среди рожениц происходит из-за аборт [96, стр. 5—6]. То же наблюдается в Колумбии, Мексике и некоторых других латиноамериканских странах.

Вышеизложенные факты подтверждают два важных положения. Первое — это то, что даже если отвлечься от экономической стороны вопроса, широкое ознакомление населения развивающихся стран со средствами и методами ограничения рождаемости необходимо в качестве обязательной составной части общих мероприятий по охране здоровья матери и ребенка прежде всего ради сокращения материнской смертности от чрезвычайного числа рождений и неквалифицированных аборт.

Только поэтому нельзя безоговорочно, огульно отождествлять пропаганду семейного планирования и меры по распространению контрацептивных средств, как делают некоторые критики политики контроля над рождаемостью, с мальтузианской политикой. Еще В. И. Ленин подчеркивал, что враждебность марксистов к неомальтузианству несколько не должна мешать требованию «безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п. ... Одно дело — свобода медицинской пропаганды и охрана азбучных демократических прав гражданина и гражданки. Другое дело — социальное учение неомальтузианства» [21, стр. 257].

Именно этот решающий принцип охраны демократических прав человека принят за основу деятельности Организации Объединенных Наций в области политики семейного планирования. «Любой выбор и решение в связи с размером семьи должны неукоснительно предоставляться на усмотрение самой семьи и не могут

делаться никем иным», — торжественно заявлял Генеральный секретарь ООН, одновременно указывая, что «это право родителей на свободный выбор будет иллюзорным, если семья не будет поставлена в известность об имеющихся альтернативах. Поэтому право каждой семьи на информацию и услуги в этой области все в большей степени считается основным правом человека и незаменимым аспектом человеческого достоинства» [36, стр. 3].

Второе важное положение заключается в том, что нельзя считать, будто мероприятия по контролю над рождаемостью в развивающихся странах при нынешнем культурном уровне населения неизбежно обречены на провал. Напротив, уже есть основания говорить о первых успехах осуществления планирования семьи в некоторых развивающихся странах. Так, общий коэффициент рождаемости снизился в Гонконге с 38 на 1000 в 1958 г. до 23 в 1967 г., в Малайзии с 40,9 в 1960 г. до 37,3 в 1966 г., в Сингапуре с 41,3 в 1958 г. до 25,8 в 1967 г., на Тайване с 39,5 в 1960 г. до 28,5 в 1967 г., на Цейлоне с 36,6 в 1960 г. до 31,5 в 1967 г., в Южной Корее с 45 в 1956 г. до 39 в 1966 г., в Пуэрто-Рико с 34,8 в 1956 г. до 28,3 в 1966 г. [179, стр. 6, 11, 12; 41а, стр. 43]. Понижение рождаемости произошло также и в некоторых других странах.

Эти демографические изменения нельзя относить только на счет действия программ по планированию семьи. Например, в Гонконге одной из главных причин было изменение возрастной структуры населения, на Цейлоне, в Сингапуре и Южной Корее — повышение брачного возраста женщин, в Пуэрто-Рико — интенсивная миграция молодежи за границу. Но вместе с тем фактическая роль этих программ также очевидна. И еще одно обстоятельство. В небольших странах намного легче добиться успеха, чем, положим, в такой гигантской стране, как Индия с ее полумиллиардным в абсолютном большинстве неграмотным населением. Но даже и в Индии в тех сельских районах, где проводилась интенсивная работа по осуществлению программы планирования семьи, рождаемость понизилась: в районе Атхур штата Мадрас с 43,6 на 1000 в 1959 г. до 36,3 в 1964 г., в районе Сингурского центра здравоохранения Западного Бенгала с 42 в 1959 г. до 34 в 1966 г., в районе Четласского центра здравоохранения Калькутты

с 29 в 1961 г. до 24 в 1966 г.; наиболее примечательное снижение рождаемости произошло на плантациях Ассамского отделения Индийской чайной ассоциации — с 44,3 в 1961 г. до 25,6 в 1967 г. [331а, стр. 6]. Как сообщалось в печати, в сельской местности близ Калькутты был проведен следующий эксперимент. Сравнительно малоквалифицированные работники обучали деревенских жителей правилам применения недорогих противозачаточных средств. В результате за четыре года рождаемость снизилась на 15%, тогда как в соседних «контрольных» деревнях, где такая работа не проводилась, рождаемость осталась на прежнем уровне [204, стр. 130]. В целом для всей Индии общий коэффициент рождаемости, который до 1965/66 г. на протяжении предшествовавших двух десятилетий оставался в среднем на уровне 41 на 1000, за последующие два-три года впервые снизился до 39 [89а, стр. 130].

Определенные успехи политики контроля над рождаемостью в немалой степени связаны с производством новых, более дешевых, эффективных и простых в обращении противозачаточных средств. Ожидаемое появление в относительно недалеком будущем еще более совершенных контрацептивов — общедоступных, со 100-процентной надежностью, полностью исключаящих всякие неприятные побочные явления, а главное, не требующих ничьей посторонней помощи, посещения специальных клиник и какого-либо медицинского наблюдения, — несомненно, вызовет дальнейшее расширение семейного планирования и соответственное сокращение рождаемости, даже если не произойдет особо значительных перемен в современных условиях жизни.

И тем не менее все это не дает основания для тех излишне восторженных оценок, которые все чаще появляются в западной печати и исподволь навязывают читателям уже хорошо известный ложный тезис о первостепенном значении контроля над рождаемостью для решения социально-экономических проблем в странах «третьего мира». Одним из авторов таких восторженных оценок является д-р Дональд Боуг, директор центра по изучению общества и семьи при Чикагском университете, который сам характеризует свою позицию как «наиболее оптимистическую». В статье, многозначительно озаглавленной «Конец демографического взрыва», он утверждал, что «вместо взрыва народонаселе-

ния» мир находится в преддверии «взрыва применения контрацептивов»... Поэтому начиная с 1965 г. следует ожидать, что темпы роста мирового населения будут снижаться с каждым годом. Темпы роста будут снижаться с такой скоростью, что они будут равны нулю или приблизительно нулю ко времени около 2000 г., так что рост населения не будет рассматриваться как главная социальная проблема, исключая изолированные и небольшие «запоздавшие районы». Отсюда он, в частности, делал вывод, что «человечество, очевидно, обладает возможностью устранить голод за какое-нибудь десятилетие или за два» [380, стр. 19, 11].

Разумеется, дело обстоит далеко не так просто, как это представляет Боуг. Прежде всего нельзя забывать, что при всех успехах, достигнутых в осуществлении программ планирования семьи, в качестве официальной правительственной политики они распространяются лишь примерно на половину населения «третьего мира», а в странах с общим числом жителей более полумиллиарда человек еще не сделаны даже первые шаги к осуществлению таких программ. Кроме того, даже в тех странах, где программы проводятся в жизнь, их результаты совсем не одинаковы в разных районах, поскольку далеко не одинакова психологическая подготовленность жителей к принятию этих программ (даже при сходных показателях благосостояния и грамотности, уже не говоря о том случае, когда эти показатели заметно различаются). Так, проведенные на Цейлоне с шведской помощью экспериментальные мероприятия по ограничению рождаемости дали хорошие результаты в сельском районе с большим городским влиянием, здесь общий коэффициент рождаемости снизился за пять лет с 30 на 1000 до 20, и были менее успешны в отдаленном районе, где это влияние отсутствовало [179, стр. 11]. Нельзя также сбрасывать со счетов и серьезные трудности, создаваемые в развивающихся странах нехваткой подготовленных медицинских и административных работников, недостатком средств, оборудования и т. д.

Еще сложнее обстоит вопрос с социально-экономическими последствиями ограничения рождаемости. Следует иметь в виду, что многочисленные дети, которых надо кормить, одевать, обеспечивать школами через 7—10 лет и работой через 15—20 лет, уже родились или скоро родятся. Поэтому сегодняшние усилия по

семе́йному планированию начнут ско́лько-нибу́дь заме́тно сказываться, в частности на проблеме занятости, не раньше чем через 20—30 лет, т. е. к концу столетия, а в полной мере они смогут оказать свое влияние на условия жизни только следующих поколений. Правда, воздействие сокращения рождаемости на продовольственный баланс и проблему иждивенчества более непосредственно. Ведь каждый неродившийся ребенок — это не возросший на одну потребительскую единицу спрос на продовольствие. Но может ли это иметь решающее значение при нынешнем состоянии продовольственного потребления и сельскохозяйственного производства? Так, если индийскому правительству удастся выполнить свою долгосрочную программу по планированию семьи, население Индии увеличится в оставшиеся до конца века годы не на 600 с лишним миллионов человек, как это было бы при неизменном уровне рождаемости, а только на 300 млн. Конечно, разница в 300 млн. облегчит положение экономики, но если за это же время сама экономика не вырвется резко вперед, то и прирост в 300 млн. человек будет иметь для страны весьма тяжелые, если не катастрофические, последствия.

Итак, мероприятия по контролю над рождаемостью при излишне высоком приросте населения развивающихся стран могут быть вполне целесообразными и, видимо, во многих случаях даже необходимыми в общем комплексе государственного строительства, но лишь в качестве способа смягчения существующих социально-экономических проблем, а отнюдь не как средство их окончательного решения. Поэтому никакое снижение рождаемости не может освободить развивающиеся страны от необходимости энергично добиваться подъема народного образования, проведения аграрной реформы, модернизации сельскохозяйственного производства, осуществления индустриализации, так как единственный путь решения проблем народонаселения развивающихся стран заключается в максимальной мобилизации всех их внутренних сил для коренного переустройства экономики и культуры.

Вместе с тем в своих усилиях по экономическому строительству и осуществлению демографической политики развивающиеся страны вправе рассчитывать на широкую и всестороннюю помощь развитых государств, поскольку основные проблемы Азии, Африки и Латин-

ской Америки, в том числе проблемы народонаселения, являются одновременно важными мировыми проблемами, в скорейшем решении которых заинтересовано все человечество.

ГЛАВА VII

ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Международное значение современных проблем народонаселения развивающихся стран

В 1962 г. Организация Объединенных Наций включила в повестку дня своей очередной, XVII, сессии Генеральной Ассамблеи вопрос о росте мирового населения во взаимосвязи с экономическим развитием. Впервые обсуждением этого вопроса занялись не отдельные ученые или журналисты, не самостоятельные научные или общественные организации, а официальные правительственные делегации более чем 90 стран мира. И хотя в ходе обсуждения были высказаны различные мнения, сама постановка проблем народонаселения на Генеральной Ассамблее ООН служила наглядным свидетельством того, что в современных международных отношениях появился новый весьма важный фактор, значение которого уже нельзя было игнорировать.

В резолюции XVII сессии Генеральной Ассамблеи содержался призыв ко всем членам ООН усилить сотрудничество в области народонаселения и «возможно более пристально следить за взаимосвязью, существующей между экономическими и демографическими изменениями». Резолюция предложила Генеральному секретарю обеспечить координацию деятельности Объединенных Наций в демографической и экономической областях, а также провести опрос среди правительств государств — членов ООН и специализированных органов относительно конкретных проблем, вставших перед ними в результате взаимодействия экономического развития и демографических изменений. Резолюция рекомендовала, чтобы Экономический и социальный совет в сотрудничестве со специализированными органами, региональ-

ными экономическими комиссиями и Комиссией по народонаселению с учетом результатов вышеупомянутого опроса усилил исследования в области взаимодействия роста населения и экономического и социального развития.

В декабре 1963 г. Экономическая комиссия ООН для Азии и Дальнего Востока совместно с Бюро социальных дел ООН и Бюро технической помощи ООН организовала в Нью-Дели (Индия) Азиатскую конференцию по народонаселению, которая явилась первым региональным *межправительственным* совещанием, специально посвященным этим вопросам. Официальной задачей конференции было изучить главные проблемы, возникающие при планировании экономического и социального развития в связи с нынешними и будущими тенденциями роста, изменениями состава и географического распределения населения. Конференция стремилась выяснить, как эти тенденции влияют на продовольственное снабжение, здравоохранение, социальное благосостояние, образование, жилищное строительство, экономику, трудовые ресурсы и занятость, а также наметила основные принципы политики в области народонаселения. Открывая конференцию, покойный премьер-министр Индии Джавахарлал Неру подчеркнул, что намеченные к обсуждению вопросы чрезвычайно важны для всего мира в целом и для Азии в частности; он также выразил надежду, что Азиатская конференция по народонаселению положит начало совместному подходу к общим для всего региона проблемам при содействии неазиатских стран [65, стр. 1]. Этот международный аспект социально-демографических проблем особенно отчетливо проявился в дискуссиях на Всемирной конференции ООН по вопросам народонаселения, которые вновь убедительно подтвердили, что мировая проблема народонаселения стала одной из наиболее актуальных на современном этапе.

Разумеется, говоря о мировой проблеме народонаселения, следует иметь в виду, что в известном смысле это понятие условное, поскольку каждая страна имеет свои специфические проблемы самого различного характера и разной степени интенсивности в зависимости от формы общественного уклада, уровня экономического и культурного развития, плотности населения, особенности его воспроизводства и т. д. Однако в совре-

менную эпоху с ее всеохватывающими тесными интернациональными связями важные национальные проблемы крайне редко остаются изолированным явлением; как правило, они выходят далеко за пределы одной страны и, затрагивая различным образом интересы других стран, требуют тем самым международного подхода к своему решению.

В первую очередь это относится к проблемам народонаселения экономически менее развитых аграрных стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые в результате длительного гнета империализма оказались экономически и культурно отсталыми и потому неспособными обеспечить темпы экономического роста, необходимые в сложившейся демографической ситуации.

Быстрый прирост населения заставляет молодые национальные государства тратить все больше средств только на то, чтобы предотвратить снижение и без того низкого жизненного уровня, не говоря уж о необычайно трудной в этих условиях задаче его дальнейшего повышения. Вот почему, несмотря на исторические успехи национально-освободительных революций, экономический разрыв между завоевавшими независимость менее развитыми странами и индустриальными государствами не только не уменьшается, но продолжает возрастать. Так, до второй мировой войны по размеру национального дохода на душу населения первые отставали от вторых в 8 раз, в настоящее время — уже в 12 раз, а к 2000 г., если нынешние тенденции экономического развития по двум группам стран не изменятся, они будут отставать в 18 раз! [360, 1968, № 5, стр. 81].

Одновременно происходит неуклонное увеличение доли отстающих в экономическом развитии стран во всем мировом населении из-за более высоких темпов их демографического роста. Согласно среднему варианту прогноза ООН, она повысится с 67,4% в 1960 г. до 72,4% в 1980 г. и 76,5% в 2000 г., соответственно понизится доля развитых стран с 32,6% до 27,6 и 23,5%. К концу века в числе десяти крупнейших по численности населения государств мира не останется ни одного западноевропейского государства и только СССР, США и Япония будут представлять современные индустриальные страны, тогда как в начале века в первую «десятку» входили также Германия, Австро-Венгрия, Англия, Франция и Италия [табл. 20].

Десять крупнейших по численности населения государств мира*,
млн. человек

1900 г.	1940 г.	1965 г.	2000 г.
Китай (440)	Китай (530)	Китай (695)	Китай (1024)
Россия (132)	СССР (195)	Индия (483)	Индия (988)
США (72)	США (133)	СССР (230)	СССР (353)
Германия (56)	Германия (76)	США (195)	США (336)
Австро-Венгрия (45)	Япония (71, 7)	Пакистан (116)	Пакистан (287)
Япония (44)	Англия (48)	Индонезия (105)	Индонезия (239)
Англия (41)	Италия (47)	Япония (98)	Бразилия (212)
Франция (40)	Бразилия (42)	Бразилия (82)	Нигерия (176)
Италия (33)	Франция (41)	ФРГ (59)	Мексика (133)
Оттоманская империя (25—30)	Испания (26)	Англия (55)	Япония (121)

* [360, 1968, № 5, стр. 86, с дополнительными уточнениями].

Быстро усиливающаяся диспропорция в размещении населения создает чреватую серьезными последствиями нестабильность в мировой экономике и в мировой политике, которая не может не беспокоить все человечество. И дело, конечно, не в раздуваемых реакционными западными идеологами расистских измышлениях по поводу якобы надвигающейся опасности «засилья цветных народов». Речь идет о действительно нетерпимом дальнейшем положении, когда в век колоссальных успехов мировой науки и техники, в век развития атомной энергетики и выхода человека на космические просторы две трети населения земли продолжают страдать от недоедания, бедности и бескультурья, а родившаяся и выросшая уже в условиях национальной независимости молодежь не находит применения своему труду и своим талантам. Испытывая разочарование, теряя правильные перспективы, определенная ее часть может оказаться легкой добычей внутренней и внешней контрреволюции, подпасть под влияние воинствующего шовинизма или мелкобуржуазного анархизма, которые закономерно об-

ладают сильными идеологическими позициями в условиях отсталой аграрной экономики с ее абсолютным преобладанием неграмотного крестьянского населения и крайне малочисленными отрядами индустриального пролетариата, сохраняющего к тому же, как правило, тесные связи с деревней. Контрреволюция стремится также использовать в своих целях разрастающуюся в результате бурной и уродливой (без соответствующего развития промышленности) урбанизации прослойку городского люмпен-пролетариата — этого, по определению Маркса, пассивного продукта гниения самых низов общества.

Происки реакционных сил в освободившихся странах облегчаются тем, что некоторые лидеры национально-освободительных революций на первых порах явно недооценили сложность стоящих перед их странами экономических задач в связи с новой демографической ситуацией и искренне надеялись, что сами по себе ликвидация колониального режима и провозглашение некапиталистического пути развития автоматически обеспечат национальному хозяйству подъем и процветание и, в частности, решат все проблемы народонаселения. Более того, они ошибочно считали, исходя из вульгарно понятого теоретического положения о трудящихся как главной производительной силе общества, что обилие людских ресурсов и их быстрое увеличение является тем благоприятным экономическим фактором, который способен компенсировать отставание в развитии техники. Реальная действительность внесла, однако, серьезные коррективы в такие излишне оптимистические расчеты. В результате многие широковещательные декларации об улучшении состояния экономики и условий жизни народа оказались невыполненными, что не могло не вызвать определенной неудовлетворенности масс и активизации контрреволюционных элементов. Эти обстоятельства, несомненно, сыграли отрицательную роль в политической жизни некоторых освободившихся стран и имели определенные неблагоприятные последствия в международных отношениях.

В этой связи нельзя не упомянуть о политической деградации нынешних руководителей Китайской Народной Республики, которые порвали с марксизмом-ленинизмом, с принципами пролетарского интернационализма и вступили на путь левацкого, мелкобуржуазного авантюризма как во внутренней, так и во внешней политике.

Принятый в КНР курс на упрочение военно-бюрократического режима, экономический волюнтаризм, милитаризацию всей жизни страны и разжигание оголтелого национализма сочетается во внешней политике с разнужданным антисоветизмом, с попытками расколоть единство коммунистических и рабочих партий и притязаниями на руководящую роль в современном мировом революционном движении.

Говоря об авантюристическом, экспансионистском курсе руководителей КНР во внешней политике, особенно следует обратить внимание на их безрассудные территориальные претензии, которые распространяются на все или почти все соседствующие с Китаем государства, в том числе на советскую территорию к востоку от Байкала общей площадью более 1,5 млн. кв. км. Свои экспансионистские устремления, мотивируемые вздорными «историческими аргументами», китайские руководители изображают как часть некоего «общего территориального вопроса», предусматривающего ревизию исторически сложившихся границ между государствами. Этот курс на подрыв самых основ международных отношений, на провоцирование военных пограничных конфликтов Мао Цзэ-дун в одной из бесед, вызвавшей широкий резонанс, попытался замаскировать демагогическими рассуждениями, смысл которых сводился к тому, что якобы «справедливость» требует перераспределения территорий, поскольку население земного шара размещено неравномерно [362, 2, 12.IX.1968].

Экспансионистский, провокационный характер политики нынешних руководителей КНР в территориальных вопросах получил исчерпывающую оценку со стороны прогрессивной международной общественности. Здесь можно добавить лишь следующее. Как известно, в самом Китае население размещено крайне неравномерно. В восточных районах, на площади, равной трети территории страны, сосредоточено более 90% жителей. В то же время в окраинных провинциях, занимающих половину территории, живет 3,2% населения и плотность равна 2,7 человека на 1 кв. км. Лишь одну шестую часть общей территории составляют трудные для проживания пустынные и высокогорные районы Тибета, Синьцзяна и других западных областей, почти совсем лишенные населения. Средняя плотность жителей для всей страны равнялась в 1960 г. 73 человека на 1 кв. км, т. е. была

значительно ниже, чем в Западной Европе [82, стр. 162—163].

Из-за неравномерного размещения населения весьма нерационально в территориальном отношении развито сельское хозяйство Китая. Плодородные земли в северных и западных районах страны мало или почти совсем не возделываются. По оценкам китайских специалистов, нынешняя обрабатываемая площадь могла бы быть увеличена по крайней мере в два раза. Так, Тун Да-линь писал в статье «Путь кооперирования сельского хозяйства Китая»: «В нашей стране насчитывается 3800 млн.—3900 млн. *му* земли (1 *му* = 0,061 га — *Ред.*), пригодной для обработки, из них на сегодняшний день обрабатываются 1900 млн. *му*, так что необрабатываемой земли остается еще очень много» [159, стр. 272]. Экономгеограф Сун Цзин-чжи также отмечал в статье «К вопросу об источниках продовольствия и росте народонаселения», опубликованной в газете «Дружба» 11 апреля 1956 г., что в КНР «есть еще по меньшей мере 100 млн. га земель, которые не обрабатываются, но которые можно обрабатывать».

Таким образом, Китай не испытывает нехватки свободных земель ни для более рационального размещения своего быстрорастущего населения, ни для дальнейшего расширения сельскохозяйственных площадей. И если китайское правительство выдвигает свои «территориальные претензии», то одной из главных причин этого является стремление еще больше разжечь шовинизм среди китайского народа, отвлечь его внимание от серьезных экономических трудностей, вызванных безответственной внутренней и внешней политикой группы Мао Цзэ-дуна. Отказ от всесторонней братской помощи Советского Союза и других социалистических стран, которая позволила добиться высоких темпов экономического роста в годы первого пятилетнего плана, полный провал волюнтаристских кампаний «большого скачка» и «народных коммун», дезорганизация хозяйства из-за так называемой «культурной революции», переключение ресурсов на создание ракетно-ядерного оружия — все это резко затормозило развитие экономики, заметно ухудшило материальное положение трудящихся и поставило страну перед серьезными демографическими проблемами.

Разумеется, авантюристическая внутренняя и внеш-

ная политика нынешних руководителей КНР полностью противоречит интересам китайского народа и играет на руку самым реакционным международным империалистическим кругам в их борьбе против социализма, против всех миролюбивых и прогрессивных сил мира. В частности, она оказывает поистине неоценимую услугу империалистической пропаганде, и особенно идеологам современного мальтузианства, пытающимся убедить мировую общественность в том, что не агрессивная политика империализма, как это имеет место в действительности, а «давление населения», демографические факторы создают угрозу третьей мировой войны.

Для примера можно сослаться на упоминавшийся доклад Унгерн-Штернберга из ФРГ, представленный на вторую Всемирную конференцию ООН по народонаселению. Рассуждая о последствиях роста населения в Азии, особенно в Китае, он утверждал, что межрайонные различия в воспроизводстве населения порождают миграцию из районов с более высокой плотностью населения в соседние, менее заселенные и более богатые районы и что такая миграция якобы неизбежно чревата военной опасностью. «Каждое эмиграционное движение, — писал Унгерн-Штернберг, — возникшее в результате голода, других видов нищеты или жажды власти, становится в то же время воинственным исходом». В качестве примера он привел японцев, которые «вследствие интенсивного давления населения на их островах при среднегодовом приросте в 10—13 человек на 1000 жителей прежде всего попытались достигнуть демографической разрядки путем эмиграции в Маньчжурию, Корею и Китай. Однако, когда русские оказали им сопротивление, они оказались вынужденными прибегнуть к вооруженному нападению (1904—1905 гг.). Тем не менее, поскольку давление туземного населения в результате прироста в 13 человек на 1000 жителей не уменьшалось, они пошли войной против Соединенных Штатов, которая началась нападением на Пирл-Харбор (7 декабря 1941 г.)». Этот пример потребовался Унгерн-Штернбергу для того, чтобы прийти к следующему провокационному заключению: «Если теперь применить исторические уроки и опыт к демографическим условиям в Европе, Азии и Северной Африке, то нельзя исключить опасность того, что, особенно со стороны Китайской На-

родной Республики, которая уже сейчас страдает от высокого давления населения, рано или поздно двинется нечто вроде лавины, обладающей взрывной силой» [348, стр. 4—6].

Этим измышлениям современных мальтузианцев оказывают помощь и те буржуазные ученые и общественные деятели, которые, хотя и являются искренними противниками милитаризма и реакции, не сумели правильно разобраться в движущих силах общественного развития. Так, известный английский ученый, выдающийся пацифист Бертран Рассел писал в статье «Давление населения и война»: «Ничто с большей вероятностью не ведет к войне с применением водородной бомбы, как угроза всеобщих лишений из-за перенаселения... Войны, вызванные давлением населения, не новость... Главным образом именно давление населения толкнуло Японию на губительный путь в империализм» [208, стр. 1].

Если говорить об агрессивном прошлом японского империализма, то нелишним будет напомнить, что еще в начале века, когда в Японии проживало лишь немногим более 40 млн. человек, японские правящие круги уже принялись жаловаться на «перенаселенность» страны и продолжали ссылаться на нее в оправдание своих последующих территориальных захватов. Накануне нападения на Пирл-Харбор, развязавшего в декабре 1941 г. войну на Тихом океане, Япония обладала обширными колониальными владениями, почти равными по площади ее собственной территории, а численность населения (в современных границах) была примерно на треть меньше нынешней. И если что действительно беспокоило японских империалистов, то отнюдь не избыток, а недостаток людских ресурсов. Известно, что в январе 1941 г. монархо-фашистское правительство Японии одобрило план увеличения численности населения страны до 100 млн., имея в виду выполнить следующие основные задачи: стимулировать постоянный рост народонаселения; перегнать другие страны по качественному составу населения и по темпам естественного прироста; обеспечить государство необходимым количеством мужчин для войны и работы в промышленности и осуществить такое географическое распределение населения, которое позволило бы Японии сохранять руководящую роль в Азии [174, стр. 103].

Такова роль демографических факторов в милита-

ристском прошлом Японии. Что же касается военных событий сегодняшнего дня, то разве можно всерьез говорить, что «давление населения» вынудило США начать агрессивную войну во Вьетнаме? Или создавать агрессивные блоки и военные базы по всему миру? Или поддерживать агрессию Израиля против арабских народов, реакционный военный переворот в Греции и т. д., и т. д.? А ведь все это звенья одной глобальной стратегии международного империализма, которая толкает мир в пучину термоядерной катастрофы.

Не трудно заметить, что существует прямая связь между пропагандируемой идеологами империализма концепцией об угрозе перенаселения Земли как «проблемы номер один» современного мира и пресловутой «теорией жизненного пространства», которая в свое время была принята на идеологическое вооружение немецкими, итальянскими и японскими фашистами в качестве «научного» обоснования их планов территориальных захватов. Да и теперь эта «теория» остается на службе агрессивных общественных кругов и политических партий, стремящихся расширить границы своих государств за счет чужих территорий.

* * *

Особое значение в мировой политике в связи с быстрым ростом народонаселения развивающихся стран приобрела продовольственная проблема. Поскольку главными поставщиками продовольствия на мировой рынок являются империалистические державы, и прежде всего США (на долю последних вместе с Канадой в 1966 г. приходилось 85% мирового экспорта зерновых), вывоз сельскохозяйственных продуктов стал одним из основных средств, с помощью которых империализм пытается восстановить свои утраченные позиции в «третьем мире».

Зависимость от продовольственного импорта из развитых капиталистических государств не только затрудняет достижение экономической независимости освободившимися странами, но и ограничивает их политическую самостоятельность, мешает борьбе с неокOLONиализмом. Империалистические державы — экспортеры

сельскохозяйственных товаров, играя на продовольственных трудностях развивающихся стран, нередко прибегают к прямому политическому шантажу. Так, когда индийский премьер-министр Индира Ганди выступила против американских бомбардировок ДРВ, правительство США объявило о своем решении прекратить отправку зерна в Индию с середины декабря 1966 г., т. е. в самый разгар индийского продовольственного кризиса, вызванного стихийными бедствиями. Это решение было справедливо расценено объективными наблюдателями как желание подорвать позиции правительств Ганди на приближавшихся в то время выборах в индийский парламент. Несколько ранее американские правящие круги пытались подобным же образом оказать политическое давление на правительство ОАР, имея целью заставить его отказаться от курса на последовательное развитие национальной революции. В связи с этой политической акцией США каирская газета «Аль-Ахбар» негодуя спрашивала: «Неужели члены конгресса США в 1965 году рассчитывают с помощью давления заставить нас покориться?.. Или, может, в США есть люди, которые надеются, что они смогут совершить чудо, отказав нам в пшенице?.. Если американцы думают, — продолжала газета, — что из-за того, что они оказывают нам известную помощь, они могут господствовать над нами и диктовать нам нашу политику, то они глубоко ошибаются» [цит. по 354, 28.I.1965]. Угроза прекращения продовольственных поставок была также использована империалистической пропагандой во время израильской агрессии в 1967 г., чтобы побудить индийское правительство отказаться от политической поддержки ОАР. В частности, лондонская газета «Таймс» 7 июня 1967 г. в статье, озаглавленной «Закрытие Суэца ставит под угрозу продовольственное снабжение Индии», провокационно предупреждала: «Вчерашнее внезапное решение президента Насера закрыть Суэцкий канал может значить, что арабско-израильская война убьет больше людей в Индии (которая, по иронии судьбы, поддерживает арабскую позицию), чем на самом Среднем Востоке».

Рассчитывая на то, что продовольственное положение в развивающихся странах будет все более ухудшаться и соответственно будет возрастать их зависимость от импорта продовольствия, международные им-

империалистические круги разработали далеко идущие планы активного использования этой ситуации в своих экономических и политических целях. «Продовольствие — „секретное“ оружие Америки. Сила более могущественная, чем вооружение», — таким примечательным заголовком снабдил американский журнал «Ю.С. Ньус энд Уорлд Рипорт» 3 июля 1967 г. пропагандистскую статью министра земледелия США Фримена, посвященную рекламе американского сельского хозяйства и принижению успехов сельского хозяйства социалистических стран. Фримен, в частности, утверждал: «Впечатляющая способность Северной Америки производить продовольствие и наше растущее первенство над странами Востока начинают оказывать воздействие на страны третьего мира... Все чаще и чаще менее развитые страны обращаются за помощью к тем, у кого есть продовольствие и специалисты по производству продовольствия» [384, 1967, № 1, стр. 43].

Следует подчеркнуть, что это откровенно демагогическое заявление нельзя полностью сбрасывать со счетов. Его следует рассматривать как действительно серьезное предупреждение о потенциальной опасности для независимости развивающихся стран. Эта опасность может стать вполне реальной, если и впредь будет усиливаться зависимость их продовольственного баланса от импорта продовольствия из империалистических государств. Так лишний раз подтверждается настоятельная необходимость быстрее решения продовольственного вопроса развивающихся стран на основе максимальной мобилизации всех внутренних ресурсов для коренного переустройства национального сельскохозяйственного производства.

Между тем представители определенных кругов на Западе предпочитают сводить дискуссии по поводу продовольственного положения афро-азиатских и латиноамериканских стран только к вопросам «демографического взрыва» и контроля над рождаемостью, пытаясь тем самым увести человечество от основной задачи современности — от борьбы против империализма и угрозы новой мировой войны, а также отвлечь внимание от неоспоримых фактов, свидетельствующих, что именно империализм с его милитаризмом, реваншизмом и гонкой вооружений препятствует действенной экономической помощи, которая позволила бы развивающимся

странам за сравнительно короткий срок преодолеть свои главные трудности.

Так, по расчетам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), чтобы ликвидировать голод и недоедание среди населения «третьего мира», внешняя экономическая помощь должна достигнуть 50 млрд. долл. в 1975 г., но, например, в 1966 г. ее общий приток составил всего 12 млрд. долл. А если из этой суммы вычесть платежи в счет погашения ссуд, выплаты по процентам, дивиденды на частные капиталовложения и выплаты по другим подобным статьям, то окажется, что чистая экономическая помощь развивающимся странам в 1966 г. равнялась примерно 3,2 млрд. долл. И это тогда, когда общий валовой продукт основных развитых стран оценивался приблизительно в 1500 млрд. долл., из которых в том же 1966 г. на военные цели было потрачено 150 млрд. долл. [30, стр. 6]! Только прямые военные расходы США составили по бюджету на 1967/68 финансовый год 76,5 млрд. долл., а по бюджету на 1968/69 финансовый год 79,8 млрд. долл. Около 30 млрд. долл. американская военщина ежегодно затрачивала на грязную войну во Вьетнаме. Военные расходы агрессивного Североатлантического блока (НАТО) достигают почти 100 млрд. долл. в год. Между тем, как уже отмечалось, даже 20 млрд. было бы достаточно развивающимся странам для организации производства необходимого им количества искусственных удобрений и ядохимикатов, всего 2 млрд. долл. на первоочередные работы по освоению богатых гидротехнических ресурсов бассейна р. Меконг. Если хотя бы часть средств, расходуемых великими державами на гонку вооружений, была переключена на помощь странам Азии, Африки и Латинской Америки, то, согласно имеющимся оценкам, в течение двух-трех десятилетий они смогли бы ликвидировать свою экономическую отсталость и избавиться от угрозы голода.

Так внутренние проблемы развивающихся стран неразрывно объединяются в международных отношениях с основными общечеловеческими проблемами войны и мира.

Мнимое и реальное в вопросе о гипотетической возможности перенаселения Земли

В дискуссиях по поводу быстрого роста мирового населения и контроля над рождаемостью важный теоретический аспект представляет вопрос о разумных пределах общей численности жителей нашей планеты. Этот вопрос, несомненно, заслуживает научного внимания, и было бы ошибкой сводить его лишь к тому, как его использует для своих политических спекуляций империалистическая пропаганда. Антинаучные, мальтузианские измышления следует решительно разоблачать, но реальные проблемы народонаселения требуют тщательного изучения и не менее тщательного учета их роли в международных отношениях.

Нельзя отрицать, что в мире действительно существует абстрактная возможность такого увеличения численности человечества, которое может прийти в противоречие с ограниченными размерами земной поверхности. Известно, что это увеличение происходит нарастающими темпами: со скоростью вначале сотых, затем десятых долей процента в год в отдаленные исторические эпохи и одного, затем двух процентов в год в нынешнем веке. Потребовались сотни тысячелетий, пока население мира достигло одного миллиарда к середине XIX в. (1850 г. — 1325 млн. человек); но следующий миллиард добавился уже за 80 лет (в 1930 г. — 2015 млн.), а для появления на Земле третьего миллиарда жителей потребовалось всего 30 лет (в 1960 г. — 2998 млн.). Предполагается, что прибавление четвертого миллиарда произойдет к 1975 г., т. е. за 15 лет, и за последующие 25 лет, к 2000 г. численность мирового населения превысит 6 млрд. Иными словами, нужно было примерно миллион лет (разные оценки этого срока варьируют в пределах от 600 тыс. до 2 млн. лет), чтобы со времени появления на Земле первых людей их численность увеличилась до 3 млрд., а удвоение этого числа произойдет менее чем за 40 лет!

Если предположить, что и после 2000 г. мировое население будет возрастать достигнутыми к настоящему времени темпами, на 2% в год (что ведет к его удвоению уже каждые 35 лет), то через 100 лет численность

человечества достигнет 24 млрд., а через 200 лет — примерно 180 млрд. Именно таким подсчетом обычно пользуются на Западе те, кто стремится утратить обществу «угрозой перенаселения Земли».

Однако экстраполяция сегодняшней динамики демографического роста на столь отдаленное время лишена всякого научного основания, поскольку в действительности темпы роста мирового населения будут несомненно замедляться по мере снижения рождаемости в афро-азиатских и латиноамериканских странах. Можно напомнить, что даже маловероятный «высший» вариант демографического прогноза ООН предусматривает уменьшение темпов после 1990 г.; наиболее достоверный с точки зрения сегодняшних тенденций средний вариант намечает снижение прироста мирового населения с 21% в 1970—1980 гг. до 20% в 1980—1990 гг. и до 18% в 1990—2000 гг. Еще быстрее и еще значительно сократятся темпы в случае, если демографическое развитие мира будет происходить в соответствии с «низшим» вариантом прогноза ООН.

Анализируя тенденции динамики рождаемости и смертности, предусмотренные средним вариантом на оставшуюся треть века, можно попытаться представить картину роста мирового населения после 2000 г. Такой прогноз для первой половины следующего столетия по

Таблица 21

Численность и темпы роста населения по Т. Кристенсену*

Год	Весь мир		Более развитые районы		Менее развитые районы	
	Население, млн.	Рост за 10 лет, ‰	Население, млн.	Рост за 10 лет, ‰	Население, млн.	Рост за 10 лет, ‰
2000	6 129	18	1441	9	4688	21
2010	7 100	16	1600	8	5500	18
2020	8 100	14	1700	7	6400	16
2030	9 100	12	1800	6	7300	14
2040	10 100	11	1900	6	8200	12
2050	11 000	9	2000	5	9000	10

* [190, стр. 96].

двум группам стран, развитым и развивающимся, произвел Торкил Кристенсен в книге «Продовольственная проблема развивающихся стран» (табл. 21).

По мнению Кристенсена, последовательное развитие тенденций, лежащих в основе подсчета, приведет в конечном итоге к тому, что во второй половине XXI в. во всем мире установится единый тип воспроизводства населения, величина рождаемости понизится до величины смертности, дальнейший рост мирового населения прекратится, и его численность стабилизируется на уровне 14—15 млрд., из которых 80—90% будут приходиться на нынешние «менее развитые районы».

Гипотеза о будущей стабилизации численности жителей земли завоевывает все большее признание в научных кругах. Среди советских демографов ее плодотворно разрабатывает проф. Б. Ц. Урланис. В докладе на международном симпозиуме по вопросам воспроизводства населения (состоявшемся в Варне в сентябре 1968 г.), отметив приоритет бельгийского математика Ферхюльда и заслуги американских биолога Пирла и математика Рида в развитии идеи затухания роста населения (работы первого относятся к 1838—1847 гг., вторых — к 1920 г.), он высказал предположение, что «по-видимому, человечество как раз именно сейчас проходит вершину максимальных темпов роста населения и начинает постепенный спуск с этой горы. Этот процесс постепенного затухания темпов роста населения будет продолжаться до тех пор, пока не станет равным нулю, т. е., следовательно, человечество придет к стабилизации своей численности» [281, стр. 4].

В свете этой гипотезы демографическое будущее человечества приобретает более отчетливые и менее тревожные очертания. Вместе с тем остается вполне реальная перспектива увеличения мирового населения на 2—2,5 млрд. человек за оставшиеся 30 лет нынешнего века и возможное увеличение еще на 5 млрд. в течение первой половины следующего века. Перспектива достаточно сложная, особенно если ее рассматривать в связи с весьма неравномерным размещением человечества из-за географических, политических, экономических, психологических и других препятствий.

Для обитания человека малопригодны обширные районы высокогорий, вечной мерзлоты, пустынь, болот, непроходимых таежных и тропических лесов. На долю

этих районов приходится свыше $\frac{3}{4}$ общей площади суши, которая, в свою очередь, занимает немногим более четверти земной поверхности, так как все остальное покрывают моря и океаны. И хотя критерий «пригодности для человеческого обитания» не остается постоянным, а все более расширяется с прогрессом цивилизации, нет основания предполагать, что в обозримом будущем психология и физиология людей изменятся так, чтобы для них стали в равной степени приемлемы условия жизни, допустим, и во льдах Антарктиды или на высокогорьях Гималаев, и на Средиземноморском побережье или в дубравах Прикарпатья. (Даже если техника позволит создать в Антарктиде и Гималаях все бытовые удобства для любого числа жителей, люди по-прежнему будут безразличны к характеру природного ландшафта; скорее наоборот — эмоциональная роль ландшафта в их жизни еще более повысится.) А поэтому и плотность населения долго еще будет расти совсем неодинаково в разных районах мира в зависимости от их географических различий.

Неравномерность размещения человечества закрепляется также государственными границами. После того как к началу XX в. завершился территориальный раздел мира, оказались перекрытыми каналы свободной миграции, подобной массовому переселению европейцев в Америку и Австралию в XIX в. К настоящему времени международная миграция перестала играть сколько-нибудь решающую роль в выравнивании размещения мирового населения вследствие жестких иммиграционных законов, принятых в подавляющем большинстве государств. Вот почему в небольших по территории странах с уже достаточно густым населением и бедными природными ресурсами проблема соотношения между быстрорастущей численностью жителей и ограниченным размером занимаемой ими площади приобретает отнюдь не абстрактно-теоретический характер. Так, при нынешних 4-процентных темпах роста населения Полинезии и Микронезии и ожидаемом удвоении числа их жителей с 1960 по 1980 г. отдельные страны этого региона столкнутся с определенными затруднениями в сравнительно недалеком будущем. Взять хотя бы одно из самых молодых и одно из самых маленьких суверенных государств мира — остров Науру с его общей площадью всего в 21 кв. км и сред-

ней плотностью населения около 300 человек на кв. км. В Азии примером такого рода может служить суверенное государство Сингапур, имеющее площадь около 600 кв. км и плотность населения свыше 3 тыс. человек на кв. км. Общая численность жителей Сингапура удвоилась менее чем за 20 послевоенных лет. В 1958 г. естественный прирост населения равнялся 3,4% (без учета внешней миграции), и хотя он снизился до 2,6% в 1965 г., его величина остается достаточно высокой, чтобы вызвать дальнейшее удвоение численности жителей примерно за следующие два с половиной десятилетия.

Короче говоря, при оценке степени сложности проблем, возникающих в международных отношениях в связи с ростом мирового населения, нельзя не учитывать все многообразие конкретных географических, экономических, политических и других факторов современного мира, а также ближайших перспектив их развития, и ограничиваться лишь арифметическими расчетами соотношения общей численности человечества и общей площади земного шара, как это еще нередко делается.

Академик Струмилин писал в статье «Угрожает ли перенаселение нашей планете?»: «Исходя из нынешних норм рождаемости ожидается удвоение населения мира уже в ближайшие 35 лет. Однако так ли это страшно? Как известно, к началу 1965 года плотность всего населения Земли не превышала 24 человек на квадратный километр. Допустим даже, что к 2000 г. эта плотность повысится до 48 душ на квадратный километр. Но ведь и ныне уже немало стран намного превзошли эту норму. Например, во Франции к 1965 году насчитывалось до 88 душ на квадратный километр, в ГДР — 157, в Италии — 177, в Великобритании — 222, в Японии — 264, а в Нидерландах и Бельгии — даже свыше 300 душ. И ни одна из этих стран не поменялась бы, конечно, своей судьбой даже с такими из африканских республик, где и двух душ не приходится на один квадратный километр... Не следует пугаться высокой плотности населения, если она сопровождается достаточным ростом производительности его труда и уровня жизни» [357, 28.V.1966]. Соглашаясь во многом с академиком Струмилиным, следует, однако, заметить, что, во-первых, как известно, в обширных районах «третьего мира»

плотность населения растет пока без достаточного увеличения производительности труда и уровня жизни и, во-вторых, даже высокоразвитые в экономическом отношении Нидерланды и Бельгия вряд ли не испытали бы определенных затруднений, если бы численность их жителей удвоилась за ближайшие 35 лет. Ведь вопрос не сводится только к соотношению роста населения и производительности труда, но и касается неблагоприятных последствий этого роста для окружающей человека биологической среды.

Быстрый рост населения и производительности труда означает интенсивное городское и промышленное строительство, сопровождающееся столь же интенсивным сокращением сельскохозяйственных земель. Миллионы и миллионы гектаров плодородной почвы, ограниченные запасы которой создавались на протяжении всей истории возникновения и развития на Земле живой природы, уходят в отвалы горнорудных разработок, затапливаются водохранилищами гигантских гидроэлектростанций, покрываются дорогами, каналами, линиями электропередачи, газо- и нефтепроводами. Вырубаются леса; скудеет фауна; лишаясь лесной защиты, мелеют и пересыхают реки и озера; все дальше отступает девственная природа от центров цивилизации, и все больше людей замыкаются в перенаселенных, перенасыщенных транспортом городах. «Современный индустриальный город, особенно на Западе, — писал советский градостроитель М. Дрязгов, — это в большинстве случаев смесь камня, асфальта, машин и чада, в котором вечно куда-то спешат люди, не имеющие ни минуты истинного покоя, ни радости безмятежного общения с природой» [361, 1968, № 7, стр. 100]. Нелишне к этой характеристике добавить также постоянный городской шум, повышающий нервное напряжение людей и вносящий немалую лепту в развитие сердечно-сосудистых и нервно-психических заболеваний.

Уже сейчас в Большом Нью-Йорке живет 15 млн. человек, в Большом Токио — 14 млн., в Большом Лондоне — 13 млн., в районе Парижа — 9 млн., в сплошь урбанизированной Рурской области — более 11 млн. А не за горами появление сверхгородов — «мегаполисов». Согласно прогнозам, в США к 2000 г. половина населения — 150 млн. — будет жить в трех гигантских городах — в раскинувшемся на 400 км с населением

80 млн. человек Босваше (от Бостона до Вашингтона), Чипиттсе (от Чикаго до Питтсбурга) и Сансана (от Сан-Франциско до Сан-Диего); в Европе примерно 45 млн. человек будет тесниться в «Дельтаполисе» — городе, занимающем треугольник между Брюсселем, Кельном и Амстердамом; в Японии гигантский город займет все тихоокеанское побережье южной части Хонсю от уже практически слившихся Токио — Иокогамы до Осака — Кобе.

Быстрая урбанизация и индустриализация сопровождаются таким загрязнением атмосферы и внутренних вод, что известный швейцарский ученый Жак Пикар высказал даже на конгрессе футурологов в Хобокене «серьезное сомнение» в том, сумеет ли человечество пережить следующее столетие, — настолько «самоубийственным» кажется этот процесс. Воздух над городами насыщен ядовитыми выхлопными газами автомобилей, парами серной кислоты, сажей, промышленной пылью. Смешиваясь с туманом, эти вредные промышленные и транспортные отходы образуют так называемый смог, который становится подлинным бедствием во многих крупных городах мира. За четыре безветренных ноябрьских дня 1952 г. опустившийся на Лондон смог задушил около 4 тыс. человек. Вот только некоторые из опубликованных данных о степени загрязненности атмосферы: на Рур ежегодно выбрасывается 265 тыс. т пыли и сажи с его промышленных предприятий; на Нью-Йорк в течение одного года выпало 1 393 459 т окиси углерода, 542 598 т двуокиси серы, 514 382 т углеводорода, 270 346 т окиси азота и 208 646 т пыли и сажи; в Лос-Анджелесе ежедневно попадает в атмосферу 600 т окиси азота, 1300 т углеводорода и 6500 т окиси углерода; в штате Нью-Джерси (США) ежедневно в воздух выбрасывалось 760 т окиси азота, 2015 т двуокиси серы и 3270 т газов, содержащих несгоревший углерод (60% этих газов выделили автомобили) [361, 1968, № 7, стр. 100; 353, 1968, № 29, стр. 28].

Автомобили не только отравляют воздух, но и в большом количестве потребляют необходимый для биологической жизни атмосферный кислород. Как было сообщено на научной дискуссии, организованной еженедельником «Неделя» [1967, № 36, стр. 10], автомобиль, пройдя около тысячи километров, «съедает» годовую норму потребности человека в кислороде. В настоящее

время из всего объема потребляемого из атмосферы Земли кислорода 95% приходится на долю автомобилей и другой техники и лишь 5% — на долю людей. По свидетельству ученых, за последние 100 лет содержание углекислого газа в воздухе повысилось на 13% и, если оправдаются имеющиеся прогнозы, к 2000 г. увеличится еще на 18%, что приведет к нарушению температурного баланса поверхности Земли.

Мировой проблемой становится растущая нехватка пресной воды, запасы которой на нашей планете не так уж велики. По данным американского ученого Р. Нейса, соленая вода морей и океанов составляет 97,2% общего количества воды. И лишь 2,8% приходится на пресную воду, из них свыше 2% находятся в твердом состоянии (лед Антарктики, Арктики и горных ледников), 0,001% — в газообразном (водный пар атмосферы) и 0,635% — в жидком виде, причем только половина на поверхности, в реках и озерах, остальное скрыто в подземных водоемах.

Спрос на пресную воду стремительно увеличивается в результате умножения численности человечества, а также расширения промышленного и сельскохозяйственного производства. Главный потребитель воды — промышленность, но уже в недалеком будущем можно ожидать значительного усиления спроса на воду со стороны сельского хозяйства в связи с назревшей потребностью повсеместного перехода к более высокоурожайному земледелию (подсчитано, например, что для производства 1 т зерна требуется около 500 куб. м воды).

Дело, однако, даже не столько в растущем спросе на воду, сколько в катастрофическом загрязнении ее источников промышленными отходами. Каждый сброшенный в водоем без необходимой очистки кубометр использованной в производстве воды делает непригодной к употреблению в среднем 10 кубометров чистой воды (по другим оценкам — несколько сот кубометров). Главный ущерб водным запасам наносят нефтехимические и целлюлозно-бумажные предприятия. Достаточно 12 г нефтепродуктов на тонну воды, чтобы водоем погиб. Причем из-за промышленных отходов вода становится не только непригодной для питья, для обитания рыб и водорослей, но и для дальнейшего промышленного потребления.

Нехватка пресной воды все заметнее ощущается во многих городах и промышленных районах. Воду приходится перебрасывать на дальние расстояния, возводя сложные и дорогостоящие гидротехнические сооружения — водораспределительные магистральные трубопроводы и каналы, водохранилища, перекачивающие и очистительные устройства и т. п. На повестку дня встала задача опреснения морской воды при помощи атомных установок. Как ожидается, потребление воды увеличится вдвое за 20 лет, начиная с 1965 г. Озабоченность проблемой воды нашла свое отражение в Программе ООН по проведению международного гидрологического десятилетия, которая вступила в действие в 1965 г. В соответствии с программой усилиями государств — членов ООН будут учтены гидроресурсы каждого района, составлен водный баланс континентов и государств, а также изучен вопрос о воздействии человека на круговорот воды.

Конечно, прогресс науки и техники способствует решению многих из упомянутых проблем. Но это отнюдь не освобождает от необходимости считаться с последствиями быстрого роста мирового населения, учитывать их при определении перспектив развития мировой экономики и политики, разрабатывать на научной основе дифференцированную в соответствии с конкретными национальными условиями целесообразную демографическую политику. Ведь демографические факторы, которые будут действовать в следующем веке, формируются уже в наше время. Сегодня уже нельзя снимать с себя ответственность за будущее, бездумно повторяя в оправдание слова Ф. Энгельса, сказанные в иную историческую эпоху, о том, что люди коммунистического общества будут не глупее нас и сами решат, следует ли им применять какие-либо меры, если появится необходимость «регулировать производство людей» [13, стр. 124]. Профессор М. Колганов справедливо заметил по этому поводу: «Энгельс считал вопрос о народонаселении в его время «незлостовидным». Да это и понятно. Когда он писал эти строки, население было немногим больше одного миллиарда человек, существовали огромные области совершенно свободных земель во многих частях света и годовой прирост населения был меньше одного процента. Стоит это положение сравнить с современным, когда мир в основном заселен и

прирост населения превышает два процента в год, чтобы сказать: теперь самая пора приняться за решение данной задачи. Конечно, для Советского Союза эта задача не актуальна и не нашу страну я имею в виду. Но для многих стран мира она встала уже в повестку дня. Причем упустить момент — значит поставить человечество лицом к лицу со сложными задачами внутреннего и международного порядка» [357, 25.XII.1965]. И, видимо, нельзя считать лучшим способом решения проблем мирового населения освоение для жизни людей дна морей и океанов, создание подземных и надземных городов и т. п.

Еще более недальновидной, нежели игнорирование этой проблемы, является наивно оптимистическая оценка бурного роста населения Земли как закономерной и желательной предпосылки наступления космической эры, когда человек начнет обживать другие планеты. В книге «Контурь грядущего» ее авторы И. В. Лада (Бестужев) и О. Н. Писаржевский утверждали: «Городская плотность населения повсюду на земном шаре через 200—300 лет! Подобная перспектива очень беспокоит многих ученых Запада, особенно тех из них, кто не верит в возможность прокормить такую массу людей, кто не верит в предсказанную К. Э. Циолковским возможность распространения человечества по солнечной системе, а затем и по окружающей нас части Галактики. На деле человечеству вряд ли придется столкнуться когда-либо с угрозой «перенаселения» Земли. Есть веские основания полагать, что скорее ему придется встретиться с проблемой «недонаселения» — с проблемой нехватки миллиардов и миллиардов людей, необходимых для осуществления грандиозных проектов полного освоения земного шара и солнечной системы» [138, стр. 43].

Этот «оптимизм» находит свое крайнее выражение, приобретая идеалистическую окраску, в концепции географа И. М. Забелина, которая изложена им, в частности, в статье «Космос и человечество», опубликованной газетой «Комсомольская правда» 7 января 1967 г. Статья заслуживает того, чтобы привести из нее интересные выдержки.

Обратив вначале внимание читателей (кстати сказать, статья адресована многомиллионной аудитории советской молодежи) на то, что «демографический взрыв»

совпал с происходящими в мире не только социальной революцией, но и технической революцией, фантастическим по темпам развитием науки, крушением колониализма и выходом человека в космос, И. М. Забелин считает это совпадение отнюдь не случайным. «Невольно создается ощущение, — пишет он, — что человечество, как некое явление природы, как организация, «организм» исподволь готовится к выполнению каких-то новых своих жизненных функций, что какие-то внутренние причины выводят его на неведомые новые рубежи, и поэтому человечество набирается сил, перестраивается». Такими новыми рубежами, по мнению И. М. Забелина, является освоение человеком околосолнечного пространства, что невозможно выполнить «располагая всего тремя миллиардами «человеко-единиц»... Стало быть, два совершенно очевидных факта — взрывное увеличение численности людей и выход в космос — не случайно соседствуют во времени. Признавая *закономерность* (подчеркнуто автором. — Я. Г.) выхода человека в космос, мы должны признать *закономерным* и взрывной количественный рост человечества, признать его необходимым, неизбежным и, следовательно, необратимым».

Исходя из своей концепции, И. М. Забелин весьма оригинально объясняет историческую роль коммунизма, который «тоже возник закономерно, а не случайно в двадцатом веке». В связи с этим он обращает внимание на такую «внешнюю аналогию»: «Человеческие коллективы имели бесклассовую структуру на заре истории, когда враждебные им природные силы планеты требовали от них единства, коллективных усилий в борьбе со стихиями. И человечество вновь объединяется на коммунистической основе, ликвидируя всяческие классы, перед лицом космоса».

Затем он делает переход к тому, что, видимо, составляет квинтэссенцию вышеизложенных рассуждений. Освоение космоса, оказывается, еще не конечная цель. «Как на Земле, человек от освоения перейдет к управлению природными процессами. Такова миссия человечества... Стало быть, человечество, — заключает И. М. Забелин, — это орган природы, ею же созданный для управления стихийными силами, как на Земле, так и в космосе». Тут уж совсем недалеко остается до вывода о божественном происхождении человека и до-

казательства бытия бога стройностью и целесообразностью мироздания...

Провозглашать человека «венцом природы», созданным в конечном итоге для управления стихийными силами космоса, — все равно, что возвращаться к геоцентрической системе Птолемея. Наука насчитывает только в нашей Галактике примерно десять миллионов планет, на которых может существовать разумная жизнь. А что уж говорить о всей бескрайней Вселенной! Причем эта разумная жизнь может существовать и в совершенно иных, нежели на Земле, формах и обладать неизмеримо более высокой цивилизацией, чем у нас.

Что же касается исторической роли коммунизма и оптимистического характера его научной теории, уместно напомнить следующее. Не «враждебные природные силы» сами по себе, а крайне низкий уровень развития производительных сил, несовершенство орудий труда обусловили коллективную собственность на средства и на продукты производства при первобытнообщинном строе. Так же как отнюдь не задача освоения космоса, а мощное развитие производительных сил способствует возникновению коммунистической формации с ее общественной собственностью на средства производства. И весь длительный период человеческой истории со времени разложения первобытнообщинного строя до возникновения коммунизма представляет историю классово-вой борьбы — борьбы между угнетенными и угнетателями, эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных общественных этапах, — которая, как подчеркивал Ф. Энгельс в предисловии к «Коммунистическому манифесту», достигла такой ступени, когда «эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы» [9, стр. 1—2]. Таким образом, историческая роль коммунизма заключается в уничтожении эксплуатации человека человеком, в создании общества, способного обеспечить каждому своему члену удовлетворение всех его разумных потребностей — как материальных, так и физических и духовных — в постоянно возрастающих размерах.

В отличие от пессимистических выводов буржуазной социологии о невозможности познания объективных закономерностей общественного развития, о фатальной предопределенности исторических событий, о беспомощности человека перед лицом грядущего, марксистско-ленинское учение дает научное объяснение истории человеческого общества как закономерного прогрессивного процесса, основу которого составляет развитие способа производства материальных благ. Впервые получившее всестороннее обоснование в трудах Маркса и Энгельса, материалистическое понимание истории позволяет выявлять объективную необходимость среди хаотического множества случайностей и использовать полученные знания не только для правильного, научного толкования прошлых и нынешних исторических событий, но и для предвидения будущего, в том числе и возможных неблагоприятных случайностей, а также, и это главное, для практической деятельности людей, направленной на революционное преобразование общества.

Именно в признании активной исторической роли народных масс коренится оптимизм марксистско-ленинского учения. Этот оптимизм настолько чужд «оптимизму» пассивного расчета на неотвратимость экономического прогресса и всемогущество человеческого разума, насколько исторический материализм в корне отличается от вульгарного, экономического материализма. Творческий, оптимистический характер придает марксистско-ленинскому учению его диалектический метод познания действительности, который требует рассматривать события, явления общественной жизни в их развитии, в их внутренней противоречивости, требует тщательного учета и анализа конкретных фактов, различных тенденций, возможных положительных и отрицательных случайностей и т. д.

Но, возвращаясь к проблемам мирового населения, такого многопланового подхода к предмету как раз и не хватает оптимистически настроенным сторонникам, если можно употребить это определение, «демографо-космической» концепции. В своих рассуждениях они исходят из твердой уверенности в том, что, как только людям станет тесно на Земле и им потребуется покинуть ее, к их услугам будут и удобные для поселения планеты и огромные космические корабли, способные

перебросить на эти планеты миллионы и миллионы переселенцев*. Всякие скептические соображения отвергаются при помощи, как правило, единственного аргумента: мол, и до запуска первого спутника Земли высказывались сомнения, но «действительность (в который уже раз!) посмеялась над пессимистами». Между тем было бы нелишним, хотя бы в качестве одного из вариантов прогнозирования, обратить внимание на следующие достаточно хорошо известные обстоятельства.

Так, прежде всего, известно, что среди планет солнечной системы нет ни одной, где бы имелись благоприятные для жизни людей природные условия. Только при использовании гигантских технических средств (путем сооружения герметизированных куполов, предприятий по производству кислорода, воды, синтетической пищи и т. п.) можно рассчитывать на заселение Луны, Марса и, что намного проблематичнее, Венеры. Остальные планеты останутся недоступными из-за чрезмерной гравитации, или из-за чрезмерно высоких или низких температур, или из-за отсутствия твердой поверхности. Но при сохранении неизменных нынешних темпов роста человечества (как, например, того хотел бы И. М. Забелин), заселение Марса и Луны, обладающих соответственно только одной четвертой и одной пятой частью земной поверхности, никак не решило бы проблему перенаселения Земли, численность жителей которой превышала бы 1500 млрд. к 2310 г. Возможность того, что к этому времени человечество выберется за пределы солнечной системы и начнет обживать иные миры нашей Галактики, пожалуй, еще более проблематична, чем заселение Венеры.

Но в конце концов дело даже не сводится ко всем этим техническим вопросам. Вряд ли вообще можно согласиться, если не впадать в мистику, с тем, что колонизация Вселенной есть самоцель существования человечества и поэтому якобы, чем больше будет людей, тем успешнее пойдет эта колонизация. Ведь главная

* Речь здесь, разумеется, не идет о той сверхотдаленной перспективе человечества, когда ему, возможно, придется принимать меры, чтобы уцелеть в связи с истощением энергии солнца. Это событие не поддается никакому прогнозированию, поскольку произойдет не раньше, чем через миллиарды лет.

задача человека грядущего коммунистического общества — сделать прекрасной земную жизнь. Марксистско-ленинское мировоззрение глубоко враждебно религиозным идеям жертвенности, отречения от земных благ во имя счастья в «царстве небесном», и если сходные идеи всеобщего аскетизма и грубой уравнительности иногда и получают распространение среди левых политических течений в некоторых афро-азиатских и латиноамериканских странах, то это результат незрелости классовых отношений, недостаточной развитости пролетариата, в среде которого сохраняется еще очень сильное мелкобуржуазное влияние. Типичным примером является «китаизированный марксизм» Мао Цзэ-дуна, объявляющий заботу о материальном благосостоянии «низменным чувством», проявлением «буржуазного эгоизма и индивидуализма», выдвигающий лозунг: «Бедность — это хорошо». С этими реакционными положениями неразрывно связана также и пропаганда культа личности, внушающая китайскому населению, что высшее благо для человека — быть «нержавеющим винтиком Мао Цзэ-дуна», винтиком в государственном механизме.

Тем более странно встретить отголосок пресловутой «теории винтика» в упомянутой книге Лада и Писаржевского, написанной во имя прославления коммунистических идеалов. Говоря о «контурах грядущего», в том числе и о перспективах завоевания космоса, авторы патетически восклицали: «Какими же ничтожными в свете этих перспектив должны казаться мелочные заботы так называемого «маленького человека», а попросту говоря, обывателя. Каким жалким кажется идеал его «благополучия»!.. Человек — атом человечества. Поэтому целью, смыслом его жизни должно быть служение человечеству, как более высокому организму — такое же служение, какое совершается атомами элементов в организме самого человека... Человек — атом человечества. Поэтому все в его жизни — еда, одежда, жилье — суть лишь условия, средства для его служения человечеству, для его творчества во имя человечества. Рассматривание этих средств как самоцели существования человека характерно лишь на низших стадиях развития человечества» [138, стр. 374—375].

Трудно согласиться с таким выводом. Ведь в том и заключается величие социалистической революции, ком-

мунизма, что их идеалы не противостоят, а совпадают с идеалами «маленького человека», что выражаемое социалистической революцией стремление народных масс покончить с эксплуатацией, нищетой, обеспечить себе достойные человека условия как раз и являются главной целью коммунизма — создать изобилие материальных и духовных благ, утвердить принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям», причем каждый шаг вперед по пути построения коммунистического общества означает последовательное улучшение жизненных условий «простого человека», в том числе еды, одежды, жилья. Именно это имел в виду В. И. Ленин, отмечая неотделимость общественного и личного прогресса при социализме. «...Только с социализма, — писал он, — начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» [23, стр. 99—100].

Говоря же о неминуемом завоевании человеком космоса, можно утверждать, что не отчаяние из-за невыносимых условий существования в перенаселенном мире, а естественная пытливость человеческой мысли, помноженная на безграничные возможности науки и техники, поведет людей все дальше в глубины Вселенной. И если во имя счастья на Земле появится необходимость положить предел численному росту человечества, то, как писал в свое время Ф. Энгельс, именно коммунистическое общество сможет выполнить это без затруднений, поскольку лишь при коммунизме интересы отдельных семей полностью совпадут с общественными интересами и регулирование воспроизводства населения станет органической частью всей системы хозяйственного планирования.

Но означает ли все сказанное, что современный мир, заботясь о будущем человечества, должен сосредоточить все свое внимание на мероприятиях по ограничению быстрого роста мирового населения и закрыть глаза на актуальные проблемы сегодняшнего дня, в первую очередь на проблему войны и мира? Совсем напротив! Без обуздания агрессивного империализма, без устранения угрозы термоядерной военной катастрофы у человечества не будет ни настоящего, ни будущего. Вот почему судьба человечества прежде всего зависит от

успешной борьбы всех прогрессивных сил за мир, демократию, национальную независимость и социализм.

Только на основе этой антиимпериалистической борьбы, по мере ее успешного развития в мире будут складываться предпосылки для постепенного устранения неравномерности расселения человечества и более рационального использования мировых природных ресурсов.

На первом этапе решение этих проблем будет происходить преимущественно в рамках исторически сложившихся государственных границ. С ослаблением военной напряженности и переключением военных расходов на мирные цели, с утверждением в международных отношениях принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем значительно увеличится внешнеэкономическая помощь развивающимся странам и, в частности, появится возможность реализации проектов создания межгосударственных народнохозяйственных комплексов, подобных проектам всестороннего использования богатейших энергетических, минеральных и почвенных ресурсов бассейна реки Конго в Африке, или бассейна реки Меконг в Азии, или бассейна реки Амазонка в Латинской Америке. В этот период произойдет дальнейшее укрепление роли ООН как органа равноправного сотрудничества всех государств мира. Решительная демократизация международных отношений, освобождение их от всяких проявлений «холодной войны» и попыток империалистического диктата с «позиций силы» позволит Организации Объединенных Наций стать подлинным центром согласованных действий наций в достижении основных целей, записанных в ее Уставе: поддержание международного мира и безопасности; развитие дружественных отношений между нациями; осуществление их сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального и культурного характера и в поощрении уважения к правам человека и основным свободам.

Второй, более отдаленный этап — этап окончательного решения мировой проблемы народонаселения — наступит после того, как социализм станет всеохватывающей мировой системой. В процессе сплочения наций в единое социалистическое содружество, преодоле-

ния национальной замкнутости, сближения уровней развития производительных сил и условий жизни отдельных народов государственные границы потеряют свое значение и впервые появится возможность планомерного руководства мировым хозяйством, включая регулирование воспроизводства и размещения мирового населения, в интересах всего человечества.

Заключение

Общественное развитие представляет собой сложный, многообразный комплекс взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимодействующих явлений, не равновеликих по значению, к тому же постоянно меняющих свое соотношение во времени и в пространстве. Самыми сильными, первичными в этом комплексе выступают экономические факторы, которые придают всеобщей связи и обусловленности явлений характер необходимости; они составляют наиболее существенное в историческом процессе.

Тем не менее эта определяющая роль экономических факторов также остается относительной, поскольку они сами подвергаются внешнему воздействию, испытывают влияние других сил, участвующих в общественном развитии. «Один и тот же экономический базис, — писал К. Маркс, — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [4, стр. 354]. Абсолютизация экономических факторов оправдана лишь в абстрактно-теоретических научных исследованиях, когда необходимо изучать существенную, решающую связь явлений в чистом виде, освобожденную от сопутствующих, вторичных обстоятельств. Однако всякая попытка отождествить полученную таким образом абстрактную схему с живой жизнью ведет к обеднению, искажению действительности, следовательно, к неверным теоретическим обобщениям и просчетам в практике. Критикуя

подобный схематизм в объяснении истории, Ф. Энгельс указывал, что «в основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие» [14а, стр. 84].

Одной из серьезных ошибок при анализе общественного развития, если исходить из такого «шаблонного, недиалектического представления», есть объяснение демографических явлений только действием экономических факторов, недооценка биологической, социально-психологической, социально-культурной и других неэкономических сторон в процессе воспроизводства человека, и, как следствие, игнорирование определенной самостоятельности демографических явлений, позволяющей им активно влиять на общественные процессы и, в частности, оказывать обратное воздействие на экономику. Главная цель настоящей работы и заключалась в том, чтобы установить действительную роль демографических факторов в социально-экономическом развитии. Конечно, общее утверждение об определенной самостоятельности, активности демографических факторов отнюдь не свидетельствует об их универсальном единообразии. Напротив, в конкретных условиях разных стран мира в зависимости от уровня экономического и культурного развития, характера производственных отношений, особенностей политического строя и т. д. они проявляются по-разному, вызывают неодинаковые последствия и требуют проведения различной политики. В настоящей работе анализ поставленных вопросов выполнен на конкретных материалах менее развитых в экономическом отношении стран Азии, Африки и Латинской Америки, где социально-экономическое развитие происходит в условиях резко ускорившихся за последние десятилетия темпов демографического роста.

Результаты исследования позволяют сделать, во-первых, выводы общетеоретического порядка, во-вторых, выводы, относящиеся к собственно проблемам афро-азиатских и латиноамериканских стран, в-третьих, выводы, затрагивающие некоторые аспекты мирового населения. Основные положения можно кратко суммировать следующим образом.

1. Демографические явления определяются закономерностями, которые отражают двойственную природу

воспроизводства действительной жизни в человеческом обществе — взаимосвязь и взаимозависимость его биологической и социальной сторон. Изучение этих закономерностей составляет предмет самостоятельной науки — демографии. Вместе с тем демография отнюдь не охватывает все аспекты народонаселения. В процессе общественного развития демографические факторы действуют не изолированно, а сочетаясь с другими общественными явлениями. Демографические факторы испытывают на себе их влияние (в том числе доминирующее со стороны экономики), и в то же время сами влияют на них. Именно под воздействием демографических факторов возникают в различных сферах общественной жизни — в области экономики, культуры, политики и др. — специфические проблемы, так называемые проблемы народонаселения. И поскольку эти проблемы имеют комплексный характер, их изучение не может быть уделом лишь одной демографии, а требует комплексного подхода, совместных усилий ученых разных специальностей: не только демографов, но и экономистов, политиков, социологов, этнографов, географов, медиков, юристов и т. д.

По этой же причине (взаимосвязанности демографических явлений с другими общественными явлениями) демографическая политика, основывающаяся на демографических закономерностях и направленная на регулирование воспроизводства населения, может быть целесообразной и успешной лишь в общем комплексе народнохозяйственных мероприятий, только в рациональном сочетании с экономической политикой, с соответствующими практическими действиями в области культуры, образования, народного здравоохранения и пр.

2. Происшедшее за послевоенные годы в Азии, Африке и Латинской Америке значительное снижение смертности — благодаря успехам мировой медицины и энергичным противоэпидемическим и общим санитарно-гигиеническим мероприятиям национальных правительств молодых освободившихся стран, проводимым с международной помощью, — вызвало в течение короткого срока в среднем удвоение темпов роста населения и дальнейшее увеличение доли детей и подростков. В условиях унаследованной от эпохи колониализма отсталой экономики со слаборазвитой, а в ряде случаев

совсем отсутствующей современной промышленностью и малопродуктивным сельским хозяйством, скованным пережитками анахронических производственных отношений, эти демографические изменения обостряют сложные социально-экономические проблемы и создают большие дополнительные трудности для народнохозяйственного развития.

Быстрое увеличение численности населения африканских и латиноамериканских стран неизбежно ведет к возрастанию затрат на соответственно повышающиеся потребительские нужды общества, что ограничивает возможности непосредственно производительных капиталовложений, а одновременно растущая доля детского, нетрудоспособного населения означает повышение коэффициента иждивенчества. Высокий естественный прирост населения усиливает трудоизбыточность деревни, расширяет масштабы миграции сельских жителей, ускоряет процесс урбанизации, причем последний приобретает особенно уродливые формы, поскольку города переполняются многочисленными жителями, для сносного существования которых отсутствуют необходимые экономические условия. Осложняется проблема занятости, так как развивающаяся умеренными темпами экономика не успевает обеспечивать работой все более многочисленные новые контингенты трудящихся, не говоря о задаче сокращения ранее существовавшей тяжелой безработицы. Отсталое мелкокрестьянское земледелие не удовлетворяет возрастающий спрос на продовольствие из-за ускоренного прироста населения, особенно из-за быстрого увеличения численности жителей городов. Во многих районах прирост населения идет вровень или даже обгоняет по темпам сельскохозяйственное производство, в результате чего среднедушевой объем производства удерживается на низком уровне и зависимость продовольственного баланса от импорта из экономически развитых государств увеличивается. Наконец, высокий естественный прирост населения заметно уменьшает эффективность мероприятий, направленных на расширение школьного обучения, профессиональной подготовки и на ликвидацию неграмотности среди взрослых.

Так, согласно оценкам правительства Индии, в связи с увеличением численности населения страны в среднем ежегодно более чем на 13 млн. человек требуется до-

полнительно каждый год 126,5 тыс. новых школ, 372,5 тыс. учителей, 2,5 млн. новых жилищ, 1,3 млн. т продовольствия и 4 млн. новых рабочих мест. Для того чтобы удовлетворить этот создаваемый приростом населения дополнительный спрос, необходимо дальнейшее значительное расширение производства. И по мере того как все большее число стран Азии, Африки и Латинской Америки будет ускорять темпы экономического развития, укрепляя свою народнохозяйственную независимость перед лицом империалистической экспансии, освобождаясь с помощью радикальных социально-экономических реформ от отсталых производственных отношений, последовательно преобразуя на демократических началах свои политические и социальные институты, произойдет постепенное смягчение вышеупомянутых сложных проблем. В этих условиях значительную пользу может принести научно обоснованная демографическая политика, направленная на ускорение темпов уже наметившихся в отдельных развивающихся странах тенденций снижения высокой рождаемости и замедления роста населения.

Однако процесс этот будет неизбежно длительным по времени, отнюдь не обязательно синхронным в своих составных экономической и демографической частях, а, главное, происходящим совсем неодинаково в отдельных регионах и странах. И хотя к концу века ныне развивающиеся районы мира в целом несомненно достигнут более высокого экономического уровня, они все еще будут сильно отставать от передовых стран. Неизбежное увеличение численности их жителей за оставшиеся три десятилетия века примерно на 2 млрд. человек затруднит экономический, социальный и культурный прогресс, в частности способствуя углублению неравномерности развития как между отдельными афро-азиатскими и латиноамериканскими странами, так и в пределах этих стран между городом и деревней, между отдельными районами и отраслями народного хозяйства.

3. В современном мире с его всеохватывающими тесными интернациональными связями проблемы народонаселения афро-азиатских и латиноамериканских стран не замыкаются национальными рамками, а затрагивают различным образом интересы других государств, требуя тем самым международного подхода к своему решению. Человечество в состоянии успешно

решить все трудности, создаваемые быстрым ростом мирового населения, если действия народов Азии, Африки и Латинской Америки, направленные на максимальную мобилизацию внутренних ресурсов, включая и использование дифференцированных по странам демографических мероприятий для коренного переустройства экономики и культуры, будут поддержаны единой миролюбивой международной политикой экономического сотрудничества, которая поможет развивающимся странам наиболее полно воспользоваться достижениями современной научно-технической революции.

Так анализ конкретных проблем народонаселения развивающихся стран и связанных с ними проблем мирового населения с закономерной неизбежностью приводит к главному выводу современности: судьба человечества в конечном итоге зависит от успешной борьбы всех прогрессивных сил мира против агрессивного империализма, против военной угрозы, за национальную независимость, демократию, социализм. Только на основе этой борьбы возможно последовательное решение всех основных проблем социально-экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки.

ОСНОВНАЯ ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Произведения классиков марксизма-ленинизма*

1. К. Маркс, Британское владычество в Индии, — т. 9.
2. К. Маркс, Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов), — т. 12.
3. К. Маркс, Капитал, Том первый, — т. 23.
4. К. Маркс, Капитал, Том третий, — т. 25, ч. II.
5. К. Маркс, Теории прибавочной стоимости. Часть вторая, — т. 26, ч. II.
6. К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, — т. 4.
7. Ф. Энгельс, Наброски к критике политической экономии, — т. 1.
8. Ф. Энгельс, Диалектика природы, — т. 20.
9. Ф. Энгельс, Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1883 года, — т. 21.
10. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — т. 21.
11. Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств, — т. 21.
12. Ф. Энгельс, Письмо Фридриху Альберту Ланге, 29 марта 1865 г., — т. 31.
13. Ф. Энгельс, Письмо Карлу Каутскому (1 февраля 1881 г.), — т. 35.
14. Ф. Энгельс, Письмо Йозефу Блоху (21—22 сентября 1890 г.), — т. 37.
- 14а. Ф. Энгельс, Письмо Ф. Мерингу (14 июля 1893 г.), — т. 39.
15. В. И. Ленин, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, — т. 1.
16. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, — т. 3.
17. В. И. Ленин, Капитализм в сельском хозяйстве, — т. 4.
18. В. И. Ленин, Аграрный вопрос и «критики Маркса», — т. 5.
19. В. И. Ленин, Капиталистический строй современного земледелия, — т. 19.
20. В. И. Ленин, Социальное значение сербско-болгарских побед, — т. 22.
21. В. И. Ленин, Рабочий класс и неомальтузианство, — т. 23.
22. В. И. Ленин, Социалистическая революция и право наций на самоопределение, т. 27.
23. В. И. Ленин, Государство и революция, — т. 33.

* Труды К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по изд. 2 Сочинений; труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

Документы и материалы коммунистических и рабочих партий

25. «Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, 5—17 июня 1969 г.», М., 1969.
26. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961.
27. «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г.», М., 1961.

Материалы ООН*

28. «Бюллетень ООН, № 7 — 1963, С особым выделением условий и тенденций фертильности в мире, ООН, ЭКОСОС», Нью-Йорк, 1964.
29. «Доклад о мировом социальном положении за 1967 год. Краткое изложение, ООН, ЭКОСОС, 15 декабря 1967».
30. «Заявление администратора Пол Г. Гоффмана на пятой сессии Совета управляющих Программы Развития ООН, 25 января 1968 г., ПРООН, 31 января, 1968».
31. «Краткий обзор деятельности ООН в области народонаселения за последние годы. Доклад Генерального секретаря, ООН, ЭКОСОС, 9 октября 1967».
32. «Мировой демографический обзор: Городское и сельское население, 1920—1980 гг. Сводный доклад Генерального секретаря, ООН, ЭКОСОС, 22 сентября 1967».
33. «Перспективы мирового населения до 2000 года. Краткий доклад Генерального секретаря, ООН, ЭКОСОС, 20 января 1965».
34. «Последние мероприятия, связанные с программой ООН и координацией деятельности в области народонаселения, ООН, ЭКОСОС, 8 ноября 1967».
35. «Развитие и использование людских ресурсов. Доклад Генерального секретаря ООН. ч. I, ООН, ЭКОСОС, 8 мая 1967».
36. «Регулирование размера семьи и положение женщин, ООН, ЭКОСОС, 8 февраля 1968».

* Принятые сокращения: ООН (UN) — Организация Объединенных Наций, ПРООН (UNDP) — Программа развития ООН, ФАО (FAO) — Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, ЭКАДВ (ECAFE) — экономическая комиссия для Азии и Дальнего Востока, ЭКЛА (ECLA) — Экономическая комиссия для Латинской Америки, ЭКОСОС (ECOSOC) — Экономический и социальный Совет, ЮНКТАД (UNCTAD) — Конференция ООН по торговле и развитию.

37. «Увеличение производства и потребления пищевого белка, ООН, ЭКОСОС, май 1967».
38. «Agricultural Commodities, Projections for 1975 and 1985. Committee on Commodity Problem», UN, FAO, 1966.
39. «Children and Youth in National Planning and Development in Asia. UN Children's Fund Report of Conference», Bangkok, 1966.
40. «Current Status and Development of Demographic Studies Needed for Development Planning and Population Policy. Interregional Seminar on Application of Demographic Data and Studies to Development Planning», UN, ECOSOC, Kiev, 1969.
41. «Demographic Aspects of Manpower. Report I: Sex and Age Patterns of Participation in Economic Activities», UN, 1962.
- 41a. «Demographic Yearbook 1965», UN, New York, 1966.
42. «Demographic Yearbook 1966», UN, New York, 1967.
43. «Demographic Yearbook 1967», UN, New York, 1968.
44. «Domestic Efforts and the Needs for External Financing for the Economic Development of Brazil, CIAP/76, October, 1966».
45. «Economic Survey of Latin America, 1966», UN, ECLA, New York, 1967.
46. «Five-Year and Two-Year Programmes of Work in the Field of Population. Proposals of the Secretary-General. Population Commission», UN, ECOSOC, Geneva, 1967.
47. «Food and Agricultural Situation in Africa», UN, ECOSOC, 1967.
48. «Food Problem of Developing Countries, Note by the UNCTAD Secretariat», UNCTAD, 1967.
49. «Growth of World Industry, 1938—1961», UN, New York, 1965.
50. «Inquiry among Governments on Problems Resulting from the Interaction of Economic Development and Population Changes. Report of the Secretary-General», UN, ECOSOC, 1964.
51. «Measures for the Economic Development of Under-Developed Countries, UN, Department of Economic Affairs», New York, 1951.
52. «Mysore Population Study, UN, Publication, ST/SOA/Ser. A/34».
53. «Nutrition and Working Efficiency. Freedom from Hunger Campaign. Basic Study № 5», 1962.
- 53a. «Preparation of Guidelines and Proposals for the Second United Nations Development Decade—Developing Countries in the Nineteen-Seventies: Preliminary Estimates for Some Key Elements of a Framework for International Development Strategy», UN, 1968.
54. «Population Commission Report of the 13th Session», UN, ECOSOC, New York, 1965.
55. «Population Commission Report of the 13th Session. Supplement № 9», UN, ECOSOC, New York, 1965.
56. «Principles and Recommendations for 1970 Housing Census. United Nations Publications, Sales № 67. XVII. 3».
57. «Principles and Recommendations for 1970 Population Census. United Nations Publication, Sales № 67. XVII. 3».
58. «Proceedings of the World Population Conference, 1954», UN, Rome, 1954.
59. «Proceedings of the World Population Conference. Belgrade 30 August—10 September 1965, vol. I: Summary Report», UN, New York, 1966.
60. «The Process of Industrialization in Latin America. Statistical Annex, C/CN. 12 (716) Add. 2».
61. «Production Yearbook 1963», FAO, Rome, 1963.

62. «Production Yearbook 1965», FAO, Rome, 1966.
63. «Progress and Problems of Social Development in the ECAFE Region, E/CN.11/L.174».
64. «Progress Report of the Secretary-General on the Activities of the Centre for Housing, Building and Planning», UN, ECOSOC, 1967.
65. «Report of the Asian Population Conference and Selected Papers, 1963», UN, ECAFE, New York, 1964.
66. «Report on the World Social Situation, 1963», UN, New York, 1963.
67. «Report on the World Social Situation, 1967», UN, New York, 1969.
68. «State of Food and Agriculture 1964», FAO, Rome, 1964.
69. «State of Food and Agriculture 1966», FAO, Rome, 1966.
70. «Statistical Concepts and Definitions of Urban and Rural Population: National, Regional and World-Wide. Note by the Secretary-General», UN, ECOSOC, 1967.
71. «Third World Food Survey. Freedom from Hunger Campaign, Basic Study № 11», UN FAO, Rome, 1963.
72. «UN General Assembly 21-st Session. Official Records. 2nd Committee, 1099th Meeting», New York, 1966.
73. «Urbanization in Asia and the Far East. Proceedings of the Joint UN/UNESCO Seminar on Urbanization in ECAFE Region», Calcutta, 1957.
74. «World Economic Survey, 1968, Preliminary Edition», UN, ECOSOC, 1969.
75. «World Food Problem», UNCTAD, TD/48, 1967.
76. «World Population: Challenge to Development», UN, New York, 1966.
77. «World Population Prospects as Assessed in 1963. Population Studies, № 41», UN, New York, 1966.
78. «Yearbook of Labour Statistics 1964, International Labour Office», Geneva, 1964.
79. «Yearbook of Labour Statistics, 1966. International Labour Office», Geneva, 1966.

Прочие документы и справочная литература

80. «Африка, 1961—1965 гг. (Справочник)», М., 1967.
81. «Большая Советская Энциклопедия», изд. 2.
82. «Население земного шара. Справочник по странам», отв. ред. С. И. Брук, М., 1965.
83. «Население мира. Справочник», ред. Б. Ц. Урланис. М., 1965.
84. «СССР в цифрах в 1967 году. Краткий статистический сборник. ЦСУ СССР», М., 1968.
85. «Annual Report for the Year 1967, National Family Planning Board», Malaysia.
86. «Changes in Agriculture in 26 Developing Nations 1948—1963» [Washington, 1965].
87. «Draft of the Charter (English Version). Information Department», Cairo, 1962.
88. «Family Planning on Taiwan, 1964—1965. Taiwan Population Studies Center» [1966].

89. «First Five Year Plan — A Draft Outline», New Delhi, 1951.
- 89a. «Fourth Five Year Plan 1964—74. Draft. Government of India, Planning Commission» [1968].
90. «India Pocket Book of Economic Information 1965», Delhi, 1965.
91. «Presidential Message on Population. Text of Message by R. M. Nixon. July 18, 1969», Washington, 1969.
92. «Recent Changes in Urban and Rural Settlement Patterns in Latin America: Some Implication for Social Organization and Development Working Paper № 3 of the Inter-Regional Seminar on Development Policies and Planning in Relation to Urbanization», Pittsburgh, 1966.
93. «Report of the Advisory Committee on Slum Clearance», New Delhi, 1958.
94. «Second Annual Report 1967. Singapore Family Planning and Population Board».
95. «Some Facts about Family Planning Programme — Malaysia. National Family Planning Board», Malaysia, [1969].
96. «The 8th International Conference of the International Planned Parenthood Federation», Santiago, 1967.
97. «World Agricultural Situation. Review of 1968 and Outlook for 1969. Foreign Agricultural Economic Report № 50», Washington, 1969.
98. «World Food Problem. A Report of the President's Science Advisory Committee. Volume II: Report of the Panel on the World Food Supply» [Washington], 1967.
99. «World Urbanization Trends. Working Paper № 6 of the Inter-Regional Seminar on Development Policies and Planning in Relation to Urbanization», Pittsburgh, 1966.

Монографии, сборники, брошюры

100. Авербух М. С., Закон народонаселения докапиталистических формаций. (Опыт исследования), М., 1967.
101. «Аграрно-крестьянский вопрос в странах Азии, Африки и Латинской Америки», М., 1965.
102. «Аграрный вопрос и национально-освободительное движение», М., 1963.
103. Антипов-Коротаяев И. Н., Неомальтузианство и «теория» убывающего плодородия почвы на службе империализма, М., 1954.
104. Баграмов Л. А., Неомальтузианство — идеология империалистической реакции, М., 1953.
105. Баталов А. Л., Гуревич Р. П., Может ли Индия прокормить себя? М., 1961.
106. Бернал Дж., Мир без войны, М., 1960.
107. Болдырев В. А., Экономический закон населения при социализме, М., 1968.
108. Боярский А. Я., Валентей Д. И., Волков А. Г., Дарский Л. Е., Кваша А. Я., Павлов Г. А., Сифман Р. И., Смулевич Б. Я., Курс демографии, М., 1967.
109. Буренко С. Ф., Мальтузианство в работах американских географов, Л., 1954.
110. Валентей Д. И., Проблемы народонаселения, М., 1961.

111. Валентей Д. И., Реакционные теории народонаселения периода общего кризиса капитализма, М., 1963.
112. Валентей Д. И., Теория и политика народонаселения, М., 1967.
113. Варенцов К. М., Максимов М. А., Классовая структура деревни и положение крестьянских масс, — «Классы и классовая борьба в развивающихся странах», том I, М., 1967.
114. «Вопросы демографии. Материалы конференции, посвященной состоянию и задачам демографической науки на Украине», г. Киев, 27—29 октября 1966», Киев, 1968.
115. «Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. (Всеобщий симпозиум, Москва, 24—26 ноября 1966 г.)» М., 1969.
116. «Вопросы народонаселения и демографической статистики», М., 1966.
117. Герасимов Г. И., Станет ли теснее на земном шаре? М., 1967.
118. Гузеватый Я. Н., Индонезия, М., 1958.
119. Гузеватый Я. Н., Китайская Народная Республика, М., 1956.
120. Гузеватый Я. Н., Классы и классовая борьба в экономически слабых странах, М., 1963.
121. Гузеватый Я. Н., Перспективы развития мирового населения (до 2000 г.), М., 1968.
122. Гузеватый Я. Н., Программы контроля над рождаемостью в развивающихся странах, М., 1969.
123. Гузеватый Я. Н., Экономика современной Индонезии, М., 1960.
124. Дольская А. А., Капиталистический и социалистический законы народонаселения, М., 1961.
125. Дольская А. А., Социалистический закон народонаселения, М., 1959.
- 125а. Дювиньо П., Танг М., Биосфера и место в ней человека, М., 1968.
126. «Изучение воспроизводства населения», М., 1968.
127. Кастро Ж. де, География голода, М., 1954.
128. Кастро Ж. де, География голода. Голод в Бразилии, М., 1950.
129. Кваша А. Я., Сколько будет людей на земле к 2000 году, М., 1968.
130. Кларк А. Ч., Черты будущего, М., 1966.
131. «Классы и классовая борьба в развивающихся странах», т. 1—3, М., 1967—1968.
132. Кодаченко А. С., Экономическое сотрудничество развивающихся стран. (Проблемы и перспективы), М., 1968.
133. Козлов В. И., Динамика численности народов, М., 1969.
134. Козлов В. С., Естественное движение населения капиталистических стран Европы, М., 1960.
135. Коллонтай В. М., Пути преодоления экономической отсталости, М., 1967.
136. Коростелев Г. М., Рост народонаселения и общественный прогресс, Свердловск, 1968.
137. Кузьмин С. А., Развивающиеся страны: занятость и капиталовложения, М., 1965.
138. Лада И. В., Писаржевский О. Н., Контуры грядущего, М., 1965.

139. Малин К. М., Жизненные ресурсы человечества, М., 1961.
140. Мальтус, Опыт о законе народонаселения, СПб., 1868.
141. «Материалы Всесоюзной научной конференции по проблемам народонаселения Закавказья», Ереван, 1968.
142. Машбиц Я. Г., Латинская Америка, М., 1969.
143. Медовой А. И., Иностранный капитал в Индии, М., 1966.
144. «Мировая экономика», М., 1969.
145. Миронова Е. И., Продовольственная проблема в Индии, М., 1967.
146. Мирский Г. И., Политическая роль армии в странах Азии и Африки, М., 1969.
147. «Народонаселение и экономика», М., 1967.
148. «Население и народное благосостояние», М., 1968.
149. «Научные проблемы географии населения», М., 1967.
150. Озер Дж., Должны ли люди голодать? М., 1959.
151. «Основные проблемы демографической науки», М., 1969.
152. Павлов П. М., Каганов Е. Д., Социалистическое воспроизводство на современном этапе, М., 1963.
153. Петров В. В., Население Индии, М., 1965.
154. Писарев И. Ю., Население и труд в СССР, М., 1966.
155. Попов А. Я., Современное мальтузианство (Очерк критики), М., 1960.
156. Пресса Р., Народонаселение и его изучение, М., 1966.
157. «Проблемы войны и мира. Критика современных буржуазных социально-философских концепций», М., 1967.
158. «Проблемы демографической статистики», М., 1966.
159. «Проблемы развития экономики Китайской Народной Республики», М., 1958.
160. «Развивающиеся страны в борьбе за национальную экономику», М., 1967.
161. Растяников В. Г., Развивающиеся страны: продовольствие и политика, М., 1968.
- 161а. Растяников В. Г., Максимов М. А., Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии, М., 1965.
162. «Рождаемость и ее факторы. Новое в зарубежной демографии», М., 1968.
163. Россет Э., Процесс старения населения, М., 1968.
164. Рымалов В. В., Распад колониальной системы и мировое капиталистическое хозяйство, М., 1966.
165. Рындина М., Современное мальтузианство, М., 1956.
166. Рюле О., Хлеб для шести миллиардов, М., 1965.
167. Савельев Н. А., Национальная буржуазия в странах Азии, М., 1968.
168. Симония Н. А., Об особенностях национально-освободительных революций, М., 1968.
169. Слесарев Г. А., Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР, М., 1965.
170. Смулевич Б. Я., Критика буржуазных теорий и политики народонаселения, М., 1959.
171. Сонин М. Я., Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР, М., 1965.
172. «Социально-экономические последствия аграрных реформ в развивающихся странах», М., 1966.
173. «Строительство национальной экономики в странах Африки», М., 1968.

174. Треварта Г., Япония, М., 1949.
175. Тюльпанов С. И., Очерки политической экономии. (Развивающиеся страны), М., 1969.
176. Тягуненко В. Л., Проблемы современных национально-освободительных революций, М., 1968.
177. Урланис Б. Ц., Войны и народонаселение Европы, М., 1960.
178. Шляпентох В. Э., Критика современного мальтузианства, М., 1958.
- 178a. «Экономические проблемы развивающихся стран», ред. Н. В. Опарин, М., 1968.
179. «Administrative Aspects of Family Planning Programmes. Asian Population Studies Series № 1», UN, New York, 1966.
- 179a. Agrawal N. C., The Food Problem of India, Bombay, 1961.
180. «Asia Population Problems», London, 1967.
181. Barbé R., Classes Sociales en Afrique Tropicale, Paris, 1964.
182. Bonnefous E., La Terre et la Faim des Hommes, Paris, 1960.
183. Borgstrom G., The Hungry Planet, London, 1967.
184. Brown H., The Challenge of Man's Future, New York, 1954.
185. Brown L. R., Man, Land and Food: Looking Ahead at World Food Needs, Washington, 1963.
- 185a. Castro Josué de, The Black Book of Hunger, New York, 1967.
186. Clark C., Population Growth and Land Use, London, 1967.
187. Coale A. J. and Hoover E. M., Population Growth and Economic Development in Low-Income Countries, Princeton, 1958.
- 187a. Datta A., Essays on Economic Development, Calcutta, 1961.
188. Dumont R. et Rosier B., Nous Allons a la Famine, Paris, 1966.
- 188a. Ehrlich P. R., The Population Bomb, New York, 1968.
189. «Family Planning and Population Programms. A Review of World Development», The University of Chicago Press, 1967.
190. «The Food Problem of Developing Countries. Organisation for Economic Cooperation and Development», Paris, 1968.
191. Gaylor J. E., Universal Wisdom, New York, 1961.
193. Hauser P. M. (ed), Urbanization in Asia and the Far East (UNESCO Survey), Calcutta, 1957.
194. Hauser P. M. (ed), Urbanization in Latin America (UNESCO Survey), New York, 1961.
195. Hauser P. M., World Population Problems, New York, 1965.
196. Hicks J. R., Value and Capital, Oxford, 1939.
197. Hoyt H., World Urbanization: Expanding Population in a Shrinking World, Technical Bulletin № 43, Washington, 1962.
199. Keynes J. M., The General Theory of Employment, Interest and Money, London, 1960.
200. Khalatbari P., Überbevölkerung in den Entwicklungsländern, Berlin, 1968.
202. Kuznets S., Economic Growth and Structure, New York — Norton, 1965.
203. Malthus T. R., An Essay on the Principle of Population, London, 1803.
- 203a. Malthus T. R., An Essay on the Principle of Population, vol. II. London, 1826.
204. McCord W., The Springtime of Freedom, New York, 1965.
205. Ohlin G., Population Control and Economic Development, Paris, 1966.

206. Papadakis J., The Food Problem of India, Roma, 1967.
207. «Population Crisis», Washington, 1966.
208. «Population Crisis and the Use of World Resources», The Hague, 1964.
209. «Population Dynamics. International Action and Training Programms», Baltimore, 1965.
210. «Population Problems in the Pacific Congress», Tokyo, 1966.
- 210a. «Population Programm Assistance», Washington, 1969.
211. «Problems of Employment in Economic Development. Reprint Series № 2», Geneva, 1964.
212. Sauvy A., Malthus et les deux Marx, Paris, 1963.
213. Schultz T. W., Economic Crisis in World Agriculture, The University of Michigan Press, 1966.
214. Segal R., The Crisis of India, Penguin Books, 1965.
215. Sen B. R., Indicative World Plan for Agriculture Development 1965—1975—1985, UN FAO, 1966.
216. Sex K., The World's Exploding Population, Boston, 1960.
217. Staley E., The Future of Underdeveloped Countries, New York, 1961.
218. Stamp D., Our Developing World, London, 1960.
219. Thompson W. S., Plenty of People, Lancaster, 1944.
220. Thompson W. S., Population and Peace in the Pacific, Chicago, 1946.
221. Thompson W. S., Population and Progress in the Far East, Chicago, 1959.
222. Toynbee A. J., The Economy of the Western Hemisphere, London — New York — Toronto, 1962.
223. Turner R. (ed.), India's Urban Future. University of California Press, 1962.
224. «The Underdeveloped Lands: A Dilemma of International Economy», San Francisco, 1960.
- 224a. Valkovics E., Magyarország Néességének Gazdasági Korfái, Budapest, 1967/3.
225. West Q. M., World Food Needs, Washington, 1966.
226. Woddis J., Africa — The Roots of Revolt, London, 1960.
227. «World Population. A Challenge to the United Nations and Its System of Agencies», UNA — USA National Policy Panel, 1969.
228. «World Population and Food Supplies, 1980. ASA Special Publication № 6», Madison, 1965.
229. «World Population and Resources», London, 1956.

Научные доклады и статьи*

230. Араб-Оглы Э. А., Население мира в 2000 году, — «МЭМО», 1968, № 5.

* Принятые сокращения: «МЭМО» — «Мировая экономика и международные отношения», IUSSP — International Union for Scientific Study of Population, WPC — United Nations World Population Conference (Belgrade, 1965).

231. Баграмов Л. А., Глубже разоблачать неомальтузианство, — «Вопросы философии», 1954, № 5.
232. Баграмов Л. А., Современное мальтузианство, — «Критика современных буржуазных экономических теорий», М., 1958.
233. Бибииков П. А., Вводная статья к книге Мальтуса «Опыт о законе народонаселения», СПб., 1868.
234. Боярский А. Я., К проблеме демографического оптимума, — «Изучение воспроизводства населения», М., 1968.
235. Боярский А. Я., О точности прогнозов населения развивающихся стран. Межрегиональный семинар ООН по применению демографических данных и исследований в планировании развития, Киев, 1969.
236. Валентий Д., К вопросу о предмете науки о народонаселении, — «Вестник статистики», 1969, № 1.
237. Гузеватый Я. Н., Актуальные проблемы народонаселения в советской экономике, — «Изучение воспроизводства населения», М., 1968.
238. Гузеватый Я. Н., Всемирная конференция по вопросам народонаселения, — «МЭМО», 1965, № 12.
239. Гузеватый Я. Н., Демографическая наука и теория народонаселения, — «Вестник статистики», 1969, № 8.
240. Гузеватый Я. Н., Демографические аспекты социального и экономического развития в Африке. Международная научная сессия «Тенденции социального и экономического развития стран Африки», М., 1966.
241. Гузеватый Я. Н., Изменение демографической ситуации и ее социально-экономические последствия, — «Проблемы народонаселения Земли», М., 1969.
242. Гузеватый Я. Н., К вопросу о динамике рождаемости при социализме, — «Вопросы демографии», Киев, 1968.
243. Гузеватый Я. Н., Мальтузианство на службе реакционных сил в послевоенной Японии, — «Вопросы философии», 1954, № 4.
244. Гузеватый Я. Н., Мировое население и мировая политика, — «Основные проблемы демографической науки», М., 1969.
245. Гузеватый Я. Н., Народонаселение и мировая политика, — «Международная жизнь», 1967, № 10.
246. Гузеватый Я. Н., Народонаселение и социально-экономические проблемы развивающихся стран, — «МЭМО», 1965, № 8.
247. Гузеватый Я. Н., Некоторые вопросы использования рабочей силы при социализме. Erstes Internationales Demographisches Symposium, Leipzig, 1966.
248. Гузеватый Я. Н., Некоторые вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. Erstes Internationales Demographisches Symposium, Leipzig, 1966.
249. Гузеватый Я. Н., Некоторые вопросы теории народонаселения в свете современной демографической ситуации в развивающихся странах. Межрегиональный семинар ООН по применению демографических данных и исследований в планировании развития, Киев, 1969.
250. Гузеватый Я. Н., Неомальтузианцы на службе неокolonизма, — «Критика теорий современных буржуазных экономистов», М., 1963.
251. Гузеватый Я. Н., О демографических факторах внутренней миграции в развивающихся странах, — «Материалы меж-

- вузовского научного совещания по проблемам размещения и передвижения (миграции) населения», Ростов-на-Дону, 1967.
252. Гузеватый Я. Н., О политике контроля над рождаемостью в развивающихся странах. Международный симпозиум по вопросам воспроизводства населения, Варна, 1968.
 253. Гузеватый Я. Н., О так называемом «демографическом взрыве» и различных точках зрения по этому вопросу, — «Великий Октябрь и национально-освободительное движение», ч. I, М., 1968.
 254. Гузеватый Я. Н., Основные идеологические направления в современном национально-освободительном движении, — «Классы и классовая борьба в развивающихся странах», т. III, М., 1968.
 255. Гузеватый Я. Н., Проблемы народонаселения и критика современного мальтузианства, — «Современный капитализм и буржуазная политическая экономия», М., 1967.
 256. Гузеватый Я. Н., Проблемы народонаселения развивающихся стран, — «Международная жизнь», 1966, № 9.
 257. Гузеватый Я. Н., Современное мальтузианство и проблемы общественного развития в освободившихся странах, WPC/188, Белград, 1965.
 258. Гузеватый Я. Н., «Третий путь» или подлинная свобода? Перспективы общественного развития освободившихся стран, — «Международная жизнь», 1963, № 4.
 259. Гузеватый Я. Н., Что такое «демографический взрыв», — «Литературная газета», 1965, № 142.
 260. Есипов Н. С., О законе народонаселения социалистического общества, — «Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения», М., 1969.
 261. Есипов Н. С., О предмете науки народонаселения (демографии), — Сборник научных трудов (народонаселение, размещение и использование трудовых ресурсов), Выпуск I, Фрунзе, 1968.
 262. Есипов Н. С., Об оптимальности соотношения увеличения национального дохода и роста населения, — «Материалы Всесоюзной научной конференции по проблемам народонаселения Закавказья», Ереван, 1968.
 263. Жаворонков Н. М., Химия и жизненные ресурсы человечества, WPC/343, Белград, 1965.
 264. Кваша А. Я., О демографических инвестициях, — «Материалы Всесоюзной научной конференции по проблемам народонаселения Закавказья», Ереван, 1968.
 265. Кваша А. Я., О некоторых инструментах демографической политики, — «Изучение воспроизводства населения», М., 1968.
 266. Козлов В. И., О влиянии религиозного фактора на плодovitость, — «Изучение воспроизводства населения», М., 1968.
 267. Козлов В. И., О некоторых причинах плодovitости населения развивающихся стран, — «Вопросы народонаселения и демографической статистики», М., 1966.
 268. Колосова Ю. А., Слука А. Е., Современные миграции населения капиталистических и развивающихся стран и задачи их исследования, — «Научные проблемы географии населения», 1967.

269. Максимов М. А., Социально-экономические последствия аграрных реформ в несоциалистических странах Юго-Восточной Азии, — «Аграрный вопрос и национально-освободительное движение», М., 1963.
270. Максимов М. А., Растянкин В. Г., Аграрные реформы в странах Востока, — «Аграрные реформы в странах Востока», М., 1961.
271. Машбиц Я. Г., Некоторые особенности урбанизации в Латинской Америке, М., 1964.
272. Пискунов В. П., Некоторые гипотезы о связи рождаемости с уровнем благосостояния семей, — «Демографические тетради», вып. I, Киев, 1969.
273. Подъячих П., Политика планирования семьи и прогресс в развивающихся странах. Международный симпозиум по вопросам воспроизводства населения, Варна, 1968.
274. Подъячих П., Статистика и изучение проблем народонаселения, — «Вестник статистики», 1969, № 4.
275. Покишевский В. В., Об изучении урбанизации развивающихся стран и связанных с нею этнических процессов, — М., 1964.
276. Скоров Г., Тенденция развития образования в «третьем мире», — «МЭМО», 1969, № 6.
277. Скоров Г., «Утечка умов» — фактор неравенства в современном мире, — «Международная жизнь», 1969, № 6.
278. Старченко Г., «Утечка умов» из развивающихся стран, — «МЭМО», 1969, № 7.
279. Сунь Цзин-чжи, К вопросу об источниках продовольствия и росте населения, — «Дружба», Пекин, 11 апреля 1956.
280. Урланис Б., Методы прогнозирования численности и состава населения развивающихся стран. Межрегиональный семинар ООН по применению демографических данных и исследований в планировании развития, Киев, 1969.
281. Урланис Б. Ц., Проблемы роста населения земного шара и демографическая политика. Международный симпозиум по вопросам воспроизводства населения, Варна, 1968.
282. Agarwala S. N., Expenditure per Birth Prevented in India. Bombay, 1968 (Mimeographed).
283. [Agarwala S. N.], Family Planning Target for India During the Fourth Plan (Mimeographed).
284. [Agarwala S. N.], How Are We Doing in Family Planning? (Mimeographed).
285. Agarwala S. N., Socio-Economic and Demographic Characteristics of the Rural Migrants and the Non-migrants, — «Journal of Institute of Economic Research» [Dharwar], March 1968.
286. Ali Khan M., Who is Responsible for Hunger in India, — «World Marxist Review», April 1966.
287. Basavarajappa K. G., Effect of Declines in Mortality on the Birth Rate and Related Measures, — «Population Studies», London, March 1963.
288. Benham F., Protection and Underdeveloped Countries, — «Colombo Plan and other Essays». New York, 1956.
289. Berelson B., A Review of Major Governmental Programms, WPC/217, Belgrade, 1965.
290. Berelson B., National Family Planning Programms, — «Studies in Family Planning», New York, March 1969.

291. Boomen I. van den, Population and Labour Force Growth in Selected Latin American Countries, WPC/437, Belgrade, 1965.
- 291a. Bose A., The Role of Small Towns in the Urbanisation Process of India and Pakistan, IUSSP General Conference, London, 1969, B10.2.
292. Boserup M., Prospects for Population Policies. General Conference of IUSSP, London, September 1969.
293. Brackett J. B., The Evolution of Marxist Theories of Population: Marxism Recognizes the Population Problem, — «Demography», 1968, № 1.
294. Brackett J. W. and De Pauw J. W., Population Policy and Demographic Trends in the Soviet Union, — «New Direction in the Soviet Economy», Washington, 1966.
295. Brand W., Some Observations on the Relationship Between Population Increase and Economic Growth, WPC/45, Belgrade, 1965.
296. Brown L. R., The Agricultural Revolution in Asia, — «Foreign Affairs», 1968, № 4.
297. Bruton H. J., Contemporary Theorizing on Economic Growth, — «Theories of Economic Growth», Glencoe, 1960.
298. Chandra Sekhar A., Some Aspects of the Urbanisation of Population in India, IUSSP General Conference, London, 1969, S10.2.
- 298a. Chandrasekhar S., How India is Tackling Her Population Problem, — «Foreign Affairs», 1968, № 10.
- 298b. Christensen R. P., World Population Growth and Food Requirement, Washington [1967] (Mimeo).
299. Cook R. C., Soviet Population Theory from Marx to Kosygin. A Demographic Turning Point? — «Population Bulletin», Washington, 1967, № 4.
300. Dandekar K., Population Policies, WPC/489, Belgrade, 1965.
301. Datar Shri B. N., Demographic Aspects of Unemployment and Under-Employment with Particular Reference to India, WPC/296, Belgrade, 1965.
302. Demeny P., Demographic Aspects of Saving, Investment, Employment and Productivity, WPC/460, Belgrade, 1965.
303. Demeny P., The Economic of Population Control, General Conference of IUSSP, London, September 1969.
304. «Demographic Aspects of Development Planning», WPC/482, Belgrade, 1965.
- 304a. Deverell C., Recent Changes in Official, Legal and Political Attitudes to Contraception, IUSSP General Conference, London, 1969, D4.3.
305. Durand I. E., A Long-Range View of World Population Growth, — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», January 1967.
306. Easterlin R. A., Relation Between Population Pressure and Economic and Demographic Change. IUSSP General Conference, London, September 1969.
307. El-Badry M. A., Population Projections for the World, Developed and Developing Regions: 1965—2000, — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», January 1967.
308. Enke S., The Economic Aspects of Slowing Population Growth, — «The Economic Journal», March 1966.

309. Enke S., The Gains to India from Population Control. Some Money Measures and Incentive Schemes, — «Review of Economics and Statistics», May 1960.
310. Fagley R. M., Doctrines and Attitudes of Major Religions in Regard to Fertility, WPC/92, Belgrade, 1965.
311. Fortes M., A Demographic Field Study in Ashanti, — «Culture and Human Fertility», Paris, UNESCO, 1954.
312. Frederiksen H., Dynamic Equilibrium of Economic and Demographic Transition, — «Economic Development and Cultural Change», Chicago, 1966, № 3.
- 312a. Ghansah D. K., The Volume and Structure of International Migration in Africa. IUSSP General Conference, London, 1969, G 9.1.
- 312b. Goldstein S., Urbanization in Thailand, 1947—1967. IUSSP General Conference, London, 1969, G10.2.
313. Goyal R. P., Attitude Studies Relating to Family Planning in India, WPC/218, Belgrade, 1965.
- 313a. Hansen A. H., Economic Progress and Declining Population Growth, — «American Economic Review», March 1939.
314. Henin R. A., Some Aspects of the Effects of Economic Development on Fertility in the Sudan, Belgrade, 1965.
315. Hsieh S. C. and Lee T. H., The Effect of Population Pressure and Seasonal Labour Surplus on the Pattern and Intensity of Agriculture in Taiwan, WPC, Belgrade, 1965.
316. Jain S. P., Mortality Trends and Social and Economic Development in India. 11th Pacific Science Congress, Tokyo, 1966.
317. Keyfitz N., History of Demographic Theory, WPC/284, Belgrade, 1965.
- 317a. Keynes J. M., Some Economic Consequences of a Declining Population, — «Eugenic Review», London, April 1937.
- 317b. Kiser C. V., Educational Differentials in Fertility in Relation to the Demographic Transition, IUSSP General Conference, London, 1969, K6.2.
318. Kuznetz S., Demographic Aspects of Modern Economic Growth, WPC/389, Belgrade 1965.
319. Macura M., Demographic Prospects for the Next Thirty Years, IUSSP General Conference, London, 1969.
- 319a. Marshall J., Population Policies in the Light of the Papal Encyclical «Human Vitae», IUSSP General Conference, London, 1969, M4.5.
320. Martin C. J., Demographic Aspects of Capital Formation in Economies with Large Subsistence Sectors (Africa), WPC/80, Belgrade, 1965.
321. Mendels F. F., Population Pressure and Rural Industrialization in a Pre-Industrial Society, IUSSP General Conference, London, 1969.
322. Montagu J., No Room for Homo Sapiens? — «Marxism Today», London, 1966, № 6.
- 322a. Montagu J., No Room for Homo Sapiens? A Reply to Discussion, — «Marxism Today», 1967, № 3.
323. Morris T. K., Professor Malthus and His Essay, — «Population Bulletin», Washington, 1966, № 1.
324. Muhsam H. V., Critique of Two Theories on the Population Factor in Economic Growth of Developing Countries, — «World Views of Population Problems», Budapest, 1968.

325. Muhsam H. V., Education and Demography, IUSSP General Conference, London, 1969.
326. Muhsam H. V., Fertility and Reproduction of the Beduin, — «Population Studies», London, March 1951.
327. Notestein F. W., Problems of Policy in Relation to Areas of Heavy Population Pressure, — «The Milbank Memorial Fund Quarterly», 1944, № 4.
328. Notestein F. W., The Population Crisis: Reasons for Hope, — «Foreign Affairs», 1967, № 1.
329. Ohlin G., Population Pressure and Alternative Investments, IUSSP General Conference, London, 1969.
330. Oshima H. T., Food Consumption, Nutrition and Economic Development in Asian Countries, — «Economic Development and Cultural Change», Chicago, July 1967.
331. Paglin M., «Surplus» Agricultural Labour and Development Facts and Theories, — «American Economic Review», September 1965.
- 331a. Raina B. L., Population Policy in India, IUSSP General Conference, London, 1969, R4.5.
332. Rizk H., Population Growth and its Effect on Economic and Social Goals in the United Arab Republic, — «The Population Crisis and the Use of World Resources», The Hague, 1964.
333. Roberts G. W., Fertility, WPC/483, Belgrade, 1965.
334. Romaniuk A., Projection Basis for Populations of Tropical Africa, WPC/244, Belgrade, 1965.
335. Rosset E., On the Cognitive Value of Demographic Forecasts, — «World Views of Population Problems», Budapest, 1968.
336. Ryder N. B., The Character of Modern Fertility, — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», Philadelphia, January 1967.
337. Sadie Jan L., Demographic Aspects of Labour Supply and Employment, WPC/484, Belgrade, 1965.
338. Sadie Jan L., Labour Supply and Employment in Less-Developed Countries, — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», Philadelphia, January 1967.
339. Saw Swee-Hock, Pattern of Fertility Decline in Malaya, 1956—1965, — «Kajian Ekonomi Malaysia», 1966, № 1.
340. Saw Swee-Hock and Alan Chew, Birth Control Use in Malaya Paper Presented to the Conference on Family Planning and National Development, Bandung, June 1969.
- 340a. Selvaratnam S., Family Planning Programme in Ceylon, IUSSP General Conference, London, 1969, S4.1.
341. Selvaratnam S., Population Growth and Economic Development in Ceylon, 11th Pacific Science Congress, Tokyo, 1966, paper № 5.
- 341a. Sinha J. N., Labour Force in India, Pakistan and Ceylon, IUSSP General Conference, London, 1969, S5.2.
342. Smith T. E., The Control of Mortality, — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», Philadelphia, January 1967.
343. Spicer C. C., Factors Affecting Health and Mortality, WPC/461, Belgrade, 1965.
344. Sukhatme P. V., Basu D., Schulte W., Problem of Population and Resources with Special Reference to Land Use and Food Supply, IUSSP General Conference, London, 1969, S 5.5.

345. Taeuber C., Population and Food Supply, — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», Philadelphia, January 1967.
346. Taeuber I. B., Asian Population: The Critical Decades, — «The Population Crisis and the Use of World Resources», The Hague, 1964.
347. Taeuber I. B., Population Growth in Less Developed Countries, — «The Population Dilemma».
348. Ungern-Sternberg R. von, Les conséquences futures de l'accroissement différent de la population en Europe comparé à celui de l'Asie, surtout de la Chine et de l'Afrique du nord, WPC/17, Belgrade, 1965.
- 348a. Vaidyanathan K. E., Components of Urban Growth in India, 1951—61, IUSSP General Conference, London, 1969, V 10.2.
349. Weissman E., Population, Urban Growth and Regional Development, WPC/480, Belgrade, 1965.
350. Wharton C. R., The Green Revolution: Cornucopia or Pandora's Box? — «Foreign Affairs», 1969, № 3.
351. Zikry Abdel-Khalik M., Fertility Differentials of the UAR Women, WPC/201, Belgrade, 1965.

Периодика

352. «Вестник статистики», 1968—1969.
353. «За рубежом», 1966—1969.
354. «Известия», 1965—1969.
355. «Коммунист», 1966—1969.
356. «Курьер ЮНЕСКО», 1962, 1966.
357. «Литературная газета», 1965—1970.
358. «Международная жизнь», 1966—1969.
359. «Мир науки», Лондон, 1969—1970.
360. «Мировая экономика и международные отношения», 1965—1969.
361. «Наука и жизнь», 1968.
362. «Правда», 1965—1969.
363. «Советская этнография», 1968—1969.
364. «Annals of the American Academy of Political and Social Science», Philadelphia, 1965—1969.
365. «Country Profiles», New York, 1969.
366. «Demography», Chicago, 1968—1969.
367. «Economi dan keuangan Indonesia», Djakarta, 1955—1956.
368. «Economic Times», Bombay, 1966—1968.
369. «Foreign Affairs», New York, 1965—1969.
370. «International Labour Review», Geneva, 1966—1968.
371. «Marxism Today», London, 1966—1969.
372. «Morning Star», London, 1967—1969.
373. «New Age», Delhi, 1965—1968.
374. «New York Herald Tribune», New York, 1963—1966.
375. «Population», Paris, 1968—1969.
376. «Population Bulletin», Washington, 1966—1969.
377. «Population Index», Princeton, 1966—1969.
378. «Population News Letter», New York, 1968—1969.

379. «Population Studies», London, 1966—1969.
380. «Public Interest», New York, Spring 1967.
381. «Studia Demograficzne», Warszawa, 1968—1969.
382. «Studies in Family Planning», New York, 1963—1969.
383. «Times», London, 1966—1968.
384. «US News and World Report», Washington, 1966—1969.
385. «Zpravy Statni Populacni komise», Praha, 1967—1969.

Содержание

Введение. Некоторые вопросы теории народонаселения . . .	3
Часть первая. Демографический аспект проблем народонаселения . . .	43
<i>Глава I.</i> Современная демографическая ситуация и перспективы ее развития . . .	43
Величина и динамика смертности . . .	44
Величина и динамика рождаемости . . .	50
Демографический прогноз . . .	62
<i>Глава II.</i> Внутренняя миграция и урбанизация . . .	91
Основные причины и направления миграции . . .	91
Методологические трудности в определении городского населения . . .	104
Особенности, состояние и перспективы роста городского населения . . .	113
Некоторые социальные последствия урбанизации . . .	125
Часть вторая. Экономический аспект проблем народонаселения . . .	133
<i>Глава III.</i> Экономическое развитие и проблема «демографических инвестиций» . . .	133
Влияние высокого естественного прироста населения на экономическое развитие . . .	133
Экономические последствия «молодой» возрастной структуры населения . . .	144
<i>Глава IV.</i> Демографические факторы в проблеме занятости . . .	157
Состояние и перспективы формирования трудовых ресурсов в свете современной демографической ситуации . . .	157
Некоторые вопросы использования трудовых ресурсов в связи с быстрым ростом населения . . .	169
Проблема образования и подготовки квалифицированных кадров . . .	184
<i>Глава V.</i> Демографические факторы в продовольственном вопросе . . .	193
Потребление продовольствия в развивающихся странах . . .	193
Состояние и перспективы производства продовольствия и продовольственного баланса в развивающихся странах . . .	205

Потенциальные продовольственные ресурсы и реальные возможности их использования	221
Часть третья. Политический аспект проблем народонаселения	246
Глава VI. Демографическая политика в афро-азиатских и латиноамериканских странах	246
Национальные программы контроля над рождаемостью	246
Содействие ООН и других международных организаций национальным мероприятиям по контролю над рождаемостью	282
Идеологическая борьба вокруг мероприятий по контролю над рождаемостью и их действительное значение в общественном развитии	292
Глава VII. Проблемы народонаселения и мировая политика	310
Международное значение проблем народонаселения развивающихся стран	310
Мнимое и реальное в вопросе о гипотетической возможности перенаселения Земли	323
Заключение	341
Основная использованная литература	347

Нрополк Николаевич Гузеватый

**ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН АЗИИ, АФРИКИ
И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

*Утверждено к печати
дирекцией Института мировой экономики
и международных отношений Академии наук СССР*

*

Редактор *И. С. Лесных*
Художник *Е. В. Бекетов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Н. Титова*
Корректоры *Н. А. Журавлева и Н. Б. Осягина*

*

Сдано в набор 12/VI-1970 г.
Подписано к печати 15/X-1970 г.
А-09462. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага № 1. Печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 19,32
Уч.-изд. л. 20,95. Тираж 5000 экз.
Изд. № 2535. Зак. 730. Цена 1 р. 42 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я тигрография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4